

ЮСУФ
БАЛАСАГУНИ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ИЗДАНИЕ

ТРЕТЬЕ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ЮСУФ БАЛАСАГУНИ

**БЛАГОДАТНОЕ
ЗНАНИЕ**

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1990

ББК 84.Уз1

Б20

Редакционная коллегия

Ю. А. Андреев (*главный редактор*)

И. В. Абашидзе, А. Н. Болдырев,
Р. Г. Гамзатов, Н. С. Гилевич, М. А. Дудин, А. В. Западов,
М. К. Каноат, Д. С. Лихачев, А. М. Малдонис, А. А. Михайлов,
Л. М. Мкртчян, Б. И. Олейник, А. И. Павловский

Перевод

С. Н. ИВАНОВА

Вступительная статья

М. С. ФОМКИНА

Примечания

А. Н. МАЛЕХОВОЙ

Редактор Д. М. Климова

Б $\frac{4704020000-414}{083(02)-90}$ 419-90

ISBN-5-265-01481-0

© С. Н. Иванов, перевод, 1990

© М. С. Фомкин, вступ. ст., 1990

© А. Н. Малехова, примечания, 1990

© В. В. Еремин, худож. оформление,
1990

СОКРОВИЩНИЦА ВОСТОЧНОЙ МУДРОСТИ

Да будет, о мудрый, мой умысел вѣдом:
Я зов обращаю к идущему следом.

О ты, кто начнет эту книгу читать,
Познаешь ты тюркских речей благодать.

Паслось слово тюрков оленем нагорным,
А я приручил его, сделал покорным.

(192, 33, 6618) ¹

Такими словами начинается почти тысячелетняя история классической тюркоязычной литературы. Эту историю открывает величественный памятник тюркской литературы и культуры — первое, старейшее и единственное в своем роде тюркское поэтическое сочинение XI века, которое прошло сквозь толщу времени и по достоинству вписало имя своего автора в блестящее созвездие его гениальных современников — выразителей духовной культуры народов Средней Азии. Это сочинение — поэма «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»), которую без малого тысячу лет назад написал в древнем Кашгаре прозорливый мудрец и вдохновенный поэт Юсуф хас-хаджиб Баласагуни.

1

Повеял Восток благовоньем весенним,
И райским овеяло мир дуновеньем.

И горы, как будто сурьюю и хною,
Багрянцем окрасились, голубизною.

¹ Здесь и далее в скобках указываются номера цитируемых бейтов поэмы «Благодатное знание».

И серны ревятыя в цветущих полянах,
Играют маралы в просторах багряных.

И хмурится небо, и плачет навзрыд,
И радостный дол многоцветьем блестит.

(63, 69, 79, 80)

В центре Азии лежит земля, где в древности соприкоснулись несколько великих культур Востока: византийская, арабская, персидская, индийская и китайская. Впитывая их лучшие достижения и, главное, развивая свои собственные традиции, здесь тысячу лет назад начали осваивать новый для себя мир двухтысячелетней городской культуры многочисленные кочевые племена тюрков. Древнейшее название этой земли — Туран,¹ более позднее — Туркестан (страна тюрков), сегодня мы зовем ее Средней Азией.

В IX веке в Туркестане, где до того господствовала иранская династия Саманидов, возникло новое тюркское государство — империя Караханидов, которая просуществовала до начала XIII века. Династию Караханидов, или, как их еще называли современники, «Дом Афрасьяба», «Мулюк аль-хакания» («Властители империи»), основали ханы, принадлежавшие к тюркскому племени карлуков. Карлуки и стали господствующим племенем в Караханидской державе, которая в период своего наибольшего могущества включала в себя Мавераннахр, Фергану, Семиречье, Кашгарию, то есть огромную территорию от Хотана (Синьцзян) до берегов Амударьи.² В империи было два центра: на востоке — город Кашгар, на западе — город Баласагун. Кашгар сами тюрки называли Ордукент («ставка», «столица»), а Баласагун — Кузорду. В X веке караханидские тюрки первыми среди тюркских племен приняли ислам — религию оседлого населения, который постепенно распространялся и среди кочевников. В XI веке властитель Караханидской державы, владевший многими городами Средней и Центральной Азии, среди которых были такие жемчужины Востока, как Самарканд и Бухара, уже носит запечатленный на монетах громкий титул: «Малик аль-машрик ва-с-син» — «Властитель Востока и Китая». Упоминание о владычестве над Китаем имело чисто символическое значение: такие титулы применялись для указания на то, что данный правитель господствовал на границе с какими-нибудь немусульманами.

¹ Пояснения географических названий, исторических имен, специальных терминов, непереуведенных слов и т. п. см. в Словаре.

² Подробнее о государстве Караханидов и культуре караханидских тюрков см.: История Киргизской ССР: Т. 1. С древнейших времен до середины XIX века. Фрунзе, 1984. С. 290—380.

Империя Караханидов состояла из трех основных уделов: Мавераннахра, Семиречья и Восточного Туркестана, однако в результате бесконечных междоусобных столкновений, борьбы за власть, за лучшие уделы и пастбища происходило дальнейшее дробление страны, что подтачивало устойчивость и мощь государства и привело в итоге к его распаду и гибели: в 1130 году Караханидское государство было завоевано хорезмшахами, а в 1212 году в Самарканде хорезмшахом Мухаммедом был казнен последний представитель западнокараханидской династии.

Тем не менее период господства Караханидов ознаменовался для всех частей их обширной империи значительными экономическими, социальными и культурными сдвигами, причем — в положительную сторону. При караханидском завоевании Средней Азии не было массовых разрушений и опустошений.¹ Города не разрушались, а возделанные земли не превращались в пастбища. Сохранялось население — и городское, и земледельческое. Города Мавераннахра и Семиречья, которые в это время переживали бурный рост за счет расцвета рабадов — торгово-ремесленных кварталов, были настоящими центрами цивилизации: в них шумели восточные базары, кипела работа бесчисленных ремесленников, изготавливавших глиняную посуду, медную утварь, стекло, удивительные художественные изделия; в них работали замечательные строители, творения которых и по сей день стоят на земле, а в тихих худжра — кельях — на многих языках Востока писались сочинения, которым суждено было пережить века.²

«Сад повелителя правоверных» — так называли Среднюю Азию XI века восхищенные путешественники и географы того времени. Действительно, XI век для Туркестана и соседнего, тесно связанного с ним Ирана — эпоха удивительного культурного расцвета. Поражает многообразие его проявлений. Это время гениальных ученых, бессмертных поэтов, замечательных зодчих. Среди них — уроженец города Тус в Хорасане, автор гениальной поэмы «Шахнаме» Абулькасим Фирдоуси (ок. 935 — ок. 1020); уроженец Хорезма, ученый-энциклопедист Абу Рейхан Бируни (973—1048); уроженец Бухары, ученый, врач и поэт Абу Али Ибн Сина, известный в Европе как Авиценна (980—1037); уроженец Нишапура, математик, астроном и поэт-философ Омар Хайям (ок. 1048 — после 1122). Удивляет и восхищает, что Бируни еще в XI веке определил длину окружности

¹ Подробнее см.: Кляшторный С. Г. Эпоха «Кутадгу билиг» // «Сов. тюркология». 1970, № 4. С. 82—86.

² Подробнее см.: Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Соч. М., 1963. Т. 2, ч. 1. С. 246—247 (далее сокращенно: Бартольд В. В. История культурной жизни).

Земли и в противовес всем догмам полагал, что Земля вращается вокруг Солнца.

В Туркестане того времени широко использовались три языка: тюркский, арабский и персидский. Тюркский язык в культурных областях Туркестана был языком пришельцев из степи, кочевников, которые переходили к оседлости и благодаря своей многочисленности не только сохраняли свой язык, но и распространяли его среди туземцев; начинался процесс постепенной тюркизации края. Арабский был языком религии, науки, юридического делопроизводства, отчасти — поэзии. Персидский расцветал в прекрасных поэтических образцах, например, бухарского литературного круга, будучи при этом в Туркестане уже с X века также и языком богословской литературы.¹ Все три языка использовали один общемусульманский алфавит — арабский, но, чтобы писать по-тюркски, использовался также и второй алфавит — уйгурский. Вообще же собственная тюркская письменность восходит к еще более древним временам, которые представлены тюркскими руническими памятниками VII века.²

В культурной жизни Туркестана в ту пору особую роль играли две тюркские столицы — города Баласагун и Кашгар: первый — в Семиречье, в Чуйской долине, «большой, многолюдный и богатый город», по словам арабского географа X века аль-Мукаддаси;³ другой — цветущий оазис в мертвой пустыне Такла-Макан у подножия великого Тянь-Шаня. Через них в то время проходил «Великий шелковый путь» между Китаем и Византией, по которому везли драгоценный китайский шелк и фарфор, а вместе с этим — бесценные рукописи со всего Востока и бесчисленные рассказы о других странах, о других людях, о другой человеческой культуре. Именно через Кашгар прошел в XIII веке караван венецианских купцов, среди которых был и описавший увиденное Марко Поло. В XI веке эти города являлись восточными форпостами мусульманского мира и были главными центрами нарождающейся тюркоязычной мусульманской литературы.

Судя по большому числу сохранившихся имен поэтов и писателей, литература караханидского периода в Средней Азии была, очевидно, довольно значительна. Имена многих писателей XI века из Кашгарии перечисляет, например, в своем труде «Китаб аль-ансаб» («Книга нисб») биограф Самани Абу Саид (ум. 1113). Однако в большинстве случаев кроме имен о литераторах неизвестно более ничего: их сочине-

¹ См.: Бартольд В. В. История культурной жизни. С. 194—195.

² Подробнее см.: Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников: VII—IX вв. Л., 1980.

³ Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья // Соч. М., 1963. Т. 2, ч. 1. С. 40 (далее сокращенно: Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья).

нии канули в небытие. Но, по счастью, в Кашгаре XI века вырос и получил образование Махмуд Кашгари — первый ученый-тюрколог, без преувеличения — великий филолог того времени, автор драгоценного «Словаря тюркских языков» («Диван лугат ат-турк»), чудом дошедшего до наших дней в единственной рукописи. Из его труда мы знаем, что у караханидских тюрков была своя богатая народная поэзия, совершенно не подверженная персидскому влиянию.¹ Была, конечно, и авторская тюркоязычная поэзия, но роль и место поэтов-тюрков в культурной жизни Туркестана были, видимо, весьма скромны. Тюркские правители в завоеванных ими областях Средней Азии подчинялись влиянию местной (персидской) культуры и не только держали при своем дворе персидских поэтов, но и сами писали персидские стихи. «В коренных культурных областях Туркестана мы,— пишет академик В. В. Бартольд,— в домонгольскую эпоху не видим никаких попыток создать литературу на турецком (т. е. тюркском.— М. Ф.) языке».²

Таким образом, «слово тюрков», вчерашних кочевников, все еще «паслось оленем нагорным». Чтобы «приручить» его, придать ему в тех условиях авторитет книжной, придворной литературы, нужно было творческое усилие и талант настоящего поэта. Им и стал тюрк Юсуф хасс-хаджиб Баласагуни, с законной гордостью написавший в начале своей поэмы «Благодатное знание»:

Да, книг у арабов, таджиков немало,
А нашу речь сия — лишь начало.

(73)

Переплавливая в своем творческом горении несколько литературных традиций и стоя на благодатной почве устной словесности тюрков, Юсуф Баласагуни создает монументальное эпическое творение, великий памятник тюркоязычной поэзии, достойный быть названным в ряду крупнейших произведений мировой литературы средневековья.

2

Четыреста да шестьдесят да второй
Шел год, как я этому слову дал строй.

Не думой о славе я был одержим,
Желал людям благ я — своим и чужим.

¹ См.: Бартольд В. В. История культурной жизни. С. 203.

² Там же. С. 256.

Наследство живому от мертвого — слово,
И польза верна от наследья такого.

Живой и живущий! Меня не забудь,
Когда под землей мне придется заснуть!

(6496, 6503, 270, 6508)

Обессмертивший свое имя Юсуф родился в г. Баласагуне, от названия которого происходит нисба поэта — Баласагуни. От Баласагуна на земле осталось только название. Стоял он на территории современной Киргизской ССР, на берегах реки Чу, неподалеку от нынешнего г. Токмак. С находящимися здесь развалинами городища и башни Бурана — огромного минарета, построенного в начале XI века, ученые и отождествляют Баласагун. Город погиб, вероятно, во время бесконечных распрей в XIV веке. Уже в XVI веке восточные историки знали его название только из книг.¹

Удивительно, но факт: ни Юсуф Баласагуни, ни его современник и земляк Махмуд Кашгари — выдающиеся деятели тюркоязычной культуры своего времени — не упоминаются ни у одного восточного биографа или библиографа.² Поэтому все наши сведения о Юсуфе Баласагуни состоят лишь из кратких данных, содержащихся в самом его сочинении.

«Четыреста да шестьдесят да второй» год хиджры, когда поэт закончил свой труд, соответствует 1069—1070 годам европейского календаря. Юсуф писал свою поэму, будучи весьма в преклонных годах по понятиям того времени:

А мне пятьдесят, и немолод я телом,
Был вороном черным, стал лебедем белым.
(365)

Что сделал я вам, пятьдесят моих лет?
За что ваша месть насылает мне бед?
(369)

Исходя из этих цифр и с учетом различных поправок дата рождения Юсуфа приходится на 1015—1018 годы. Дату и место смерти,

¹ Подробнее см.: Бартольд В. В. Баласагун // Соч. М., 1965. Т. 3. С. 355—357; Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. // Соч. М., 1966. Т. 4. С. 50—57; Массон М. Е., Горячева В. Д. Бурана: История изучения городища и его архитектурных памятников. Фрунзе, 1985.

² Кононов А. Н. Слово о Юсуфе из Баласагуна и его поэме «Кутадгу билиг» // «Сов. тюркология». 1970, № 4. С. 4.

а также место захоронения Юсуфа Баласагуни мы, видимо, уже никогда не узнаем. О себе поэт в прозаическом предисловии к поэме пишет: «Сочинитель сей книги — уроженец Баласагуна, муж воздержанный и благочестивый. Завершил же книгу сию он в Кашгаре и представил ее ко двору властителя Востока Табгач-хана; повелитель почтил и возвеличил сочинителя, дав ему титул хасс-хаджиба; по сему и известна слава имени его — Юсуфа, Великого хасс-хаджиба». Полное имя и титул «Властителя Востока и Китая», которому поэт преподнес свой труд, звучали так: Табгач-Богра-Кара-хакан Абу Али Хасан, сын Сулеймана, Арслан-Кара-хакана (правил в 1056—1103 гг.).¹ Поэт в своей поэме называет его Табгач-Кара-Богра-хан (китайский великий Богра-хан). Улуг хасс-хаджиб — это высокое придворное звание, обладатель его был главой всего придворного штата. В современном понимании это звание примерно соответствует «министру двора».²

Улуг хасс-хаджиб — всевидящее око правителя; он наблюдает за исполнением законов и обычаев, входит в сношения с казначеем, писцами, ремесленниками, принимает и провожает послов, наблюдает за правильной организацией официальных церемоний, выслушивает просьбы и жалобы бедняков, вдов и сирот, докладывает о них элику (правителю), то есть Табгач-Кара-Богра-хану:

Все знать и радеть обо всем до конца
Великий хаджиб должен в поте лица.

И если подумать, суть дел разумея,
Служенье хаджиба — всех служб тяжелее.

(2483, 2484)

Так говорит об этой должности сам Юсуф Баласагуни и обстоятельно перечисляет качества того, «кто быть всем хаджибам главою пригоден»:

«Хаджиб, десять свойств твою честь вознесут:
Всё видя и слыша, будь сердцем не крут,

Будь ладен и статен, умен и красив,
Сметлив будь и мудр, ведай дело и труд».

(2487, 2488)

¹ Бартольд В. В. Богра-хан, упомянутый в «Кутадгу билик» // Соч. М., 1968. Т. 5. С. 420.

² Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского «Благодатное знание» // Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Издание подготовил С. Н. Иванов. М., 1983. Лит. памятники. С. 501 (далее сокращенно: Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского).

Из поэмы Юсуфа Баласагуни с полной очевидностью устанавливается, что он «был выдающимся поэтом, высокообразованным человеком, многомудрым знатоком человеческой души, философом, ученым-энциклопедистом, стихотворцем, владевшим всеми тонкостями арабской и персидской поэзии и тюркского фольклора; он был сведущ в астрономии и математике, в медицине и элоквиенции, в игре в шахматы и народных спортивных играх, в охоте и птицеводстве и во многом, многом другом».¹ Это не удивительно — на средневековом мусульманском Востоке придворный поэт, чтобы считаться таковым, должен был пройти обязательный — и весьма обширный — курс наук. В сочетании с талантом, интеллектом и собственным опытом это давало литературе поистине вершинные поэтические явления.

3

Бессчетны владыке всевластья даянья,
Мой дар — этот свод, «Благодатное знание».

Дары те не вечны — удел их таков,
А мой будет вечен во веки веков!

Что накопишь, сберешь — всё уйдет незаметно,
А слава письмен неизбывна, всесветна!

(112, 113, 114)

Пророческими оказались слова мудреца из Баласагуна — девять веков беспощадного времени оказались не властны над его творением.

Своеобразный нравственный кодекс своего времени, «Благодатное знание» — эпическое произведение этико-дидактического характера, написанное с целью указать путь, ведущий к познанию мудрости правления, житейского обихода и обращения с людьми. При всей своей моралистической направленности «Благодатное знание» не является и не может считаться, как иногда на этом настаивают, книгой сухих этико-дидактических наставлений и поучений. Это — философское произведение, в котором анализируются смысл и значение человеческой жизни и определяются обязанности и нормы поведения человека в обществе; при этом Юсуф не боится критиковать общество, в котором он сам живет.²

Этико-моралистические сочинения были давно и широко известны

¹ Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского. С. 517.

² Там же. С. 506—507.

на Востоке и на Западе. Этот жанр был известен древним египтянам, индийцам, арабам («Китаб аль-адаб аль-кабир» — «Большая книга наставлений», «Уюн аль-ахбар» — «Источники известий»), персам («Сиясетнаме» — «Книга о правлении», «Кабуснаме» — «Книга Кабуса», «Пенднаме» — «Книга наставлений»), а позже и европейцам, которые в эпоху Ренессанса, то есть почти пять веков спустя после «Благодатного знания», для выражения тех же идей пользовались формой «зерцал», отображавших их этические идеалы. У французов было «*Miroir des Princes*» — «Зерцало государей»; у англичан «*Mirror of Princes*» — «Зерцало государей»; у немцев «*Fürstenspiegel*» — «Княжеское зеркало»; у славян близкими к этому жанру были свои нравоучительные книги: старославянский «Златоструй», русский «Златоуст», «Домострой» и другие.¹

В оригинале поэма Юсуфа Баласагуни носит название «Кутадгу билиг», которое все исследователи этого шедевра тюркоязычной поэзии переводили примерно одинаково: «Знание, приносящее счастье», «Знание, делающее счастливым», «Наука быть счастливым». Имея в виду другие значения слов, образующих название поэмы, высказывались предположения, что «Кутадгу билиг» может также значить «Наука об управлении», «Осчастливливающее управление» и «Знание, образующее царей». Действительно, эти переводы хорошо отвечают этико-дидактическому содержанию поэмы, основная идея которой направлена на воспитание и обучение идеального правителя.²

С. Н. Иванов — автор первого полного русского поэтического перевода «Кутадгу билиг» — предложил свой, краткий и вместе с этим предельно емкий перевод названия поэмы: «Благодатное знание». Это заглавие адекватно тюркскому названию не только по смыслу, но и по своей языковой архитектонике.

Композиционно «Благодатное знание» включает в себя два предисловия — прозаическое и стихотворное, 85 глав различного объема, заключение, состоящее из трех стихотворных фрагментов, и большое оглавление, авторская принадлежность которого остается под вопросом.

В связи с этим обратим внимание также на прозаическое и стихотворное предисловия к поэме, где поэт говорит о большой популярности его собственного сочинения на всем Востоке:

В восточных краях и у тюрков повсюду
Ей равная книга неведома люду.

¹ Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского. С. 517.

² Подробнее см.: Там же. С. 496—497.

И в разных пределах и градах столичных
Дано книге много названий различных.

(19, 26)

Как можно толковать такие высказывания по отношению к только что (или: еще не) написанной книге? Некоторые ученые предполагают, что либо оба предисловия написаны позднее и не автором «Благодатного знания», либо они написаны им, но предназначались для другого сочинения. Думается, что ближе к истине объяснение академика А. Н. Кононова: «По-видимому, речь здесь идет не столько о популярности самой поэмы, сколько о широком распространении сочинений подобного жанра».¹

Памятник огромен по объему: 6722 бейта — самых малых единиц законченной поэтической мысли — составили «Благодатное знание». Бейт (по-арабски буквально: «дом») — это основная единица стиха в литературах так называемого мусульманского региона — арабской, персидско-таджикской и тюркских. Каждый бейт — это отдельный стих, состоящий из двух полустиший (мисра). В восточных рукописях бейт записывался в одну строчку, а между мисра некоторые переписчики ставили другими чернилами какую-нибудь звездочку. Так же размещается бейт и в современных арабографичных изданиях. Однако в европейской переводческой традиции два мисра — эти половинки бейта — располагают не в одну строку, а одно под другим, то есть в виде двух строчек. В жанре месневи — наиболее крупной стихотворной форме, в которой и написано «Благодатное знание», мисра рифмуются между собой, и основная часть поэмы имеет схему рифм *аа*, *бб*, *вв* и т. д. Однако три ее заключительных фрагмента написаны как более мелкие поэтические формы — касыды или газели и имеют, соответственно, другую схему рифм: *аа*, *ба*, *ва* и т. д. Такая внешняя смена формы имеет здесь и внутреннее, смысловое основание: эта часть поэмы представляет собой не что иное, как прощальную исповедь поэта, проникнутую по-настоящему лиричным, очень искренним человеческим чувством.

Таким образом, общее число рифмующихся строчек в «Благодатном знании» превышает 13 тысяч.

Очень часто в текст поэмы искусно вплетаются афористические высказывания, своеобразные цитаты в форме рубай — четверостишия со схемой рифм *ааба*. Таких четверостиший более двухсот. Остается только гадать, действительно ли это включение «чужих» стихов в текст сочинения или же это литературный прием. Во многих случаях эти рубай производят впечатление вплавленных в авторский текст фольклорных речений — пословиц и поговорок тюрков, тем более что не-

¹ Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского. С. 499, 507.

которые из них Юсуф Баласагуни и предваряет соответствующим образом: «У тюрк об этом присловие есть, И здесь его к месту хочу и привесть» (273), «Хранит речи мудрые тюркский язык, Послушай, что молвил премудрый старик» (667), «Послушай, что речь наших предков гласит, Пословицы предков хранить надлежит» (1638). Такое же ощущение фольклорности возникает и в других, не «оговоренных» автором случаях, например:

Есть к этому слову еще одно слово,
Внемли его смыслу, муж сердца благого:

«Разумному счастьем дается почет,
И в почестях жизнь его с честью течет.

Безмозглый и счастье не может хранить:
Глядишь, что ни день — а уже недочет!»

(1713, 1714, 1715)

Поэма Юсуфа Баласагуни — первое известное науке тюркоязычное сочинение, написанное количественным стихотворным метром — арузом, заимствованным из арабо-персидской поэзии. Основу аруза составляет определенное чередование долгих и кратких слогов, что соответствует фонетическим особенностям арабского языка, где и возникла эта система стихосложения. В тюркских языках отсутствуют природные фонетические основания для аруза, и поэтому первые тюркоязычные поэты должны были проявить большую изобретательность и виртуозное мастерство, чтобы приспособить эту систему стихосложения к строю своего языка. В дальнейшем арузом были созданы многие и многие высокохудожественные произведения тюркской поэзии, но слава первопроходца на этом пути по праву принадлежит Юсуфу хасс-хаджибу из Баласагуна.

Как система аруз включает в себя несколько десятков размеров — метрических моделей. Для своей поэмы Юсуф Баласагуни избрал восьмистопный усеченный мутакариб. Он характеризуется наличием трех трехсложных стоп и одной двухсложной, причем каждая трехсложная стопа состоит из одного краткого и двух долгих слогов, а двухсложная — из краткого и долгого слогов. Таким образом, общее число слогов в одном мисра — 11: \surd — — / \surd — — / \surd — — / \surd —. Три заключительных фрагмента написаны полным мутакарибом, то есть без усечения последней стопы. Выбор такого размера представляется неслучайным. Во-первых, одиннадцатисложник — это очень распространенный размер в тюркской народной (силлабической) поэзии, следовательно, он в определенной мере привычен для тюрков, а во-вторых, мутакарибом же написан и гениаль-

ный героический эпос Фирдоуси «Шахнаме», отзвуки которого постоянно слышны в поэме Юсуфа Баласагуни.

Здесь мы часто говорим, что «Благодатное знание» — памятник тюркоязычной поэзии, но на каком же из тюркских языков (по современной классификации) написана поэма? Какой народ может считаться наследником этого богатства? В прозаическом предисловии к поэме говорится: «... в государствах Туркестана никто не составил свода лучше этой книги, сочиненной на языке бограхановском и тюркской речью». Названный поэтом бограхановский язык — это письменно-литературный язык, распространенный в Караханидской державе (840—1212) эпохи правления хана ханов Табгач-Кара-Богра-хана, что подчеркивает и сам Юсуф Баласагуни, говоря о своей поэме: «Она — Бограханова времени слово, И ханская речь — ее суть и основа» (23). Ученые предполагают, что бограхановскому языку Юсуфа Баласагуни соответствует язык, названный у Махмуда Кашгари, автора «Словаря тюркских языков» (составлялся в течение 1072—1083 гг.), хаканским, который Махмуд считал самым чистым и самым приятным на слух среди других тюркских языков. Однако в современной тюркологии до сих пор нет единого мнения по вопросу определения языка поэмы, который с точки зрения классификации тюркских языков относится к их юго-восточной, или среднеазиатской, группе. Обобщая многочисленные предположения разных ученых, академик А. Н. Кононов пишет: «...язык поэмы Юсуфа Баласагунского можно было бы называть по признаку его высоких достоинств хаканско-тюркским, по династийному признаку караханидско-тюркским, караханидско-уйгурским, судя по племенной принадлежности — карлукским, а по культурно-историческому признаку — карлукско-уйгурским». ¹ Таким образом, в наиболее общем виде речь идет о древнеуйгурском (ныне мертвом) письменно-литературном языке, имевшем длительную историю своего развития. Много столетий назад умолкла речь на этом языке и он стал недоступен даже для самих носителей современных тюркских языков. При этом, однако, надо помнить, что подданные Караханидов не называли себя уйгурами и для Юсуфа Баласагуни язык, на котором он писал, не был *уйгурским*. ² Но главный для нас вывод ученых заключается здесь в следующем.

«Благодатное знание» — памятник литературного языка смешанного карлукско-уйгурского типа, и какие бы из современных тюркских языков мы ни признали его ближайшими преемниками (прямой и непрерывной преемственности с «Благодатным знанием» у более

¹ Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского. С. 504.

² Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Соч. М., 1968. Т. 5. С. 114 (далее сокращенно: Бартольд В. В. Двенадцать лекций).

поздних литературных тюркских языков нет), это выдающееся сочинение имеет все основания считаться общим достоянием тюркоязычных литератур среднеазиатского региона.¹

Девять столетий беседуют между собой четыре главных героя Юсуфа Баласагуни. Их беседы — о смысле бытия, о человеческом счастье, о достоинствах, которыми должен обладать человек, об идеальном устройстве общества — и составляют основное содержание поэмы. «Основа сей книги,— пишет мудрец из Баласагуна,— несколько непреходяще ценных суетей: первая — Справедливость, вторая — Счастье, третья — Разум, четвертая — Неприязательность». Их воплощением и предстают герои «Благодатного знания». Элик Кюнтогды (его имя означает: «Солнце взошло», «День занялся») аллегорически олицетворяет собою Справедливость (Правду), Айтолды (дословно: «Полнолуние», «Луна стала полной») символизирует Счастье, Огдюльмиш («Достохвальный») являет в себе свойства Разума (Ума), мудро сдержанный и скромный Одгурмыш аллегорически представляет Неприязательность.²

Как отмечает С. Н. Иванов, беседы героев и их письма, в которых находят отражение «вечные истины» и вневременные нравственные ценности, затрагивают множество различных тем, в их числе — три основные: о неотвратимости смерти и необходимости помышлений о грядущей вечной жизни (не будь беспечным, твори добро, оставь по себе доброе имя), о тщете мирских соблазнов и необходимости служения богу, о непостоянстве суетных благ и необходимости ценить непреходящее (добро, справедливость, ум и знания, сдержанность, щедрость и т. п.). При этом фабула «Благодатного знания», то есть последовательность событий, весьма проста. Айтолды, влекомый молвой о могуществе и справедливости элика Кюнтогды, поступает к нему на службу и становится его ближайшим советником и собеседником. После смерти Айтолды доверенным сподвижником элика становится его сын Огдюльмиш. Для пользы государства Огдюльмиш пытается привлечь на службу при элике своего родственника, мудреца-отшельника Одгурмыша, но тот, так и не согласившись, умирает. Элик и Огдюльмиш печалются об усопшем, прославляя доблести мужей, подобных умершему.³

Сюжетная часть поэмы — собственно беседы — начинается с главы 12. Первые четыре главы — это традиционное и обязательное в мусульманских литературах восхваление Аллаха, пророка Мухам-

¹ Иванов С. Н. О «Благодатном знании» Юсуфа Баласагунского // Юсуф Баласагунский. Благодатное знание/Издание подготовил С. Н. Иванов. М., 1983. Лит. памятники. С. 531 (далее сокращенно: Иванов С. Н. О «Благодатном знании»).

² Подробнее см.: Там же. С. 521—522.

³ Там же. С. 523—524.

меда, четырех первых халифов и властвующего правителя, которому подносится сочинение. При этом, как подчеркивает академик А. Н. Кононов, Юсуф, будучи правоверным мусульманином, вместе с тем является истинным представителем своего народа, что проявляется в употреблении им в религиозной сфере исконно тюркских слов вместо традиционно принятых арабских.¹ Пятая глава — описание Зодиака, также традиционное, а главы 6—11 являются своеобразным введением к основной части, в котором Юсуф излагает свое восприятие мира и славит самые ценные для него в этом мире вещи — знание и учение, добрые дела и человеческую речь.

Наряду с множеством тем основной части сочинения в ней в отдельных главах (иногда эти главки очень небольшие — десяток-другой бейтов) описываются качества, необходимые беку, везиру, военачальнику, хаджибу, управителю дворца, послу, писцу, казначею, повару, виночерпию, ученому, лекарю, толкователю снов, магу, звездочету, стихотворцу, земледельцу, скотоводу, ремесленнику, торговцу и многим другим людям. Все общество — снизу доверху — охватило зоркий взгляд мудрого хасс-хаджиба.

Действительно, в художественно преображенном виде в сочинении Юсуфа отражена среда, современная автору, — персонажи, события, морально-этические и нравственные идеалы, связанные с жизнью, культурой и идеологией оседлой тюркской государственности, еще прочно сохраняющей память о своей кочевой «предыстории».² В своих поучительных иносказаниях Юсуф, конечно, мысленно проецирует идеальные образы людей на фон, состоящий из людей невыдуманных, живых. Но, несмотря на это, не следует, как подчеркивал академик А. Н. Кононов, искать в его поэме точного отображения повседневной жизни современного ему общества, которая проглядывает сквозь поэтическую оболочку, через вуаль иносказаний, — ведь Юсуф Баласагуни был прежде всего поэтом.³

Никто не знает — что, какие обстоятельства вызвали к жизни «Благодатное знание» Юсуфа Баласагуни. В более широком плане известно, что на средневековом Востоке существовал своеобразный «социальный заказ» на книги об управлении государством: так, сельджукский правитель XI века Абу-л-Фатх Малик-шах устроил среди своих советников даже своего рода конкурс на лучшую книгу об управлении государством, и таковой стала «Сиясетнаме» («Книга о правлении») везира Низам ал-Мулка.⁴

¹ Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского. С. 509.

² Иванов С. Н. О «Благодатном знании». С. 520.

³ Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского. С. 507—508.

⁴ Сиясетнаме: Книга о правлении везира XI столетия Низам ал-Мулка. М.; Л., 1949. С. 7 (далее сокращенно: Сиясетнаме).

Возможно, Юсуф Баласагуни ощущал настоятельную необходимость в создании новой морально-этической основы для современного ему общества, в котором происходили непрестанные и губительные для общего благополучия усобицы между претендентами на власть.¹ Упорядочить на этой основе жизнь недавних кочевников во всех ее сферах, внести в нее стройную организацию призван был, по мнению Юсуфа, бек — «и мудрый, и умный, и правый» (2168), который должен дать подвластному народу главное — закон:

И, чтобы крепить свою власть год за годом,
Закон, а не силу поставь над народом.

Где беком надежный закон утвержден,
Страна там в поре благодатных времен.

Насилие — пламя, что насмерть сожжет,
Закон — это благо живительных вод!

(1435, 2017, 2032)

Здесь, отвлекаясь от темы, нельзя не удивиться прозрениям поэта древности, правота которого подтверждена временем. Благодаря Юсуфу Баласагуни в тюркоязычной культуре уже с XI века закреплено четко выраженное понимание того, что одно из главных условий нормального существования человеческого сообщества — это верховенство в нем Закона. Идеи справедливости, правосудия, человечности, высказанные в поэтической форме в «Благодатном знании», станут с тех пор неотъемлемой принадлежностью тюркоязычной литературы и будут варьироваться в творчестве многих тюркоязычных поэтов, позволяя думать о существовании преемственности идей и образов «Благодатного знания» в творчестве последующих тюркоязычных авторов.

Возвратимся вновь к адресованным беку наставлениям Юсуфа. Быть настоящим правителем непросто:

«Бек должен быть зорким и мудрым, тогда
Негаданным злом не нагрянет беда.

В бесчисленных доблестях имя прославь,
И слава твоя будет вечно тверда!»

(1956, 1957)

Подобные предостережения поэта имели под собой реальные факты: в условиях постоянных усобиц беки-соперники подсылали друг

¹ Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского. С. 509.

к другу наемных убийц, соглядатаев и т. д. Более того, правитель одного из караханидских уделов Богра-хан Мухаммед был отравлен в 1057 г. своей собственной женой, которая хотела, вопреки желанию мужа, посадить на престол своего сына Ибрагима,¹ что, возможно, и заставило Юсуфа хасс-хаджиба написать:

О мощный властитель, будь в зоркости строг:
Бывает отравлен беспечный едок.

(2142)

Только начавшему приобщаться к более высокой культуре тюрку быть беком не просто не только в своем дворце, но и за его пределами. Считавшие себя более цивилизованными правители Средней Азии и Ирана, сам «повелитель правоверных» — багдадский халиф относились к караханидским ханам как к невеждам, не знающим правил «государственной науки», приличия и манер. Так, багдадский халиф пишет иранскому государю Махмуду, что в сравнении с ним «Властитель Востока и Китая», караханидский хахан — «неуч, тюрк, невежда».² О пренебрежительном отношении соседей к караханидским ханам-тюркам свидетельствует и рассказ летописца Гардизи о встрече караханида Кадыр-хана Юсуфа с Махмудом Газневидом, где обнаружилось полное незнакомство хана с царским этикетом и незнание придворных и дипломатических церемоний и обычаев. Гардизи повествует, как смущался, терялся и был неловок Кадыр-хан при вручении государственных даров, а также на торжественном пиру Махмуда Газневида, постоянно проявляя свое незнание светского этикета и неуклюжесть в обращении.³ Не удивительно поэтому среди множества других и такие строчки у Юсуфа Баласагуни:

Невежда, презревший законы приличий,
Презрен будет всеми, кто знает обычай.

При старших — уж так повелось искони —
К еде после них свои руки тяни.

Жуй медленно, пищу разжуй без остатка
И помни, что дуть на горячее — гадко.

(4596, 4597, 4602)

¹ Бартольд В. В. Богра-хан // Соч. М., 1964. Т. 2, ч. 2. С. 508.

² Сиясетнаме. С. 154.

³ Валитова А. А. К вопросу о мировоззрении Юсуфа Баласагунского (политические поучения среднеазиатского мыслителя XI века) // Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. 71: Из истории философской и общественно-политической мысли стран Востока. М., 1964. С. 106 (далее сокращенно: В а л и т о в а А. А. К вопросу о мировоззрении Юсуфа Баласагунского).

Караханидам — недавним кочевникам, которые хотели получить признание властителей и вельмож соседних оседлых областей, подпитать величием и пышностью двора оседлое и кочевое население Мавераннахра и Семиречья, нужен был истинный государь — бек, владеющий всеми необходимыми знаниями и внешними атрибутами власти. Помочь воспитать такого бека и должно было дидактическое сочинение Юсуфа, которое несло «знание, образующее царей».

Однако силой своего разума и таланта поэт поднялся выше конкретных, проходящих вопросов своего времени и своего общества, философски осмысляя их в более широких человеческих и временных рамках. И в этом состоит величие Юсуфа Баласагуни, в творении которого «нашли свое яркое и высокохудожественное выражение общечеловеческие идеи, идеалы и мысли, волновавшие все народы во все времена».¹

4

И эта вот книга — дар добрых времен:
Она — море знаний для тех, кто смышлен.

Но ведает цену ей лишь просвещенный,—
Что может невежда понять неученый!

Кто мудр, эту книгу оценит с почтеньем,—
Лишь тот ценит знания, кто зрел разуменьем.

(9, 20, 74)

Не случайно Юсуф Баласагуни предупреждает, что его сочинение предназначено отнюдь не каждому — глубина содержания «Благодатного знания» и необычный его характер открываются не сразу. Но для вдумчивого читателя «Благодатное знание» — это поистине сокровищница древней восточной мудрости: «В ней — мудрые мысли, куда ни взгляните, Как будто бы жемчуг нанизан на нити» (11). Многие собранные Юсуфом жемчужины не состарились и по сей день.

По Юсуфу, достоинство сынов человеческих составляют три непреходящие ценности: знания, язык и добрые дела. Превыше всего Великий хасс-хаджиб ставит знание:

Хочу я, о мудрый, о слове сказать —
Ученья и знания воспеть благодать.

Познавший ученье — в деяньях весом,
А неуч и мелок и легок во всем.

(287, 297)

¹ Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагунского. С. 517.

Язык, речь, слово — величайший дар человеку, утверждает поэт, главное, что отличает человека от животного. Но пользоваться этим чудесным даром нужно тоже с умом:

Язык свой смири, речь рассчитывай точно,
И помни: обильное слово не сочно!

(4333)

Смысл человеческой жизни... В чем он? Тысячелетия мучается этим вопросом разум человека. Мучился им и мудрец из Баласагуна. О чем бы он ни говорил, за этим почти всегда у него стоит напоминание об ожидающей впереди смерти. Но такое постоянное «*memento mori*» — «помни о смерти» — не имеет ничего общего с навязчивой идеей, отравляющей жизнь:

И помни о смерти — без мук, непрестанно:
Не дай, достославный, ей грянуть неожиданно!

(5234)

Это — трезвое и мужественное напоминание людям, которые порой относятся к жизни недостаточно осмысленно именно из-за того, что забывают о неминуемой смерти. Осознавший мимолетность индивидуального существования философ подсказывает единственно достойную, по его мнению, линию поведения: пренебрежение мнимыми житейскими ценностями ради того, что есть в жизни истинно ценного. Такая вневременная нравственная ценность, придающая смысл человеческой жизни, — добрые дела, которые создают человеку доброе имя — то непреходящее, к чему надо стремиться:

Все смертны, и вечно лишь доброе имя
Того, кто был славен делами своими.

И ты преходящ, будь же именем вечен:
Чье имя бессмертно, тот сам бесконечен.

(228, 229)

Из такого миропонимания вытекают главные отличительные свойства достойного и благородного человека, настоящего мужа по представлениям тысячелетней давности, — свойства, определяющие все его поведение; они сохраняют свою ценность и поныне: это — доброта и человеколюбие:

Достойного мужа не старят года,
Дурной, как ни славь его, дурен всегда.

В раскаянье быстро стареет дурной,
А добрый живуч: он не мучим виной!

(347, 348)

А какого человека можно назвать добрым, и вообще, что такое добро? Поэт говорит об этом в своей отповеди отшельнику Одгурмышу, который удалился от мира и людей для покаяния и которого властитель призывает вернуться назад, к людскому жилью:

Во славу себе ты свершаешь обет,
Смотри, не подействуй себе же во вред!

Когда покаянье — толпе напоказ,
Вся высшая суть его рушится враз.

И добрый — не тот, кто избрал тихий кров,
А тот, кто с людьми и помочь им готов.

(3918, 3919, 3934)

В человеческом сообществе наряду с истинными существуют, однако, мнимые ценности и ложные цели. Поэт показывает никчемность многих людских страстей, подводя читателя к простой и глубокой мысли:

Ведь жизнь — это благо: зря жизни не трать,
Старайся, о доблестный, блага свершать!

И жизнь, что ты прожил, — тебе же отплата:
Лишь то, что ты дал ей, тобой будет взято.

(3545, 3571)

Более чем современно звучат такие наставления Юсуфа:

Без лени трудись, не забрасывай дел,
И словом и делом будь честен и смел.

Пораньше вставай и попозже ложись,
Встающему рано — все блага дались!

И всё совершай с прилежанием пуцим,
Тебя и народ твой ждет благо в грядущем.

(1505, 1506, 5505)

Не стареют такие понятия, как «настоящий воин», «муж чести», «защитник от врагов». Образно, ярко описывает поэт храбреца-воителя, в котором соединяются качества едва ли не всех известных азиатскому кочевнику животных: львиная смелость, кабанье упорство, вол-

чий бросок, ярость верблюда, зоркость сороки, бдительность совы... (2310—2315). Но основой при этом остается все же чисто человеческое качество:

У смелых душа духом чести богата:
Муж чести умрет, лишь круша супостата.

(2293)

...Мужчина и женщина, семья, любовь — и об этом сказал свое слово Юсуф. Непростой вопрос — как выбирать себе жену — он решает в свойственном ему духе, ценя в человеке прежде всего разум и отдавая ему предпочтение перед остальными внешними свойствами — богатством, красотой и знатностью:

О жаждущий с умной сойтись, не иначе,
Как ты обретешь все четыре удачи!

Нашел себе умную — тут же спеши,
Бери ее в жены, муж доброй души.

Да будет сойтись тебе с умной дано:
Четыре в ней свойства, и все — как одно!

(4498, 4499, 4503)

Что же касается мужей, то, судя по наставлениям Юсуфа, в его времена их не выбирали...

Проникновенное лирическое чувство и мудрость маститого старца удивительно соединяются у Юсуфа Баласагуни при обращении к неумирающей теме любви:

«Влюбленность влюбленных — их лик выдает,
А речь поведут — их язык выдает!

Захочешь узнать, кто влюблен и кто — нет,
Взгляни лишь — их взор в тот же миг выдает!»

(1901, 1902)

Емко, в блестящей поэтической форме излагает Юсуф Баласагуни принципы древней восточной педагогики. Они и сейчас могут служить надежным ориентиром при воспитании детей — суть их проверена веками:

Родятся в семье луноликие чада —
Их дома, не где-нибудь возвращать надо.

Смотри, чтоб без дела твой сын не сидел, —
Бесцельна вся жизнь у сидящих без дел.

И ежели к детям был строг человек,
Его осмеять не посмеют вовек.

(4505, 4510, 1227)

Опираясь на учение своего великого современника Абу Али Ибн Сины, Юсуф Баласагуни рассказывает, как человеку уберечь и упрочить свое здоровье — и душевное, и физическое:

Душа человека — стеклянный сосуд:
Смотри, не разбей, будь в деяньях не крут.

А душу надломишь — она уж худа:
И дружба и радость уйдут навсегда.

(4611, 4612)

Многочисленные подобные наставления хранитель столь необъятных знаний подкрепляет и практическими советами о методах лечения разных болезней.

По существу, «Благодатное знание» вобрало в себя все мировоззрение поэта, представляя собой и философские раздумья, и политический трактат, и кодекс законов государственного управления, и свод правил поведения, и своеобразную энциклопедию наук. Такое сочетание было и еще долго оставалось традиционным в восточных поэмах философско-дидактического жанра.

Вместе с тем «Благодатное знание» — это прежде всего вдохновенное поэтическое произведение, имеющее непреходящую эстетическую ценность.

В мировоззрении Юсуфа Баласагуни и в его поэме особое место принадлежит мусульманской религии. Все описываемое в «Благодатном знании» зиждется на основах ортодоксального ислама и морально-нравственных предписаниях шариата — свода уложений, регулирующих юридические и морально-этические отношения мусульман.¹ В связи с этим академик А. Н. Кононов подчеркивал, что поэма Юсуфа Баласагуни является сочинением, основанным на мусульманской идеологии и пропагандирующим эту идеологию.² Действительно, многие части поэмы производят впечатление, что их автор — глубоко религиозный, искренне верующий человек:

О всевышний, прозренья меня удостой,
Не гони, сердце вычистил я добела.

Ты один лишь прощаешь грехи, всеблагой,
О, помилуй, душа моя ныне светла.

(6564, 6565)

¹ Иванов С. Н. О «Благодатном знании». С. 520.

² Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагуни. С. 506.

Однако при этом следует иметь в виду возможность и несколько иного взгляда на те элементы поэмы, совокупность которых вписывается в понятие «пропаганда ислама». Такая возможность кроется в том, что любая средневековая идеология могла иметь лишь одну форму выражения — теологическую, при этом внешнее религиозное оформление нередко скрывало глубокое рациональное содержание. Именно такой подход к интерпретации идейного содержания «Благодатного знания» наметился в последнее время. Суть этого подхода заключена в следующем: Юсуф Баласагуни только в силу условий своего времени облачал свои гуманистические идеи в форму религиозных канонов.¹

В пользу такого подхода можно привести ряд аргументов. Поэт средневековья, поднимая важные общечеловеческие проблемы (а у Юсуфа они действительно такие, что видно из знакомства с его идеями), не мог обойти главный авторитет своего времени — религию. Только опираясь на нее он мог воздействовать на своих современников. Поэтому для его поэмы совершенно необходимы и обязательны традиционные для мусульманских поэтических сочинений части — восхваление Аллаха, пророка и халифов. Это — штамп, клише, причем штамп, которым должно было начинаться вообще любое писание, — в поэме это клише повторено в миниатюре в завещании Айтолды элику (начало главы 23), в письме элика Одгурмышу (начало главы 39) и в письме Одгурмыша элику (глава 44). Но что такое три первые главы — традиционные религиозные восхваления — у Юсуфа Баласагуни? Это — только 62 бейта. К минимуму сведена Юсуфом и проповедь газавата — священной войны мусульман против неверных. Она также является характерной принадлежностью сочинений мусульманских авторов. В «Благодатном знании», «упрятанная» в толще текста, она получила от Юсуфа Баласагуни всего лишь пять (!) бейтов (5484—5488). Но зато вслед за этим идут такие слова:

На честь мусульман покушаться не смей,—
Сам бог, о элик,— враг подобных затей.

Один мусульманин другому — что брат,
На братьев не зарься, помочь им будь рад.

И к людям будь добр, и раденьем горазд,
Народ тебе доброй молитвой воздаст.

(5490, 5491, 5492)

¹ Т а л и п о в К. К вопросу об историко-культурных истоках «Кутадгу билиг»: Доклад на шестых «Маловских чтениях» // «Сов. тюркология». 1988, № 2. С. 135.

Воплощение этой идеи на практике означало бы установление мирной жизни на огромной территории с неисчислимым населением. И ясно, что не пропаганда газавата волнует поэта, а вражда и кровопролитие среди его соплеменников, недаром он пишет:

Среди правоверных — грызня и вражда,
Неверным — блаженство: живи без вреда!

Разграблены всех правоверных богатства,
Кто знает: где — вера и где — святотатство!

Господь да хранит нашу веру: о боже,
Сгуби смуты-беды и всё, что негоже!

(6482, 6483, 6495)

И, основываясь на непосредственном художественном впечатлении от поэмы, едва ли можно говорить, что Юсуф Баласагуни — «воинствующий мусульманин»: он, скорее, — «миротворящий». При всем при этом в его сочинении содержатся несомненные гуманистические тенденции: вера в могущество человеческого разума, в доброе начало человеческой природы, осуждение ненужных жестокостей правителя, обращенная к нему проповедь поступать всегда согласно с нормами человечности. Конечно, эти гуманистические устремления Юсуфа весьма относительны, но при сравнении их с позицией автора дидактического сочинения «Кабуснаме» отчетливо видно, насколько взгляды Юсуфа гуманнее и нравственно выше, чем проповедь изворотливости и фарисейски-эгоистические поучения Кей-Кавуса ибн-Искандера. Последний в своем образе действий, который он завещал своим преемникам как верный путь к преуспеянию, исходил исключительно из соображений личной выгоды и карьеры.¹

Для выражения своих гуманистических идей Юсуф Баласагуни избрал, как уже говорилось, традиционную форму — религиозный канон, но для нас, современных читателей «Благодатного знания», религиозное оформление без труда отделимо от гуманной, общечеловеческой сущности нравственной проповеди поэта, которая и сейчас во многом не утратила своего значения.

В мировоззрении поэта религия тесно переплетается с наукой. Они постоянно переуступают друг другу главную роль в сочинении-проповеди Юсуфа. Отчасти это можно объяснить тем, что в исламском учении с самого начала подчеркивалась роль знания как одного из условий веры. Но несмотря на неустанное утверждение поэтом

¹ Подробнее см.: К р ы м с к и й А. Е. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии. М., 1909. Т. 1. С. 525; В а л и т о в а А. А. К вопросу о мировоззрении Юсуфа Баласагуни. С. 122.

примата в мире божественной сущности, он вместе с этим так же настойчиво говорит читателю:

Про многое здесь рассказать я сумел,
Наука и разум — основа всех дел.

Ученым вершатся труды и дела:
Наука властителей к цели вела!

Наука обучит — твой разум прозрит,
Как создан сей мир, что за смысл в нем сокрыт.

(147, 161, 398)

Таким образом, на деле получается, что не божественная воля, а человеческий разум и наука — основа всего, они ведут к цели, с их помощью владыки вершат дела, и именно они открывают человеку смысл бытия. Поэтому не случайно Юсуф Баласагуни в поэме говорит об арифметике и геометрии, алгебре и астрономии, о медицине. Все это объясняется тем, что многое в мировоззрении Юсуфа было сформировано под влиянием рационалистической литературы восточного средневековья, блестящие образцы которой дал старший современник поэта — Абу Али Ибн Сина (Авиценна), который подвел своеобразный итог раннему этапу развития философии в своей энциклопедической «Китаб аш-шифа» («Книга исцеления»).

Ученые отмечают еще одну особенность «Благодатного знания», также лежащую в религиозно-философской сфере: на фоне более поздних сочинений тюркоязычных авторов так называемого мусульманского региона очень определенно выступает несуфийская основа образной структуры текста поэмы. «Этот факт позволяет полагать, что истоки образности, характерной для «Благодатного знания», следует видеть в устном эпическом творчестве тюркских народов и в персидско-таджикской поэзии раннего периода ее развития».¹

Хотя суфийские мотивы не составляют главной основы сочинения, тем не менее дервишеские темы присутствуют в сочинении, и это заслуживает пристального внимания.

Суфизм (от арабского слова «суф» — «шерсть», «грубая шерстяная одежда»), или тасаввуф, — это мистико-аскетическое течение в исламе, сложнейшее явление, наложившее свой отпечаток на всю жизнь мусульманского мира. Под мистикой, или мистицизмом, обычно понимают особое религиозное мировоззрение, допускающее возможность непосредственного, личного и интимного общения (или даже соединения) человека с божеством посредством так называемого «озарения», «внутреннего опыта», «экстаза». Мистические течения,

¹ Иванов С. Н. О «Благодатном знании». С. 527.

как и пронизанные мистицизмом идеалистические философские системы, появились под оболочкой разных религий и почти всегда были связаны с аскетизмом и с идеей «отречения от мира». Суфизм возник на исламской почве в результате естественного внутреннего развития ислама, возник именно из Корана, где есть места, допускающие истолкование в духе аскетизма и мистицизма.¹

Для мусульманских мистиков существовало несколько наименований-синонимов: суфий (араб.-перс.) — «одетый в шерсть»; дервиш (перс.) — «переступающий порог (на пути к богу)»; факир (араб.) — «бедняк». В суфийской среде сложился устав духовного руководства: дервиш-новичок (мюрид — «взыскующий», «последователь») находился под началом старца-наставника (муршид — «направляющий»). Последний именовался по-разному: шейх, пир, уstad, в Средней Азии — ишан.

В суфийском движении с его культом бедности как идеального состояния для суфия нередко отражалось народное недовольство богатством, жадностью, праздной, роскошной и греховной жизнью власть имущих. Суфийская форма выражения идей и терминология суфизма иногда были маскировкой, к которой прибегали поэты, сектанты-еретики, проповедники гуманистических и социальных идей, враждебных господствующему строю.²

Однако в целом свойственные суфизму идеалы отречения от мира, ухода от деятельной жизни, отказ от человеческой индивидуальности, презрение к труду и обществу, почерпнутое из Корана упование на бога, нередко фанатизм и темное изуверство говорят об общем негуманном и неплодотворном для человеческого сообщества характере этой идеологии.

Как религиозно-философское течение суфизм в XI веке уже был широко распространен в Средней Азии и Иране, оказывая большое влияние на их культурную жизнь. Под этим влиянием в персидской литературе задолго до XI века начала развиваться суфийская поэзия, создаваемая дервишескими шейхами. А в XI веке в литературе иранцев, которая в это время переживала пышный расцвет придворной светской поэзии, появляется уже настоящий суфийский эпос — первое в персидской литературе дидактическое месневи.³

Что же касается тюркоязычной литературы, то подавляющее большинство произведений первых веков ее истории, созданных на

¹ Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках. Л., 1966. С. 314—315 (далее сокращенно: Петрушевский И. П. Ислам).

² Там же. С. 341.

³ Бертельс Е. Э. Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. М., 1965. С. 56, 73, 225, 310 (далее сокращенно: Бертельс Е. Э. Суфизм).

огромной территории Средней и Малой Азии, имеет выраженный суфийский характер.

В средневековой персидской и тюркской литературе суфизм породил неисчислимые поэтические сочинения, которые составили своеобразный «гимн божественной любви». Многие из этих сочинений, выйдя благодаря гениальности своих авторов из рамок религиозного мировосприятия, стали бессмертными памятниками мировой поэзии.

Будучи исключением среди явлений средневековой тюркской поэзии в отношении суфийской тематики, «Благодатное знание» тем не менее по-своему отразило и этот феномен восточной культуры. Идеи суфизма в поэме Юсуфа хасс-хаджиба появляются вместе с фигурой отшельника Одгурмыша. Последний играет едва ли не главную роль в осуществлении глубинного художественного замысла поэта, лежащего в сфере мировоззренческих основ.

Принадлежность Одгурмыша к суфиям становится ясной из текста поэмы, хотя впрямую он так нигде и не назван.

Одгурмыш — аскет-отшельник, посвятивший себя исключительно служению богу (бейты 3338, 3339). При этом он — шейх, у него есть мюрид (6287). Показательно в этом отношении, что он не желает служить ни элику, ни людям вообще. Элик дважды призывает Одгурмыша для служения себе, от чего последний категорически отказывается (3750, 3751). Он согласен приехать к элику лишь затем, чтобы дать тому нужные советы. Все это отражает одну из суфийских заповедей, по которой дервишество — это «независимость от тварей бога»; эта заповедь присутствует, например, в поучениях суфийского шейха из Хорасана Абу-л-Хасана Харакани (ум. 1033)¹. Описанная ситуация соответствует действительному положению суфийских шейхов на средневековом мусульманском Востоке. Шейхи, имея большое влияние на население, часто обладали реальной властью и были силой, с которой должны были считаться правители, искавшие даже покровительства у влиятельных шейхов.

У Одгурмыша «нет помысла в сердце», он отрекся от всех желаний (3636, 4729, 4779), что является основным признаком суфия, по определению того же Харакани.² Отсутствие желаний у суфия, отдавшегося полностью на волю бога, соответствует достижению дервишем восьмой, предпоследней стадии мистического пути, по представлениям крупнейшего суфийского теоретика XI—XII веков Мухаммеда аль-Газали, выходца из Хорасана.³

Проповедь Одгурмыша включает в себя типичные суфийские положения: он призывает «сломить четыре преграды» — отказаться

¹ Подробнее см.: Бертельс Е. Э. Суфизм. С. 254.

² Подробнее см.: Там же.

³ Петрушевский И. П. Ислам. С. 322, 323.

от соблазнов этого мира, покинуть людей, преодолеть страсти и смирить свою плоть (3342, 3638, 4805—4811, 5404—5405). Это соответствует суфийскому учению о преодолении и уничтожении того, что суфии называют «нафс», то есть чувственности, биологического «Я» и одновременно — злого начала в человеке, мешающего суфию в мистическом соединении с богом и являющегося поэтому, по учению суфиев, самым большим врагом человека.¹

Наконец, принадлежность Одгурмыша к суфиям подтверждается его отрицательным отношением к браку и детям, при этом вступление в брак он сравнивает с плаванием в лодке (3384—3388). Аскетизм этого взгляда находится в резком противоречии с обычными установками ислама, но зато полностью соответствует учению среднеазиатских суфиев, являя собой вставленное в поэму практически дословно изречение чрезвычайно популярного в Средней Азии суфийского шейха Ибрахима Ибн Адхама (VIII век): «Дервиш, который женился, будто сел в ладью, а когда появился сын — считай, что ладья утонула».²

Наставления Одгурмыша имеют двойственный характер. Одни из них — это гуманистическая проповедь служения людям, призыв свершать добро для окружающих:

Живи не своей, а людскою заботой,
Других не неволь, сам за них поработай.

Достойный всегда человеку поможет
И с радостью жизнь за собрата положит.

(6099, 6101)

Эти заповеди Одгурмыша находят полную поддержку у элика Кюнтогды и везира Огдольмиша, последний говорит то же самое:

Суть истинной жизни — благие деянья,
А доброе делать — всей жизни призванье.

У добрых исполнены жизни сердца,
А злой и при жизни — мертвей мертвеца!

(5923, 5924)

¹ Подробнее об этом см.: Джавелидзе Э. Д. У истоков турецкой литературы: 1. Джелаль-эд-дин Руми. Тбилиси, 1979. С. 207—209.

² Бертельс Е. Э. Суфизм. С. 181—187.

Однако у Одгурмыша есть и полностью противоположные по сути наставления, составляющие проповедь пассивного ухода от действительности, от служения людям, обществу:

Обетом я связан, служу я творцу,
И людям служить мне теперь не к лицу!

Будь ты, как и я, от людей в стороне,
Они и тебе не во благо, и мне.

(3697, 3794)

И вот эта вторая — во многом эгоистическая — проповедь отшельника Одгурмыша, за которой стоят суфийские представления, получает в поэме резкую отповедь и элика Кюнтогды (об этом уже говорилось выше), и везира Огдюльмиша. Нельзя не признать, что сила художественного впечатления в таких случаях находится волею поэта на стороне элика, придавая его жесткой речи неотразимую убедительность:

Подвижником ныне себя ты зовешь,
Да только обет твой — не подвиг, а ложь!

Себя лишь блюдешь ты постом и мольбой,
Бездушен, кто занят одним лишь собой!

(3229, 3243)

Так же активно словам Одгурмыша о браке и детях как о лодке, готовой потонуть, противопоставляется рассудительная, подкрепленная обращением к мудрости предков речь Огдюльмиша о том, что «бездетный мужчина у всех не в чести» (3369—3375).

Двойственность, противоречивость наставлений Одгурмыша понятна: он признает как равноправные оба пути служения богу — и отшельническое подвижничество, дервишество, избранное им себе, и активную созидательную деятельность для блага людей, к которой он в своих наставлениях призывает элика и везира.

В «Благодатном знании», как отмечает С. Н. Иванов, нет прямо выраженного авторского предпочтения тому или иному из двух описанных путей служения.¹ Но, как мы видим, проповедь пассивного, эгоистического ухода от созидательной деятельности имеет в поэме решительных противников, на стороне которых убедительная сила художественного слова.

¹ Иванов С. Н. О «Благодатном знании». С. 529.

В реальном историко-культурном контексте здесь, безусловно, можно видеть отражение сильного антиаскетического настроения, господствовавшего в первые века ислама, которое, в частности, опиралось на приписываемый пророку Мухаммеду хадис: «Нет монашества в исламе».¹ В связи с этим уже в начале XI века бытовал и другой хадис, возводимый к халифу Омару: «Омар однажды встретил людей, похожих на суфиев нашего времени, и спросил: «Кто вы такие?» Они ответили: «Мы те, кто во всем уповает на Аллаха!» Омар ответил: „Нет! Вы дармоеды. Сообщить ли вам об истинно уповающих? Это те, что бросают в чрево земли зерно свое и затем уповают на господа своего“».² Несмотря на религиозную форму этой критики, она показывает, что на самом Востоке уже в далеком прошлом была осознана пагубная опасность суфийского искетизма. Его безусловное осуждение содержит и арабская поэзия XI века. Абу-ль-Аля аль-Маари (973—1057) писал:

Хвалю я воздержность монахов, но вот —
Кормить их трудящийся должен народ!

И много похвальнее тот проживет,
Кто век свой в упорном труде проведет.

Ведь не жил и Мессия, молясь, за стеной!
Нет, ходил по земле он, как всякий другой!³

Несмотря на то, что главные подвижники становились в глазах народа святыми и чудотворцами, отшельничество нередко воспринималось отрицательно и в самой суфийской среде. Так, один из главных представителей дервишизма в Средней Азии Бахааддин Накшбанд, живший в XIV веке в Бухаре и основавший суфийский орден пакшбанди, не отказывался от общения с людьми и видел в отшельничестве только проявление гордыни.⁴

Но гораздо раньше устами элика Кюнтогды и везира Огдюльмиша это же заявил Юсуф Баласагуни:

Господним рабам, о мудрец, послужи,
Радетельны к людям благие мужи!

¹ Петрушевский И. П. Ислам. С. 317—318.

² Шмидт А. Э. Абд-ал-Ваххаб-аш-Шараний и его «Книга рассыпанных жемчужин». Спб., 1914. С. 161—162.

³ Перевод В. В. Розена, см.: Крачковский И. Ю. Перевод одного программного стихотворения Абу-ль-Аля // «Записки Восточного отделения Русского археологического общества». Пг., 1915. Т. 22, вып. 3-4. С. 292, 298—299.

⁴ Бартольд В. В. Ислам // Соч. М., 1969, т. 6. С. 117—118.

И если верны мои речи, тогда
Гордыню смири и — скорее сюда!

Смири свое сердце и, чуждый гордыне,
С людьми, тих и скромн, свяжи себя ныне.

(3929, 3938, 3995)

Таким образом, впервые в тюркоязычной литературе в «Благодатном знании» прослеживается столкновение двух разных точек зрения на предназначение человека, столкновение двух разных позиций: активного служения людям и пассивного, в основе своей эгоистического ухода от деятельной, плодотворной жизни. Появление в «Благодатном знании» определенных суфийских идей, которые прямо связаны или косвенно ассоциируются с фигурой Одгурмыша, знаменует начало серьезного спора с этими идеями в тюркоязычной литературе.

Указанная двойственность наставлений Одгурмыша не мешает, тем не менее, элику и везиру испытывать к нему глубокое уважение, несмотря на разницу в их отношении к миру. Это становится возможным благодаря тому, что Одгурмыш остается у Юсуфа Баласагуни носителем высоких устремлений человеческого духа, мудрости, нравственности. Он оправдывает свое имя (Одгурмыш — Пробуждающий), пробуждая потребность осмыслять, оценивать и строить свою жизнь по более высоким меркам:

Дни жизни спешат, лишь о нужном пекись,
Свое совершай,— им дано пронестись.

Безгрешной душе твоей черным покровом
Одеться дано в подземелье суровом.

Рассей черный прах этот — жалкую пядь,
С великим и вечным сдружись и поладь!

Вздымись же над пыльною мглою и чадом,
Нетленную вечность прозри своим взглядом!

(5163, 5423, 5426, 5427)

Возникший в «Благодатном знании» спор двух жизненных позиций, не имеющий прямого разрешения в тексте, заставляет задуматься об авторской позиции, скрытой от непосредственного восприятия читателем. Выявление неявного авторского содержания сопряжено с возможностью субъективных суждений, но, как подчеркивает С. Н. Иванов, «вряд ли случайны смерти двух из четырех главных

героев «Благодатного знания». Умирают Айтолды и Одгурмыш — символы Счастья и Отрешенности, в живых остаются Кюнтогды и Огдюльмиш — образы Справедливости и Разума. В этом можно усматривать определенный авторский умысел: два последних качества автор считает наиболее существенными и потому вечными; счастье и отрешенность от суетного производны от разума и справедливости и не обладают сами по себе непреложной ценностью (<...> Свойства счастья и отрешенности, сколь бы ни были они желанны и похвальны, автор ставит в зависимость от разума и справедливости: они ценны и возможны лишь при наличии двух первых, предпочтительных свойств».¹

Думается, однако, что кончина Одгурмыша — это не только символ вторичности олицетворяемого им свойства. Выше говорилось, что в споре Кюнтогды и Одгурмыша возникает, как кажется, перевес все же на стороне элика благодаря непосредственному художественному впечатлению. Смерть Одгурмыша — прямое усиление этого художественного впечатления, символ краха того, с чем спорил Кюнтогды. Становится ясной позиция Юсуфа Баласагуни: отрицая отшельнический уход от жизни, он — за активное, плодотворное служение людям по законам добра и человечности.

Кончина Айтолды и Одгурмыша в плане символического инсказанья имеет, конечно, и еще одно значение: это аллегорическое обвинение обществу, в котором жил поэт, в том, что в нем умерло счастье и добродетельная нравственность. Это подтверждают и заключительные главы поэмы, обличительные по своему характеру Провозглашенный и раскрываемый в «Благодатном знании» воображаемый мир гармонии уступает в конце поэмы свое место неприглядной действительности:

Кто мудр, тот унижен, подавлен совсем,
Разумный обижен, затравлен и нем.

И в людях не верность, а злоба в чести,
Достойных доверья людей не найти!

Всей жизни — стеснение, раздолье — всем бедам,
Мрак алчности плотен, свет счастья неведом.

(6453, 6467, 6487)

Таким видится идейно-художественный замысел тюркского поэта, мечтавшего об утверждении социальной гармонии, о возвращении

¹ Иванов С. Н. О «Благодатном знании». С. 529—530.

в жизнь людей благоденствия и счастья и нарисовавшего в XI веке некое идеальное общество, устроенное по законам разума и справедливости.

5

Я к знаниям стремился с желаньем упорным,
Низал слово к слову я слогом узорным.

Я ласков к нему был — оно покорялось,
Но было пугливым еще и задорным.

Но я неустанно обхаживал слово,
И мускус дохнул ветерком животворным.

(6617, 6619, 6620)

В сочинении Юсуфа Баласагуни с очевидностью запечатлелся целый комплекс культурных влияний и связей. Рожденное на стыке культур, «Благодатное знание» соединило в себе духовные достижения нескольких восточных народов. Это обусловило и многие собственно литературные особенности творения Юсуфа хасс-хаджиба, его «узорного слога». Для поэтики «Благодатного знания» характерно соединение нескольких литературных традиций.

«В арабских реченьях есть верное слово» (5810), — говорит Юсуф, несомненный знаток книжной культуры арабов. Из арабской литературы в «Благодатное знание» пришли мусульманские идеи и особая поэтическая эстетика, в которой первую роль играл своеобразный культ слова, граничащий с его обожествлением. Это не удивительно, поскольку вообще слово написанное является, по мусульманским представлениям, третьей ипостасью бога и требует поклонения и уважения. Согласно этой эстетике арабский поэт должен был соединить законченность мысли и отточенность формы. Эту любовь к слову, как таковому, восприняла затем иранская и тюркская поэзия. Отсюда — та поразительная афористичность бейтов поэмы Юсуфа, завораживающая читателя. На основе этих эстетических представлений оценивалась и художественность бейта-образа (бейт является и строфической и образной единицей текста). В этом смысле для оценки художественности бейта и в последующей тюркоязычной поэзии всегда существовало два основных критерия: афористичность бейта и использование любой возможности игры слов, рифм, смыслов и т. д. ¹

¹ Иванов С. Н. О «Благодатном знании». С. 527—528.

Несомненное влияние на «Благодатное знание» оказала персидско-таджикская литература. Из последней поэма получила свои формы — месневи и рубаи. В книге зримо присутствуют мотивы поэмы Фирдоуси «Шахнаме» в постоянно упоминаемых иранских именах: Ануширван, Феридун, Рустам, Афрасиаб и др. Прекрасная элегия Юсуфа о старости (6522—6565), являясь вообще одной из традиционных тем литератур Востока, может быть во всех своих деталях увязана с предшествующей литературой саманидского Ирана, в частности, с касыдами Рудаки и Кыссаи.¹ Однако и эта, и другие традиционные темы разработаны Юсуфом Баласагуни со свойственной большому поэту глубиной и оригинальностью.

Некоторые наставления из «Благодатного знания» совпадают с поучениями современника Юсуфа, «гератского старца» Абдаллаха Ансари (1006—1088) из его «Послания к везиру» («Насихат-нама-и вазир»). Среди уже приводившихся здесь бейтов Юсуфа имеют аналоги такие изречения Ансари: «Пока не утихнет гнев, не говори. Не становись рабом людей». Из других совпадений отметим следующие. Ансари: «Пока не спросят, не говори». Юсуф: «Внемли слову мудрых — в нем суть и основа: “Не задан вопрос — придержи свое слово»» (960). Ансари: «Молчаливость сделай своей привычкой». Юсуф: «Болтливый язык тебе жизнь сократит, Следи, чтобы рот был крепче закрыт» (964). У Ансари: «Пустословие считай началом всех бедствий». У Юсуфа: «Грешешь пустословьем — приходит беда, Разумная речь не приносит вреда» (987). Ансари: «Неустанно приобретай знания». Юсуф: «И сколько б ни знал ты — учись и учись: Познание всё, что желанно, дает» (6608). Старец из Герата: «Знай, что счастье жизни — в общении с мудрыми. От невежды сторонись».² Поэт из Баласагуна: «С глупцом толковать — я не ведаю слов, Тебе же, о мудрый, служить я готов» (203).

Показательно, что сочинения Ансари являются как бы прообразом позднейших дидактических эпосов таких великих иранских поэтов, как Санаи, Аттар и Джеляледдин Руми. Конечно, на основании указанных аналогий у двух авторов-современников нельзя делать никаких выводов о влиянии и его направленности, но определенная идейная взаимосвязь двух литератур здесь очевидна. Кроме того, выше уже говорилось об отчетливых следах, а иногда — даже цитатах из суфийской литературы Хорасана, встречающихся в «Благодатном знании».

Из арабо-персидской поэтики Юсуф Баласагуни взял и систему стихосложения — аруз, а также различные поэтические фигуры, ко-

¹ Бертельс Е. Э. Суфизм. С. 187.

² Все примеры из Ансари цитируются по: Бертельс Е. Э. Суфизм. С. 304—305.

торые во многом и придают восточной поэзии ее знаменитый — и такой труднопереводимый! — блеск.

Юсуф Баласагуни предлагает читателю книгу, как он говорит, «созданную по изречениям мудрецов Чина и украшенную стихами мудрецов Мачива». Нельзя сказать, насколько реальны эти «изречения» и «стихи», но совершенно реально другое: для Восточного Туркестана того времени не прошло бесследно близкое соседство китайской культуры и китайского двора.¹ Например, уйгуры (по мнению Л. Базена, «чрезвычайно чувствительные к китайскому влиянию») в этот период уже приняли и полностью освоили поразительный по своему научному уровню китайский календарь 12-летнего животного цикла.

Композиция «Благодатного знания», основанная на вопросах и ответах, беседах героев, позволяет говорить о влиянии на Юсуфа Баласагуни индо-буддийской литературной традиции, в которой издавна использовалась такая форма построения литературного сочинения. Буддизм и буддийская литература были широко распространены в это время в Восточном Туркестане. Здесь к этому времени уже появились буддийские сутры на тюркском языке: «Алтуң ярук» («Золотой блеск», X в.), «Секиз юкмек» («Восемь преходящих свойств», XI—XII вв.) и др. Последняя сутра (речь бодисатвы Асанга) представляет в связи с «Благодатным знанием» особый интерес. Большие фрагменты ее текста построены по определенной, неизменной модели («таких-то людей — мало, таких-то людей — много»), и точно такую же модель поэтического текста мы видим у Юсуфа Баласагуни. Более того, можно говорить даже не о структурном, а о дословном совпадении текстов:

Сутра:

bilgā az biligsizlār öküş, tāñrim²

Мудрых — мало, невежественных — много, господин мой.

«Благодатное знание»:

biliglig idi az biligsiz öküş.³

Мудрых — мало, невежественных — много.

Подобных примеров набирается немало, и можно предполагать,

¹ Подробнее см.: Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. С. 46; Бартольд В. В. Двенадцать лекций. С. 115.

² Bang W., von Gabain A., Rachmati G. R. Türkische Turfantexte: VI. Das buddhistische sutra Säkiz Yükmäk. Berlin, 1934. № 016.

³ Arat R. R. Kutadgu bilig: I. Metin. Istanbul, 1947. Beyt № 199.

что Юсуф Баласагуни был знаком и с тюркоязычными буддийскими сочинениями. В свою очередь, основа тюркоязычных (уйгурских) сутр восходит к буддийской литературе на санскрите и китайском языке, в которой давно уже были сформулированы и канонизированы соответствующие языковые и литературные модели, воспроизводившиеся впоследствии и в тюркоязычных переводах.

О степени влияния буддизма в Восточном Туркестане XI века говорит и то, что турфанские уйгуры — авторы различных хроник — в своих сочинениях указывали не только день, месяц и год по китайскому календарю, но и добавляли также астрологический момент в соответствии с положением Луны среди 28 светил (накшатрас) индо-буддийской традиции.¹

«Благодатное знание» дает повод думать о влиянии на его автора и манихейской культуры. Выше говорилось об изречении суфийского шейха ибн-Адхама о браке как ладье, использованном Юсуфом Баласагуни. Однако ученые полагают, что приведенное изречение восходит к манихейской легенде, впоследствии связанной с именем суфия Ибрахима ибн-Адхама. В поддержку этого можно заметить, что ранняя суфийская поэзия вообще хранила много манихейских реминисценций, а Кашгар в свое время играл немалую роль в жизни манихейства.²

В гармоническое целое все произведение объединяет тюркская культурная традиция, которая воплотилась в отголосках степной лирики тюрков-кочевников, в чисто тюркских именах героев, в богатейших россыпях народной мудрости, устного поэтического творчества древних тюркских народов, их пословицах и поговорках, которые в преобразованном виде, как уже говорилось выше, Юсуф Баласагуни вплетал в ткань повествования.

Тюркская эпическая традиция ярко проявилась в выборе имен героев: Кюнтогды — «Солнце взошло», Айтолды — «Полная луна». В фольклоре народов Средней Азии и Восточного Туркестана положительные герои и героини очень часто имеют составные имена, частью которых является Кюн — «Солнце» или Ай (Ой) — «Луна». Так, в одном из наиболее ранних тюркских преданий двух первых сыновей Огуз-кагана, легендарного родоначальника тюркских племен, звали Кюн и Ай. Постоянно встречаются эти имена в узбекских дестанах: в повести «Юсуф и Ахмед» два правителя города Ургенча носят имена Кюнхан и Айхан. Имя героя поэмы «Кюнтугмыш» — вариант имени элика Кюнтогды из «Благодатного знания». Очень

¹ Б а з е н Л. Концепция возраста у древних тюркских народов // Зарубежная тюркология: Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 375.

² Б е р т е л ь с Е. Э. Суфизм. С. 186—187.

часты имена такого рода в киргизском фольклоре: сам Манас, как повествуется в одноименном эпосе, происходит от солнца и луны.

Два эти понятия у тюркских племен очень долго сохранялись как тотемы, что отразилось, например, в туркменских родовых названиях тотемного происхождения, среди которых — Ай, Айдогды, Кюн, Кюнтогды (в последнем случае — полное совпадение с именем элика из «Благодатного знания»).

В тюркоязычной литературной традиции понятия «солнце» и «луна» образуют неразрывную образную пару, и поэтому в «Благодатном знании» выбор имен элика и везира, олицетворяющих справедливость и счастье, совершенно очевидно является еще и символическим авторским иносказанием — как без солнца нет луны, так без справедливости нет счастья:

Поставь над народом закон справедливый,
Увидишь: вся жизнь его станет счастливой.

(1374)

Таким образом, имена действующих лиц «Благодатного знания» не случайны. Связанные с тотемистическими культами луны и солнца, с фольклорными эстетическими воззрениями тюркоязычных народов Средней Азии и Восточного Туркестана, они отражают традиции устной эпической поэзии этих народов.¹

В этом отношении очень показателен в «Благодатном знании» еще один прием тюркской фольклорной поэтики — эпическое обращение. Изображая охотничье искусство элика, поэт пишет:

И даже парящий в высотах орел —
Никто, бурый волк, от тебя не ушел!

(5379)

Такое обращение — «бурый волк» — к носителю власти не случайно. Волк был тотемом многих тюркских племен, а «бурый волк» является у тюрков одним из самых устоявшихся положительных эпитетов богатырей. Например, в киргизском эпосе богатыри Манаса так и именуются — «бурые волки». Юсуф Баласагуни и в этом случае использует традиционный для среднеазиатского фольклора образ, бытующий с очень давних пор для названия полководца и его дружины и связанный с тотемистическими представлениями тюрков.

Тюркская эпическая традиция, отражающая самобытность тюр-

¹ Подробнее см.: В а л и т о в а А. А. К вопросу о фольклорных мотивах в поэме «Кутадгу билиг» // «Сов. востоковедение». 1958, № 5. С. 93—95.

ка-кочевника, его своеобразное восприятие мира, проявляется и в характере изобразительных средств «Благодатного знания». Даже весьма отвлеченные рассуждения поэт часто строит на основе ярких образов, взятых из кочевой скотоводческой и охотничьей жизни:

Умелым быть должен властитель всех стран:
Лишь грозному льву покорится кулан.

Богаты все стали, дружны меж собою,
И волк, и овца вместе шли к водопою.

Ведь люди — что овцы, а бек — их пасущий,
А пастырю добрые свойства присущи.

(284, 449, 1412)

Вся жизнь турка-кочевника была связана с конем, и поэтому в образной системе «Благодатного знания» он занимает особое место. С ним связывается и начало жизни человека:

Едва лишь рожденному имя назначат,
Седлает он время и путником скачет... —

(1388)

и ее конец:

Ты спешишься скоро с поспешной кобылки:
Конем без седла тебе станут носилки!

(1428)

Мудреца, разум которого господствует над его страстями, Юсуф сравнивает со стреноженным конем. Знания и разум — это путы, удерживающие человека от опрометчивых поступков:

Ученье и знание — что путы для ног:
И шагу не ступит попавший в силок.

Любезного сердцу лихого коня
Опутанным держат до нужного дня.

Опутанный конь далеко не уйдет:
Стреножен, он воли хозяина ждет.

(314, 315, 316)

Непокорный, неудержимый олень — этот образ из поэтического видения Юсуфа Баласагуни уже знаком нам по блестящей метафоре «паслось слово тюрков оленем нагорным». Он же составляет основу живого сравнения, взятого также из охотничьей жизни:

«Да, счастье людское — что быстрый олень:
Изловишь — надежнее пути надень.

Удержишь — оно не сбежит никуда,
Упустишь — уже не вернешь ни на день!»

(712, 713)

Описывая качества, нужные военачальнику, поэт, как уже говорилось, последовательно уподобляет его животным и птицам, окружавшим азиатского кочевника (2310—2315). Основу такой образной картины составляет также традиционное для эпических сказаний Средней Азии сравнение героя с дикими животными, которое наблюдается, в частности, в киргизском эпосе «Манас», в туркменском «Гёр-оглы», в узбекском «Алпамыш», в огузской легенде об Огуз-кагане.¹ Говоря о бытовании этого мотива в мусульманских литературах, любопытно отметить, что через 52 года после появления «Благодатного знания», в 1122 году арабский поэт Абу Бекр ат-Туртуши (1059—1126) в городе Фустате (ныне часть Каира) пишет для везира аль-Мамуна сочинение «Сирадж аль-мулюк» («Светоч царей»), в котором он также перечисляет свойства, необходимые главе войска, и при этом едва ли не дословно повторяет такое же описание Юсуфа Баласагуни.

Жизнь этой литературной модели продолжилась и далее: в XVIII веке великий туркменский поэт Махтумкули повторяет ее в своем стихотворении «Герекдир» («Нужна»).²

Таким образом, свою поэтическую картину мира Юсуф хасхаджиб создает, широко используя фольклорные мотивы, традиционные приемы и средства эпических сказаний тюркоязычных народов.

Вместе с этим «Благодатное знание» воплотило в себе свойства, присущие тюркоязычной классической поэзии в ее лучших образцах и в последующие века ее развития: никаких «поэтических красот» в поэме нет, основу образа обычно составляет рационалистическая окрашенность бейта, контраст или гармония смыслов, содержащихся

¹ Подробнее см.: Бертельс Е. Э. К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов // «Сов. востоковедение». 1947, № 4. С. 73.

² Махтумкули. Стихотворения. Л., 1984. С. 312 (Б-ка поэта, БС).

в двух мисра в бейте. В описательных же моментах, двигающих повествование, поэтическая речь обычно бывает как бы «протоколно» сжатой.¹

Свойства бейтовой структуры текста «Благодатного знания» в своих принципах остались характерны и для более поздних эпох развития тюркоязычной поэзии. Бейт в эпических произведениях выявляет всю свою диалектическую двуединую сущность: по своим художественным свойствам он должен обладать максимально возможной афористичностью и замкнутостью, а по развитию сюжета двигать повествование. Статические моменты, следовательно, должны здесь находиться в определенной гармонии с динамическими. Эта основная особенность эпического повествования в бейтах, то есть в жанре месневи, отличается у Юсуфа высокой степенью художественности. Разумеется, дидактическая направленность сочинения (преобладание наставлений над описаниями), простота внешней канвы сюжета и неторопливость его развития способствовали проявлению указанных свойств бейта.²

Наряду с синтезом нескольких литературных традиций в «Благодатном знании» проявилась и характерная для всех средневековых литератур «эстетика подобающего»: здесь имеются и клишированные обороты (типа «цвела вся страна», «улыбка восходящего солнца»), и повторения, и стандартные, чаще всего — ярко символические описания природы, и варьированные «заходы» к одной и той же сущности, как бы ищущие наиболее подходящее, «идеальное» для нее выражение (например, бейты 165—176, 427—432).³ В связи с последним переводчик «Благодатного знания» С. Н. Иванов приводит высказывание Гегеля, блестяще характеризующее эту особенность восточного мышления и восточной поэзии: «Истинное познание предмета должно быть... таким, чтобы он сам определял себя из самого себя, а не получал свои предикаты извне. Если прибегать к приему предикатирования, то дух чувствует при этом, что такие предикаты не исчерпывают предмета. Восточные народы, стоящие на этой точке зрения, называют совершенно правильно бога многоименным, обладающим бесконечным числом имен. Душа не находит удовлетворения ни в одном из конечных определений, и восточное познание состоит поэтому в не знающем покоя отыскании таких предикатов».⁴

¹ Иванов С. Н. О «Благодатном знании». С. 525, 535.

² См.: Там же. С. 526—527.

³ Там же. С. 528—529.

⁴ Гегель. Энциклопедия философских наук: Т. I. Наука логики. М., 1975. С. 136—137.

Письмо — добрых слов нестираемый след:
Записана речь — ей забвения нет.

И если бы не было письменных строк,
Кто мудрые знания ведать бы смог?

Меч людям и странам приносит войну,
Калям сохраняет и множит казну.

Бек начал войну — кровью меч обагрило,
Но золотом каплют с каляма чернила.

(2697, 2698, 2714, 2715)

Вошедшее в «золотой фонд» тюркоязычной литературы сочинение Юсуфа донесли до нас только три древние рукописи, одна из которых написана уйгурскими буквами и хранится сейчас в Вене, а две другие переписаны арабским алфавитом и находятся соответственно в Каире и Ташкенте.¹

Вопрос о том, каким алфавитом пользовался Юсуф Баласагуни при написании своей поэмы, много раз обсуждался исследователями. Выше уже говорилось, что в государстве Караханидов использовались оба алфавита — и уйгурский (более употребительный), и арабский. Юсуф Баласагуни, человек высокообразованный, что явствует из каждого бейта его поэмы, безусловно, был в состоянии пользоваться обоими алфавитами.

В. В. Радлов (1837—1918) писал: «Как уроженец города Баласагуна (в Семиречье), автор (т. е. Юсуф.— М. Ф.) первоначально написал свою поэму арабскими буквами, вне влияния уйгурского письменного языка, но поэма подверглась этому влиянию в Кашгаре, где была закончена и поднесена хану, который велел переписать ее для распространения в народе уйгурским алфавитом».²

В пользу мнения В. В. Радлова может отчасти служить тот факт, что в «Благодатном знании» бейт 1953 обыгрывает особенности именно арабской графики и в дословном переводе выглядит так: «Имя „бег“ связано со (словом) „билиг“ („знание“): Если от (слова) „билиг“ отнять (букву) „лям“, останется имя „бег“».³ Однако этот

¹ Подробнее о рукописях поэмы см. с. 539.

² Радлов В. В. Турфанские тексты в лингвистическом отношении // «Записки Восточного отделения Русского Археологического Общества». Спб., 1913. Т. 21. С. 15—16.

³ Подробнее см.: Каримов К. Некоторые вопросы композиции, метра и жанра «Кутадгу билиг» // «Сов. тюркология». 1973, № 2. С. 104.

бейт с названной в нем буквой «лям» арабского алфавита является, скорее всего, просто более поздней вставкой в текст, что вообще характерно для средневековых литератур Востока.

С. Н. Иванов полагает, что приводившийся выше загадочный факт отсутствия упоминаний «Благодатного знания» и его автора в современных ему и более поздних биобиблиографических справочниках, выполненных в арабской филологической традиции, все же свидетельствует косвенным образом о том, что «Благодатное знание» было написано уйгурским алфавитом и лишь в более позднее время было переписано и арабским алфавитом.¹

Говоря о научном исследовании «Благодатного знания»,² следует подчеркнуть важную роль советских тюркологов, трудами и усилиями которых были с очевидностью показаны необъективность и неприемлемость имевшихся суждений о поэме как о сочинении, где присутствуют одни «сухие нравоучения» и «безжизненные аллегорические фигуры».³ Появление в свое время подобных суждений объясняется тем, что ученые, «подходя к восточной литературе, прилагали к ней мерку, принятую при оценке литературных произведений Запада»,⁴ то есть не учитывали различий между художественными канонами Востока и Запада. Помимо этого вне учета оставался еще один важный фактор — временной: различие эстетических и художественных представлений средневековья и нашего времени. Приступая к рассмотрению средневекового литературного памятника, отмечает академик Д. С. Лихачев, «необходимо исходить не только из тех эстетических представлений, которые воспитаны в нас великим реалистическим искусством нового времени, но искать эстетические ценности в том их виде, в каком они ценились современниками».⁵

Сочинение Юсуфа Баласагуни уже неоднократно переводилось на другие языки,⁶ однако все существующие переводы, за исключением переложения Н. Гребнева, соответствуют понятию так называемого филологического перевода, то есть перевода, максимально точно передающего содержание переводимого произведения и потому с необходимостью носящего информационный характер. Но любое художественное произведение, и в особенности произведение поэтическое, по самой сути своей не ограничивается собственно информационными целями содержательного плана, и потому филологический перевод

¹ Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Издание подготовил С. Н. Иванов М., 1983. Лит. памятники. С. 542, прим. 15—16.

² Об этом см. с. 539.

³ Бартольд В. В. Двенадцать лекций. С. 113, 115.

⁴ Бертельс Е. Э. Суфизм. С. 377.

⁵ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. С. 142.

⁶ См. об этом с. 539.

поэтического произведения являет собою всего лишь квалифицированный подстрочник, лежащий вне каких-либо художественных задач. При чтении подобных филологических переводов, справедливо отмечает С. Н. Иванов, всегда остается ощущение недостаточности перевода, «рассыпанности» оригинала, утраты главного, самого существенного — эстетики и художественности оригинала.¹

В отношении же вольного стихотворного переложения Н. Гребнева надо сказать, что оно сделано с таким же мастерством, как и все работы этого известного советского переводчика. Однако — и это главное — названный перевод выполнен вне связи с самим оригинальным текстом и представляет собой версификацию немецкого подстрочника — перевода В. В. Радлова, во многом устаревшего и иногда неверного. Это не позволило русскому переводчику до конца понять и адекватно воссоздать средствами русского языка особенности поэтического искусства Юсуфа Баласагуни, который, как уже говорилось, соединил в своей поэме несколько литературных традиций, в результате чего его сочинение стало явлением своеобразной поэтической эстетики. Проявления этой эстетики — как формальные, так и содержательные — можно видеть лишь при тщательном исследовании и абсолютном понимании оригинала, что требует от переводчика больших специальных и фоновых знаний.

7

Рожденные смертны, и жизнь быстротечна,
А доброе слово бессмертно и вечно.

Дано человеку наследовать слово,
Богат он стократ от наследства такого.

(180, 190)

В предлагаемом переводе слово поэта и философа из Баласагуна, его творческое наследие впервые становится достоянием русскоязычного читателя во всем своем объеме и своеобразии. Этот перевод, выполненный профессором Ленинградского университета С. Н. Ивановым,² представляет собой принципиально новое явление, поскольку он является поэтическим, художественным истолкованием текста,

¹ Иванов С. Н. О «Благодатном знании». С. 533—534.

² О нем см.: Материалы к биобиблиографии ученых СССР: Сергей Николаевич Иванов. Самарканд, 1982.

то есть соединяет в себе достоинство компетентного филологического перевода и эстетическую ценность воссозданных переводчиком художественных особенностей оригинала.

Творческим кредо переводчика является убеждение в том, что поэтический перевод должен представлять собою поэтическое, художественное истолкование текста, то есть пересоздание не одного лишь содержания, но и поэтики подлинника. Задача эта непомерно трудна, но только она, подчеркивает С. Н. Иванов, и достойна внимания как серьезная попытка ознакомить читателя с художественными поэтическими ценностями, созданными на неизвестном ему языке.¹

Перед переводчиком поэтического текста стоит триединая задача: во-первых, верно передать смысл, адекватно воспроизвести поэтическую мысль подлинника, во-вторых, передать его художественные особенности, то есть воссоздать его поэтику, и, в-третьих, добиться того, чтобы перевод стал явлением родной национальной литературы, для чего необходима высокая степень эстетического совершенства, то есть художественность перевода.

Рассмотрим предлагаемый перевод с этих трех точек зрения, чтобы попытаться проникнуть в творческую мастерскую переводчика и одновременно глубже узнать «Благодатное знание».

Истолкование текста по содержанию, уяснение его вербального смысла, составляющее предварительный этап художественного воссоздания оригинала, извлечение смысла из «темных» для современного читателя мест «Благодатного знания» нередко является сложной задачей. Даже высокая квалификация переводчиков не гарантирует однозначного понимания текста. Например, бейт 622 переведен разными учеными таким образом:²

Р. Р. А р а т: Айтолды вынул из кармана какой-то шар, положил его на землю, подложил его под себя и уселся на него.³

С. Е. М а л о в: Он выпятил (свой) коленные чашечки, смотри, уложил (их) Айтолды, Их распрямил и, смотри, уселся.⁴

¹ См.: Иванов С. Н. Лирика Насими и вопросы ее переводческого истолкования // «Сов. тюркология». 1973, № 5. С. 22—23; Иванов С. Н. О «Благодатном знании». С. 534.

² Четыре следующих примера цит. по: Иванов С. Н. О «Благодатном знании». С. 533.

³ Yusuf Has Nâcib. Kutadgu bilig: II. Tercüme/Reşid Rahmeti Arat. Ankara, 1959. С. 55.

⁴ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951. С. 282 (далее сокращенно: Малов С. Е. Памятники).

- В. В. Радлов: Тут Айтолды вытащил глину (?) и положил ее, смотри, Он сбил ее в комок и уселся напротив.¹
- К. К. Каримов: Айтолды вынул шар, положил его наземь, по-смотри-ка, Подложив его под себя, уселся напротив, посмотри-ка.²

С. Н. Иванов предлагает свой перевод:

Садясь, протянул он ступни своих ног,
Потом, их поджав, сел, спокоен и строг.

Его правильность подтверждается дальнейшим контекстом, а именно, бейтами № 647, 661 и 662, которые также по-разному переводятся учеными. Бейт № 647:

- В. В. Радлов: Ты давил на глину (?), чтобы усесться напротив, Ты не слушал моих слов, склонялся ко сну.³
- С. Е. Малов: Ты растянул свои ноги (колени) теперь для сиденья. Что за место сидения (у тебя), — скажи это мне?⁴

Перевод С. Н. Иванова открывает читателю простой, но скрытый смысл этого бейта:

И ноги ты выпятил здесь не по чести,
Ответствуй: тебе ли сидеть в этом месте?

Дальнейшее развитие этой темы — в бейтах 661 и 662:

- В. В. Радлов: 661 — Глину (?) я клал на землю, чтобы подтвердить это слово, Чтобы показать тебе, что мой образ — таков. 662 — Как каждый, у кого нет места, накапливает для себя глину (?), Так за ним сам следует каждый успех.⁵
- С. Е. Малов: 661 — Я расположил к (соответствующему) месту (букв.: на земле) свои коленные чашечки (стихи?). Я укрепляю так эти слова. Я показываю тебе свое

¹ Radloff W. Das Kudatku Bilik des Chass Hadschib aus Bālasagun: T. II. Text und Übersetzung. St.-Petersburg, 1900. S. 59 (далее сокращенно: Radloff W. Das Kudatku Bilik).

² Юсуф Хос Хожиб. Кутадгу билиг (Саодатга йулловчи билим). Транскрипция ва хозирги узбек тилига тавсиф. Нашрга тайёрловчи Каюм Каримов. Тошкент, 1971. С. 149 (далее сокращенно: Каримов К. Кутадгу билиг).

³ Radloff W. Das Kudatku Bilik. S. 61 (этот и следующие примеры из Радлова переведены на русский язык мною. — М. Ф.)

⁴ Малов С. Е. Памятники. С. 284.

⁵ Radloff W. Das Kudatku Bilik. S. 62.

изображение. 662 — Подобно тому, как если кто без места, то колени (его) просверливаются (натруждаются от голого пола). Подобно этому и счастье, и я сам изменяюсь (вращаюсь).¹

С. Н. Иванов проникает в символику текста и окончательно проясняет смысл происходящего, одновременно вводя читателя в образный мир древних тюрков:

Хотел я дать знак, протянувши ступни,
Что вот, мол, с чем схож я,— на это взгляни.

Как ноги всеместно, бессменно идут,
Так мне, знаку Счастья, неведом приют.

(661, 662)

В итоге, ограничиваясь этими примерами, число которых возможно умножить, отметим, что творческим принципом С. Н. Иванова является не буквализм, а функциональная, «поэтическая» адекватность перевода оригиналу при максимально точном истолковании вербального смысла подлинника.

В соответствии с творческим кредо С. Н. Иванова его перевод «Благодатного знания» представляет собой пересоздание не одного лишь содержания, но и поэтики подлинника, ее воссоздание средствами русского языка, что составляет вторую из трех основных задач переводчика.

Эвфония (звуковая организация) оригинального текста поэмы Юсуфа Баласагуни имеет выраженную тенденцию к начальной, междусловной и междустиховой аллитерации (повтору согласных звуков), которая характерна для древнего тюркского стиха. Переводчик стремится в определенной мере передать эту особенность и в русском стихе:

Три знака весенних, *три* — связаны с летом,
Три знака — осенним, *три* — зимним приметам.

(142)

Глава над войсками для власти — опора,
Где лад в ратном деле — правление спору.

Где сильная власть, там и рать для защиты,
Где войско возглавлено — воины сыты.

(2300, 2301)

¹ Малов С. Е. Памятники. С. 284—285.

В рифме Юсуф Баласагуни часто использует омонимы (слова с одинаковым звучанием, но с разным значением). Это отражается и в переводе:

В одних от рожденья негожая *стать* —
До самой их смерти им лучше не *стать*.

Писец и везир — оба в чине *особом*:
Все тайны вверяют двум этим *особам*.

(876, 2679)

В подавляющем большинстве случаев переводчик воссоздает имеющиеся в оригинале рифмы с риффом:

Властитель, что правит в *законах разумных*,
К себе привлекает *ученых, разумных*.

(254)

Там, где в оригинальном тексте имеются рифмы типа рубай (*ааба*) они, как правило, воспроизведены и в переводе:

«Где б ни было счастье, ты следуй за ним,
Не верящий счастью бедою гоним.

Кто счастья добился — спасен от невзгод,
Найдет он свершенье желаньям своим!»

(681, 682)

В области поэтической лексики перевод С. Н. Иванова соответствует художественной действительности подлинника, его «духу», сохраняя его художественно-стилистическое единство. В первую очередь это относится к характеру изобразительных средств перевода. Читатель не найдет в нем «пышных», поражающих своей метафоричностью поэтических выражений, традиционно, но в сущности неверно ожидаемых от восточной поэзии. Труднодостижимая, недоступная простота — вот главное достоинство и мерило эстетической ценности поэтического стиля с точки зрения восточной теории поэтической речи, которая обозначала такой стиль специальным термином — сахл-е мумтани. В рамках именно такой поэтической эстетики создан оригинал «Благодатного знания», художественные средства которого отличаются выраженной сдержанностью и не создают эффекта «остранения» — «странного», необычного видения и восприятия. В свою очередь, интерпретация поэтической лексики, изобразительных

средств оригинала в переводе С. Н. Иванова осуществляется в соответствии с названной эстетической нормой. Это представляется несомненной заслугой переводчика, сумевшего глубоко проникнуть в авторский замысел и удержаться в его границах. Чрезвычайную сложность и важность этого подчеркивал К. И. Чуковский: «Казалось бы, нетрудное дело — переводить данного автора дословно, не украшая, не улучшая его, а между тем это до такой степени трудно, что этому надо прилежно и долго учиться... Лишь путем долгого искусства переводчик научится обуздывать в себе стремление к личному творчеству, чтобы стать верным и честным товарищем, а не беспардонным хозяином переводимого автора».¹

Отличительное качество данного перевода — воссоздание в нем риторических фигур арабо-персидской поэтики, которые в оригинале придают стиху, как уже говорилось выше, его особый «восточный блеск» и одновременно подчеркивают смысл. Ряд таких фигур (а всего их — несколько десятков) не имеет соответствия в европейской поэтике. Не воссоздать их на русском языке было бы принципиальным художественным просчетом. Поэтому переводчик на основе русского языка моделирует многие такие фигуры.

Пример моделирования фигуры иштикак (скопление в стихе однокоренных слов) дает перевод бейта 1106, где указанную фигуру образуют три разные формы и значения тюркского глагола «есть»: «вкушал (блага)», «пользовался жизнью», «съест, поглотит». Точный филологический перевод этого бейта в «Древнетюркском словаре» не дает представления об этом эстетически важном поэтическом явлении, что обедняет словарный перевод и лишает его язык авторского своеобразия: «вкусил ли ты всяческие удовольствия и пользовался жизнью (или нет), смерть унесет тебя, не проявляя излишнюю беспечность».² Используя одно из значений тюркского глагола («поглощать»), С. Н. Иванов на основе его форм реконструирует фигуру иштикак и вместе с этим — оригинальную архитектуру стиха, возвращая ему прелесть авторского замысла:

*Глотавшему блага вся жизнь — что глоток,
Поглотит и смерть тебя — час недалек.*

(1106)

Иногда Юсуф Баласагуни в одном бейте использует сразу несколько фигур, как в бейте 897, где переводчику нужно было вос-

¹ Чуковский К. И. Высокое искусство. М., 1941. С. 82.

² Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 562.

создать две риторические фигуры: таджнис-и тамм (полный повтор, который здесь составила омонимическая рифма) и иштикак:

О том, что лишь *добрый* — радетьель *добра*,
И чем для людей *добродетель добра*.

(897)

В этом отношении бейт 564 ставит перед переводчиком, казалось бы, неразрешимую задачу — здесь виртуозное словесное искусство Юсуфа Баласагуни блещет игрой сразу трех поэтических фигур: таджнис-и тамм (омонимическая рифма), иштикак (скопление однокоренных слов) и таджнис-и мюздевич (спаренный повтор, нечто вроде русского «диво-дивное»). Полностью сохраняя смысл оригинала, переводчик воссоздает все три фигуры:

Столь *дивному* мужу нельзя не *дивиться*,
Хотя он и муж, а не *диво-девица*.

(564)

Другая особенность оригинального текста «Благодатного знания» — наличие в нем большого числа так называемых «парных» выражений, что отражает уже иную — чисто тюркскую — литературную традицию, искони присущую, в частности, древнейуйгурской литературе.¹ Перевод на русский язык этих двучленных выражений традиционно осуществляется одним словом, как, например, в «Древнетюркском словаре»: *ukuşlug biliglig* — «мудрый», *til lafz* — «слово», *alp atım* — «отважный». С. Н. Иванов, напротив, практически во всех таких случаях при переводе обязательно сохраняет двучленную структуру оригинального предложения и тем самым — специфику тюркского языкового мышления: *ukuşlug biliglig* — «разумный и сведущий» (463), *tili lafzı* — «и словом и слогом» (471), *alp atım* — «храбрецы-вожаки» (1961). Такой подход позволил воссоздать в переводе авторскую манеру поэтического словоупотребления.

В связи со сказанным следует особо подчеркнуть значимость творческого принципа С. Н. Иванова — обязательно воссоздавать особенности поэтики оригинала, благодаря чему поэтическая лексика перевода адекватно передает художественно-стилистическое своеобразие подлинника, реализует на русском языке авторский замысел.

¹ Подробнее см.: Т у г у ш е в а Л. Ю. Язык раннесредневековых уйгурских текстов (словесно-стилистические структуры). (В печати, издательство «Наука».)

Поэтический синтаксис — та сторона языка, в которой наиболее отчетливо проявляется специфика индивидуального словесно-художественного стиля писателя и вообще — индивидуальное своеобразие человека.¹ Отсюда понятно первостепенное значение воссоздания синтаксических особенностей оригинала при художественном переводе.

В предлагаемом переводе обязательно воссоздаются все типичные конструкции поэтического синтаксиса поэмы Юсуфа: обращения, восклицания, синтаксические анафоры и эпифоры, синтаксический параллелизм, инверсия синтаксиса, а также и синтаксические фигуры арабо-персидской поэтики, — например, в бейте 1621 моделируется фигура радд аль-аджуз ала-с-садр (повтор во втором мисра слова или выражения из первого мисра). Но самой яркой особенностью поэтического синтаксиса оригинала является предельно сжатая форма синтаксических конструкций, что определяется стремлением автора к афористичности — своеобразному идеалу бейта. Воссоздание в русском переводе этой особенности оригинала, являющейся одной из самых сильных сторон последнего, было, по словам переводчика, его главной задачей.² Решение этой задачи — воспроизведение афористической отточенности бейтов — стало, в свою очередь, одной из главных творческих удач переводчика.

Для достижения такой же, как в оригинале, афористичности, «сжатости» текста переводчик отыскивает в русском синтаксисе конструкции, функционально аналогичные оригинальным, в частности, эллиптические. Благодаря этому чеканная выразительность изречений оригинала передана С. Н. Ивановым в такой же совершенной и очень естественной для русского языка (а потому легко запоминающейся) форме. Примером может служить бейт 176, который в «Древнетюркском словаре» имеет такой перевод: «Следи хорошенько за языком и (тогда считай, что) сохранена голова, Говори покороче и (считай, что) жизнь продлена».³ Вместе с пояснительными словами — в переводе 17 слов против 9 в оригинале плюс «утяжеление» синтаксиса, что означает утрату важного эстетического качества текста — лаконичности, предельной приближенности словесного выражения к течению мысли. Отвергая формалистически-буквальное следование за подлинником, привязанность к грамматическим формам без проникновения в их функциональную сущность, переводчик создает свой вариант перевода, полностью передающий обаяние подлинника, его эстетику и в то же время — его смысл без малейшего искажения:

¹ Ефимов А. И. Стилистика русского языка. М., 1969. С. 196.

² Иванов С. Н. О «Благодатном знании». С. 534.

³ Древнетюркский словарь. С. 324, 620.

Язык придержал — и цела голова,
И долог твой век, если кратки слова.

(176)

При помощи синтаксических функциональных аналогов переводчик передает главные стилевые особенности синтаксиса оригинала, а следовательно, воссоздает национальный характер оригинального текста, но при этом синтаксис русского перевода остается безупречным с точки зрения норм русской литературной речи.

Для передачи стихотворного размера, которым написана основная часть «Благодатного знания» (восьмистопный мутакариб, при котором одно мисра содержит 11 слогов), переводчик избрал четырехстопный амфибрахий, в котором схема чередования ударных и неударных слогов выглядит следующим образом: V — V / V — V / V — V / V — (V). Число слогов в строке при этом получается либо 11 (при мужских рифмах), либо 12 (при женских рифмах). Чередование мужских и женских рифм используется в переводе, как отмечает его автор, для придания строкам и повествованию в целом интонационного разнообразия.¹

Выбор указанного размера основан на теоретическом положении переводчика о том, что именно в трехсложных русских размерах следует искать ритмический эквивалент тюркского стиха, потому что заметное выделение ударного слога в этих размерах и, соответственно, протяженности ударного гласного создает эффект имитации долгот тюркского оригинала.² В пользу такого выбора можно привести еще два соображения. Во-первых, выделяемые многими исследователями «напевность», «свобода дыхания» стиха, написанного арузом, суть проявления главной особенности аруза — музыкальной основы этой системы, в которой напевность заложена органически.³ Поэтому при поиске в национальной просодической системе функционального эквивалента метрам аруза следует, конечно, обратиться к тем размерам, которые создают наиболее благоприятные условия для осуществления мелодического движения стиха, для напевного чтения. Такими в русской поэтической традиции и являются трехсложники, чрезвычайно распространенные в напевном стиле русской поэзии.⁴ Во-вторых, использование четырехстопного амфибрахия в данном случае целесо-

¹ Иванов С. Н. О «Благодатном знании». С. 535—536.

² См.: Иванов С. Н. Поэма Алишера Навои «Язык птиц» // Мастерство перевода: Сб. 10. 1974. М., 1975. С. 150.

³ См.: Джафар А. Теоретические основы аруза и азербайджанский аруз. Автореф. докт. дисс. Баку, 1968. С. 34, 36.

⁴ См.: Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 71, 74; Эйхенбаум Б. М. Мелодика стиха. Пг., 1922. С. 95.

образно также благодаря его семантическому ореолу в классической русской поэзии.¹ Его нетрадиционность в ряду крупных классических русских поэтических форм создает благоприятные условия для передачи этим размером нерусской поэзии. Кроме того, внешние системные связи этого метра сразу настраивают читателя на необходимый круг образов, мотивов и эмоций, поскольку его общая семантическая традиция тяготеет к серьезным темам и отличается философической настроенностью, совпадая в этом с реальными семантическими и эмоциональными характеристиками текста «Благодатного знания».

Применение научно обоснованного метрического эквивалента позволило переводчику передать *основную тональность* поэзии Юсуфа Баласагуни и создать в конечном итоге смысловой поэтический эквивалент оригиналу, поскольку воссозданная в русском стихе интонация соответствует семантическим и экспрессивным характеристикам оригинального текста.

Предлагаемый перевод воплощает основную методическую установку советской школы поэтического перевода, которая заключается в стремлении донести до читателя как некую величайшую ценность национальный стиль художественного произведения, избежать его какой бы то ни было русификации. Данный перевод написан безупречным русским языком, однако русскоязычному читателю достаточно прочесть несколько строк, чтобы почувствовать, что это произведение — нерусское. Такое воссоздание средствами русской речи национальной поэтической эстетики, национального духа — бесспорная заслуга переводчика, который сумел передать читателю самое главное: художественную индивидуальность переводимого автора во всем своеобразии его стиля.

Говоря о третьем слагаемом триединой задачи переводчика, следует отметить художественный уровень предлагаемого перевода. Последний, безусловно, является фактом русского поэтического искусства. Здесь в первую очередь надо назвать высокую просодическую культуру русского стиха и богатство его эвфонии. Выразительная инструментовка стиха перевода (что соответствует особенностям оригинала) — это явление, которое в русской поэтической эстетике было и остается художественно значимым и ценным.

Большое художественное значение имеет созданная переводчиком при помощи архаизмов дистанция времени. Полная нейтрализация временного колорита лишила бы перевод важного для него эстетического компонента, поскольку для современного читателя роль такого колорита художественно значима. Архаизацию лексики перевода, не имеющую формального соответствия в оригинале, здесь

¹ См.: Г а с п а р о в М. Л. Семантический ореол метра (К семантике русского трехстопного ямба) // Лингвистика и поэтика. М., 1979.

нужно объяснять архаичностью содержания религиозных и схоластических представлений эпохи, окружавшей поэта, а не языковой формой их воплощения в оригинале.¹ Но основу перевода составляет все же современная русская языковая традиция высокого уровня. Лишь на правах дополнительной стилистической расцветки переводчик вводит в язык перевода архаичную лексику, чтобы подчеркнуть принадлежность текста к иной эпохе и иной культуре.

Другое важное качество перевода — это безупречная выдержанность избранного переводчиком стиля. Строгий, пристрастный отбор лексики, основанный на принципе ее соответствия художественно-стилистическому единству перевода и изначально — оригинала, создает художественное впечатление цельности и гармонии, присущих самому сочинению тюркского поэта.

Вместе с этим представляемый перевод отличается богатым и разнообразным словарем. Это — следствие прежде всего уже упомянутого использования устаревающей и устаревшей лексики, то есть использование переводчиком и активного, и пассивного состава русской лексики. Наряду с этим лексическое богатство перевода основывается, в частности, на применении переводчиком синонимов. Для примера приведем не совсем обычный случай. Юсуф Баласагуни, перед тем как дать какую-либо обобщающую сентенцию, обычно указывает, что по этому поводу уже есть высказывания мудрецов или соответствующие стихи, и призывает их выслушать, как, например, в таком бейте:

Хранит речи мудрые тюркский язык,—
Послушай, что молвил премудрый старик.

(667)

В подобных, очень частых, «вводных» оборотах, предшествующих дальнейшей прямой речи, нас интересует глагол в повелительном наклонении (в приведенном примере — «послушай»), выражающий призыв выслушать следующую далее сентенцию, обращающий на нее внимание читателя. В оригинале в таких «вводных» оборотах используются самые различные слова и их формы: eṣit или eṣitgil — «послушай», okı или okıgil — «прочти», tut или tutgil — «возьми» (в дело, т. е. используй), et (it) — «сделай» (для себя другом это слово), kōgse — «если посмотришь» (на слова), а также и другие, выполняющие ту же функцию. Это — одно из проявлений

¹ Образец использования этого приема, имеющего глубокие основания в поэтических традициях русской литературы, представляет перевод М. Лозинского «Божественной комедии» Данте. Подробнее см.: Федоров А. В. Искусство перевода и жизнь литературы. Очерки. Л., 1983. С. 320.

стилистического богатства, разнообразия склада речи Юсуфа Баласгуни. Учитывая это, переводчик в русском тексте также максимально разнообразит форму таких «призывов», используя для этого целый ряд функциональных синонимов, в качестве которых выступают глагольные формы 2-го и 3-го лица повелительного наклонения: «услышь», «внемли», «узнай», «узри» (что за смысл в этом слове), «проникнись» (наказом), «да внемлет» (слову юнец), «да примут» (совет) и многие другие. Такое умение уместно и обоснованно использовать синонимические богатства русского языка К. И. Чуковский справедливо считал одним из проявлений мастерства, главным отличием переводчика-мастера от переводчика-средняка.¹

Еще один, очень интересный случай применения огромного синонимического ряда представляет передача в русском переводе понятия о боге. В оригинале поэмы автор использует для этого 2 арабских слова: Allah, gab, а также — 4 тюркских: bayat, ugan, tenri, idi. Кроме того, в этой роли выступают эпитеты бога — причастные формы соответствующих тюркских глаголов: törütgen — «создающий», igidgen — «воспитывающий», keçürgen — «прощающий» (милостивый), yaratgan — «творящий».² И здесь также очевидно стремление Юсуфа к синонимическому разнообразию своей речи. Что же касается русского перевода, то здесь синонимический ряд с доминантой «бог» поражает своим богатством и прихотливостью, включая в себя более 20 синонимов: «создатель», «творец», «всевладыка», «зиждитель», «предержец главенства» и т. д. Их сопровождают разнообразнейшие эпитеты: «величавый», «желанный», «всесильный», «всеблагодой» и множество других.

Эстетические достоинства такого богатства и разнообразия форм передачи понятия о боге в переводе очевидны и бесспорны. Правда, при сравнении с заметно более малочисленными такими формами в оригинале может возникнуть сомнение в правомерности такого переводческого решения. Однако более глубокое рассмотрение этого вопроса показывает правильность и обоснованность решения переводчика умножить число синонимов понятия «бог» в переводе. Основанием для этого является то, что для правоверного мусульманина (каким был и автор поэмы, и ее читатели) понятие о боге, то есть Аллахе, неразрывно связано с постоянными эпитетами, атрибутами Аллаха, которые постоянно присутствуют в религиозном сознании мусульманина в ассоциативной связи со словом «Аллах». Этих

¹ Чуковский К. И. Высокое искусство. С. 60—61.

² Здесь эти причастия выступают как существительные (создатель, творец и т. д.), поскольку в тюркских языках форма на -ган полифункциональна и ее перевод всегда зависит от контекста; см.: Иванов С. Н. Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на -ган и ее производные). Л., 1959. С. 102—104, 139, 141.

эпитетов 99. Поэтому не только можно, но и нужно отразить эту особенность — богатое ассоциативное содержание мусульманского понятия о боге — в русском переводе. Творческое решение переводчика в определенной мере и воссоздает в русском тексте это причудливое красноречие и изысканность слова мусульманского Востока.

В рассматриваемом отношении привлекает внимание и еще один прием переводчика — использование в рамках общей стилевой направленности русского текста функционально-стилевого расслоения современной русской лексики, что создает дополнительное художественное воздействие. При переходе от философских размышлений, молитв, славословий непосредственно к «беседам» и «рассказам» героев характер текста стилистически меняется — переводчик придает ему разговорную окраску, используя лексику и формы современных разговорных стилей, например такие экспрессивно-эмоциональные слова, как «сквалыга», «жадюга», «прикарманить», «пляиться», «езжай» (вместо нейтрального «поезжай»), «ладно», «пускай» и др. Так осуществляется чуткая стилистическая регистровка текста. Образующиеся при этом в границах стилистического единства всего перевода тонкие стилистические нюансы и переходы заметно влияют на непосредственное художественное впечатление, сообщая ему большее разнообразие, рельефность и эмоциональную насыщенность. Благодаря этому содержание текста, в частности бесед героев, «оживает», приобретает конкретные, зримые черты, свойственные общению обычных людей из плоти и крови.

Однако описанный творческий прием сразу ставит вопрос адекватности перевода и оригинала: стилистическая регистровка перевода должна иметь для себя основания в стилистических характеристиках подлинника. Здесь перед переводчиком текста, написанного на уже давно мертвом языке, встает труднейшая проблема — определение стиля оригинала, стилевой принадлежности его лексики. Решение этой проблемы требует специальных филологических познаний и развитого языкового чутья, которое появляется только в результате начитанности в подобных текстах. Это — лишнее свидетельство тому, что попытки создать качественный поэтический перевод путем рифмования подстрочника, как правило, не могут быть творчески плодотворны.

Историческая стилистика тюркских языков до настоящего времени практически не разработана, и ни один словарь не дает стилевых характеристик тюркской лексики рассматриваемого периода. Соответственно, реконструкция функционально-стилевой отнесенности лексики оригинала «Благодатного знания», оставаясь труднейшей темой специального исследования, еще никем и никогда не осуществлялась. Поэтому филологически компетентный перевод С. Н. Иванова, представляющий собой художественное истолкование текста, можно рас-

сма­тривать в этом отношении как первую практическую попытку такой рекон­струк­ции. В ее основе лежат профессиональные познания ученого-тюрколога, в частности, добытое многолетним опытом знание стили­различительных признаков, характерных для языка средневековой тюркской поэзии.

Заканчивая на этом краткую характеристику предлагаемого перевода, можно сказать, что в нем решена названная выше триединая переводческая задача, в основе которой лежит диалектическое противоречие — сделать иноязычное произведение органичным явлением русской литературы и при этом не исказить его национального своеобразия.

Воссозданное на русском языке «Благодатное знание» Юсуфа Баласагуни открывает все­союзному читателю новые грани художественно-поэтического слова Востока, делая и нас наследниками лучших достижений духовной культуры азиатских народов.

* * *

Писал я, мечту и надежду храня,
Что доброй молитвой вспомянут меня.

Писала рука, а слова вела речь,
От смерти ни руку, ни речь не сберечь!

И память о них — мой вот этот рассказ,
Его для тебя я, о мудрый, припас.

(6505—6507)

Шесть с лишним тысяч бейтов тюркского поэта ждут Вас, уважаемый читатель, чтобы одарить богатством своего содержания, необычными сведениями и удивительным совершенством поэтической формы.

М. С. Фомкин

〈ПРЕДИСЛОВИЯ〉

1

ВО ИМЯ БОГА МИЛОСТИВОГО, МИЛОСЕРДНОГО

Хвала и восхваление, благодарение и слава богу, могучему и великому, ибо он — властитель всемогущий, величественный владыка; он создал все земное и небесное, всему живому дал пропитание; все желанное ему свершил он; все, на что ни будут воля его и благоволение, свершает он; все, что ни вознамерится осуществить, воплощает он; все, что ни предрешает он, свершается.

И да будут бессчетны хвалы посланнику божьему, стоящему над всеми созданиями,— Мухаммеду избранному, и да будет неизбывное благоволение господне над достойными и славными сподвижниками его.

Книга сия величественна в славе своей. Читающий книгу сию, созданную по изречениям мудрецов Чина и украшенную стихами мудрецов Мачина, и возвещающий стихи ее сам возвеличен ею. Ученые и мудрые мужи Мачина согласны в том, что в восточных владениях, в государствах Туркестана никто не составил свода лучше этой книги, сочиненной на языке бограхановском и тюркской речию.

К какому бы властителю и в какой бы предел ни доходила эта книга,— за великие совершенства и беспредельные красоты ее премудрые и ученые мужи тех держав одобряли ее и давали ей различные названия. Мужи Чина называли ее «Сводом благочиний», сподвижники государей Мачина звали ее «Радетелем держав», повелители стран Востока именовали ее «Украшением властителей», иранцы — тюркской «Книгой шахов», а некоторые — «Книгой наставлений властителям», туранцы же зовут ее «Благодатное знание».

Сочинитель сей книги — уроженец Баласагуна, муж воздержный и благочестивый. Завершил же книгу сию

он в Кашгаре, и представил ее ко двору властителя Востока Табгач-хана; повелитель почтил и возвеличил сочинителя, дав ему титул хасс-хаджиба; посему и известна слава имени его — Юсуфа, Великого хасс-хаджиба.

Основа сей книги — несколько непреходяще ценных сутей: первая — Справедливость, вторая — Счастье, третья — Разум, четвертая — Непритязательность, и каждой из них по-тюркски наречено имя. Справедливости дано имя Кюнтогды-элик, это — властитель, Счастье воплощено в имени Айтолды, это — везир, Разум олицетворен в имени Огдюльмиш, это — сын везира; Непритязательность носит имя Одгурмыш, это — родич везира. И меж ними происходят беседы — произносятся вопросы и ответы.

Да возрадуется сердце читающего, и да помянет он доброй молитвой сочинителя, если будет на то воля господня.

2

Над сущим господь вознесен величаво,
Ему подобает великая слава!

Велик и могуч он — предержец главенства,
Творец и зиждитель, само совершенство.

Владыка всех тварей, небес и земли,
Тебе дал он пищу — вкушай и внемли!

Всем тварям обильная пища дана им,
Он всех питает, а сам не питаем.

Всё даст он живым — не оставит несытых,
Он пищу им дарит, водою поит их.

Всему его волей даруется лик,
Кого он возвысит — тот будет велик.

Да славен посланник, что призван всесущим,
Хвала его присным, с ним вместе идущим!

Мухаммед, над всеми поставлен высоко,
Стал божьим созданьям зеницею ока.

И эта вот книга — дар добрых времен:
Она — море знаний для тех, кто смышлен.

10 Красна она мудрою сутью своею —
Хвалу вознеси ей и пользуйся ею.

В ней — мудрые мысли, куда ни взгляните,
Как будто бы жемчуг нанизан на нити.

Владыки Востока, и беки Мачина,
И все мудрецы в этом мире — едино

Почли эту книгу своим достояньем —
Хранили в казне ее с ревностным тщаньем,

Дарили ее по наследству — заветом,
От всех посторонних держа под запретом.

Полезна, во всем безупречна она,
Но многим из тюрков понятьем трудна:

На слух ее суть всем внимающим внятна,
А запись — не всем грамотеям понятна.

Кто ж руки и очи к сей книге приложит,
Тому в двух мирах она делом поможет.

Мужи разуменья в Мачине, весь Чин
Признали прекрасной ее, как один.

В восточных краях и у тюрков повсюду
Ей равная книга неведома люду.

20 Но ведает цену ей лишь просвещенный, —
Что может невежда понять неученый!

От неуча книгу подальше храни,
Будь он тебе ближе ближайшей родни!

Невежда не вникнет в нее, не заглянет,
А мудрый прочтет и хранить ее станет.

Она — Бограханова времени слово,
И ханская речь — ее суть и основа.

Была ли где книга мудрей и умней,
И будет ли создана равная ей?

Где муж, что достоин такого свершенья?
Готов я ему вознести восхваленья!

И в разных пределах и градах столичных
Дано книге много названий различных.

Мужи разумения разных сторон
В названьях блюли свой особый закон.

Весь Чин называл ее «Свод благочиний»,
«Радетель держав» книгу звали в Мачине.

А в странах Востока — отсюда и дале —
Ее «Укращеньем властителей» звали.

30 Иран — «Книга шахов» нарек ей названье,
Туранцы зовут — «Благодатное знание».

Различны названья ее по наречьям,
Но ведомы всем языкам человеческим.

Мужи, книге давшие имя, велики,
Да будет щедра к ним десница владыки!

О ты, кто начнет эту книгу читать,
Познаешь ты тюркских речей благодать,

Поймешь ты: для всех эта книга прекрасна,
Полезна властителям, правящим властно.

В ней сказано всё обо всём мудрецами —
Как править властителям, кто они сами,

И как властелинам державу блюсти —
Каким к тому мерам быть должно в чести,

Что губит страну, что навеки упрочит,
Что власть укрепляет, что — рушит и точит,

Как войско собирать и к каким переходам
Готовить его, отправляясь походом.

Об этом в сей книге понятие дано,
Всё точно разобрано, в свод сведено.

40 Кто правит страну в раденье державном,
Тот дело вверяет достойным и славным.

Кто разумом славен и мудростью вящей,
Тот — словно бы светоч, как месяц светящий.

Есть право владыки: он — людям глава,
Но есть и у подданных долг и права.

Долг подданных — чтить властелина всецело,
Его долг — лелеять их душу и тело.

Властитель державы привычен к сраженьям:
Шлет войско он в битвы своим повеленьем.

И книга гласит, как, сражаясь с врагом,
Готовить для вражеской рати разгром.

Как доблестно править властителю надо,
Как подданных холить правителю надо.

Народ почитает такого владыку,
И многим желанно предстать его лику.

И чтобы достойный был близким слугой,
И чтобы подальше был прогнан дурной,

Рассказано здесь, как ценить благородных
И как отвергать притязанья негодных,

50 Как головы сечь за деянья порока,
Как к делу привлечь всех, чье сердце высоко,

Как смело и мудро вести все дела,
И чтобы казна неиссякающей была!

Когда послушанье подвластных изрядно,
Всё будет в делах и спокойно и ладно.

И это — тебе мой завет с наставленьем,—
Почтить не забудь меня добрым моленьем.

И помни, что книгу составивший муж
Искусен в речах был и знатен к тому ж,

Был мудр он, дарами отмечен на диво,
И век, ему данный, провел он счастливо.

Он был почитаем людьми, благочестен,
Умен, рассуждением здравым известен,

Родные пределы его — Кузорду,
Прекрасен язык в его славном роду!

Свой край он покинул, влекомый призывьем,
И эту вот книгу закончил созданием.

Он всё написал, твердо двигаясь к цели,
И труд завершен был в Кашгарском пределе.

60 Прочел он свой труд, как настала пора,
Пред ханом Табгач-Кара-ханом Богра.

Даров поднесли ему много — без счета,
За мудрость и ум, в изъявление почета.

Был дан ему сан хасс-хаджиба в награду,
И был он приближен к высокому взгляду.

По праву его в этот сан возвели,
Юсуф хасс-хаджиб его звали,— внемли!

И он возвещает достойное слово:
Четыре отличья — сей книги основа.

Одно из них — правда стези справедливой,
Другое — добро, благо доли счастливой,

Отличие третье — премудрость и ум,
Четвертое — праведность, сдержанность дум.

И каждому имя дается толково,
Здесь дальше об этом и сказано слово.

Сама справедливость и правды вершитель —
Элик Кюнтогды, справедливый властитель.

А счастье — достойнейший муж Айтолды,
Везира при нем исполнявший труды.

70 А разум, какого и не было выше,
Мы в сыне везира найдем — в Огдюльмише.

И был Одгурмыш мужем скромным и честным,
С везиrom в родстве был он близком и тесном.

Вся мудрость сказания — в сих четверых,
Закончена книга, о том — ее стих.

Да, книг у арабов, таджиков немало,
А нашу речью сия — лишь начало.

Кто мудр, эту книгу оценит с почтеньем,—
Лишь тот ценит знания, кто зрел разуменьем.

По-тюркски сложил для тебя я стихи,
Молитвой мои замоли ты грехи.

Уйду я из мира, мой срок всё короче,
Внемли наставленьям, открой свои очи!

Господь, ты в своем милосердьe безмерном
Даруй всепрощение всем правоверным!

БЛАГОДАТНОЕ ЗНАНИЕ

Во имя бога милостивого, милосердного!

1

ВОЗВЕЩАЕТСЯ ХВАЛА ГОСПОДУ,
ДА БУДЕТ ВЕЛИК ОН И СЛАВЕН

Хвалою творцу начинаю я слово —
Во славу творца моего всеблагого.

Несчетны хвалы ему и величанья —
Творец всемогущий не знает скончанья.

Он землю и небо, и солнце с луною,
И тварей всех создал, и время земное.

Создать пожелав всего сущего суть,
Он всё сотворил, повелев ему: «Будь!»

Томимы печалью все твари вселенной,
Лишь он беспечален, вовек несравненный!

О ты, вечно сущий, бескорбный, могущий,
Тебе лишь названия эти присущи!

Величие — знак твоих высших примет:
Подобных тебе не бывало и нет!

Никто не сольется с тобой, ты — единый,
Исток и свершенье, всему ты — причиной.

Единство твое не объемлется счетом,
Всё в мире твоим сопричастно щедротам.

10 Поистине, вечный отец, ты един —
Един, вне слияния с сущим — один!

Ты в явном и тайном — суть истины сущей,
Далекий от взора, но в сердце живущий.

Всеявный, как солнце с луною светящий,
Сокрыл ты смысл сути своей настоящей.

Единство твое — вне бытийных начал,
Но сущее ты бытием увенчал.

Ты всё сотворил — и живое и вещи,—
Они преходящи, ты — вечный и вещей!

Творец — всего сущего смысл и причина,
И суть его даже в двойном едина.

Ни равенства нет, ни подобья ему,
И сущность его не постигнуть уму.

И он — ни в пути, ни в покое, но — бдящий,
Вне сходства он с сущностью, облик носящей.

Ни справа, ни слева, ни прежде, ни днесь он,
Ни в выси, ни долу, ни там и ни здесь он.

Всю суть сотворил он, а сам он — нигде,
Узнай: он всеместно безместный — везде!

20 О близкий сердцам и всевнемлющий тайнам,
Всё — знак твоей сути в пространстве бескрайном!

Живое без счета ты создал, единый,
Равнины и горы, моря и долины.

Ты сонмами звезд осветил небосвод,
А ночь — ярким солнцем, светящим с высот.

А сколько ты создал рысучих, летучих,
Тобою вскормленных, вспоенных, живучих!

От горнего трона до бездны зловещей
Все в горе к тебе припадают, всевещий!

Поверив в единого, вникни в ту высь,
Уверовал духом — и мыслью смиришь!

Но в суть его сердцем проникнуть не думай,
Уверуй, что сущ он, смиренною думой.

Не тщись допытать, где предел всеблагого,
Пойми, что всесущ он, без лишнего слова.

Я — скорбный твой раб, о бесскорбный господь,
Прости, помоги мне грехи побороть.

И, пав пред тобой, я надежду лелею:
Да быть мне в беде — под десницей твоею.

30 И милость даруй мне вознестись высоко —
Дозволь в судный день быть под сенью пророка.

Восславь его верных друзей четверых,
Да буду храним я предстательством их!

Яви в судный день мне их лики, всесущий,
Да станет их речь мне звездой ведущей!

Хвалить твою сущность — бесплодна мечта,
Восславь себя сам — мои немые уста!

2

о достоинствах пророка, да будет он благословен

Любимый возвестник! Благим всевладыкой
Был послан ты, избранный, пастве великой.

И темная ночь озарилась сияньем,
И блеск осветил тебя ярким сверканьем.

То — вестник к тебе был от господя сил:
Воитель, на праведный путь ты вступил.

Отца позабыл он и мать, и всем сердцем
Служил он возлюбленным единоверцам.

Без сна и без пищи и ночью и денно
Творца за тебя он молил вдохновенно.

Страдая, молил о тебе, был с тобой, —
Хвалою воздай ему, доброй мольбой.

40 О пастве он думал с печалью всечасной,
От мук чтоб избавился каждый несчастный.

Дороже, чем мать и отец, он,— внемли же:
Творцу за тебя помолившийся — ближе!

Он в милость всем людям творцом сотворен,
Велик и в деяньях и сущностью он.

Он праведен, скромн, в деяньях велик он:
Участлив и добр он, и щедр каждый миг он.

Он был для земли и для неба отрадой,
И бог одарил его щедрой наградой.

Главнейший в главенстве, начало начал,
Печатью пророков над всеми он встал.

И предан я сердцем веленьям пророка:
Влюблен в его речи, я чту их глубоко.

Мой дух охрани, о творец, своим оком,
Да буду ведом в судный день я пророком!

Яви мне свой лик в смуте судного дня,
И пусть поведет твой избранник меня!

3

о достоинствах четырех сподвижников пророка,
да пошлет им господь благословение

И четверо верных друзей его главных
Совет с ним держали в трудах его славных.

50 Два тестя достойных, два зятя любимых —
Все были мужами высот несравнимых.

Главнейший из них, самый первый — Атык,
Муж веры, он духом и словом велик.

Презрел он все блага, и душу и тело,
Любовью к посланнику жил он всецело.

Другой был — Фарук, человек несравненный,
Был духом он славен и речью бесценной:

Дано было верной стези пестуну
С чела шарията совлечь пелену.

А третий — Осман был. Разумный и верный,
Отмечен был щедростью он беспримерной.

Все блага презрел он в раденье высоком,
Две дочки даны ему были пророком.

Наследником доблестей их был Али,
И смелость и ум его всё превзошли.

Открыт был и щедр его дух величавый,
За мудрость и ум он увенчан был славой.

Они — шарията и веры основа —
Карали врагов и неверных сурово.

60 Четыре устоя мне в них четверых,
Ушедших из жизни, но вечно живых.

Сто тысяч похвал от меня им, всесущий,
Ты память о них сделай вечно живущей.

Возрадуй их дух похвалой от меня,
Да быть мне при них в смуте судного дня!

4

О БЛАГОСВЕТЛОЙ ВЕСНЕ
ВО СЛАВУ ДОСТОЧТИМОГО,
ВСЕПОБЕЖДАЮЩЕГО, ВОСПОМОЩСТВУЮЩЕГО МУЖА ИСТИНЫ
И ВЕРЫ, ВЕЛИКОГО ВЛАСТИТЕЛЯ ТАБГАЧ-БОГРА-КАРА-ХАНА,
ОТЦОМ КОЕГО БЫЛ АЛИ-ХАСАН, СЫН АРСЛАН-ХАНА, —
ДА БУДЕТ НАД НИМИ МИЛОСЕРДИЕ ГОСПОДНЕ

Повеял Восток благовоньем весенним,
И райским овеяло мир дуновеньем.

И мускус простерся над гладью камфарной,
Весь мир озарился красой лучезарной.

Весна сорвала полог зимнего сна,
И радугу счастья воздвигла весна.

И солнце сместилось, чтоб снова прийти бы
В созвездье Овна из созвездия Рыбы.

Оделись деревья зеленым покровом,
И всё стало алым, багряным, багровым,

Весь мир стал зеленой красой осиян —
Властитель в Хытай снарядил караван.

И горы, как будто сурьюю и хною,
Багрянцем окрасились, голубизною.

70 Сто тысяч цветов расцвело той порою,
Весь мир дышит мускусом и камфарою.

И пряной волною дохнул ветерок,
И мускусным духом весь мир обволокло.

И птиц разноперых несметная стая
Крикливо теснится, садясь и взлетая.

Парят птичьи стаи в бескрайних просторах,
Летят в горних даях, пьют воду в озерах.

Кричат журавли, караваном парят,
Как будто верблюдов шагающих ряд.

Они, к вожаку воззывая, курлычут,
Как будто бы девушка милого кличет.

Что кровь, красноклюва, что прах, черноброва,
Кричит куропатка, смеется бедово.

И каркает ворон, вздымая свой клюв,
И гуси скрипят, долу шею пригнув.

Поет соловей среди розовых кушей,—
Звучит день и ночь его голос влекущий.

И серны резвятся в цветущих полянах,
Играют маралы в просторах багряных.

80 И хмурится небо, и плачет навзрыд,
А радостный дол многоцветьем блестит.

И смотрит весь мир на себя в эту пору:
Все рады, друг друга любя, в эту пору.

И слышу вселенной я гневное слово:
«Ужель ты не зришь лик хакана благого?»

Встань от дремоты,— когда ж ты прозришь?
Не слышишь? Внемли, мое слово услышь!

Я тысячи лет была сирой и вдовой,
Но вдовый наряд я сменила на новый.

Прикрасилась я, ведь хакан — мой владыка,
Пасть жертвой пред ним мое рвенье велико!»

И громом из облака бьет барабан,
И молнийный меч обнажает хакан.

Грозою всем странам меч вынут из ножен,
Грохочут литавры — весь мир растревожен.

Велик Богра-хан, покоритель вселенной,
Да славен в обоих мирах несравненный!

О ты, светоч веры, опора страны,
Венец всех народов, что вере верны!

90 Дано тебе всё, что желал ты, от бога:
Твоя он защита, тебе он — подмога.

Краса всей вселенной, прекрасный властитель,
Владычества светоч, врагов устрашитель!

Державу и трон даровал ему рок,
Да шлет ему счастье в правлении бог!

Весь мир от всевластья хакана в покое:
Всё в мире — тому подтвержденье благое.

Все горние птицы слетелись нежданно —
От румских владык и владык Индустана

И песни поют, его имя хваля,
И полнится радостным пеньем земля.

И ярко цветами весь мир разукрашен —
Высь неба, раздолья нагорий и пашен.

И служит владыке вся зелень живая,
Врата благовонья пред ним раскрывая.

И амбру дарят ему тысячи рук,
И мускусным духом всё дышит вокруг.

Без счета дары ему возят с Востока,
На Западе чтут его славу высоко.

100 У врат его счастье к услугам готово —
У врат быть услужливым другом готово.

Весь мир услуженьем почтить его рад:
Властитель восславлен, сражен супостат.

И в громе литавр, во вселенной гремящем,
Приходит прозренья к незрящим и спящим.

Спокоен весь мир, дан закон ему правый,
Законность венчает властителя славой.

Кто хочет узреть непорочности лик,
Да видит он образ владыки владык!

О мнящий узреть лик безбедного счастья,
Вглядись в лик владыки, в дела благовластья!

Желаешь ему ты судьбы беспорочной —
Всем сердцем служи ему с верностью прочной.

А хочешь знать сердце, что духом светло, —
Взгляни на его всеблагое чело!

О славный в деяниях, столп первородства,
Будь вечен, — не ведать бы миру сиротства!

Дал бог тебе власть, тебе слава — награда,
Стократ славить бога всем подданным надо.

110 В народе пословица древняя есть:
«Дар сыну — отцовское имя и честь».

Сын, имя и честь получая в награду,
В наследстве стократ обретает отраду.

Бессчетны владыке всевластья даянья,
Мой дар — этот свод, «Благодатное знание».

Дары те не вечны — удел их таков,
А мой будет вечен во веки веков!

Что накопишь, сберешь — всё уйдет незаметно,
А слава письмен неизбывна, всесветна!

Ты, счастье всех тюрков, внесен в эту книгу,
И чуждым пребудешь ты смертному мигу.

Открой ему, боже, к желанному путь
И верной опорой в деяниях будь!

Храни его ближних, карай ему чуждых,
Даруй ему радость, радей ему в нуждах!

И пусть хлынет ливень, цветенье живящий,
Безжизненный лес превращающий в чащи.

Пусть небо, свершая свой круговорот,
Во благо владыке врагов разметет!

120 Покуда не станет земля красно-медной,
И зелень цветенья не сгинет бесследно,

Цвести твоей славе, вознесшись высоко,—
Да зрит ее свет и незрячее око!

И пусть во всех замыслах волею бога
Властителю будет опора-подмога!

И пусть благоденствует вечно народ
И, словно Лукман, неизбывно живет!

Хвалю создателю начал я слово —
Во славу зиждителя сил всеблагого.

Он создал вельем своим всё земное,
Зажег над вселенной он солнце с луною.

Вертящийся он сотворил небосвод,
От века свершающий круговорот.

Велел в синем небе быть звездам светящим
И ночь озарил он сияньем блестящим.

Одни звезды в небе подобны узорам,
Другие — высоты обходят дозором.

Одни создал он для людей в поученье,
Другим — путеводное дал назначенье.

130 Высоко и низко — тьма звездных огней,
Одни из них ярче, иные — темней.

Сатурну пробыть в каждом знаке высоко
Два года дано восемь месяцев срока.

Юпитер — вторая звезда. В Зодиаке
Он десять да два еще месяца в знаке:

Марс — третий по счету. От взгляда его
Всё в мире цветущее станет мертво.

А Солнцу дано быть четвертой звездой,
Весь мир озаряет оно красотою.

А пятой — Венере — дано своим ликом
Утешить тебя даже в горе великом.

А дальше — Меркурий. Где виден он, там
Свершаться желаньям дано и мечтам.

Луна идет низко — вослед всем планетам
И, с Солнцем встречаясь, горит полным светом.

Двенадцать созвездий в кругу Зодиака —
Их место едино в нем или двойко.

Овен — знак весны, а Телец — рядом с ним,
Потом Близнецов мы и Рака узорим.

140 Там Лев и Колосья, Весы — им вослед,
А Лук — Скорпиону ближайший сосед.

Затем Козерог, Водолей идут, Рыбы,—
Сверкаючи их очертаний изгибы.

Три знака — весенних, три — связаны с летом,
Три знака — осенним, три — зимним приметам.

Огню, воде, воздуху, праху земли —
Всему по три знака, весь мир в них,— внемли.

Один для другого они — супостаты,
Друг другу смертельной враждою чреваты.

Но, ввек не сходясь, они движутся кругом,
Не видя друг друга, но в мире друг с другом.

От века их суть установлена богом —
Друг друга сменять в уложении строгом.

Про многое здесь рассказать я сумел,
Наука и разум — основа всех дел.

6

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ,
ЧТО ДОСТОИНСТВО СЫНОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ — В ЗНАНИЯХ И РАЗУМЕНИИ

Творец человека меж тварей отметил,
И стал он и знаньем и разумом светел.

Его отличил и умом он и словом,
Дал облик и сделал в деяньях толковым.

150 И стал человек разуменьем велик,
И знаньем он многие тайны постиг.

Кому даровал бог и знанья и разум,
Того он ко благу наставил наказом.

В науке — всё благо, в познаньях — величье,
Даны божьим слугам два высших отличья.

И правду сих слов подтвердит моя речь,
Сумей из нее всё, что нужно, извлечь.

Величье дается благим разуменьем,
А знанья — основа великим свершеньям.

Кто знающ — тот знает, разумен — разумный,
Свершает желанное лишь многодумный.

Пойми суть познания — премудрый завет:
Лишь мудрый избегнет болезней и бед.

Невежда подвластен болезням и бедам,
А хворь не излечишь — смерть шествует следом.

Лечись же, невежда, внемли же призывам:
Очнись от неведенья — станешь счастливым.

Учение — повод, влекущий вперед:
К свершенью желаний он твердо ведет.

160 Кто предан ученью — тому и успехи:
Разумный не знает в желаньях помехи!

Ученьем вершатся труды и дела:
Наука властителей к цели вела!

7

повествуется о достоинствах и пользе языка

Язык — переводчик науки и знанья,
Язык человеку дарует сиянье.

Язык людям счастье и славу приносит,
И он же карает и головы косит.

Язык — словно лев, что лежит у ворот:
Едва оплошаешь — тебя он сожрет!

Внемли же тому, что сказал злоязычный,
И пусть тебе сдержанность станет привычной:

«Немало вредит злоязычная речь мне!
Отрежу язык, чтоб себя уберечь мне.

Придерживай речь — будешь цел и здоров,
Язык придержи — не лишишься зубов!»

Всеведущий создал язык твой толковым —
Храни свою голову, властвуй над словом!

И, чтобы твой рок был к тебе не суров,
Храни свой язык от неправедных слов.

170 Разумной считается мудрая речь,
А глупая снимет и голову с плеч.

В пустом суесловье не вижу я прока,
И грех многословья порочен глубоко.

Не будь многословен, скажи лучше кратко:
Тьме путаных слов — лишь в едином отгадка.

Речь людям дарует и власть и почет,
А лишнее слово и шею сечет!

Сболтнешь — попрекнут тебя речью пустою,
А станешь молчать — укорят немотою.

А ежели так, то держись середины:
Умеренность в речи и доблесть — едины.

Язык придержал — и цела голова,
И долог твой век, если кратки слова.

Язык и убыток и пользу приносит,
За это и хвалят его и поносят.

Всегда говори с разумением слово,
Да будет оно — словно глаз для слепого!

Незнающий слеп без сомненья, заметь,—
Невежда, старайся к познанию прозреть!

180 Рожденные смертны, и жизнь быстротечна,
А доброе слово бессмертно и вечно.

Две доблести в муже не знают предела:
Хорошее слово и доброе дело.

И умер сказавший, а живы слова,
И доброго имени слава жива.

Кто жить хочет вечно, не зная скончанья,
Да будут благи его речь и деянья.

Я речь и хвалил и бранил понемногу,
Внемли же, — тебе говорил я в подмогу.

Всех слов не упомянут, усилий не трать,
Лишь нужное слово не надо скрывать.

Я, доблестный, сыну совет дал бесценный,
Да внемлет он сути его сокровенной.

Тебе я сказал слово это, о сын мой,
Тебе говорил для совета, о сын мой!

И знай, что и золото и серебро —
Не равное доброму слову добро!

Уйдет серебро, ему — в небыль дорога,
А примешь совет — серебра будет много.

190 Дано человеку наследовать слово,
Богат он стократ от наследства такого.

Не хмурь же бровей, о мудрец, и прости:
Мой долг — покаяние здесь принести.

8

СЛАГАЮЩИЙ КНИГУ ПРОСИТ ПРОЩЕНИЯ

Да будет, о мудрый, мой умысел ведом:
Я зов обращаю к идущему следом.

Сначала раздумье — потом уже слово,
Сплошаешь в речениях — кара бедова.

Грозит тебе злобой людской пересуд,
Наветы молвы твою плоть изгрызут.

А мой груз не тяжек — «Лишь истине следуй, —
Так я рассудил, — всё, что знаешь, поведай».

А спросишь — зачем, так отвечу тебе я,
Скажу, славный муж, правду слов разумея:

Греховным зовется не зря «чело-век»:
«Чело» его грешно, в грехе его «век»!

Скажи: где безгрешного в мире я встречу?
Тьмы тем в мире грешников,— так я отвечу.

Разумных не много, а много бездумных,
Неумных — без счета, да сыщешь ли умных!

200 Неумный извечно разумному враг:
Спор неуча с умным доднесь не иссяк!

Различий не счесть среди рода людского,
И суть их — в познаньях,— об этом и слово.

К разумным взываю я эту речью,
Не в силах я глупость понять человечью.

С глупцом толковать — я не ведаю слов,
Тебе же, о мудрый, служить я готов.

К тебе моя речь, на тебя — упованье,
Тебе же и глас моего покаянья.

В речах и ошибки бывают — ну что же:
Понятливый выправит то, что негоже!

Слова — что ведомый уздою верблюд:
Куда их потянут — туда и пойдут.

Есть много людей, говорящих с понятем,
И дорог мне муж, что умеет внимать им.

Всех доблестей можно познанием добиться:
«Наука на небо ведет», — говорится.

Всегда проверяй свои речи умом,
И чти лишь того, кто с наукой знаком.

210 Ведь слово на землю сошло с небосвода,
Возвышена словом людская природа.

Как море, душа человека бездонна,
В ней жемчуг познания лежит потаенно.

А тот, кому жемчуг добыть не дано,
Жемчужный ли, каменный он — всё равно!

Лишь в копиях подземных добытое злато
В венце властелина сверкает богато.

И ежели мудрый не внемлет советам,
Лежалая мудрость не светится светом.

Разумный и мудрый — чудней всех чудес:
Внемли им — и ты воспаришь до небес!

Узнай, что сказал повелитель державный,
Чьи разум и знанья — премудрости славной:

«Владыками быть суждено лишь разумным,
А пестовать подданных — смелым и умным.

Кто правил всем миром, был мудр и учен,
При нем дан был подданным мудрый закон».

С тех пор как дарована жизнь нашим дедам,
Был добрый закон мудрым праотцам ведом.

220 И после, доньне, по этим законам
Большие посты отдавали ученым.

Ученьем изводят и зло и порок,
А знанием — смуты народных тревог.

И только когда оба средства негожи,
Берись за оружие и действуй построже.

У славных владык было мудро правленье:
Меч — только для тех, кто лишен разуменья.

И если всесветный властитель умен,
И правит народом по разуму он,

И эти два свойства — в согласье едином,
Он станет всем странам земли властелином.

И кто в двух мирах утвердить себя хочет,
Лишь доблестью в деле себя он упрочит.

И если ты мнишь обрести благодать,
Свершай только благо, слов лишних не трать.

Все смертны, и вечно лишь доброе имя
Того, кто был славен делами своими.

И ты преходящ, будь же именем вечен:
Чье имя бессмертно, тот сам бесконечен.

9

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ДОСТОХВАЛЬНЫХ СВОЙСТВАХ
И ПОЛЬЗЕ ДОБРЫХ ДЕЛ

230 У тех, чьей деснице народы подвластны,
И слово и дело должны быть прекрасны.

И юность минует, и жизнь отойдет,
Весь мир — словно сон, и тебе — свой черед.

Отдай свою жизнь под прирост, словно золото,
И, сыт и одет, проживешь ты богато.

Внемли, что сказали благие мужи:
«Никто не минует смертельной межи».

И все, кто от века рожден во вселенной,
Минули и встретили час нареченный.

И все — бек и раб, и благой и дурной
Оставили имя по смерти земной.

Теперь и твоя чередá подоспела —
Будь верен свершению доброго дела.

Живущий умрет, тело в землю сложив,—
Кто благ был до смерти — тот в имени жив.

Два имени есть в нашей речи покуда
Для славы посмертной: добро или худо.

Дурных порицают, хорошим — хвала,—
Какая из двух тебе участь мила?

240 Был добрым — тебя провожают хвалою,
А был ты плохим — породнишься с хулою.

Взгляни, почему посрамлен был Заххак,
За что Фаридун удостоился благ?

Один был достойным, ему — одобренье,
Другой был дурным и познал посрамленье.

Добро или зло тебе нравится,— глянь,
И что тебе любо — хвала или брань?

И ты избери, что ты ценишь дороже,
А выбрал — потом уж терзаться негоже!

У мудрых давно поговорка была,
А мудрые знают людские дела! —

«Хорошим — при жизни хвала подobaет,
А злым — и по смерти хула подobaет!»

И сколько знавал я вершителей зла:
Едва лишь умрут — вся их сила ушла!

Видал и таких, что за злые свершенья
Платили всей жизнью, о муж разуменья!

Дурной — что огонь: лишь его запалят —
И он на пути не потерпит преград.

250 А те, что до нас отошли,— погляди-ка:
Простой человек или мощный владыка —

Кто жил из них разумом — все искони
Стране и народу служили они.

Властители — те из них, кто с разуменьем,
Надежный закон даровали владеньям.

Всё так и теперь: кто о благе радел,
Тот стал во главе добродетельных дел.

Властитель, что правит в законах разумных,
К себе привлекает ученых, разумных.

Он предан делам, их с оглядкой ведет,
С наукой сверяясь, он правит народ.

Всех холит он, бедных спасает от худа,
Закон для него — благо бедного люда.

Кто именем славен, тот славным слывет,
А славным — и после кончины почит.

Кто с думой о смерти радел о грядущем,
Тот имя сберег, как посланье к живущим.

Читающий сыщет к писавшему след:
Прозящий получит разумный совет.

260 И всё, что на свете любезно науке,
Невежде — лишь повод для брани и скуки.

Внемли, что изрек пронцательный муж,
Уже пожилой и бывалый к тому ж:

«Где неуч сидит на почетнейшем месте,
Там сесть у придверья — и то больше чести.

А ежели мудрый и сел у дверей,
То место — почетного места добрей.

По разуму только — почет и доверье,
Неважно, где сесть — во главе ли, в придверье!»

Два рода мужей люди чтут испокон:
Один из них — бек, а другой — кто учен.

И схожи, поверь, со скотом остальные —
Кого бы ни взял ты: не те, так иные.

Кто сам ты, скажи мне, из этих двоих:
Из двух выбирай и беги от иных.

Владенье мечом благом подданных правит,
Владенье пером на дорогу наставит.

От них нам достался надежный закон:
Наследием предков народ вознесен.

270 Наследство живому от мертвого — слово,
И польза верна от наследья такого.

Невежды незрячи, подобны слепцам,
Прозри, о слепец, и внемли мудрецам.

Людей красит слово, есть много наречий,
И славлю я речью язык человеческий.

У тюрков об этом присловие есть,
И здесь его к месту хочу я привести:

«Красны речи словом, а мысли — речами,
Красны люди ликом, а лики — очами!»

Людские слова произносит язык,
От добрых речей украшается лик.

Среди тюркских беков есть множество славных,
Славней они многих владык предержавных.

Меж них есть прославленный муж — Алп Тонга,
И всем его слава вовек дорога.

Велик был сей избранный, доблестью славен,
Умом и премудростью был он державен.

И сколько столь доблестных, сильных и властных
Сей мир превращает в навеки безгласных!

280 Таджики его Афрасйабом зовут.
Когда он возглавил свой подданный люд,

Ему подобало быть мудрым и смелым
И власть укрепить над бескрайним пределом.

Таджиками он в письменах восхвален,
Иначе кому бы известен был он?

И сказано доблестным мужем прекрасно:
«Узлы только смелый распутает властно».

Умелым быть должен властитель всех стран:
Лишь грозному льву покорится кулан.

Тьмы доблестей нужны властителям мира,
Чтоб не было людям ни мрачно, ни сиро,

Чтоб грозен врагу был карающий меч
И чтобы народ свой законом беречь.

ПОВЕСТВУЕТСЯ ОБ ОТЛИЧИЯХ И ПОЛЬЗЕ УЧЕНИЯ И ЗНАНИЯ

Хочу я, о мудрый, о слове сказать —
Ученья и знанья воспеть благодать.

Учение — светоч во мраке ночном,
От светоча знанья ты светел челом.

Ученьем и знаньем достигнешь высот,
И два этих блага приносят почет.

290 Незнающий слеп, — да уверует он:
Лишь оком учения мир просветлен.

Где властен закон, там безбеден народ,
И в славе времен его имя живет.

«Учась, — я слова мудреца приведу, —
Спасется из ада и грешник в аду!»

Взгляни на младенца: не вышла пора —
К учению он не наладит пера.

А хоть и учен, если тело старо —
Ученье забыто, недвижно перо.

О тех, кто безумен, и думать не след:
Для них, кроме смерти, лечения нет.

Ты спросишь, что неучи значат собой, —
Отвечу: из них бесполезен любой.

Познавший ученье — в деяньях весом,
А неуч и мелок и легок во всем.

И слово об этом прекрасное есть:
«Бездумным невеждам неведома честь».

И правильно всё, если зорко взглянуть:
В ученом и знающем истинна суть.

300 Поистине мудр рассудительный муж,
Лишь умный — могучий, властительный муж.

Ученым дано благородными слыть,
Лишь знающий может правителем быть.

И всюду, во всё на земле силу рук
Вложил человек и познание наук.

Кто мудр и учен — благородством велик,
А знанием вершится господство владык.

И к тысячам тысяч свершений вела
Премудрость ученья — за то ей хвала!

Немалый и в малом учении прок,
И малое знание — добрый залог.

Четыре есть вещи — малы, а сильны,
В их малость не верь, речи мудрых верны:

Одна из них — пламя, другая — враги,
А третья — смертельной болезни шаги.

Они в этих свойствах с наукой сошлись,
Ты верь в их могущество, не обманись.

В их силах таится двойкий исход:
Неведомо, благо иль горе придет.

310 Наука — влекущий богатства магнит,
А ум — тот чертог, что богатства хранит.

У знания с мускусом схожая суть:
Держать его втуне негоже ничуть.

Как мускус ни прячь — запах всюду проник,
И знаний не скроешь: их выдаст язык.

Познания — богатство, откуда и часть
Искуснейший вор не сумеет украсть.

Ученье и знание — что путы для ног:
И шагу не ступит попавший в силок.

Любезного сердцу лихого коня
Опутанным держат до нужного дня.

Опутанный конь далеко не уйдет:
Стреножен, он воли хозяина ждет.

Ученье тебе — словно преданный друг,
И верный собрат твой — познание наук.

И знание и дело невежде чужды:
Будь он и без бед — у него две беды.

Присловье у тюрок известно о том, —
Его ты усвой и душой и умом:

320 «Ученье ученому — верный собрат,
А неуч о знанье и слышать не рад.

Ученому знанье — и снедь, и наряд,
А козни невежды — лихой супостат!»

О знающий! Гнев из души изгони!
Разумный! Не гневайся, честь сохрани!

Ни с гневом, ни с яростью дел не верши:
Свершенное наспех — погибель души.

Гневливый раскаяньем поздним томим:
Кто вспыльчив — всегда наказание с ним.

Долг чести для мужа — владенье собой,
Бек должен быть ясен, как солнце с луной.

Степенность ему, благосклонность нужны,
И знания и просвещенность нужны.

Ученость нужна, чтобы знаньем владел,
А знанья нужны для свершения дел,

Добро чтобы чтил он, дурного избег
И нужное с лишним не путал вовек,

Чтоб всё отличать и сличать он умел, —
Владея собой, был бы зорок и смел.

330 Тогда всё готово в единый присест:
Разумный несваренной пищи не ест!

Такой человек всё, что хочет, свершит:
В два мира ему путь широкий открыт.

А злоба и гнев — для мужчины порок:
Поддался им — гибнуть себя же обрек!

Внемли благородным словам мудреца
И следуй им, славный юнец, до конца:

«Поддавшийся гневу лишится ума:
В сердитом — не ум, а невежества тьма.

И доблестный муж, если злобствует, — глуп,
Во гневе и добрый несдержан и груб!»

Усвой, что сказал пронцательный муж,
Разумное слово — отрада для душ:

«Есть вещи, что портят нас, душу губя, —
Кто с ними сроднился, тот губит себя.

Одна вещь — язык, чья отрада — навет,
Другая — дать слово и рушить обет.

А третья — любовь к возлияньям хмельным,
И ясно: исход ее будет дурным.

340 Упрямство — вот тоже злокозненный вред,
К упрямам любви и почтения нет.

Еще одно зло — быть злонравным, худым,
Со всеми людьми перессориться в дым.

Еще одно — злобный, как ветер, язык,
Способный убить собеседника вмиг.

А все эти свойства сойдутся — беда:
Владельцу их — счастья не знать никогда!

Суров к его доле карающий рок,
И всю его сущность источит порок!»

Внемли, достославный: о добром радей,
Благие деяния красят людей.

Услышь, что сказал добродетельный муж,
Пестун и знаток человеческих душ:

«Достойного мужа не старят года,
Дурной, как ни славь его, дурен всегда.

В раскаянье быстро стареет дурной,
А добрый живуч: он не мучим виной!

И добрый удачлив в желаньях своих,
А муки и беды преследуют злых».

11

ПОВЕСТВУЕТСЯ О НАРЕЧЕНИИ НАЗВАНИЯ СЕЙ КНИГЕ
И О СТАРОСТИ

350 Я книгу назвал «Благодатное знанье» —
Благие читающим в ней назиданья.

Написанной книгой и сложенным сказом
Два мира объять помышляет мой разум.

Да ведают счастье обоих миров
Познавшие благо сих истинных слов!

Сложил Кюнтогды похвалу я сначала,
Чтоб Правдою слово мое прозвучало.

Затем Айтолды возвеличил я словом, —
Да блещет он светочем Счастья пунцовым.

Да, Правды великий закон — Кюнтогды,
Да, Счастьем мной наречен Айтолды.

Затем мой рассказ — о благом Огдюльмише,
Чей Ум — всех премудростей разума выше.

Затем посвятил Одгурмышу я слово,
Сей муж — сама Скромность, суть мира иного.

Четыре сих свойства — о них мой рассказ,
Читай, и да станет всезрячим твой глаз!

О юноша, с радостью в сердце живущий,
Внемли всей душой мне без лености пущей!

360 Путь правды храни от неверного шага,
Зря юность не трать и цени ее блага.

Мелькнет твоя молодость — знай наперед,
И — как ни удерживай — жизнь отойдет.

Не трать свои юные силы напрасно,
Смиреной молитве будь верен всечасно.

О, где моя юность! Я каюсь сурово,
Да что в этом пользы — кончаю я слово.

Чьи годы за сорок прошли чередою,
Уж тот распростился с порой молодою.

А мне пятьдесят, и немолод я телом,
Был вороном черным — стал лебедем белым.

И кличет шестой мой десяток: «Иди!» —
Пройду, если нет западни впереди.

Когда шестьдесят уже минуло мужу,
Сменил летний зной он на зимнюю стужу.

Что в тридцать собрал — в пятьдесят всё уйдет,
А что в шестьдесят твоих лет тебя ждет!

Что сделал я вам, пятьдесят моих лет?
За что ваша месть насылает мне бед?

370 Пока еще молод, всё — радость-улада,
А ныне и пища мне — вся горше яда!

Был прям, как стрела, я — согнулся, как лук,
И в сердце, не ведавшем страха, — испуг.

Прошла моя юность, и старость пришла,
И ты не избежешь такого же зла!

О ты, всеправдивый, молю: помоги мне —
Стал пленником лет я, и годы — враги мне.

Без пут и оков заплетаются ноги,
Померкли глаза мои, стали убоги.

Вся радость ушла, гаснет пламя в груди,
И младость прошла — не зови и не жди!

Проснись, седовласый, готовься к кончине,
Рыдай о прошедшем в тоске и кручине.

Твой век многодневный загублен тобою,
Свой срок доживай с покаянной мольбою.

О ты, вечно сущий, бескорбный творец,
Ты сонму живых уготовил конец.

К тебе обращаю с молитвой я слово:
Продли мне в отраду дни срока земного!

380 Я начал рассказ мой с мольбою покорной —
Пошли завершенье ему, животворный!

Восславь, о язык мой, зиждителя сил,
Который от скверны меня отвратил.

Он создал меня, среди многих отметил,
И праведный путь мой был ясен и светел.

Во тьме я томился, и тьму осветило:
Во мраке темницы возжег он светило.

И он указал мне, заблудшему, путь,
Иначе бы мне адских мук не минушь!

Избрал он меня и возвысил меж лучших,
Увел он меня от дороги заблудших.

Зажег в моем сердце он светоча жар
И дал моей речи свидетельства дар.

Он дал мне и душу, и очи, и разум,
И слово вложил он в уста мои разом.

И всюду ведом я любимым пророком,
Лишь он мне опора в служенье высоком.

И всё это — милости господа бога,
Рабу нерадивому помощь-подмога.

390 И как отыскать мне слова для похвал,—
О, если бы жизни он мне даровал!

О боже, ты знаешь: я слаб пред тобою,
Рыдая, тебе я всё горе открою:

Не в силах воспеть я тебя, всеблагого,
Ты сам помоги мне найти это слово!

На праведный путь мне вступить разреши,
Одежд моей веры меня не лиши!

И в час, когда дух мой изыдет из тела,
Дай быть мне с тобою и с верой всецело!

А в бурой земле одиноко я лягу —
Будь милостив, путь укажи мне ко благу!

Греховен безмерно твой раб-горемыка,—
Помилуй,— твое совершенство велико!

Ты всем правоверным грехи отпусти,
Дозволь им стезей вечной жизни пойти!

12

О главном лице сего сказания — элике кюнтогды,
чье свойство — справедливость

Наука обучит — твой разум прозрит,
Как создан сей мир, что за смысл в нем сокрыт

Сей мир — что красotka увядшей поры:
Повадки девичьи, а годы стары.

400 Порой у него — как у девицы нрав:
Прельстит да и скроется, прочь убежав.

Когда к нему льнут, он — как лань, наутек,
А тем, кто бежит, вяжет путы для ног.

То глянет, дразня, да и прочь убежит,
То примет притворно невидящий вид.

То словно посмотрит, и — в сторону взгляд,
Лукавит увертливо, как ни манят.

И, сам не старея, он старит владык,
Всех губит его неумолчный язык.

На свете жил бек, и премудр и умен,
И долгие годы страной правил он.

То был Кюнтогды. Громкой славой покрыт
И счастлив, всесветно он был знаменит.

В делах справедливый, был прям он и строг,
Правдив был в речах он и духом высок.

Он, мудрый и умный, и скорый в делах,
Для злых — что огонь был, для недругов —
страх.

Бесстрашный, по правде вершил он дела,
И день ото дня его слава росла.

410 Властитель премудрым уменьем владел —
Сверять свою волю с велением дел.

И власть он с усердием страсти вершил —
Со страстью, пригодной для власти, вершил.

И стих у поэта есть будто о нем,
Любой прочитавший уверится в том:

«Для мужа и рвенье и доблесть нужны,
А зло и порок с ним дружить не должны.

А если и доблесть и рвенье нужны,
Да будут они в сердце мужа равны!»

И был Кюнтогды образцом сих начал:
Как солнце с луной он над миром сиял.

Всех мудрых к себе он призвал на порог,
Всех умных возвысил и к делу привлек.

Стекались к нему все владыки земли —
Мужи, что умом всех других превзошли.

Он дал устроенье всем странам вокруг
И лучших мужей приближал для послуг,

В подспорье себе в начинаньях благих —
Во всем чтоб он мог положиться на них.

420 Печалюсь душой, он сказал как-то раз:
«Велики у власти и дело и глас.

От многих забот голова тяжела,
Мне муж нужен умный — вершить все дела.

Мне править теперь одному уж невмочь,
Найти б мудреца, чтобы делу помочь.

Избранник мне нужен, чей разум глубок,
Такой, чтобы править подвластными мог,

И праведен чтобы он был и правдив,
И словом и сердцем во всем справедлив,

И чтобы он чтит мой приказ и наказ —
И тайное ведал и явное враз».

Внемли, что сказал многоопытный муж,
Уже пожилой и бывалый к тому ж:

«Сподвижники мудрые в деле нужны —
Такие, чтоб делу радели, нужны.

Помощники надобны — дел знатоки,
По разуму действуешь — цели легки.

Соратников много — властитель силен,
В порядке правленья, незыблем закон.

430 Радетели в каждом деянье важны,
А в деле правленья — подавно нужны.

Лишенный сподвижников, сам властелин
Вершит всё своими руками — один.

И так каждый день ему много тревог,
Но бед и не счесть, если он одинок».

Об этом нам правду вещают слова,
В них мудрость достойного мужа жива:

«Желаешь покоя — беда тут как тут,
За радостью следом печали идут.

Чем больше величья, тем больше обуз:
Крупна голова — так и шапка что груз!

Нет тайн для властителя и за дверьми,
Когда он и слухом и зреньем — с людьми».

Дурных он карал справедливой рукой,
Негожих — от дел отправлял на покой.

И правил он, зорко владенья храня,
И счастье росло его день ото дня.

Да, зоркость для всякого дела нужна,
А делу правленья — всецело нужна.

440 Когда ты опаслив да зорок, тогда
Всё — благо, и ты не познаешь вреда.

Об этом поэт свое слово изрек,
Подобен сей мысли и смысл его строк:

«Опасливой зоркости — честь и хвала,
Беспечность к погибели многих вела».

В делах не плошай, ведай зоркий расчет:
Беспечность тебя в двух мирах подведет.

Кто слишком уверен в себе, тот и плох:
Он гибнет, врагами застигнут врасплох.

Внемли, что всесветный властитель речет,
В победах над недругом знавший расчет:

«Властитель, будь вдумчив и зорок стократ,
Блюсти осторожность велит шарият.

Беспечный — в дремоте от лени своей,
О мощный, будь зорок, лениться не смей!»

При мудром владыке страна расцвела,
Все жили в довольстве, не ведая зла.

Богаты все стали, дружны меж собою,—
И волк и овца вместе шли к водопою.

450 И жил он, любовной молвою хвалим,
А недруги шеи склонили пред ним.

Иные искали в нем щит от тревог,
Иные — с надеждой лобзали порог.

И вот что сказал муж достойный,— внемли,
Слова его — словно цветы всей земли:

«Величье и власть достохвальны стократ,
Когда они правду и право вершат.

Власть бека достойна великих похвал,
Но лучше — закон, что во благо он дал.

Сколь благостен в доброе время народ,
Когда властелин справедливость блюдет!

Сколь благостно доброе имя: оно
Как вечное счастье навеки дано!

И счастлив достойный властитель, пойми,
Когда человечно он правит людьми».

И праведно правил народом элик,
И стал во всем мире он славой велик.

Росла его слава, молились о нем,
И наполнилось счастье его день за днем.

460 Из стран всего мира к нему шел народ —
Вкусить от его неизбывных щедрот.

Был всеми людьми пояс счастья надет,
У волка с овцою был мир да совет.

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ВСТУПЛЕНИИ АЙТОЛДЫ
В СЛУЖЕНИЕ ПРИ КЮНТОГДЫ

Прослышал про то мудрый муж Айтолды,
И к делу решил приложить он труды.

Еще молодой, был он кроткого нрава,
Разумный и сведущий, мыслящий здраво.

Был чуден его ослепительный лик,
Он мягок был речью, правдив на язык.

Обучен бессчетным умениям и знаниям,
Он к делу умел применять их со тщанием.

И раз, сам с собой говоря, он изрек:
«Стократ одарен, от людей я далек!

Что ж чахну без дела я в этой округе?
Пойду, предложу я элику услуги!

На пользу властителю я послужу,
И праздности бремя с себя я сложу.

Властителем умным и мудрым слывет он,
И ждет, почитай, облегченья забот он!

470 Ученость оценит лишь тот, кто учен,
Прикупит ума только тот, кто умен.

Поэт и об этом сказал своим слогом —
И словом и слогом поведал о многом:

„Лишь мудрый и ведает цену познаниям,
Почтенье к ученью даруется знанием.

Дано ли знать цену познания бездумным?
Понятье о знаниях живет лишь в разумном!“»

Велит Айтолды дать одежды, коня —
Готовится в путь, мысль о службе храня.

Желает он перед властительным ликом
Предстать для служенья в раденье великом.

«Готов я,— сказал он,— идти на чужбину,
Элику служить — моему властелину.

Идешь в чуждых землях — всё нужно сторицей,
Иссякнут припасы — и стал бледнолицый!»

Чужбина по первой поре тяжела,
Мудрец — даже тот не избавлен от зла.

И золото и серебро нужны в достатке,
Раз хочешь их тратить, не зная нехватки.

480 Муж моря познаний, великий мудрец
Изрек — о, внимли же, румяный юнец:

«Кто хочет долг службы принять, для такого
Две вещи потребны,— вот верное слово!

Здоров должен быть он, и скор и не хвор,
И службой безгрешной всем радовать взор.

Затем ему нужно чистейшее золото,—
Для верного дела нужна и трата!

Тогда и в служенье — порядок и лад:
Для знающих это нет запертых врат!»

И он серебром подзапасся и золотом,—
Мол, трудности будут — готов я к затратам.

И вышел из дома он в дальний поход,
Путям да стоянкам немалый был счет.

И вот перед ним уже стан властелина,
Желанный умом и душою едино.

Он в город вошел, неприкаян и сир:
Не сыщешь ночлега — сколь тесен сей мир!

В приют для скитальцев забрел он, усталый,
И лег на ночлег там в печали немалой.

490 Послушай, что муж разуменья изрек,
Слова он из памяти мудрой извлек:

«Кто людям неведом, житье его туго:
Средь чуждых один-одинок он без друга.

И тяжко пришедшему в чуждую даль:
Кто сир-одинок, того гложет печаль.

А сырые — словно не зрящие света:
Собьются с пути — не суди их за это!

Пришелец в стране, где он не был совсем,
Похож на невесту: язык его нем.

Будь добрым, о мудрый, к пришельцам, приветь их,
Едой и заботой старайся пригреть их.

Жалеющий гостя — челом просветлен,
Приветящий гостя — молвой вознесен.

Везде человеку нужны доброхоты,
С подмогой не страшны любые заботы!»

Пришел Айтолды в этот чуждый предел
И, в муках скитаясь, лицом пожелтел.

С людьми он сдружился, сходясь терпеливо,
Обрел себе кров он и зажил счастливо.

500 Друзей он, приятелей близких завел,
Со старым и малым был прост и не зол.

И стал он дружить с неким мужем известным
И всё обсуждал с ним в согласии тесном.

Тот друг Айтолды был умен и пригож,
И всем — Кюсемиш его звали — хорош.

Открылся пред ним Айтолды всей душою —
Кто сам он, и движим он целью какою,

Как шел он сюда из родимых земель,—
Про всё рассказал и открыл свою цель.

А был хасс-хаджиб у элика,— едва ли
Кто был ему ближе,— Эрсиг его звали.

К нему и пошел Кюсемиш как-то раз —
Сказать ему всё, что узнал, без прикрас.

И вот хасс-хаджиб повелел ему властно
Желанья и чаянья высказать ясно.

О госте сказал Кюсемиш перед ним —
Кто он и намереньем движим каким.

ОТВЕТ ХАСС-ХАДЖИБА КЮСЕМИШУ

«Ко мне пусть придет, — дал согласие хаджиб, —
Тогда бы узреть мы друг друга смогли б.

510 Потом я властителю всё передам,
Просителю встречу назначит он сам».

СЛОВО КЮСЕМИША К АЙТОЛДЫ

Ушел Кюсемиш и вернулся с ответом:
«Твой день, Айтолды, вспыхнул солнечным светом!

Ступай к хасс-хаджибу, предстань перед ним,
Поведай, каким ты желаньем томим.

Готов он принять тебя, выслушать слово,
Скажи ему всё, что задумал, толково.

Ему объяснял я, в чем просьба твоя,
А ты ему лучше расскажешь, чем я.

Муж верного слова и мысли правдивой
Сказал, и — да примут совет справедливый:

„Бывает, что речь — по чужому уму,
А делу-то предан любой своему.

Кто близок тебе и душою и думой,
Не ближе, чем сам ты, — об этом подумай!

И если ты хочешь к себе доброты,
Молчи уж, — кто будет добрее, чем ты?»

Одежды надел Айтолды и — к порогу,
Вдвоем с Кюсемишем пустился в дорогу

520 Дошли до ворот и вошли они, глядь —
Служитель хаджиба их вышел встречать.

Вошел Кюсемиш и вернулся, и сразу
К хаджибу введен был пришлец по приказу

Хаджиб усадил его, чинно почтив,
И в ласковой речи был добр и учтив.

вопрос хаджиба к айтолды

И — прибыл ли целым-здоровым, — спросил он,
Живет под надежным ли кровом, — спросил он,

И есть ли родня здесь, знакомцы-друзья —
За ним присмотреть, дать еды и питья.

Еще он спросил, что за цель его манит,
Не нужно ль чего, чем живет он, чем занят.

ответ айтолды хаджибу

Сказал Айтолды: «Достославный правитель,
Я слышал, что здесь Кюнтогды — повелитель.

Вдали еще слышал я гром его славы —
Как ум его, знанья и речь величавы.

К порогу его поспешить я решил —
Служить ему верно всей мерою сил.

И если хаджибу ответ мой по нраву,
Хочу послужить я элику во славу!»

530 Хаджиб возлюбил Айтолды в тот же миг,
Хвалы он вознес — все, что ведал язык.

И всё — дивный облик и нрав его честный
Хаджиб счел за признаки сути безлестной.

Муж чести одобрил его всей душой
Он годен элику для службы большой.

Внемли,— нам любви преподавший уроки
Сказал, что в любимом милы и пороки:

«В любимом и грех доброй сутью сочтешь,
В немиле — добро за беспутье сочтешь».

И этому есть подтверждение словом,—
Да слушает муж, что слышет образцовым:

«Полюбишь — любимый и в грешном велик:
Неправое правым становится вмиг.

В любимом всё любо, всё мило и впору,
А всё, что неладно,— невидимо взору».

ОТВЕТ ХАДЖИБА АЙТОЛДЫ

Хаджиб отвечал Айтолды: «Подожди,
Доверься мне, будет успех впереди.

Властителю я передам эти речи,
И сам день и час он назначит для встречи.

540 Сперва пусть узнает, потом — призовет,
Да будет тебе не хула, а почет.

В чем я буду нужен — исполню,— да что там,
С любовью твоим помогу я заботам!»

И много сказал благородных он слов,
И стан опоясал, к услугам готов.

Какие есть добрые люди на свете —
Опора народу радетели эти!

Послушай, какие промолвил слова
Муж чести и дела, народу — глава:

«Кому волей счастья владеть дано тронем,
Тот должен и править по добрым законам.

Кому над людьми сила власти дана,
Да будет он добрым во все времена!

Кто хочет с народом быть духом и телом,
Да будет он сдержан и словом и делом!

Изменчиво счастье: мелькнет и уйдет,
То в выси возносит, то рушит с высот.

Будь добрым, а в счастье не веруй нимало:
Что нынче на месте, то завтра пропало!

550 О баловень счастья! Ты счастью не верь:
Пришло оно в дверь и уйдет через дверь!

Обласканный счастьем! Ты с вечной удачей
Жить хочешь? Твори лучше благо, незрячий!

И если ты властью могуч и велик,
Паденье достигнуть тебя может вмиг!»

ОТВЕТ ХАДЖИБА АЙТОЛДЫ

«Ступай,— был хаджибом ответ ему сказан,—
Будь счастлив, ты поясом счастья повязан.

Терпи, не спеши, всем заботам — свой срок:
И с запертых врат упадет замок!»

Есть мудрое слово, что сказано с толком,
А мудрая речь — словно выткана шелком:

«Останется сзади спешащий вперед:
Поспешно свершенное к бедам ведет.

Жди срока, не знай суеты торопливой:
Всею свое время, о муж справедливый!»

ОТВЕТ АЙТОЛДЫ ХАДЖИБУ

Сказал Айтолды, услышав эту речь:
«Терпеньем я должен себя остеречь.

Хаджиб меня принял и внял мне глубоко,
Мне он и назначит час нужного срока.

560 В какой хасс-хаджиб призовет меня срок,
Тогда и приду,— муж сей правду изрек!»

Ушел Айтолды и вернулся домой,
Одежды совлек и обрел он покой.

И понял хаджиб: Айтолды всем хорош,
С другими не схож, на других не похож.

«Не знал я,— он молвил,— мужей столь разумных,
Избранников мудрых, умом многодумных.

Столь дивному мужу нельзя не дивиться,
Хотя он и муж, а не диво-девица.

Что редко — того и желаннее нет,
Да сыщешь не вдруг — понатерпишься бед!

Такие мужи при элике нужны,
Они любы всем и владыке нужны.

Муж доблестный годен для каждого дела:
Он всё, что замыслит, свершает умело!»

Срок вышел — хаджиб, всё элику открыв,
Поведал, сколь прям Айтолды и правдив,

Сказал об уме, о благом его нраве,
О разуме, доблести, чести и славе.

ОТВЕТ ЭЛИКА ХАДЖИБУ

570 «Веди его,— молвил элик,— всё уладь.
Где ныне он? Мне бы его повидать!

Я мужа искал, чтобы вместе со мною,
И мне подчиняясь, он правил страную.

Всего я достиг и скажу, не тая:
Об этом одном и печалился я.

Ступай, призови его, мне так угодно,
При мне пусть он служит, о муж благородный!»

И вышел хаджиб, и, дойдя до дверей,
Слугу с порученьем отправил скорей.

И прибыл слуга к Айтолды с этим словом,
И тот снарядился, обрадован зовом.

Коня оседлал он, примчался к вратам,
И встретил хаджиб его ласково там.

Уважен хаджибом, в почетнейшем месте
Присел Айтолды там учтиво, по чести.

Вошел к властелину хаджиб своему,
И, стоя, про всё доложил он ему.

«Пусть входит,— сказал властелин свое слово,—
Зови, мы посмотрим один на другого».

580 «Ступай, Айтолды,— хасс-хаджиб говорит,—
К элику,— ты поясом счастья обвит!»

14

повествуется о представлении айтолды элику кюнтогды

Вошел Айтолды и предстал, преклонясь,
И радость властителю в душу влилась.

С поклоном гость начал любезную речь,
И сердце элика сумел он привлечь.

Назваться ему властелин повелел,
Спросил, что вело его в чуждый предел.

Вел речь Айтолды, и спокоен и строг,
И благостным ладом звучал его слог.

А строгость и благость лишь разум дает:
Лишенные разума люди — что скот.

Достойный поэт, стих об этом сложив,
Сказал: «Не спеши, будь в делах терпелив!

С поспешностью дел не свершай никогда:
За каждую спешкой приходит беда.

Терпя да запасшись усердием впредь,
Сумеет и раб пояс бека надеть!»

ОТВЕТ АЙТОЛДЫ ЭЛИКУ

Сказал Айтолды: «Достославный элик!
Подвластный хорош, если к службе привык.

590 Я — раб, мне — стоять у дверей, я — слуга,
Я предан тебе, служба мне дорога.

К тебе я пришел, и мой путь был не мал,
Достиг я всего, чего страстно желал.

Прошу: не гнушайся же мной, не гневись,
Дозволь быть с тобой, к услуженью приблизь!»

Довольный, элик произнес сей же час:
«Вот муж, о каком и мечтал я как раз!»

ОТВЕТ ЭЛИКА АЙТОЛДЫ

«Любезны душе моей,— молвил элик,—
Твой нрав, Айтолды, и прекрасный твой лик.

Будь верен и предан, и в службе благой
При мне да пребудешь ты близким слугой.

По службе твоей — и моя доброта:
Усердному счастье откроет врата.

Отныне мне верой и правдой служи:
Бек милостив к слугам, не знающим лжи!»

ОТВЕТ АЙТОЛДЫ ЭЛИКУ

Пал ниц Айтолды, и к земле он приник:
«Знать, в этом — благая десница, элик!

Я с думой о службе покинул свой дом,
Шел долгой дорогой к тебе я с трудом.

600 Даст сил мне господь, мое рвенье храня,
Для службы тебе да хранит он меня!»

И, встав, Айтолды вышел, весел и рад,
Светясь, словно светоч, и счастьем объят.

Внемли, что сказал благодетельный муж,
В желаньях — стези добродетельной муж:

«У подданных, если к ним беки добры,
Уверенны мысли и чувства бодрь.

И если у беков сияющий взгляд,
У подданных очи и речи блестят.

А тем, кого беки приблизят, дана
Великая милость во все времена.

Ведь бек — это благо: кто сблизится с ним,
Тот в каждом стремленьи удачей храним!»

И начал при беке служить Айтолды,
С зари допоздна его длились труды.

Дневное ли бденье, ночной ли дозор —
Служил он безгрешно и верно с тех пор.

Когда ни входил он к элику для дел,
Элик на него благосклонно глядел.

610 Росло его рвение день ото дня,
Элик отличал его, службу ценя.

За преданность беки и жалуют слуг:
И малый велик от немалых заслуг.

И раб — словно бек, если в службе велик,
Оплошно служа, кто же целей достиг?

Узнай, что премудрый об этом изрек,—
Он в речи своей тонкий смысл приберег:

«Негожий, к служению гожий, пригож,
И вовсе дурной при усердье хорош.

Служить без оплошности должен слуга,
К желанному будет дорога легка!»

Служил Айтолды, не слагая забот,
Властитель открыл ему двери щедрот.

Мужал он, всё тоньше вникая в дела,
Печали исчезли, и радость росла.

Служа, Айтолды стал и счастьем богат,
И много приял от элика наград.

И понял, познав его свойства, элик:
Вот муж, мне желанный, я цели достиг.

15

повествуется о том, что сам айтолды и есть счастье

620 Однажды, один, был в раздумье элик,
И, позван, вошел Айтолды в тот же миг.

Вошел Айтолды и стоял, ликом светел,
Элик ему сесть повелел и приветил.

Садясь, протянул он ступни своих ног,
Потом, их поджав, сел, спокоен и строг.

Поведал элик ему думы правдиво,
Ему Айтолды отвечал преучтиво.

Элик, светел ликом, был весел и рад,
Но тут Айтолды вдруг сощурил свой взгляд.

Элик, изумленный, пресек свое слово,
Но тут Айтолды вдруг сощурился снова.

И вновь продолжал свои речи элик,
А тот, и ответствуя, морщил свой лик.

Элик, изумлен, оглядел его разом —
Ведь он уже знал его мудрость и разум.

Элик посмотрел, добрым чувством влеком,
Но вдруг Айтолды отвернулся челом.

Элик помрачнел и сказал уже строже:
«Незрелые действия мужу негожи.

630 В доверье моем, видно, впал я в изъян,
И чем пред людьми оправдать мне обман?

Сказал некий муж с разумением зрым:
«Спешащим — раскаянье будет уделом».

При спешке возможен ли добрый исход?
К поевшим незрелого хворь пристаёт!

Поспешность в поступках — заблудшим присуща,
Размеренность в действиях — лучшим присуща.

И я поспешил: не изведав твой нрав,
Я дал тебе службу, тебя не познав.

И сколько бы беки рабам ни радели,
Рабов проверять надо службой, на деле.

Проверь их сперва, испытанье наладь,
Потом уже будешь ценить-отличать!»

ВОПРОС АЙТОЛДЫ К ЭЛИКУ

Сказал Айтолды: «О элик благодатный,
За что мне в немилость твой гнев непонятный?»

Неведом мне грех мой,— скажи, не гоня,
Потом ты услышишь ответ от меня.

Казни, если грешен, все пытки испробуй,
А если я прав, не черни себя злобой!

640 Услышь, что поведал об этом мудрец, —
И образ — слова его и — образец:

„Слуга оплошает — призвать его надо,
Узнать, в чем причина его недогляда.

Виновен слуга — накажи его строго,
Невиновен — ему подобает награда“».

ОТВЕТ ЭЛИКА АЙТОЛДЫ

В ответ было гневное слово элика:
«Глупейший из всех ты невежд, горемыка!

Взгляни на себя — кем почет тебе дан,
Откуда пришел к тебе знатный твой сан?

А был ли ты верным слугою? — Нимало!
Помог ты мне службой благою? — Нимало!

И я не по чину возвысил тебя,
Дал должность — и ты же дерзишь мне, грубя!

И ноги ты выпятил здесь не по чести,
Ответствуй: тебе ли сидеть в этом месте?

Я слушал тебя, обращал к тебе речь,
Ты мною, сощурясь, посмел пренебречь!

Смущенный, вел речь я, простив тебе это,
Что ж ты отвернулся? — хочу я ответа.

650 Ты что же — не понял речей моих суть?
Приближен ты к беку — почтителен будь!

Отец твой и мать разве не дали сыну
Понятья, что ты не чета властелину?

Не он ли поставил тебя над людьми?
Смотри, берегись и гордыню уйми!

Ведь беки — огонь, от огня будь подале:
Подступишь с запалом — спалишься в запале!

Не следуй беспечности, беки — огонь,
Коснешься — сожжешься, уж лучше не тронь.

Все беки — что пламя, их гнев — наготове:
Срубает он головы, жаждет он крови.

Чем больше смотреть, тем страшнее их вид:
Бесстрашных — и то грозной силой страшит!»

16

АЙТОЛДЫ РАССКАЗЫВАЕТ ЭЛИКУ О СВОЙСТВАХ СЧАСТЬЯ

«Я понял,— с улыбкой сказал Айтолды,—
Велишь говорить — так послушай и ты.

Я суть этих дел разуменьем постиг,
И ты бы теперь в происшедшее вник.

Предстал пред тобой я, и не обессудь:
Всё то, что ты видел, и есть моя суть.

660 Велел ты мне сесть — не как должно я сел,
Пойми: «Нет мне места»,— сказать я хотел.

Хотел я дать знак, протянувши ступни,
Что вот, мол, с чем схож я,— на это взгляни.

Как ноги всеместно, бессменно идут,
Так мне, знаку Счастья, неведом приют.

Зажмурившись — только успел ты взглянуть,
Я тоже хотел показать мою суть.

Ведь я, как и Счастье, подобен слепым:
Кто водит меня, я иду вслед за ним.

Я чинно тебе отвечал, а потом
На добрый твой взгляд отвернулся челом.

И этим я мнил проявить мою суть:
Изменчив мой норов, не верь мне ничуть.

Хранит речи мудрые тюркский язык,—
Послушай, что молвил премудрый старик:

„О счастье познавший, ты счастьем не верь:
Тебе бы не знаться с напастью, — не верь!

Ведь счастье, как реки и речи, течет:
На свете извечен их круговорот.

670 Изменчиво счастье, обманчиво, зло:
Вспорхнет — и умчалось, скользнет — и ушло!“»

ВОПРОС ЭЛИКА К АЙТОЛДЫ

«Я понял, — элик отвечал, — твою речь, —
Сумел, повинившись, ты честь уберечь.

Скажи мне теперь, чем ты славен-велик,
Хвастливо вещал о тебе твой язык!»

ОТВЕТ АЙТОЛДЫ ЭЛИКУ

«Дарами, — сказал Айтолды, — я богат,
Мужам от меня много благ и отрад.

Годами я молод, в деяньях — высок,
Богатству и власти я — верный исток.

Чиста моя суть, и прекрасен мой лик,
Всего я, что было желанно, достиг.

Где б ни был я, все мои цели просты,
Свершаются сами желанья-мечты.

Со мной — всё блаженство, все блага — со мной,
А тяготам путь предуказан иной.

Всё чуждое мне — в самой сути мертво,
Кто мне покорится — достигнет всего.

Мне зла пожелавший погибнет от зла,
Хотящий попать меня — попран дотла.

680 И слово припомнить приходит черед,
И пусть кто смышлен — это слово поймет:

„Где б ни было счастье, ты следуй за ним,
Не верящий счастьем бедою гоним.

Кто счастья добился — спасен от невзгод,
Найдет он свершенье желаньям своим!“»

ВОПРОС ЭЛИКА К АЙТОЛДЫ

Элик произнес: «Да, ты сутью высок,
А есть ли в тебе хоть единый порок?»

ОТВЕТ АЙТОЛДЫ ЭЛИКУ

Сказал Айтолды: «Да, наносят мне вред:
Клянут за изъяны, которых и нет.

Порочат — мол, я на изменчивость скор,—
Такой у людей на меня наговор.

Но свойство меняться — не грех и не стыд:
О бек мой, я лишь обновляю свой вид.

А всё, что старо,— надоедно стократ,
А что надоедно — то вредно стократ.

Нашел себе новое — старое брось,
С достойным будь вместе, с нестоящим — врозь!

Вкус есть только в новом, в старье его нет,
Но будь осторожен: где вкус, там и вред!

690 Меня за изменчивость нрава бранят,
Порочным зовут и неправо бранят.

Про это муж смелый и храбрый изрек,
Себе я слова его в помощь привлек:

„Всему сотворенному будет конец:
Свершает свои начертанья творец.

Вся жизнь пролетит, словно ветер шальной,
Не сдержишь ее никакою ценой.

И счастьем не льстись: посетит и уйдет,
Не верь ему: есть в нем доход и расход.

Была бы у счастья надежная статья,
Оно беспечальным сумело бы стать!

И если бы счастье вовек не ушло,
Не меркло бы солнце и дело светло!«»

ВОПРОС ЭЛИКА К АЙТОЛДЫ

«Да, ты переменчив,— ответил элик,—
А твердым бываешь ли ты хоть на миг?»

ОТВЕТ АЙТОЛДЫ ЭЛИКУ

Сказал Айтолды: «В том и суть моя: скор
Я, словно олень,— вот и весь разговор!

Поймать нелегко меня: легок мой бег,
А словят — сдержать не сумеют вовек.

700 А если проворен да ловок ловец,
Уж тут не спастись,— вот и слову конец!»

ВОПРОС ЭЛИКА К АЙТОЛДЫ

Элик спросил: «Сколь сильна твоя пруть?
Найдутся ли путы — тебя залучить?»

ОТВЕТ АЙТОЛДЫ ЭЛИКУ

Сказал Айтолды: «Путы крепкие есть,
Я их постараюсь тебе перечесть.

Кто ищет меня, да смирит он свой нрав,
И в сердце и в речи гордыню поправ!

И пусть он от спеси себя упасет,
От скверны хранит, от ненужных забот.

Пусть то лишь, что нужно, собирает он впрок,
И будет и нравом и сутью высок.

Да будет он старшим служить всей душой,
Да будет обласкан им каждый меньшей.

И пусть не наносит он людям обид
И малых в гордыне своей не теснит.

К вину да вовек не влечет его страсть —
Бесцельно добру да не даст он пропасть!

Пусть руки и речь он хранит от забав
И к праведным целям направит свой нрав.

710 Вот пути для счастья, из этих тенет
Ему не сбежать, — нипочем не уйдет!

И мысль эта в слове поэта жива,
К словам он искусно приладил слова:

„Да, счастье людское — что быстрый олень:
Изловишь — надежнее пути надень.

Удержишь — оно не сбежит никуда,
Упустишь — уже не вернешь ни на день!“ »

ОТВЕТ ЭЛИКА АЙТОЛДЫ

«Я понял: ты — Счастье, — ответил элик, —
Я предан тебе, но отвернут твой лик.

Когда бы не хитрость твоих перемен,
Ты был бы поистине благословен.

Но верности нету в тебе и следа:
Ты с виду лишь добр, а по сути — беда.

Добрее, чем мать и отец, ты дитя
Баюкаешь, сладкой улыбкой блестя,

Но вдруг с небреженьем лицо отвернешь,
И видно: поступки и речь твоя — ложь.

Развеешь ты всё, что приколплено впрок,
Покличешь — и сразу же дверь на замок!»

ОТВЕТ АЙТОЛДЫ ЭЛИКУ

720 Сказал Айтолды: «Достославный элик,
Поведал я всё, чем я плох, чем велик.

Как лучше словить меня, в сети маня, —
Сказал и об этом, — пусть ловят меня.

И если ловец не набросит узду,
Сбегу, словно лань я, от плена уйду!

Послушай, что старец сказал, не забудь,
В речах мудрых старцев — желанная суть:

«И счастье уйдет, если ходит без пут:
Дают — так бери, а не то отберут!

Добыл свое счастье — покрепче вцепись:
Упустишь — вовек тебе с ним не сойтись!»

Счастливому нужно о счастье радеть
И всяческой скверны чуждаться, — заметь!

Безгрешному люб только праведный путь,
Вот — узы для счастья, — о том не забудь!»

ВОПРОС ЭЛИКА К АЙТОЛДЫ

«Да, свойства твои и добры и худы,
А что значит имя твое «Айтолды»?

В чем суть его, — молвил элик, — ты ответь, —
Узнаю — тебе буду верить я впредь!»

ОТВЕТ АЙТОЛДЫ ЭЛИКУ

730 Сказал Айтолды: «Это имя — не ложь:
Мудрец говорил, что с луною я схож.

Луна поначалу едва лишь видна,
Потом, подрастая, восходит она.

А в день полнолуния весь мир озарит —
Она для людей, словно светоч, горит,

Нальется сияньем, сверкая с высот,
И меркнет красою, идя на заход.

Сияние меркнет, и вот его нет,
И снова из мрака рождается свет.

Мне так же дано мою сущность менять:
Я то появлюсь, то исчезну опять.

Едва обращаю я к убогому лик,
Прекрасным становится он в тот же миг,

Растут его слава, величье, почет,
А я лишь уйду — всё со мною уйдет.

И всё, что имел он, развеется враз,
Убогость к нему возвратится тотчас.

Об этом сказал свое слово поэт,
Оно для бездумных — разумный совет:

740 «Счастливым сиянием славы согрет,
Подобен взошедшей луне его свет.

Но счастью не верь: ненадежно оно,
Взойдет твое счастье — и вот его нет!»

И вот что еще расскажу я теперь,
Ты слушай меня и словам моим верь.

Луне разноместный назначен черед:
Безместно она в горних высях бредет.

В созвездие Рака вместилась она,
Созвездье смещается — с ним и луна.

Лишь место займет — ей его покидать,
Едва лишь взойдет — и заходит опять.

Во мне столь же дивные свойства сошлись:
То вниз я спущусь, то подъемлюсь я ввысь.

Приду и уйду, в дальних далях бреду,
Весь мир обойду, а жилья не найду.

За это мне имя дано «Айтолды» —
В нем умного умысла явны следы.

Я — Счастье, сказал я, чем плох и хорош,
Во мне и болезнь и лекарство найдешь.

750 Поверь мне, всю правду сказал тебе я,
Прогнать, приручить ли — то воля твоя!»

Элик отвечал: «Всё я выслушал,— что ж:
Ясна твоя речь мне, и сам ты пригож.

Такой мне и нужен сподвижник для дел,
Всевышний помог — я обрел, что хотел.

Когда посылает нам бог благодать,
Ему благодарностью должно воздать.

Без устали с этого дня, без конца,
Безропотно должен я славить творца,

Внемли, что муж разума в мыслях припас,
Достойный завет написал он для нас:

„Восславь же творца, муж, обласканный им,
И будешь стократ ты всевышним храним.

Сколь часто не ценят дары этих благ!
А кто благодарен, тот счастлив и благ.

За малое благо стократ восхвали,
За большее — большей хвалою,— внемли!

За это воздастся тебе в десять раз,
И в доме богатств будет полный запас!«»

760 Элик произнес, похвалив Айтолды:
«И денно и ночью при мне будешь ты».

И он одарил его разным добром,
Дал золота и наградил серебром.

Элик с ним беседовал — мудрость бесед
Подспорье давала ему и совет.

Приял Айтолды много щедрых наград,
И честно служил, пылким рвением объят.

Элик его в разных трудах испытал
И понял: сей муж выше всяких похвал.

ЭЛИК КЮНТОГДЫ РАССКАЗЫВАЕТ АЙТОЛДЫ
О СВОЙСТВАХ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Элик как-то раз одиноко сидел,
Забывшись в тиши, без трудов и без дел.

Позвал Айтолды он и молвил: «Войди»,
И позванный руки сложил на груди.

Стоял он, войдя по велению зова,
Элик поначалу не молвил ни слова.

Элик взором знак ему подал без слов —
Иди, мол, садись, я к беседе готов.

И сел Айтолды, и потупил он взгляд,
Спокоен и светел, и милости рад.

770 Не двинув и бровью, с почтительным ликом
Сидел он, сокрыто следя за эликом.

Сиденье элика — серебряный трон —
На крепком треножии был водружен.

В руке его — нож, рядом — чаши стоят:
Направо — с усладой, в другой — слева — яд.

Взглянул Айтолды, удивившись немало,
От страха ему и дыханье прервало.

ВОПРОС ЭЛИКА К АЙТОЛДЫ

Молчанье прервав, поднял очи элик,
Велев Айтолды: «Развяжи свой язык!

Молчишь, как немой, ты, — сказал властелин, —
В чем дело? Ведь я же с тобой здесь один!»

ОТВЕТ АЙТОЛДЫ ЭЛИКУ

Сказал Айтолды: «Достославный владыка!
Не смею, смущенье мое превелико.

Ты нынче, я вижу, какой-то иной.
О мудрый, владеет смущение мной.

Неумного умный учил от души:
«К сердитому беку идти не спеши!»

И в этом присловье премудрые правы:
«Гнев бека страшнее огня и отравы.

780 Незлобивый! Ежели бек твой сердит,
Нейди к нему лучше, — дождешься обид!

Прогневался бек — вот тебе мой совет:
Подальше держись — опасешься от бед!»

Еще есть реченье, и мысли в нем верны,
Пойми его смысл — и спасешься от скверны:

„Будь дальше от бека, пришедшего в гнев:
Унизят тебя и прогонят, презрев.

Во гневе все беки — свирепые львы:
Вошедшему к ним не сносить головы!“»

ВОПРОС ЭЛИКА К АЙТОЛДЫ

«Я, — молвил элик, — от тебя жду ответа:
Что значит твое изумление это?»

ОТВЕТ АЙТОЛДЫ ЭЛИКУ

Сказал Айтолды: «Вот я чем изумлен:
Что значит, скажи, твой серебряный трон?»

Зачем на серебряном троне сидеть,
Что в этом за цель? — ты мне вот что ответь!

А нож, что в руке твоей, — что в нем таится?
И в этом я тоже хотел вразумиться.

И что означают услада и яд,
Что в чашах и справа и слева стоят?

790 Я вижу, что ты и гневлив и сердит,
Растерян умом я, что значит твой вид?

Поэтому я и гляжу оробело:
Не смею спросить я о сущности дела!»

ЭЛИК КЮНТОГДЫ РАССКАЗЫВАЕТ АЙТОЛДЫ О СУЩНОСТИ
СВОЙСТВ СПРАВЕДЛИВОСТИ

«Я понял всё ясно,— ответил элик,—
И всё объясню, чтобы в дело ты вник.

Призвав тебя к делу — к трудам и заботам,
Я принял тебя с превеликим почетом.

И в дивных делах ты мне выказал пыл,
Но, скрыв свою суть, ты меня прогневил.

Сердился я — ты отвечал мне укором,
Был тверд я во гневе — ты хмурился взором.

«Я — Счастье,— сказал ты мне,— знай мою суть,
Я всё объяснил — ты понятливым будь!»

Всю суть своих дел разъяснил ты толково,
И всё я усвоил — от слова до слова.

И всё я простил, объяснению рад,
И много я дал тебе щедрых наград.

А ныне и сам расскажу о себе я,
Все доблести-свойства мои разумея.

800 Я — знак Справедливости, правды закон,
Пойми, чем и славен и праведен он.

Вот трон, на котором сижу я всевластно,
Взгляни: три ноги его держат согласно.

Незыблемо прочен трехногий предмет:
Все ножки недвижны, качания нет.

Но если из трех хоть одна подкосится,
Дано и другим, и сиденью свалиться.

Прочны три опоры: предмет будто врос,
А где их четыре — всегда перекося.

Что прямо, не криво — всё ладно на диво,
Всё ладное — прямо, прямое — правдиво.

Скосилось — глядишь, в кривизну перешло,
А где кривизна — там посеяно зло.

Прямое падет, если вдруг окосело,
Но будет стоять, если прямо всецело.

Взгляни на меня: я всегда справедлив,
А правды и кривды ведь тонок извив.

По правде вершу все дела я привычно,
А бек или раб предо мной — безразлично.

810 А то, что ты видел в руках моих нож,
Так нужно быть острым: карай и пристрожь!

Как нож, я остер, и дела мои режу —
Караю грешащего кривдой невежу!

А сладость что значит? — Изведавший гнет
У врат моих правду закона найдет.

И сам он — что сахар от этой улады,
И очи, и лик его веселы-рады.

А яд предназначен для тех из людей,
Что правды сторонятся в злобе своей.

Для них — мой закон, и суровый и правый,
Придется спознаться им с ядом-отравой.

Суровость и мрачность, насупленный лик —
Для тех, кто неволить слабейших привык.

И — сын ли, чужой ли, родня ли, приятель,
Пришелец приспевший ли — кстати, некстати ль —

Они для меня по закону равны:
Я им ни смягчу, ни прибавлю вины.

Для власти во всем справедливость — основа,
И власть лишь во правде жива и здорова.

820 Об этом муж разума слово изрек,
А мудрое слово — успехов залог:

„Крепка только власть справедливости строгой,
Путь бека — идти справедливой дорогой.

Бек, правящий твердым, правдивым законом,
Желаемых благ получает премного!“»

вопрос айтолды к элику

Сказал Айтолды: «Вот вопрос самый главный:
За что «Кюнтогды» тебя кличут, преславный?»

ответ элика айтолды

Элик отвечал: «Мудрецы мне прозванье
И дали, поняв мою суть и деянья.

Взгляни, как на небе светило горит,
На жар, что с нетленною силой горит.

Деянья мои на светило похожи:
Моя справедливость немеркнуща тоже.

Как солнцу со дня сотворенья дано
Светить для людей — и не меркнет оно! —

Так я и закон мой не знаем предела,
И дар для людей — мое слово и дело.

И третье. Льет солнце свой жар с высоты,
И всюду, везде расцветают цветы.

830 Благ для людей моей власти свершенья:
Где прочен закон, там цветут и каменья!

Достойным и злым светит солнце равно,
Для всех его свет, и не гаснет оно.

В деяньях моих столь же славны приметы:
Моей справедливостью все обогреты.

Незыблемо солнце на небе всегда —
Недвижность его в Зодиаке тверда.

В созвездии Льва место солнца бессменно:
Созвездье недвижно, суть солнца нетленна.

Как солнце, незыблема сущность моя:
Сияю всегда неизменно и я!»

вопрос айтолды к элику

Сказал Айтолды: «Достославный элик,
Да правишь всем миром ты, славой велик!

Мой путь до тебя был безмерно далек,
Немало я тягот и бед превозмог.

Меня твоей доблестной славе хвала
Сюда для служенья тебе привела.

Какая послуга полезна тебе?
Исполню я всё, что любезно тебе!

840 Когда труд слуги для владыки негож,
Как он ни старайся — а всё нехорош.

Внемли, что сказал муж из рода Ыла,
Чья слава в служенье отменна была:

„Уж ежели беку ты служишь, учти:
Путь к радости бека ты должен найти.

Закон услужения бекам таков:
Понравишься — нет неоткрытых замков.

Кто служит по чести, тот ведает честь,
Не знающим службы — в придверии сесть.

Кто службою бека возрадовать смог,
Открыты ему дали щедрых дорог!“»

ответ элика айтолды

Элик отвечал: «Я всё понял, ну что ж,
Служи мне во благо — себя сбережешь.

Скажу я тебе и о свойствах дурных —
Храни непорочность, будь дальше от них.

Вот первое, что мне не любо: обман,
И склонность к насилию — тоже изъян.

Негожи корысть и бессовестный нрав,
И норов крутой, что во гневе не прав.

850 Порочна горячность, гневливость дурна,
Вредны лиходеи и любитель вина.

Вот я перечислил тебе все грехи,
Которые в людях для службы плохи.

И если ты хочешь быть верным слугой,
Гони от себя все грехи, дорогой!

Тогда я приблизить тебя буду рад,
И ждут тебя милости многих наград».

ВОПРОС АЙТОЛДЫ К ЭЛИКУ

Сказал Айтолды: «То, что ты произнес,
Я слышал,— ответь и еще на вопрос.

А что есть добро, в чем его существо,
Отличие доброго — в чем, каково?»

ОТВЕТ ЭЛИКА АЙТОЛДЫ

Элик отвечал: «Тот по сути хорош,
В чьих действиях пользу народу найдешь,—

Такой, кто добро для народа творит
И сделанным благом людей не корит,

Кто блага свершает, а сам их не ждет
И, щедрый, не ищет ответных щедрот».

ВОПРОС АЙТОЛДЫ К ЭЛИКУ

«Я понял,— сказал Айтолды,— твою речь,
Вопрос и еще я успел приберечь.

860 Скажи: справедливость — какая она?
Ведь ею людская природа красна!

И что говорят, — где к ней праведный путь?
Какая она, какова ее суть?»

ОТВЕТ ЭЛИКА АЙТОЛДЫ

«Лишь тот справедливый, — ответил элик, —
Кто с сердцем сверять свое слово привык.

В ком суть и обличье едины вовек,
То значит: правдив, справедлив человек.

Он сердце готов бросить оземь, заметь,
Лишь людям бы в очи открыто смотреть.

Дает справедливость и славу и честь,
По сути она человечность и есть!

Не люди редки, человечность редка,
Людей справедливых немного пока.

Об этом сказал и поэт — его слов
Я суть передать тебе нынче готов:

„И прятких и ловких немало людей,
А мне — справедливый и честный милей.

Не мало людей — человечность мала,
Правдивым воздать по заслугам умей!“»

ВОПРОС АЙТОЛДЫ К ЭЛИКУ

870 Спросил Айтолды: «Достославный элик,
Ты вот что скажи мне, открой напрямик:

Бывает хороший хоть в чем-либо худ,
Дурные хоть в чем-либо доброе чтут?»

ОТВЕТ ЭЛИКА АЙТОЛДЫ

Элик отвечал: «Есть два рода благих,
Путь правды обретшие есть среди них.

Другие — с рожденья, уж так рождены, —
Во всем справедливы и правде верны.

А третьи идут за другими вослед:
С дурными пойдут — и от них будет вред.

Дурных тоже есть две породы, они
Не все — это помни — друг другу сродни.

В одних от рожденья негожая стать —
До самой их смерти им лучше не стать.

Другие дурны без особых примет —
Порой они ходят за добрыми вслед.

Исконно благим любо благо свершать —
Всем людям на свете от них благодать.

Исконно дурным — исцеления нет:
И миру и людям от них — только вред.

880 У тюрков присловье известно давно,
Услышь и усвой — очень мудро оно:

«Кто доброе в детстве всосал с молоком,
До смерти он только к добру и влеком.

И нрав, от природы дарованный нам,
Не сломленный смертью, не сломится сам.

Во чреве назначен нам образ, внемли,
И гибнет он только во чреве земли!»

И если с хорошим сдружился дурной,
Хороший с дурным поравнялся ценой.

А станет хороший дурному под стать,
Его доброте путь один — пропадать.

И вот что еще: этот плох, тот хорош,
А дружно шагают — и путь их похож.

При праведном беке ухожен народ,
И жизнь его добрым укладом идет.

Когда беки держатся добрых людей,
За добрым последует даже злодей.

А если негодные к беку близки,
Сильна будет власть их недоброй руки.

890 Где злomu почет, там хороший в беде,
При власти добра злое гибнет везде.

Где счастливы беки и благо цветет,
Там в добром довольстве подвластный народ.

И если сам бек без порочных примет,
Порочным в их происках радости нет.

И там, где от бека дан добрый закон,
Порочный в темнице страдать осужден.

Когда над подвластными добрый глава,
И в слугах его добродетель жива.

Где власть добродетельным бекам дана,
Народ богатеет, цветет вся страна».

ВОПРОС АЙТОЛДЫ К ЭЛИКУ

«Я понял,— сказал Айтилды ему снова,—
Изволил элик молвить верное слово

О том, что лишь добрый — радеть добра
И чем для людей добродетель добра.

Но все ведь мечтают о прочном достатке,—
Какие к богатству приводят повадки?»

ОТВЕТ ЭЛИКА АЙТОЛДЫ

«Быть добрым — вещь добрая,— молвил элик,—
Великое ищет лишь тот, кто велик.

900 А всё, что велико,— бесценно, похвально,
И доброе делать — отменно похвально.

Но зло и свершающий злое — дурны,
Дурной и дурные деянья — гнусны.

Дешевые вещи лежат без пригляда,
А шелк и парчу сохраняют как надо.

Добро совершать — значит вырваться ввысь,
А зло совершать — значит в бездну нестись.

Об этом и сказано очень умело,
А следовать мудрости — доброе дело:

„К хорошему делу нелегко подъем,—
Не каждому тропка найдется на нем.

У добрых деяний цена дорога,
Невежда вовек не сдружится с добром“».

вопрос айтолды к элику

Спросил Айтолды: «Достославный элик!
Кто делал добро, тот и славы достиг.

А есть в добром деле хоть малый порок,
Преподад ли знаньем об этом урок?»

ответ элика айтолды

«Добру,— был ответ от элика,— хвала,
Добру лишь от злобных бывает кула.

910 Муж чести всегда доброй дружбой радел
Тому, кто не зол и не чужд добрых дел.

А тот, кто дурен, из-за мелких обид
Достойному мужу всю жизнь омрачит:

Привычный к добру делать благо привык,
Обидам он воли не даст ни на миг.

И если свершит он, влекомый добром,
Случайное зло, он казнится потом.

Внемли, что сказал добродетельный муж:
«Свершай лишь добро, сей обычай не рушь!

Быть добрым и ныне тебе — не внаклад,
А завтра, поверь, будет пользы стократ.

Сегодня дурного обходит беда,
А завтра, глядишь, его доля худа.

Есть право и лево, добро и разврат,
Где право — там рай, а где лево — там ад!

Каких бы дурной ни достигнул высот,
Всегда его мука раскаянья ждет.

А добрый, хоть он и унижен подчас,
От мук покаянья навек себя спас!»

920 И вот, Айтолды, в чем сей истины суть:
Жить так, чтоб могли нас добром помянуть.

Вот добрая речь мужа праведных слов,
А правое слово — основа основ:

«О ведавший злобу, но верный добру,
Тебя я, о славный, в друзья избираю!

О добрый, кто был добротой твоей сыт?
Приди же ко мне: меня голод томит!

И сколько бы доблестный ни был презрен,
Я — доброму друг и не знаю измен!

И править неправо — мне власть не нужна,
Пусть лучше другим достается она!

Я вижу, людская природа плоха:
Добра в ней немного, да много греха!

Об этом и слово поэта услышь,
Поймешь — сокровенную тайну прозришь:

«За доброе добрый казнился хоть раз?
Где злой, что себя от хулы бы упас?»

Дурному раскаянье — кара и месть,
Добром и на зло отвечай — вот наказ!»

930 Зачем же мне злу возносить похвалы,
К чему мне дела, что негожи и злы!

Упрямство, и грубость, и ложь без стыда —
Вот в чем у негожих природа худа.

Мученья и слезы, попреки и стыд —
Вот то, что негожим терпеть предстоит.

Могу ли не чтить я достойных людей,
И как не хвалить мне их добрых затей?

Известно: добро, человечность и ум —
Отличья мужей добродетельных дум.

Полны добродетелью все их дела,
Их добрым деяниям — честь и хвала.

С хорошим — что хочешь свершишь, не забудь:
Друг должен быть добрым, найди к нему путь.

Довольство и слава, дары и почет —
Вот радость, которая доблестных ждет.

Усвой эти мысли, — элик произнес, —
Вот мой, Айтолды, и ответ на вопрос!»

ОТВЕТ АЙТОЛДЫ ЭЛИКУ

Пал ниц Айтолды и поднялся, сказав:
«Ты правдою славен, в деяньях ты прав.

940 Владыка вселенной, да длится твой век,
Да будешь велик ты и славен вовек!

Да будет величие беков нетленно,
А их благоденствие — благословенно!

Да славны их сила и власть на века,
Да будет их мощь неизбывно крепка!

И пусть не иссохнет родник их щедрот,
А счастье бессменно стоит у ворот!

Да будешь ты радостью вечно богатым,
Да чахнуть и гибнуть твоим супостатам!

Достойных тебя приближай для послуг, —
Дверь счастья открыта для преданных слуг.

Внемли, что сказал благодетельный муж,
Счастливым во службе радетьельной муж:

„Служи только тем, кто достоин служенья:
Достойный воздаст тебе щедро за рвенья!

Служи только щедрым,— у щедрого дом
И золотом полнится и серебром.

А скрягам, смотри, не служи никогда:
Зазря пропадешь и умрешь от стыда.

950 Забрать всё себе вечно жилится скряга,
А что он, скажи, даст другому во благо?“»

И встал Айтолды, дав ответ столь прямой,
Довольный беседой, пошел он домой.

И стал верой-правдой служить он владыке,
Ночами был дома, а днем — при элике.

Он честно служил — выше всяких похвал,
Элик ему дружбу свою даровал.

Шло время, служению рвенья радело,
Чело Айтолды расцветало и рдело.

19

АЙТОЛДЫ РАССКАЗЫВАЕТ ЭЛИКУ
О ДОСТОИНСТВАХ ЯЗЫКА И ПОЛЬЗЕ РЕЧИ

Однажды элик снова выказал честь —
Позвал Айтолды и велел ему сесть.

И сел Айтолды и, потупивши взгляд,
Молчал он смиренно, смущеньем объят.

ВОПРОС ЭЛИКА К АЙТОЛДЫ

Элик ему снова явил свою милость:
«Ты что же молчишь — что с тобою случилось?»

Сказал Айтолды: «О владыка владык,
Раб, видящий бека, смущается вмиг.

Без знака веленья начну ли я речь,
Могу ли я первым молчанье пресечь?

960 Внемли слову мудрых — в нем суть и основа:
«Не задан вопрос — придержи свое слово».

Зовут — значит, нужен, всему свой черед:
Кто звал тебя, тот разговор и начнет.

Не спрошен — не суйся, не то будешь худ:
По праву скотиной тебя обзовут!

Кто к беку суется с непрошеным словом,
Того называют глупцом бестолковым.

Болтливый язык тебе жизнь сократит,
Следи, чтобы рот был покрепче закрыт!

Муж, твердо собою владевший, сказал,
Муж твердости, всё одолевшей, сказал:

„Темна голова, а язык-то багров,
И сколько он съел неразумных голов!

Нужна голова — придержи свой язык,
Не сдержишь — отрубит он голову вмиг!“»

ОТВЕТ ЭЛИКА АЙТОЛДЫ

«Всё понял я, — молвил элик, — но давно
Известно: живому молчать не дано.

Но есть и еще две породы людей:
Немые и пленники дури своей.

970 Язык у немых сдержан силой оков,
Невежды не могут сдержать своих слов.

Болтливость невежды пресечь подобает,
А мудрому — вольная речь подобает.

Речь мудрых — как будто вода для земли:
Земля оросится — луга зацвели.

Исчерпать разумную речь не дано,
Воде до предела истечь не дано.

Мудрец — что сокрытая в топи вода:
Ступи лишь — и влажна уж ямка следа.

А сердце глупца — что безводье пустынь:
Бесплодно, хоть море в него опрокинь!»

ОТВЕТ АЙТОЛДЫ ЭЛИКУ

Сказал Айтолды: «Значит, понял элик:
Лишить может жизни зловерный язык.

Смолчать о потребном живой разве может?
Не станет таить он, что ум его гложет.

Вопрос зададут — всё, как есть, расскажи,
Не спросят — покрепче язык придержи.

Вопрос, о элик, это — словно мужчина,
Ответ, если вдуматься, — женского чина.

980 Один лишь мужчина у женщины — муж,
А плод от него может быть из двух душ!»

ВОПРОС ЭЛИКА К АЙТОЛДЫ

«Я понял, всё — правда, — ответил элик, —
Но снова вопрос мне пришел на язык.

Вот ты говорил о вреде языка, —
Скажи, ну а польза его велика?

Ведь если молчать, опасаясь вреда,
И добрым речам пропадать навсегда!»

ОТВЕТ АЙТОЛДЫ ЭЛИКУ

Сказал Айтолды: «Польза слов велика,
Когда они с толком идут с языка.

За то, что у глупых все речи вразброд,
Разумный невежду скотиной зовет.

Пустые слова — темной дури обычай,
Дурной голове быть им легкой добычей.

Грессишь пустословьем — приходит беда,
Разумная речь не приносит вреда.

Невежда наестся — лежит, словно вол:
Впустую мычит он, от жира тяжел.

Наевшись, валяться присуще скотине —
Скот так и зовется по этой причине.

990 Умеет мудрец плотский зуд побороть
И знанием он холит дух, а не плоть.

Всё нужное телу идет через рот,
А дух — правду слов через уши вберет.

Два добрых отличья у славных умом —
Муж, ими владеющий, светел челом.

Язык и утробу он должен смирять —
Рекой будет литься к нему благодать.

Кто мудр, тот и властен над глоткой и речью:
Та власть дарит мудрость ему человечью».

вопрос элика к айтолды

«Я понял всё это, — ответил элик, —
Суть слова и пользу его я постиг.

Откуда путь слова лежит и куда, —
Ответить на это пришла череда.

Смолчать ли, сказать ли — чему где черед, —
Что мудрость разумных об этом речет?»

ответ айтолды элику

«Суть слов, — он ответил, — нам знать не дано:
Припомнится десять, а скажешь одно.

Одно слово молви, а девять не тронь,
Негожее слово — что мерзкая вонь!»

ВОПРОС ЭЛИКА К АЙТОЛДЫ

1000 «Открой, Айтолды, мне, дай верный ответ,
Чем слово полезно и в чем его вред?»

ОТВЕТ АЙТОЛДЫ ЭЛИКУ

Сказал Айтолды: «Сила слов не слаба:
Уместная речь вознесет и раба.

Из глубей земли силой речи взнесет
До горних небес, до почетных высот.

А ежели речь не умом рождена,
С небес до низин низвергает она!»

ВОПРОС ЭЛИКА К АЙТОЛДЫ

Спросил он: «А что многословьем зовут
И что — малословьем? — свой выскажи суд!»

ОТВЕТ АЙТОЛДЫ ЭЛИКУ

Сказал Айтолды: «Многословьем зовут
Непрошеной речи докучливый блуд.

А речь не болтлива, когда на вопрос
Достойный ответ человек произнес.

Об этом сказал и поэт откровенно,
И речь его точностью слов драгоценна:

„Скажи, хорошенько раскинув умом,
Ответь на вопрос и закончи на том.

Побольше послушай, поменьше скажи,
Будь силой ума и сознания влеком“».

ВОПРОС ЭЛИКА К АЙТОЛДЫ

1010 «И это я понял, — ответил элик, —
Еще есть вопрос — отвечай напрямик.

Кого нужно слушать? Чье слово без лжи?
Кому передать это слово,— скажи!»

ОТВЕТ АЙТОЛДЫ ЭЛИКУ

«Внимай,— отвечал Айтолды,— мудрецам,
А после внушай их премудрость глупцам.

И, выслушав старших, внушить не забудь
Премудрость их младшим — всю мудрую суть.

Побольше послушай, поменьше скажи —
Мне мудрые так говорили мужи.

Нет разума в том, чьи обильны слова,
Внимающий мудр и над всеми глава.

Кто нем на язык, тот и знаний достиг:
Не ведает знанья блудливый язык!»

ВОПРОС ЭЛИКА К АЙТОЛДЫ

«Мне всё это ясно,— элик произнес,—
Ответь и еще на один мой вопрос.

Излить ли слова свои или сберечь,
Что лучше — сокрыть или высказать речь?»

ОТВЕТ АЙТОЛДЫ ЭЛИКУ

«Внемли мне, элик,—отвечал Айтолды,—
Где скован язык, там и знанья худы.

1020 Хоть речь и бранят, много ей и хвалы,
Хвала и хула ей равно не малы.

Несчетные твари в круженье людском
О божьем единстве рекут языком.

Бог тысячи тысяч людей сотворил,
И славит их речь всезидателя сил.

Всем людям, кто ни был бы им сотворен,
Дарованы речь и душа испокон.

А речь и душа — лишь для праведных слов:
Кто лжив на язык, тот сгорит до основ.

Правдивое слово полезно стократ,
А лживую речь все согласно бранят.

Правдивы слова — говори, не таись,
Без кривды и лжи норови обойтись.

Смолчишь — скажут: «Он на негого похож»,
А будешь болтлив — болтуном прослывешь.

Негоднее всех из людей — болтуны,
А лучшие — щедростью сердца сильны».

Элик был безмерно словам этим рад,
Он руки воздел, поднял к небу свой взгляд.

1030 Творца он восславил хвалою усердной,
Воскликнул он: «Господи! Бог милосердный!

Сошло на меня доброты твоей диво,
А я тебе, грешник, служил нерадиво.

Ты всё даровал мне прещедрой рукой —
Дал счастье, могущество, власть и покой.

Какой я за это воздам тебе славой?
Молю: восхвали себя сам, величавый!»

И отпер казну он, прервав покаянье,
И щедро раздал беднякам он даянья.

И щедрые дал Айтолды он дары —
И речь и рука его были щедры.

Он дал сан везира ему за услугу —
Печать и бунчук, барабан и кольчугу.

Над всеми он дал ему сильную власть,
И недругам всем суждено было пасть.

Вершил Айтолды все деянья на славу,
И время радело счастливицу по праву.

Народ богател, и страна была в силе,
И все за элика мольбы возносили.

1040 Где волен народ, бедам сгинуть дано:
Там овцы и волки живут заодно.

Закон был упрочен и стал справедливым,
Элик в благоденствии правил счастливым.

И так протекали счастливые годы,
В покое и благодати жили народы.

Росли города и селенья богато,
В казне серебра было много и злата.

И рад был покою и миру элик,
И в мире всесветной он славы достиг.

20

ПОВЕСТВУЕТСЯ О НЕПОСТОЯНСТВЕ СЧАСТЬЯ
И НЕПРОЧНОСТИ БЛАГОДЕНСТВИЯ

Обрел Айтолды всем желаньям свершенье,
Но бренному счастью приходит крушенье.

Есть доброе слово у мудрых такое:
«Все блага обретший найдет ли благое?»

Вот мудрое слово и лучше,— внимли:
«Все блага обрел ты, а годы ушли!»

А доброе слово мужей разуменья
Невежде и неучу — ровно бы зренье:

«Вознесшийся рухнет, поднимется павший,
Померкнет сиявший, воспрянет уставший.

1050 И сколько есть дел — да вершит их твой труд:
Одни завершатся, другие придут!»

И вот — Айтолды: всё обрел он умело,
Всё есть у него, только жизнь — пролетела.

И вот уж луна — перед убылью света,
И стужей сменяется знойное лето!

Четыре в нем сути не ладят внутри:
Одна — будто в силе, подавлены три.

И в теле разлад, и от пищи нет прока,
И сердце надломлено хворью жестоко.

Всё тело ослабло, уменьшилась сила,
И стан, прежде стройный, недугом скривило.

Свалил его наземь тяжелый недуг,
И слег он в болезни, страдая от мук.

Пришли к нему лекари, вены смотрели,
И вынесли суд, что за хворь в его теле.

Одни говорили, что хворь — полнокровье,
Что вены бы надо открыть для здоровья.

Другие решили: поносный настой
Поможет расслабить кишечник крутой.

1060 Прохладные зелья давали, напитки
И снадобий разных растворы в избытке.

И не было зелий от разных болезней,
Каких не проверили — что, мол, полезней?

Всё было напрасно: за сутками сутки
В нем таяли силы, слабел он в рассудке.

Внемли, что промолвил муж благости пушей,
Людей по стезе благонравья ведущий:

«Ни зелья, ни травы, ни терпкие яды,
Ни горечь отравы, ни смеси-улады,

Ни лекарь, ни знахарь — ничто испокон
Не в пользу тому, кто на смерть обречен.

Не будь неразумным, о ныне живущий,
Ты — сущий, но помни о смерти грядущей!»

Про хворь Айтолды доложили элику,
Что смерть уж готова настичь горемыку.

И вот он пошел навестить Айтолды,
И видит: лежит он на ложе беды.

ВОПРОС ЭЛИКА К АЙТОЛДЫ

«Что сердце твое, что с тобою? — спросил он.—
И сломлен ты хворью какою?» — спросил он.

ОТВЕТ АЙТОЛДЫ ЭЛИКУ

1070 Сказал Айтолды: «О элик достославный!
Не справиться мне с этой хворью злонравной.

Был полной луной я — на убыль пошел,
Здоров был, а ныне недуг мой тяжел.

Я в день новолунья был светлой луною,
Но день мой померкнул, и ночь надо мною.

И радость и жизнь моя отняты вмиг:
Судьба от меня отвернула свой лик.

Приходит конец и блаженству и счастьем,
В беде и печали я — сломлен напастью.

И ныне, уже отрешен от тебя,
Готовлюсь я к смерти, в мученьях скорбя.

Послушай, что сказано мужем преславным,—
Он славился в людях достоинством явным:

„О, было бы счастье стократ благодатно
Без горькой причуды — уйти безвозвратно.

И мощь властелина была бы прекрасна,
Когда бы не смерть, его ждущая властно!

И юность была бы безмерно достойной,
Когда бы, не старясь, всегда была стройной!“»

ОТВЕТ ЭЛИКА АЙТОЛДЫ

1080 «Оставь эти речи,— воскликнул элик,—
Не надо, правдив ты и к правде привык.

Найдется лекарство на каждую хворь,
Болезни у многих бывают, не спорь!

Зачем горькой речи ты волю даешь,
Зачем сам себя повергаешь ты в дрожь?

Я шел к тебе, в сердце надежду храня,
Но речью иной ты терзаешь меня.

Поможет создатель, оставь эту речь,
Не надо мне сердце мученьями жечь!»

ОТВЕТ АЙТОЛДЫ ЭЛИКУ

«Элик достославный,— сказал Айтолды,—
Для хвори моей все лекарства худы.

Рожденному — смертный приходит черед:
Подъятое ввысь непременно падет!

Где взлет — там паденье, где высь — там и спад,
Где радость — там горе, где сладость — там яд!

И я ведь тебе говорил — не забудь:
Во мне переменчивы сущность и суть.

Я высказал это тебе — разумея,
Чтоб ты не скорбел о кончине моей.

1090 Уйми все сомненья, уйду я теперь,
А скажут: «Рожденный бессмертен» — не верь!

И ты за безверье меня не брани:
Неверен сей мир, сочтены твои дни.

Меня не стыди, за жестокость кляня,
Сей мир тебя мучит жесточе меня.

Будь зорок: и ты вслед за мною умрешь,
Не верь сему миру — обман в нем и ложь!

Был щедрым превыше моих ты заслуг,
Мне выполнить долг помешал мой недуг.

Мне смерть поневоле принять суждено,
Урочный мой день изменить не дано.

Не властен над смертью, терплю я страду.
Увы, я спасенья нигде не найду.

Из небыли создан я был и возвращен,
Из мальчика в мужа я был превращен.

Оброс бородой — нежный лик огрубел,
Был черным, как ворон, — что лебедь, я бел.

Был прям, как стрела, я — стал сгорблен, убог:
Закончена жизнь моя — вышел мой срок.

1100 Прекрасно сказал муж ученый, мудрец,
Внемли ему, пышущий силой юнец:

«Когда голова, будто лебедь, бела,
Да будет душа, словно лебедь, светла!

И ежели стройный горбат стал и крив,
Душою он должен быть прям и правдив!

Кто раньше был черным и весь поседел,
Тому смерть в засаде готовит предел!»

Об этом сказал свое слово поэт,
Внемли же, о муж достославных примет:

„Седины — от смерти к живущим гонец,
Зовущий их жизнь оценить наконец.

Глотавшему блага вся жизнь — что глоток,
Поглотит и смерть тебя — час недалек!“»

ОТВЕТ ЭЛИКА АЙТОЛДЫ

Элик отвечал: «Потерпи, не спеши,
Болезнь — лишь расплата за вины души.

А смертью кончался бы каждый недуг,
Живущих людей не нашлось бы вокруг!

Дарует тебе исцеленье господь,
Лежи, муку сердца стремись побороть!»

1110 Молитву творя перед господом сил,
Он, руки воздев, исцеленья просил.

И, встав от молитвы, исполнен тревог,
Вернулся печальный элик в свой чертог.

И бедным даяний раздал он премного,
В надежде, что будет больному подмога.

Могло бы от смерти спасти серебро —
Любой бы на жизнь променял всё добро!

И если бы смерть принимала заклад,
Бессмертными были бы те, кто богат.

Болезнь всё сильней Айтолды донимала,
И гас он, на жизнь не надеясь нимало.

«Сколь жизнь вероломна, — воскликнул
несчастный, —
Свой облик сгубил я тщетою напрасной!

Всю жизнь я провел в суете препустой,
Сгубил свою молодость глупой тщетой!

Бегом я спешил одолеть все препоны,
А рок меня сцапал, и что мои стоны!

Богатства собирал я с корыстию пущей,
И всё это цело, а я — неимущий!

1120 Десницей и речью я был величав,
Но смерть подступила, мне горло зажав!»

Так каялся он, и рыдал он немало,
Но смерть покаянной мольбе не внимала.

Сколь горестен в сущности сын человеческий:
С желаемым жизнь не порадует встречей!

Желаний — не счесть, глядь — а жизни уж нет,
А в жизни свершенью желаний — запрет!

От спеси надут и при малом даянье,
Возносишь превыше небес притязанья.

При щедрых наградах — смелеешь в гордыне,
А смерть отрезвит — и дрожишь при кончине.

Накормленный, сытый спесив, что верблюд,
А те, что не сыты, и яд заглотнут!

В довольстве пресыщены, в горе мы хилы,
Нам блага любви обретенной не милы.

И тяжело дышал Айтолды, и в тревоге
Шептал он: «Я с праведной сбился дороги.

Что делать мне с золотом и серебром, —
Я с бедными зря не делился добром!

1130 Зачем был я глух ко благому деянью,
Зачем поносил я безвинного бранью?

Когда бы творил я лишь то, что прекрасно,
Сторицей воздалось бы мне, — это ясно!

А ныне что проку в стенаньях моих?
Мой стон сдавлен смертью — и вот я затих!

Внемли, что изрек пронизательный муж
И преданный правде взыскательной муж:

«Смерть — словно бы дверь всякой твари
живущей:
Ее ни один не минует идущий».

Что жизнь и что смерть, если вдуматься строго, —
Откуда иду я, куда мне дорога?

Зачем я рожден, если смерть мне дана?
Зачем был я весел? — мне смерть суждена!

Что в мире страшнее, чем жизни кончина?
Но все, кто рожден, умирают едино.

И есть у поэта об этом сужденье, —
У внявших ему да отверзнется зренье:

«Что в мире печальнее смерти найдешь?
Подумал о смерти — весь мир нехорош!

1140 Да, смерть — это море бескрайних глубин,
Посмотришь, их бездна — бездонная сплошь!»

О мнящий, что смерть над тобою не властна,
В миг смерти раскаянье будет напрасно!

О ты, обольщенный довольством земным,
Час смерти придет — ты бессилен пред ним.

О ты, чьи желанья жадность тревожит,
Придет твоя смерть — и ничто не поможет!

О ты, чья душа обольщеньем объята,
В земле твое сердце на части разъято!

О ты, что от счастья шутив и смешлив,
Умрешь ты, в печали все слезы излив.

Внемли мудреца просвещенное слово,
Совет для свершения дела благого:

«О ты, кто добра себе хочет в грядущем
В обоих мирах будь безгрешно живущим!

О праведный муж, будь во всем беспорочным —
И словом и делом будь блага дающим!»

Рыдал Айтолды и терзался жестоко,
Но в поздних раскаяньях не было прока.

1150 Раздал беднякам серебра он и злата,
Друзей и родных одарил он богато.

«Творец, — он сказал, очи в небо вперив, —
Один ты владыка мне, ты справедлив!

Тобою я создан, возвращен и отмечен,
О, ты в милосердьи своем бесконечен!

Тебе я служил всей горячностью пыла,
Но смерть подступила и речь мне сдавила.

И нет мне спасения,— я сознаю,
Вот руки — приемлю я милость твою!

Безмерно повинен я в скверне постылой,
О, будь милосерден, желанный, помилуй!

И время, и жизнь — всё прошло понапрасну,
И, властвуя, делал я зло понапрасну!»

И, слово прервав, он от мук изнемог,
И, глянув на сына, слезами истек.

21

АЙТОЛДЫ ВЫСКАЗЫВАЕТ НАСТАВЛЕНИЯ
СВОЕМУ СЫНУ ОГДЮЛЬМИШУ

Единственный сын был возвращен Айтолды,
Лета его были еще молоды.

Был сын — Огдюльмиш его звали — пригож:
И ликом прекрасен, и нравом хорош.

1160 Позвал он его к своему изголовью,
Привлек и заплакал, и обнял с любовью.

«О сын мой,— сказал он,— уйду я сейчас,
Тебе — мое место и всё, что припас.

Ты светом очей моих был для меня,
Уйду я — живи, честь и славу храня.

Сказал некий тюрок в достойном завете:
«Свет ока людского — один: это — дети.

Но дума о детях — что море без дна:
Заботой румянец сведешь добледна!

Кто был и женой и детьми наделен,
Имел ли хоть раз он покой или сон?

Отец за детей перед всеми в ответе,
И кличут отца не по имени дети!»

О сын мой,— сказал Айтолды,— не забудь
Наказ мой, всем сердцем пойми его суть.

Родитель я твой — Айтолды,— погляди,—
Так звали меня, а наказ — впереди.

Испил Айтолды свою долю земную,
Все стоны — тщета, смерти я не миную.

1170 Сладка была жизнь, а кончина горька,
Раскинута сеть — не уйти из силка!

Прельщен всей душою я был этим миром,
Увы, он неверен, и гибну я сирым.

Обманом завлек он меня нарочитым:
Я отдал всё сердце ему, но — забыт им!

Отняв мое счастье, был мир этот зол,
Смотри, как бы он и тебя не провел!

О нужном подчас забывал я, несчастный,
Негожее делал по прихоти властной.

Промчалась вся жизнь ураганом летучим,
И вот я бесплодным раскаяньем мучим.

И выкуп сулить — не поможешь беде,
И помощи я не найду уж нигде!

Внемли, что сказал муж разумный и бдящий,
Осмысливший смерть в ее сути мертвящей:

«Почуяв кончину, глупеет и умный,
А мудрый томится от дури бездумной!

О, да, когти смерти жестокая вещь:
Коварный удар их суров и зловещ!

1180 И смерть все дворцы до предела сметает,
И всё, чем богатство владело, сметает!»

Об этом же сказан и стих утонченный,
Внемли его смыслу, о муж просвещенный:

„Что есть в этом мире, в чем хитрости нет?
Но даже на хитрость есть хитрый ответ.

Со всем совладать можно — поздно ли, рано,
И только на смерть не найдется обмана!“»

ВОПРОС ОГДЮЛЬМИША К АЙТОЛДЫ

И выслушал сын наставленья отцово,
И, ликом к нему обратясь, начал слово.

«Отец мой,— сказал он,— я слово скажу,
Внемли мне, про что я и как рассужу.

Ты пожил, отец, в этом мире немало,
Всего тебе — доблестей, знаний — хватало.

Ты спрашивал, слушал, во многое вник ты,
Всё видел, и жизнь испытал и постиг ты.

Ведь есть и для смерти преграда,— ответь,—
Используй ее, чтобы смерть одолеть.

И если иного не сыщется средства,
Возьми всю казну, что даешь мне в наследство.

1190 И пусть из нее даже всё будет взято,
Лишь ты был бы жив,— скопим новое злато!

Внемли, что изрек щедрый муж-хлебосол,—
На хлеб и на соль он богатства извел:

„Корми и пой, людям радости множь,
Добро проживай — и с добром проживешь!

Пока ты здоров — и казна не убудет:
На воле у птицы зерна не убудет.

Пока ты живой — все желанья с тобой,
Цела голова — сладишь с целью любой!“»

ОТВЕТ АЙТОЛДЫ ОГДЮЛЬМИШУ

«О сын,— отвечал Айтолды,— не перечь,
Оставь все надежды, услышь мою речь.

Ни злата, ни серебра смерти не надо,
Ни мудрость, ни ум для нее — не преграда.

Нашелся бы выкуп для смерти — вовеки
Бессмертными были бы знатные беки.

И мудрому мудрость, увы,— не подмога,
И умному в разуме пользы не много!

Была бы от смерти трава или мазь —
Всем лекарям вечная жизнь бы далась!

1200 И если бы смерть чтитела тех, что высоки,
Поныне бы жили благие пророки!

Увы, умереть суждено всем живущим,
Навечно остался ли кто-либо сущим?

Сей мир — лишь стоянка: пришедший уйдет,—
Бывает ли сытым дракон-живоглот!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША АЙТОЛДЫ

Сказал Огдюльмиш, всё прослушав: «Отец,
Про смерть стало ясно мне всё, наконец.

Но жизнь-то зачем же ты прожил без прока,
Зачем же стенаешь ты, мучась жестоко?»

Зачем ты собирал то, что кинешь теперь,
Зачем не раздал? — ты мне вот что поверь!

Ведь если в беспечности жизнь пролетела,
По винам — и горе, а мука — за дело!

И стоны, отец,— не напрасны ль они,—
Нет пользы в них, как ты себя ни казни!»

ОТВЕТ АЙТОЛДЫ ОГДЮЛЬМИШУ

Сказал Айтолды: «Сын, взгляни на меня,
Подумай о благе грядущего дня!

Я каюсь, беспечный я был и дурной,—
Не следуй, о мой ясноликий, за мной!

1210 Начертан рожденному смертный исход:
И хочешь остаться, а смерть уведет!

Все — узники смерти: в назначенный срок
Из пут ее крепких не вызволишь ног.

Об этом поэт свое слово припас,
И если подумать, в нем всё — в самый раз:

«Всему в мире сущему час предрешен,
Любому живущему час предрешен.

Как годы и дни, так и жизнь отойдет,
И дням твоим тоже есть мера и счет».

Смотри же, мой сын,— произнес Айтолды,—
Не знать бы тебе столь же горькой беды!

Лишь ты — моя дума пред смертным концом:
Ты мал, а уже расстаешься с отцом.

Как жить будешь ты без меня, одинок,—
Иных я, поверь, и не знаю тревог.

Сын, ведавший благо отцовских забот,
В согласии с узанным жизнь поведет.

Он добрым возрастет, если строгость была,
И радость родителей будет светла.

1220 А ежели сын твой не в строгости рос,
Оставь все надежды — какой с него спрос!

И чтобы твой сын был умен и смышлен,
Будь строгим,— таков уж предписан закон.

Узнай, что поведал о детях отец,
Немало поживший на свете мудрец:

„Детей баловал — вред себе же нанес:
Весь век горевал — настрадался до слез.

Распустит отец с малых лет своих чад —
Ты их не вини,— сам отец виноват!

И если негожи поступки детей,
Отец их — виновник недобрых затей.

А если отец в воспитании тверд,
То он за детей подрастающих горд.

И ежели к детям был строг человек,
Его осмеять не посмеют вовек.

Преподаны детям все блага наук —
Душа их чиста и не ведает мук“».

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША АЙТОЛДЫ

Сказал Огдюльмиш, отвечая: «Отец,
Скорбя о тебе, я сгораю вконец.

1230 О нет, я и жить не смогу без тебя,
Не видеть бы мук твоих, сердцем скорбя!

Продлил бы мне в дар твои годы господь —
Не дал бы печалям меня побороть!

А бог не поможет и смерть подойдет —
Ну что же, такой уж начертан исход!

К чему твое горе, зачем этот плач?
Господь повелел — не кричи и не плачь!

И если ты плачешь о счастье мирском,
Не плачь — ты его не заманишь силком.

И если рыдаешь о благах земных,
Не надо рыдать, не печалься о них.

Ведь сонмы людей, что ушли до тебя,
Стенали о смерти, мирское любя!

Ты ведал, что мир и лукав и жесток,
Увы, ты коварством его пренебрег!

Каких ни собрал бы ты благ бытия,
Всего два полотнища — доля твоя.

О жизни своей ты жалеешь сейчас,—
О, кайся и плачь, не суши своих глаз.

1240 Увы, не вернуть дней, умчавшихся прочь,
Что было — то было, пришла твоя ночь.

И если теперь обо мне твоя боль,
Не надо, печалью себя не неволь!

Ты был сотворен, сотворенный умрет,
Творец только вечен, и всем — свой черед.

Хоть был ты ко мне очень добрым, отец,
Добрее тебя вечносущий творец.

Он создал тебя, дал он счастье тебе,
Ужели не внемлет моей он мольбе?

И слабому сила — от божьих щедрот,
Великим и малым он блага дает.

Об этом гласит мудрость умных речей,
Она — словно взор для незрячих очей:

„Да славен всечтимый — он дарит почет,
И воля его честь и славу дает.

Для слабых он — сила, для малых — величье,
Дурным шлет он помощь, достойным —
отличья!“»

И внял Айтолды сей сыновний призыв,
И руки воздел, очи в небо вперив.

1250 Вознес восхваленья он господу сил
За то, что он сына его вразумил.

ОТВЕТ АЙТОЛДЫ ОГДЮЛЬМИШУ

«Мой разум,— сказал он,— дарован и сыну,—
Даст бог ему счастье, как мир я покину.

Ты эту правдивую мудрость усвой,
И взор от нее да отверзнется твой!

Кому даровал мудрость разума бог,
Тому он во всех устремленьях помог.

Кто выдался нравом, в делах — прямизною,
Мечтам его светят и солнце с луною!

Благому благие поступки — доход:
Кто добрый, тот тысячи благ обретет!»

И вновь Айтолды к небу руки поднял,
Всевышнему много вознес он похвал.

«О боже,— сказал он,— ты создал всех сущих,
Вскормил ты несчетные сонмы живущих,

Ты создал меня и вознес, наградив,—
Увы, грешный раб твой, я был нерадив!»

Был добрым ко мне ты до этого дня,
Всё дал ты мне, сделал богатым меня.

1260 Всё дал ты, твое милосердые велико,
Любовно я предан тебе, мой владыка.

Мне смерти — то воля твоя — не минуть,
Вот сын мой единственный — милостив будь!

Ему был отцом я, но смерть предо мной,
Даруй ему счастье в юдоли земной.

От бед отдаляй, приближай его к счастью,
В обоих мирах укрепи своей властью.

К добру поведи, охрани от беды,
В еде и одежде спаси от нужды!»

Всем сердцем молил он, всей силою страсти,—
От доброй молитвы да сгинут напасти!

Послушай разумного мужа слова,
Муж праведный, мудрый — всем людям глава:

«Познавшему милость и помощь от бога
В обоих мирах будет радости много.

Создатель раба своего защитит —
Ему в двух мирах путь ко благу открыт.

Кому суждено милость бога познать,
Дана ему щедрых даров благодать!»

1270 Сказал еще муж, что умом был велик,
Кто внемлет уму, тот удачи достиг:

«Кто богом храним, тот навек сбережен,
Желанное благо изведает он.

Чья вера в творца неизменно чиста,
В дверях его бедам-печалям — заслон».

Еще Айтолды так напутствовал сына:
«Ты помни, что всех ожидает кончина.

Не верь в эту жизнь, суждено ей мелькнуть,
Весь мир этот в небыль уйдет, — не забудь!

С надеждой тебя поручаю я богу,
Тебя охранит он, окажет подмогу.

И вот от тебя я сегодня уйду,
И плачу я, каясь, рыдаю в бреду.

Послушай меня, я скажу тебе ясно,
Что делать отныне ты должен всечасно».

22

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ, КАК АЙТОЛДЫ ДАВАЛ НАСТАВЛЕНИЯ
СВОЕМУ СЫНУ ОГДЮЛЬМИШУ

«Служи всемогущему, прям и правдив,
Пекись о грядущем, не будь нерадив.

И злу и добру — бог велел быть всему,
В него лишь и верь и служи лишь ему.

1280 Проси всё, что нужно, — бог внемлет мольбе,
Один только он и поможет тебе.

Цени его волю, не зная обид,—
И днесь и вовек бог тебя наградит.

Не лживый, а праведный выбери путь,
Будь прям и правдив, и строптивым не будь.

Умру я, свои уже отжил я дни,
И вот что сей мир со мной сделал, взгляни!

Корыстью ко благам мирским не гори,
Людей не неволь, их добра не бери.

Сбирал я добро, а владеть им не мне,
Прошли мои дни, нет прощенья мне!

Твое — всё добро, мне — лишь тяжесть нести,
Довольствуйся им, счастлив будь, не грусти!

Упрочишь всё то, что собирал я трудом,—
В обоих мирах будешь светел челом.

Не сможешь упрочить — приблизится миг,
Когда от тоски пожелтеет твой лик.

Будь честен в деяньях, в делах — справедлив,
Поистине, лишь справедливый счастлив!

1290 Словам справедливого мужа внемли —
Такие свой путь в оба мира нашли:

«Кто хочет спокойно свой век провести,
Да ищет он благ на правдивом пути!

И если ты хочешь богатства, заметь:
Дано справедливым богатство иметь.

А властвовать хочешь — опять не забудь:
Сначала найди к справедливости путь.

Кто прям и правдив — его свойства цени:
В обоих мирах да светлы его дни!»

Мой сын,— Айтолды еще молвил,— услышь:
Будь доблестным — ты адских мук избежишь.

Чуждайся дурного, будь добрым всегда —
Все блага найдут к тебе путь без труда.

От зла будь подальше — в нем гибель твоя:
Зло — насмерть разящая ядом змея.

Двуличным не верь, слов заветных не трать,
Двуличный тебя не преминет предать.

И близко к себе не пускай болтуна —
Он людям предаст твои тайны сполна.

1300 Держись лишь таких, кто и славен и благ, —
Достанутся в дар тебе тысячи благ.

Всё слушай, а верить словам не спеши,
Храни понадежнее тайны души.

Другим не завидуй, хмельного не пей:
Два этих порока — источник скорбей.

Без дела за дверь не пускай своих жен:
Не с ними ли стыд и позор сопряжен!

И, дом свой храня, жен построже держи,
Людей проверяй, а потом уж дружи.

Будь добрым и печься о суетном брось:
Кто добрый, тому и богатство нашлось.

Сей речи одно изречение сродни,
Его ты себе в наставленья вмени:

«О чем бы мечту добрый муж ни берег,
Он всё обретает в положенный срок.

А злomu любое богатство не впрок:
Он даже в богатстве и нищ и убог!»

Пусть чужд тебе будет бесстыжий нахал,
А скромным, стыдливым — сто тысяч похвал!

1310 Терпи, не спеши, волей сдерживай пыл —
Желанное лишь терпеливый добыл.

Во всем и всегда будь и сдержан и строг:
В умеренных действиях — счастья залог.

От скверны язык и глаза защити,
Ешь мало, стремись дозволения блюсти.

Себя от порочных людей береги,
От темных смутьянов подальше беги.

Речами одних только знатных не льстись —
Лишь доброму слову дано вознестись.

Вреда не желай и не делай вреда,
Смирять свои страсти, будь добрым всегда.

Входя, погляди, где обратная дверь, —
Где выхода нету, там много потерь.

Во гневе разумным и сдержанным будь:
Терпение — к завтрашней радости путь.

Послушай, что муж терпеливый сказал:
«Терпя, упредишь даже полный развал!

Кто был терпелив, тот обрел благодать:
С терпеньем и лебеда можно поймать!»

1320 Досталась тебе участь горя и бед —
Терпи: будет радость за нею вослед.

Когда тебе счастье закрыло врата,
Будь стойким и жди: будет дверь отперта.

В терпенье — достоинство мужа, смирись:
Терпенье — дорога в небесную высь.

О смерти грядущей, смотри, не забудь:
Себя соблюдая, блюди свою суть.

При людях ты должен скупым быть на речь,
В домах их — от зависти взор свой беречь.

Входя, всё обдумай — с чем выйдешь ты, взвесь,
Скажи только нужное, с лишним — не лезь!

От ложного слова себя удержи:
Ведь ложью себя же позорят мужи.

С друзьями всегда себя ровно веди,
На старших и младших с улыбкой гляди.

И, щедро делясь хлебом-солью с людьми,
Прости им все вины, за грех не срами.

И богу молись и усердно служи,
Блюди себя, душу безгрешной держи.

1330 Возвышен, собой не гордись никогда,—
Свершай лишь добро и не делай вреда.

Всему в этом мире пройти суждено,
И счастьем не верь: отойдет и оно.

Вся жизнь — словно сон, ей начертан исход:
Неверное счастье, как птица, мелькнет.

Твори лишь добро, жизнь напрасно не трать,
И на день старайся лишь нужное брать.

К вину не тянись, от греха беги прочь:
Ни блудом, ни скверной себя не порочь.

От двух этих бед счастье прочь убежит,
И путь тебе к нищенской доле открыт.

Сказал мудрый муж,— был он опытен, зрел,
А зрелость провидит основу всех дел:

«Не пей, не блуди: винопитье и блуд —
Два зла эти — к нищенской доле ведут.

Вином опорочен ты будешь стократ,
Лишит тебя счастья постыдный разврат!»

Мой сын,— завершил Айтолды свою речь,—
Всё помни,— хотел я тебя остеречь.

1340 Всю правду сказал я, словам этим верь,
И радость твоя да не знает потерь!

Тебе я поведал мой отчий завет,
Вписать его в сердце — твой долг и обет!»

23

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ, КАК АЙТОЛДЫ НАПИСАЛ ЗАВЕЩАНИЕ
ЭЛИКУ КЮНТОГДЫ

Велел дать себе он бумаги, чернил
И с именем бога к письму приступил.

И начал он с имени бога: «Всесущий,
Творец-всезиждитель, господь всемогущий!

Ты — тварей живых сонмы тысяч создавший,
От голода спасший их, всех напитавший!

Всем чаяньям сущих свершение — в божь,
Ему в этом деле не надо подмоги.

Он всё созидает своим повеленьем,
И создано всё по его предреченьям.

Всем воля его смерть познать повелела,
Все смертны, а сам он не знает предела.

Восславь, о мой боже, благого пророка,
Безмерно, всегда его что я глубоко.

Хвала и друзьям его благословенным,
Воздай им хваленьем моим неизменным.

1350 И ты долго здравствуй, элик достославный,
Народами правь своей волей державной.

Зовусь Айтолды я, был полной луною,
Но я на ущербе, и смерть предо мною.

И смерть, словно ловчий, меня изловила,
И нет мне спасенья, и всё мне не мило.

Всегда ко мне добрый, радел ты мне долго,
Но я уйду — не исполнить мне долга.

Завет, что пишу я в послании этом,
Да будет тебе моим горьким ответом.

Я, предан делам сего мира душою,
По правде вершил их, с заботой большою.

И вот, преисполнен к тебе обожанья,
Пишу я тебе — ты почти завещанье.

Послушай, что вымолвил муж благонравный,
А дар благочестия — дар самый главный:

«Внемли благонравным, — их речи и слово
Тебе — что добыча благого улова.

Вся суть у мужей благонравья правдива,
Советам их верь: вознесешься на диво!»

1180 Исполнен к тебе я любви благонравной, —
Послушай совет мой, элик достославный!

Покаялся я перед часом скончанья —
Увы, бесполезны мои покаянья!

Но надобно было мне это смиренье —
Просил я простить мои злые свершенья.

Досталось не мне серебро мое, злато,
Удел мой — считать, сколь печальна утрата.

Печалюсь, умру я, а что мне в печали?
Лишь бог — мне защита, надежды пропали!

Сегодня прощусь я с юдолью земною,
А завтра и ты отойдешь вслед за мною.

Покуда, элик, тебя смерть не задела,
Старайся разумно свершить свое дело.

Будь добрым, — жестоким не будь и суровым,
Возрадуй народ свой и делом и словом.

Пока ты здоров, будь добро раздающим,
И всё, чем владеешь, раздай неимущим.

Вот — сказано мужем правдивым, послушай,
Он был с малых лет прозорливым, — послушай:

1370 «Далек смертный час — ты о смерти подумай,
При жизни молись со смиренною думой.

А смерть подойдет — покаяние тщетно:
Что пользы в могиле стенать безответно!»

Элик, я умру — будь в деяньях радивым,
Покорен будь помыслам благочестивым.

Не дай обольстить себя счастьем мирскому,
Путь правды прокладывая к делу любому.

Поставь над народом закон справедливый,
Увидишь: вся жизнь его станет счастливой.

Не жги себя жадностью к бранным соблазнам
И шею сверни своим прихотям праздным.

Ты — бек, и по-рабски не льстись этим миром,
Не жди его кар и оставь его сирым.

Не тешься суетами высокомерья,
Не верь в этот мир, он не стоит доверья.

Будь близок лишь с теми, что сердцем богаты,
От злых будь подальше — натерпишься зла ты!

Услуги корыстных отвергни с презреньем,
Коварных людей не зови к угощеньям.

1380 Не зная греха, будь в молитве покорным —
Не будет ничто тебе столь благотворным.

И, помня о смерти, собирайся в дорогу —
Она из засады нагрянет к порогу.

Куда ни беги, а нагрянет кончина,
Хоть долго живи — все уходят едино.

Живи, но и помни о смерти грядущей:
В могилу ложится и долго живущий!

Кто мог уберечься от смертного рока?
Кто жил дольше роком сужденного срока?

Слова есть, прекрасны и смыслом глубоки,
В них — жизни бегущей бегучие сроки:

«Посмотришь, все люди идут караваном,
И негде им стать долговременным станом.

Сын, в чреслах отца лишь недолго покоим,
Гостит в чреве матери кратким постоем.

Едва лишь рожденному имя назначат,
Седлает он время и путником скачет.

Ничто днем и ночью скачков не нарушит,
И смерть, приближаясь, чело его сушит.

1390 Сей мир и могила твоя — два привала:
Пришел — собирайся, пора миновала.

Сей мир две стези расстелил пред тобою,
Одною из двух отправляйся — любюю.

Направо пойдешь — будет ладной дорога,
Налево — вся жизнь твоя будет убога!»

Достойный элик! Мир раскинулся пашней,
Где все пожинают посев свой вчерашний.

Что сеяно в землю — тому и родиться,
Что дашь — то отдачей к тебе возвратится.

Не лей чужой крови, чужого не алкай,
От двух этих зол будет смерть твоя жалкой!

Вся жизнь, словно виденный сон, быстротечна,
И — бек или раб — все уходят навечно.

Что прошлые дни твои? — Сон и дремота!
А что впереди? — Только слезы без счета!

И сказано нам в назидание мужем —
Познавшим тоску покаяния мужем:

«Не сон ли тобою прожитые дни,
Какая в них польза, ты мне объясни!»

1400 В плену своих прихотей жизнь ты провел,
А что впереди? — Только муки одни!»

Подумай о жизни — малы ее сроки:
От жизни до смерти пути недалёки.

Да будет, элик, твоя жизнь безупречна,
Лишь доброе имя бессмертно и вечно!

Не верь в силу войска, в могущество злата —
И то и другое уйдет без возврата.

И чуждому жертвой не стань бесполезной,
Не жги себя зря и себе соболезуй!

Взгляни: до тебя миром правили беки,
А нет их — исчезли в могилах навеки!

И смерть уж грозит тебе силой всевластной,
Следит за тобой она, светоч мой ясный!

Сказал повидавший грехи сего света,
Как раз для тебя и припомнил он это:

«Богатство с водою соленой сравнится:
Лишь сохнет язык, а никак не напиться!»

Соблазны — что тень, тем же действуют ладом:
Ты к ним — они прочь, ты от них — они рядом.

1410 Земные дела — будто призрак в пустыне:
Захочешь поймать — его нет и в помине!»

Будь стойким, элик, соблюдай себя строже —
При доблестном беке и люди пригожи.

Ведь люди — что овцы, а бек — их пасущий,
А пастырю добрые свойства присуши.

У врат твоих — волчья голодная свора,
Будь зорок, элик, ставь посты для дозора.

В делах не гневись, приглушай свои страсти,
Гневливые беки лишаются власти.

С людьми объясняйся спокойно, не грубо,
Ведь грубость страшнее огня-душегуба!

Будь мягким и добрым в величье спокойном,
Направь свою руку к свершеньям достойным.

Смотри: далека пред тобою дорога,
А разум в дороге — большая подмога!

Не строй ни дворцов, ни чертогов, властитель, —
Тебе под землю готова обитель.

Глядишь, все чертоги тебя пережили,
А ты безутешен в зловещей могиле!

1420 Зачем же ты копишь богатства все эти,
Тебе двух полотниц довольно на свете!

Об этом сказал и поэт свое слово,
И слово его — всем реченьям основа:

«Вот суть человека: к богатству влеком,
Он с думой о смысле богатств незнаком.

Копил, богател, и желанное — с ним,
А смерть уже здесь — подокралась тайком!»

Не радуйся, бек, мимолетным уладам:
Всё ладное кончится полным разладом.

Не трать свою жизнь на мирские улады,
Они быстротечны и мстят без пощады.

На шелке и бархате нежишь ты тело,
А ляжешь ты в черной земле омертвело.

С любезными сердцу ты нынче в веселье,
А путь твой — под землю, во мрак подземелья!

Ты спешишься скоро с поспешной кобылки:
Конем без седла тебе станут носилки!

Попомни о смерти, всё это обдумай —
Не каялся ты бы в могиле угрюмой!

1430 В делах своих помощи жди лишь от бога:
Даст силы творец — подоспеет подмога.

Что рок ни пошлет тебе — доброго, злого,—
Смирись, но скажи лишь правдивое слово.

Захочешь два мира объять своей властью —
Отвергни пять зол — и приблизишься к счастью.

Не льстись на запретное, силой не действуй,
Врагу не отмщай, не прибегни к злодейству.

Не пей, не поддайся соблазну разврата —
Всё это утратю власти чреватю.

И, чтобы крепить свою власть год за годом,
Закон, а не силу поставь над народом.

Элик, ты стоишь над народом главою,—
Блюда и храни его думой живою.

Элик, ты связал себя ношей немалой,—
Будь зорок, достойный, и доброе жалуй.

Нам любо тащиться за прихотью следом,—
Опомнись, не дай одолеть себя бедам!

Промчались, как ветер, все дни твои скоро,
А те, что остались,— какая опора?

1440 Не будь нерадивым в последние сроки,
Сумей одолеть все грехи и пороки.

Неверен сей мир, он во всем ненадежен,
Бери в нем лишь нужное, будь осторожен.

Сказал некий праведник, вот его слово,
А праведный муж — всему миру основа:

«Сей мир — лишь стоянка, а ты — караван,
Надолго ли отдых идущему дан?

Он — место для выгодных сделок в пути,
Но как ни доходно, а надо идти!

А если уж в путь собираться пришлось,
Возьми только нужное, лишнее брось!»

Вот я ухожу, и тебе уж пора ведь
Подумать, как доброе имя оставить.

Послушай, что молвил один умиравший,
На смертном одре наставленья дававший,

Живущих учил он, уже обреченный,
Вбери себе в душу совет умудренный!

Изрек он: «Подумай о зле неминуем —
Годами лежу я, раскаяньем мучим!»

1450 И помни, элик, долго правит умелый, —
Ты вот что свершай, вот чего ты не делай:

Для блага закон, а не сила угодней,
В молитве пади перед дверью господней.

Второе: будь крепок и телом и духом —
Тогда не поддашься неожиданным порухам!

И дел не тyani — делай быстрым свершеньем,
И гнев прогони — стисни зубы с терпеньем.

Блюда сей совет мой — и всё будет споро,
И будет тверда твоей власти опора.

Достойных возвысь, им наград не жалея,
Негожих гони от себя поскорее.

Закон укрепляй — и все бедствия канут,
И поясом счастья ты будешь затянут.

Внемли, что сказал нам мудрец знаменитый,
Воспользуйся мудростью, в слове сокрытой:

«Законы вводящий! Карай справедливо!
Законы крушащий — для смерти пожива.

Правитель, не пестуй порядок неправый:
Неправый не справится с трудной управой!

1460 А кто утверждает порядок неправый,
По смерти дурною покроется славой.

Кто добрых держался законов и правил,
Тот доброе имя надолго оставил!»

Собою, элик, не прельщайся обманно,
О сути своей помышляй неустанно.

Дурное в себе не упрочь, о всевластный,
Два мира доймут тебя карой ужасной.

Ты руку простер над народом высоко —
Смотри, как бы жизнь не промчалась без прока!

Сей мир преходящ — свикнись с думой об этом,
И смерть уже близко — подумай об этом!

Взгляни в назиданье: судьба моя слезна,
Покайся при жизни, потом будет поздно.

От мертвых посланье живым — завещанье,
Мое завещанье — вот это посланье.

Элик, для меня ты был другом любезным,
Молю: да пребудет завет мой полезным!

Заветное слово всегда благодатно,
А примешь совет — польза будет стократна.

1470 Одна только правда в послании этом —
Попомни меня, не гнушайся советом!

И сколько бы лет ты ни прожил, а всё же
Тебе уготовано смертное ложе!

Приходит ко всем миг смертельного срока
И души живых забирает жестоко.

Внять голос, призывно зовущий, готовься,
И к дальней дороге грядущей готовься.

Нет места, где смерти присуща пощада,
Ты к смерти готовься — собирай всё, что надо.

Внемли, что сказал муж, немало познавший,
Уже перед смертью, к нему подступавшей:

«Приблизится смерть, и велит она: ляг,
К кончине готовься направить свой шаг.

И хоть ты серебряный пояс носи,
А смерть подошла — и порвался кушак!»

И ведай, элик: тебе правдой служил я,
И честно вложил в услуженье весь пыл я.

Господь да пошлет тебе радость-отраду,
В еде и одежде благую награду.

1480 И тысячи лет в благоденствии здравствуй,
Без бед и невзгод над народами властвуй!

И правит любовь моим преданным словом,
О, будь, ясноликий, живым и здоровым!

Достойный элик! Я прощусь с этим миром,
Боль сердца — мой сын здесь останется сирым.

Молю я: да будет храним он всесущим
В огне сей юдоли, всё сущее жгущем!

Блюди его зорко — вот суть моей просьбы,
Наставь, чтобы сыну пропасть не пришлось бы!

Господь — всего сущего суть и основа,
Он волен над всем, что есть доброго, злого.

А мать и отец — назиданье их чадам,
Как жить им — дурным или добрым укладом.

Отец я, но я перед смертной чертою,
И сыну — без матери — быть сиротою.

И если я стою отплаты, хоть малой,
Направь его верной стезею и жалуй.

Пригрей, обучи его доблести строгой,—
Обученный, станет он людям подмогой.

1490 И он благонарным и честным да будет!
А с пользой послужит — свое он добудет.

Будь строгим, суровым, неволь его властью,
Суровый надзор приведет его к счастью.

И сказано старцем, как лунь поседелым,
Он это изрек с разумением зрелым:

„Внушай сыну с детства благие науки:
Кто с детства учен, всё дано ему в руки.

Хлыстом поучай своих чад, не жалея:
Кто розог попробовал, тот и умнее!

Ведь то, что в младенчестве познано, дети
Не смогут забыть, пока живы на свете!“»

И, кончив письмо свое, взял он тесьму,
Связал его, сыну отдал своему.

«О сын мой,— сказал он,— смотри, не утрать,
Элику завет мой сумей передать.

Пусть это прочтет он, поймет мой совет
И, к смерти готовясь, блюдет мой завет».

И сыну промолвил он, вздох испустив:
«Усвой, что скажу я,— будь смел и правдив!»

1500 И обнял он сына, печалью убит,
Целуя его и стеная навзрыд.

«Ты видишь, о сын мой, как я сокрушен,—
Запомни меня и предсмертный мой стон.

И ты тоже смертен, и это — не ложь,
Не тешься обманом, и ты ведь умрешь.

Полезное слово скажу я тебе,
Усвоишь — меня ты помянешь в мольбе.

К служенью тебя призовет властелин —
Служи ему верно и честно, мой сын.

Без лени трудись, не забрасывай дел,
И словом и делом будь честен и смел.

Пораньше вставай и попозже ложись:
Встающему рано — все блага дались!

Пред волею бога в смиренье пади,
Элику служи с жарким пылом в груди.

С дурными не знайся и чужд им пребудь,
Твори лишь добро — будет ладным твой путь.

Держи свое слово, здоровье упрочь,
Блуди себя — сможешь ты всё превозмочь!»

1510 Умолк он, и сына он обнял с рыданьем,
И снова дал волю своим покаяньям.

«О мир сей безжалостный, — он произнес, —
За что столько мук ты послал мне и слез?»

Меня, совершившего столько добра,
Поглотит могила, темна и сыра!

И, как при рождении, ныне я гол —
Предел свой в печали и скорби обрел.

Внемли, что сказал умирающий муж,
В тоске перед смертью рыдающий муж:

„Из чрева ты вышел — во чрево уйдешь ты,
Был счастлив — стал змеям для корма пригож ты.

И юность — не в пользу, и жизнь — бесполезна,
В тоске и рыданьях в могилу сойдешь ты!“»

Взрыдал Айтолды, и, теряя сознание,
Велел он раздать неимушим даянья.

Простился с роднею, лишаясь уж сил, он,
И бога взять душу на небо просил он.

И в небо оставил с молитвою взор он,
И речь его смолкла, и руки простер он.

1520 И свет его жизни подернулся тьмою,
И вздох испустил он с последней мольбою.

Благая душа его ввысь возлетела,
И замерло вмиг бездыханное тело.

И в небыль исчез его дух вдохновенный,
Осталось лишь имя его во вселенной.

Внемли, что сказал некий муж просвещенный,
Очнувшийся вдруг от беспечности сонной:

«Пристанище тела — земное жильё,
А дом для души твоей — тело твое.

Покинет душа твоя брENNую плоть,
А где она — ведаёт только господь!

Блаженна судьба её в горнем пределе,
А спустится вниз — её доля тяжеле!»

Двоякая участь возможна, конечно,
Но всё же душа и бессмертна и вечна.

Сколь горестна суть человека живого:
Умрет его плоть и замрет его слово!

Откуда он? Долго ли жить его силе?
Где быть ей потом — где витать ей судили?

1530 Что знает мудрец? Что он скажет об этом?
Что умный поймет? Разъяснит ли ответом?

Об этом рассудит один вездесущий,
Всесильный творец — властелин вездесущий!

Везде он — от взора сокрыт и невидим,
Везде пред очами стоит и — невидим.

Хотя человек и недолог, не вечен,
Он думой велик, даром слова отмечен!

Но что за причина — безвольный, бессильный,
Дурной, человек — узник спеси обильной!

Всего лишь два дня он гостит во вселенной,
А пялится грудью в гордыне надменной!

Послушай, что сказано вдумчивым словом,
Что сказано мужем, к кончине готовым:

«О грозная смерть, лютый рок тобой правит:
И тысячи средств от тебя не избавят!

Ты всем — как силок, и никто не спасется,
С тобою ни злу, ни добру — не бороться!»

А надо бы долгого счастья разумным
И скорой кончины невеждам бездумным!

1540 Но смерть ни благих, ни дурных не щадила,
Великим и малым готова могила.

О ныне живущий! Все смерти достигнут,
Хоть долго живи — будешь ею настигнут.

И сказано верно владетельным мужем,
Премудрым, в делах добродетельным мужем:

«О, если бы не было смерти вовек,
И в вечном бессмертии жил человек!

Но смерть посылает мне благо такое:
Всё рушит, даруя блаженство покоя.

И нет в этом чуда, что смертен рожденный,
И вновь станет прахом в земле погребенный.

О нет, не людей — человеческое жаль мне,
Не их — справедливость извечную жаль мне!

Строптивая ли суть твоя или смиренна,
А древний сей мир уж таков неизменно!»

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ, КАК ЭЛИК КЮНТОГДЫ
ПРИЗВАЛ К СЕБЕ ОГДЮЛЬМИША

Оплакал элик Айтолды и тотчас
Дал сыну его свой совет и наказ.

«Не надо,— сказал он,— столь горько рыдать,
Утихнет печаль и придет благодать.

1550 Не только тебе твоя мука горька,
И мне тяжело — безысходна тоска.

Утешься, не мучай терзаньями грудь,
Служи мне — при мне безотлучно ты будь.

Отец твой скончался — я буду отцом,
Отцом при тебе, как при сыне родном!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

Пал ниц Огдюльмиш, преисполнен любви,
Сказал он: «Элик, вечно здравствуй, живи!

Твой раб и слуга, я тебе послужу,
Я жизнь мою всю за тебя положу.

Всю жизнь за тебя положил мой отец,
Послал бы и мне ту же долю творец!»

Достал он посланье отца своего,
И тут же элику он отдал его.

Элик прочитал содержанье письма,
«Да, жаль,— он сказал,— муж большого ума!

Превыше других был ты в чувствах высок,
Забыл мой порог ты, и сир мой чертог.

Ты честно служил мне, исполнив свой долг,
На смертном одре ты в мучениях смолк.

1560 Тебе по заслугам воздать я не мог,
За верность твою да воздаст тебе бог!

И я благодарнейшим чувством объят,
Но бог да воздаст тебе в тысячу крат!»

В рыданиях прервал свое слово элик,
И прочь он пошел, и печально поник.

Вошел он к себе, сердцем тих, молчалив,
Весь день он скорбел, плотно дверь притворив

И сын чтит обычаи скорбной поры,
И щедро раздал беднякам он дары.

Отца помянув всею скорбью своей,
Приблизил к себе он достойных людей.

Он праведно жил — чтит отцовский завет,
И счастьем сиял добрых дней его свет.

Послушай, что молвил разумнейший муж,
Познавший всю суть человеческих душ:

«Заветы отца чти и строго и свято,
Сладка будет жизнь твоя, счастьем богата.

И мать и отца всеми силами радуй,
Стократ и сторицею будет отплата!»

1570 Элик еще больше стал властью силен,
И день ото дня укреплял он закон.

Народ богател, и держава цвела,
Везде воздавалась элику хвала.

Однажды сидел одиноко элик,
Отвлечшись от книги, он взором поник.

Понуро и хмуро уставившись вдаль,
Не знал он, кому бы поведать печаль.

И, вспомнив с тоской Айтолды, он сказал:
«Вот муж из мужей был, достойный похвал!

Мой друг, украшением был он двора,
Народу он сделал немало добра.

Исчез он, и место его опустело,—
Кто сможет свершить несвершенное дело?»

И тут Огдюльмиш ему вспомнился вдруг:
«Неправо забыт мною преданный друг!

Когда умирал, мне о сыне своем
Сказал Айтолды, но забыл я о нем.

Скончался отец — сын наследник ему,
Потерян один — я другого возьму!»

1580 Велел он найти его людям своим,
Призвал Огдюльмиша и заперся с ним.

25

повествуется о представлении огдюльмиша элику
Вошел Огдюльмиш и стоял пред эликом,
От радости светел душою и ликом.

вопрос элика к огдюльмишу

Элик спросил его, свидевшись с ним:
«Скажи мне, какую судьбой ты храним?

И ладны ли дни твоего бытия —
Пряма ли, крива ли дорога твоя?

По смерти отца что послал тебе рок —
Добры твои дни или полны тревог?»

ответ огдюльмиша элику

Сказал Огдюльмиш: «О элик достославный,
Да славишься долго ты властью державной!

Я не был приближен для службы элику —
Рок, брови нахмурив, отверг горемыку.

Давно уж не видел элика чело я —
Печален, терпел я безвременье злое.

Ты вспомнил меня, и дождался я зова,
И поясом счастья повязан я снова.

Велений элика я вновь удостоен —
Светлы мои дни, ясный взор мой спокоен!»

1590 Элик испытал его знания пристрастно,
На всё Огдюльмиш отвечал ему ясно.

26

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ВСТУПЛЕНИИ ОГДЮЛЬМИША
В УСЛУЖЕНИЕ К ЭЛИКУ КЮНТОГДЫ

«О сын мой, — элик ему молвил, — служи,
Будь радостен — тягот в душе не держи.

Отец твой служил мне в ведении дел,
Ему не за всё отплатить я сумел.

Тебе отплачу я, сносить не желая,
Как будет молва осуждать меня злая.

Внемли, что сказал властелин Уч-Орду,
Я мудрое слово его приведу:

«Когда тебе зло причинит кто-нибудь,
Не ведайся с ним ты и зла не забудь!

Раз ты человек, так и будь человечным,
Тянись к этой сути в стремлении вечном.

А кто на тебя покушается злобой,
Воздать ему тою же мерой попробуй.

Ведь тот, кому чужды людские несчастья,
Не лучше быка, о державец всевластья!

И будь человеком без тупости бычьей,
Храни человечности добрый обычай.

1600 Великую силу дает человечность,
Приносит и честь и почет человечность!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

Пал ниц Огдюльмиш и воскликнул: «Элик!
Твой взор просветлеет — я счастья достиг.

Ты — мой повелитель, я — раб твой навеки,
Рабов одаряют властители-беки.

Захочешь — презри, пожелаешь — отметь,
Всей жизнью моею ты волен владеть!»

И встал он, и тихо дошел до дверей,
И к дому отправился в путь поскорей.

И, пояс служенья надев с этих пор,
Делам Огдюльмиш дал бессменный надзор.

И, вплоть до зари не свободен от дел,
Он, бодрствуя ночью, при службе и ел.

Эликом он был за усердье ценим,
И счастье врата распахнуло пред ним.

Внемли, что сказал муж, служение знавший,
Нелегкую службу счастливо седлавший:

«Желаешь ты бека узреть благосклонным —
В покорном радении будь неуклонным.

1610 А кто неугодное дело свершит,
За свой же позор сам претерпит и стыд.

И если служенье твое негодно,
Вся жизнь твоя будет пуста и бесплодна!»

Элик, Огдюльмиша приблизив, велел
Законы блюсти в совершении дел.

Однажды элик, от печали недужа,
Грустил: «О, какого утратил я мужа!

Не счесть во дворце моем множества слуг,
Но годный для дела где преданный друг?

Нет знающих дело, дела все в упадке, —
Где преданный муж, чтоб наладить порядки?

Послушай, что молвил всезнающий муж,
И зло и добро понимающий муж:

«Захочешь — отыщешь желанное сразу,
Лишь добрых мужей не сыскать по заказу.

Есть много спесивых и темных голов,
А нет ведь мужей, кому верить готов!»

Он был самый нужный и самый хороший,
Пригодный управиться с тяжкою ношей.

1620 И вот что один стихотворец изрек —
К достойному смыслу прилажен и слог:

«Из тех, кто приходит, никто не подходит,
Из тех, кто подходит, никто не приходит.

Немало людей разномастных толчется,
А ищут полезных — увы, не находят!»

Еще поговорка сюда подойдет:
«Умрет родовитый — останется род.

Что в землю посеяно, то и сберешь,
Рожденный отцом на отца и похож!»

И сын Айтолды — не отцовское ль семя, —
Отца заместить подойдет ему время.

Отцовское место пустует — я верю:
Лишь сын его может восполнить потерю.

Его я взращу, — кто возвращен человеком
И стал человеком — полезен, конечно.

Я вижу, что он мне для службы пригож,
Лишь мал он — иных в нем грехов не найдешь!

Отлично сказал муж, овеянный славой,
Счастливый избранник судьбы величавой:

1630 «Кто беком воспитан, вспоен и пригрет,
Главенствовать призван за беком вослед.

Кто беком приближен, как избранный, тот
Свершенье мечтам и желаньям найдет.

Кому бек подарит приветливый взгляд,
Тому и другие все в очи глядят!»

Что ж,— молвил элик,— приложу я старанья
Ему надлежащее дать воспитанье.

Отдам за отца ему долю сыновью —
Растить с человеческою буду любовью.

Мне честно служил Айтолды много лет,
Воздать добротой я должен в ответ.

Добра человечность достойным ответом,
Я буду растить его сытым-одетым.

Кто сам — человек, тот и доброе ценит,
И сердце людское добро не изменит.

Послушай, что речь наших предков гласит,
Пословицы предков хранить надлежит:

„Будь добрым, о ты, чья душа человечна,
Добро, не старея, живет долговечно.

1640 Добро не стареет — живет, не ветшая,
И век его долог, и слава — большая!“»

Элик оценил Огдюльмиша по чести,
Делил с ним плохие и добрые вести.

Заботой элика взнесенный высоко,
Стал сведущ в правленье он волею рока.

Служа, чтоб упрочить и власть и закон,
Раденьем все двери открыл себе он.

Он был неумелым, а стал он умелым —
Элик наставлял его словом и делом.

И понял элик: «Все дела мои ладны —
И в яви и в сути устройством изрядны.

У этого блага основа одна:
Взрастил, воспитал — вот и польза видна.

Обрел я желанное в муже умелом,
Сколь славен он станет к летам своим зрелым!

Тот будет великим, кто мужествен с детства,
В нем признаки эти видны с малолетства.

Прочти-ка об этом же сложенный стих,
Раскрыта вся суть в его строчках благих:

1650 „Отмечен приметамы каждый предмет,
И всё, что растет, не меняет примет.

О вкусе плода по цветку рассуди,
По внутренним свойствам — и видимый цвет!“»

Служил Огдюльмиш, дни и ночи летели,
С утра дотемна был всегда он при деле.

Суров был со всякой негожею скверной,
А делу способствовал пользою верной.

К элику спасенье пришло от невзгод,
От тягот избавлен, жил вольно народ.

вопрос элика к огдюльмишу

Призвал Огдюльмиша однажды элик,
Спросил обо всем и в дела его вник.

«О сын мой, — сказал он, — к тебе мое слово,
Ответствуй мне волей сердечного зова.

Что людям на пользу идет — ты ответь,
И в чем им дано этой пользой владеть?»

ответ огдюльмиша элику

«О бек мой, — ему отвечал Огдюльмиш, —
Ты — знаний оплот, над людьми ты стоишь.

В обоих мирах пользой самою главной
Пребудут благие дела, достославный!

1660 Второе — стыдливым быть, третье — правдивым
Муж трех этих доблестей будет счастливым.

Кто ладен в делах, того любит народ,
Правдивому мужу и честь и почет.

Стыдливость и совесть — преграда порокам
Бесстыжий томится в недуге жестоком.

И кто благороден и честен в делах,
Дано ему счастье в обоих мирах.

Правдивость, стыдливость и доброе дело
В единстве — залог преблагого удела!»

вопрос элика к огдюльмишу

«Я понял,— ответил элик,— твое слово,
А в чем людям вред от дурного и злого?»

ответ огдюльмиша элику

«Внемли мне,— сказал Огдюльмиш,— о элик,
Желанно мне, чтобы ты в речь мою вник.

Бывают и свойства, чья сущность лиха,
Я три назову тебе, мудрый, греха.

Во-первых, бессовестный нрав нехорош,
Второе — привычка обманывать, ложь.

А третье — корыстная жадность скупцов,
Три вида пороков — три рода глупцов.

1670 Когда в человеке все свойства худы,
С рассвета во всем у него нелады.

А если кто лжив или крив языком,
С недоброю славой он будет знаком.

И что есть гнусней, чем корыстный расчет?
Скопил — не потратил, и всё пропадет!

Есть мудрое слово о скряге из скряг:
«Мошенник, себя обокравший бедняк!

Нагреб себе злата, жалел — мол, не трать,
А что бы другим хоть монетку отдать!

О скряга, влихнувший весь мир в тайники,
Готовь угощение — ждут едоки!»

Владельца трех доблестей счастье хранит,
А друг трех пороков позором покрыт!»

вопрос элика к огдюльмишу

«Я понял всё это,— элик произнес,—
Ответь и еще на такой мой вопрос:

С рожденья ли мудр человек и умен,
Иль учится мудрости с возрастом он?»

ответ огдюльмиша элику

«Элик достославный,— сказал Огдюльмиш,—
Про ум и про знанья ответ мой услышь.

1680 Без знаний рожденный, весь век свой учась,
Умом постигает всех сущностей связь.

Рожденный из чрева еще несмышлен,
Одним лишь ученьем возвысится он.

И только уму человека не учат,
Он ум от творца при творенье получит.

А кроме ума, человеческий род
Всем доблестям знанием силу дает!»

Был рад услышать эти речи элик,
«Сей муж,— он сказал,— благодати достиг.

Умершего мне заместил его сын,
На доброй стезе им положен почин.

Творцу похвалю я должен воздать,
В законах народ обретет благодать.

За верность и честь Огдюльмишу хвала,
Достойно и честно вершит он дела.

Ему должен сделать я много добра,
За доброе дело награда щедра!

Послушай достойного мужа слова,
Достойный избранник — народу глава:

1690 „С тобой человечны — будь сам человечен,
Да будет достойный достойно привечен.

За верность лишь верность — достойная плата,
Будь верным — и будешь ты славой отмечен!“»

Элик проявлял к нему щедрую милость,
Хвалебная слава ему возносилась.

В народе везде его слава росла,
Всесветно ему воздавалась хвала.

Меж равных он стал самым знатным по праву,
У беков снискал он великую славу.

Он сердцем и речью был скромен и тих
И ладил со всеми в деяньях своих.

Покладист душою, в речениях сладок,
Он всюду внес тайный и явный порядок.

И, кругом собратьев-друзей окружен,
На них опирался в деяниях он.

А тот, у кого есть в собратьях опора,
Могуч и недвижим — прочней крутогора.

Опора в собратьях — могущества знак,
Имеющий силу — основа всех благ.

1700 Но в счастья кротость — великое диво,
А мудрость — спокойным смиреньем красива!

Прекрасное слово премудрый изрек,
А мудрый совет — всех успехов залог:

«Когда к тебе счастье приспело неожиданно,
Будь кроток и скромн и тих постоянно.

Когда тебе счастьем дана благодать,
Лишь кротостью можно ее удержать.

Различны у счастья листва и коренья,
А корень корней его — кротость смиренья!

Смиренному, кроткому нраву — хвала,
Смиреньем вершатся благие дела!»

Негожая суть у повадки надменной,
Влачится в низинах спесивец презренный.

Во благе отрада мужам всех времен,
А стоит его только тот, кто умен.

Об этом и стих есть, прочти его строки,
Усвой его, муж, сердолюбьем широкий:

«И глупый хорош, если счастьем богат,
А умному счастье пригодно стократ.

1710 А если и глупому счастье — не вред,
С умом — его сила не знает преград.

И глупым при счастье дается величье,
А умным — стократ и почет и отличья.

Но если к неумным приходит оно,
Недолго при счастье им жить суждено!»

Есть к этому слову еще одно слово,
Внемли его смыслу, муж сердца благого:

«Разумному счастьем дается почет,
И в почестях жизнь его с честью течет.

Безмозглый и счастье не может хранить;
Глядишь, что ни день — а уже недочет!»

Узнал, испытал Огдюльмиша, элик:
По правде свершать все дела он привык.

Испытывал он его и поощреньем,
И злом — нарочитым к нему небреженьем.

А тот и при почестях службе радел,
Свершал и в немилости множество дел.

Элик оценил его, мучась виною,
И впредь повелел ему ведать казною.

1720 Великим доверьем облек он слугу,—
И жизнь за него, мол, отдать я могу!

Служил Огдюльмиш справедливо и честно,
Элик с ним сходился всё более тесно.

Умело вникая в различия дел,
И опись он вел им, и сутью владел.

Опасливый, зоркий, во всем осторожный,
Служенье он с волею вел непреложной.

Внемли, что сказал муж преклонных уж лет,
Свой жизненный честно исполнив обет:

«Богатство и золото людям пригоди,
А муж, что собою владеет, дороже.

И ежели в ком сребролюбия нет,
Во благо дарован ему целый свет!»

Мудрец нас учил самой мудрой из истин:
«Внимай лишь тому, кто во всем бескорыстен!»

И лучше еще изречение есть:
«И жизни не жалко за верность и честь!»

Кого же правдивым зовут справедливо?
Такого, чья суть неизменно правда!

1730 И доблестным мужа когда мы зовем?
Когда справедливость находим мы в нем!

И кто из людей стоит доброго слова?
Мы щедрого хвалим, браним мы скупого!

А вдуматься — к людям судьба недобра:
Собирают добро, да не видят добра!

Одни за поживою по свету рыщут,
Другим любо море — там смерть они ищут.

Те — горы копают, где скалы суровы,
Другие — всю землю обегать готовы.

Один лезет ввысь или ввалится в брод,
Другой роет недра — там воду берет.

Один — под ударами сабель в отряде,
Другому — до старости чахнуть в осаде.

Одним любви хитрость, коварство и ложь,
Другим — казнокрадство, убийства, грабеж.

И муки-то все — ради тела и глотки,
А скопишь — пропало: дни жизни коротки!

Всё это — потуги неумных хлопот,
А глупые люди — бессмысленный скот!

1740 А людям разумным и верящим в бога
Лишь хлеба насущного надо немного.

Послушай премудрого мужа завет,
Прожившего тихую жизнь без сует:

«Лежать ли, весь мир ли избегать — едино:
Тебе предуказана роком судьбина!»

Будь сердцем правдив, речью честен всегда —
В урочное время приспее еда.

Кто хочет богатства и благ сего света,
Да будет душа его правдой согрета!

И если ты хочешь всем миром владеть,
Живи справедливо и праведно впрядь.

Прекрасно сказал муж разумный, правдивый,
Обретший весь мир на стезе справедливой:

«Кто хочет добиться богатства земного,
Да будут честны его дело и слово.

А хочешь всем миром владеть безраздельно,
Будь сердцем и речью правдив — вот основа!»

Властитель, блюди свой народ справедливо,
При праведной власти вся жизнь его — диво!

1750 Правдиво и честно верши все дела,
Да будет твоя человечность светла!

И вот Огдюльмиша возвысило счастье,
Но речи с людьми вел он, полон участия.

Элик испытал его в разных занятиях,
Познал его свойства и стал одобрять их.

Элик, Огдюльмиша труды оценив,
Узрел, что во всех он делах справедлив.

Послушай, что сказано мужем смышленным,
Невежда, внемли этой речи с поклоном:

«За слугами бекам приглядывать надо —
На службу не брать, не dokonчив пригляда.

И, только проверив пригодность приглядом,
Слуге открывают дорогу к наградам.

Служенье, когда оно бекам по нраву,
Во благо слуге, властелину — во славу!»

Прекрасно сказал бек из рода Ягма,
И суть его мысли — премудрость сама:

«О бек, доверяй лишь умелому дело —
Тому, кто потрудится делом у дела!

1760 А если связался с негодным слугой,
Ты сам и виновен — не кто-то другой.

Кто счастьем отмечен от милостей божьих,
Даны ему слуги из самых пригожих.

А вздумает бог ниспослать долю бед,
Таких даст он слуг, что затмится весь свет.

Невежды такой распалют огонь,
Что губит всё дело чадаящая вонь!»

Возвысил элик Огдюльмиша с почетом,
Всё вверил опеке его и заботам.

Простер его длань он к подвластным пределам,
И стал Огдюльмиш править словом и делом.

Коня дал элик ему, чашу, печать,
Почетной одеждою стал отличать.

И ласковой речью и добрым указом
Элик отличал его рвенье и разум.

И сколько мужей — от велика до мала —
К стопам его с жертвенным рвением пало!

Ища его милости, множество слуг
С дарами являлось к нему для послуг.

1770 И ввел Огдюльмиш справедливость повсюду,
И много даяний раздал всему люду.

Народ он избавил от тягот и бедствий,
И слуг отдалил он, повинных в зловердстве.

Упрочен закон был, окрепла страна,
Элик был спокоен: держава прочна.

Народ цвел всё боле под властью закона,
Враги разбегались, бросая знамена.

И сам властелин жил в довольстве, в покое,
Ему было в радость блаженство такое!

Столь добрые блага познанием даются —
В награду разумным стараньям даются.

И как не хвалить свойство разума в муже,
И как не признать, что бездумие — хуже!

Свершенья разумного верны всегда,
Поступки неумного скверны всегда.

И сколь благотельно счастье для умных —
Всегда добронравных мужей многодумных!

Внемли, что сказал бек из рода Ыла,
Чья речь твоей речи основой была:

1780 «Когда неразумный правленье берет,
Страдает страна, терпит муки народ.

А если властитель умен и учен,
Страна благоденствует — знай наперед!»

Спокойно текли дни элика, светлы,
И господу он возносил похвалы.

Молился он, к небу взывая: «Услышь!
О ты, мой создатель, все знанья даришь!

Ты знанья мне дал, наделил меня силой,
Усиль светом истины дух мой, помилуй!

Лишь ты мне опора на добром пути,
Сподобь меня тяжкую ношу снести!»

И бедным раздал он даяний премного,
И душу сверял он с веленьями бога.

Так жил дни за днями он, весел и рад,
И бедный народ стал и благ и богат.

Лишь избранным благо такое дано,
И жаль — даже им умереть суждено!

И счастлив народ при владыке правдивом,
И радостен бек при народе счастливом.

1790 Но добрым и злым — всем единый исход:
Всё гибнет во прахе, лишь имя живет.

ВОПРОС ЭЛИКА К ОГДЮЛЬМИШУ

Однажды элик был раздумьем томим,
И, позван, предстал Огдюльмиш перед ним.

«Внемли, Огдюльмиш,— начал он разговор,—
Опеки отца ты не знал до сих пор.

Как умер отец твой, ты был еще малым,
А младшим путь старших бывает началом.

Отец обучить тебя знаньям не смог,
И мной тебе не был преподан урок.

Как мужем ты стал столь достойных примет,
Ты мне объясни это, дай мне ответ!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

«О мой властелин,— отвечал Огдюльмиш,—
На многие лета ты власть да хранишь!

Блажен, кому щедро господь порадел:
Во славу обрел он желанный удел.

Об этом у тюрков гласит поговорка,
И муж седовласый судил очень зорко:

«Велик человек только божьею волей:
Лишь бог его сводит с желанною долей.

1800 Не силься исправить угодное богу:
Всё небо с землей тут тебе не в подмогу.

Всем людям опора нужна в богоданном,
Лишь так человек спознаётся с желанным!»

И отчая так же, элик, похвала
Сыновнему сердцу нужна и мила.

Отец мой мне доброй молитвой помог:
Достиг сего чина в недолгий я срок.

Был послан элик мне властителем сил,
Меня он ни благ, ни ума не лишил!

Элик пособил мне, от зла остерег,
Возвысил меня своей милостью рок.

Кто видел от беков внимания знак,
Считай, что достиг он желаемых благ.

Не сад ли душа человека, где блага
Совет властелина растит, словно влага?

В саду, получающем воду в достатке,
Несчетны цветов благовонные грядки.

Слугу властелин добрым словом приветил —
Возвысился дух его, лик его светел.

1810 А молвит властитель недоброе слово —
Засохнут цветы, что кустились пунцово.

Ждать милостей бога рабу надлежит:
Лишь милостью бога путь счастья открыт.

Об этом сказал свое слово поэт,
Усвой его, муж добронравных примет:

«Рабам божья милость дарует почет:
Дверь знанья открыв, правый путь им дает.

Познанье пошлет им счастливые дни:
И малый достигнет великих высот!»

вопрос элика к огдюльмишу

И снова спросил Огдюльмиша элик:
«А знающий как своих знаний достиг?»

Учась ли достиг своей мудрости он,
Иль можно сказать, что таким уж рожден?»

ответ огдюльмиша элику

Сказал Огдюльмиш, собираясь с ответом:
«Попробую я рассказать и об этом.

Даст бог от рождения разум толковый —
Учению он будет прочной основой.

Учась, чадо движется мыслью вперед:
Захочет — изучит, узнает — поймет.

1820 Учение — многим познаньям порука,
Всем людям на пользу послужит наука.

А тот, кому разум не дан от рожденья,
Желаньям своим не найдет исполненья.

Еще есть совет: чтобы сын был умен,
Старайся учить его с юных времен.

К тому, кто обучен в поре своей ранней,
С годами придет исполненье желаний.

Упорство в ученье дарит в воздаянье
Ученость и доблесть, благие деянья.

Ученость и доблесть ученьем сильны,
Понятливость, ум — от рожденья даны.

Присловие тюркам известно об этом,
Да будет оно тебе добрым советом:

«Ученье тебе много знаний доставит
И лишь разуменья, увы, не прибавит,

Но разум, даруемый божьим веленьем,
Проявится лучше, усилен ученьем!»

И разум, бесспорно, дарован от бога:
От разума милостей мужу премного!

1830 Разумный над всеми возвысится разум:
Глава многим добрым достоинствам — разум.

Нельзя называть неразумных людьми,
И слов их на веру, смотри, не прими!»

ВОПРОС ЭЛИКА К ОГДЮЛЬМИШУ

«Я понял всё это, — элик произнес, —
Но дай мне ответ на другой мой вопрос.

Ты ум хорошо отличил от ученья,
Но в чем, объясни мне, ума назначенье?

Где кроется ум? Где возникнуть уму?
Как силы достичь? Где исчезнуть ему?»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

«Ум — ценность великая, — дан был ответ, —
И дара желаннее этого нет!

В мозгу человеческий разум сокрыт,
Всем ценностям быть в голове надлежит.

И ум человеческий — вроде тенет:
От правды и блага уйти не дает.

С любовью к рабам своим избранным бог
Их суть и язык в путы знанья облек.

Несведущий — мертвый, разумный — живой,
Разумною муж отличён головой.

1840 Пойми: человек — тьмой окутанный дом,
Даруется свет ему только умом.

К достойным деяньям лишь разум влечет,
От знаний — величие, честь и почет.

В двух этих приметах — великая суть,
Они наставляют на истинный путь.

Умом человек отличён от скота, —
Что в мире иное — познанью чета?

О том и присловие умное есть,
Что в умных деяниях пользы не счесть:

«Людей от скотов отличает познание,
Кто знаньем возвышен — могуч он и дланью.

Будь мудр и учен — со скотом не равняйся,
Равняй свою речь по уму и по знанью!»

ВОПРОС ЭЛИКА К ОГДЮЛЬМИШУ

И молвил элик на ответ этот ясный:
«Тебя вот о чем я спрошу, мой прекрасный:

Поведай мне мысли о свойствах ума —
В чем суть сего слова и сущность сама?

В чем суть его, сущность, чем он знаменит,
Каков его возраст, какой он на вид?»

27

ОГДЮЛЬМИШ РАССКАЗЫВАЕТ ЭЛИКУ О СУЩНОСТИ УМА

1850 Сказал Огдюльмиш: «Ум — отрада отрад,
В делах справедлив он и благом богат.

Сколь ни был бы юн, он собою пригож,
Благими делами всегда он хорош.

И чист он, и прям, и в свершеньях умерен,
В общенье с людьми добронравию верен.

Куда обратится он — там благодать,
И речь его дарит устам благодать.

Кто светел челом, тот и всеми любим,
Во благо он всем, кто общается с ним.

Ум издали видит дорогу ко благам,
И к нужным свершеньям идет твердым шагом.

Неясное он разъясняет тотчас,
Любые узлы он распутает враз.

И вправо и влево, вперед и назад —
Всё зрит он, всему даст и срок и уклад.

Бегучее — схватит, летучее — словит,
Поруку — исправит, полом — восстановит.

Неумный, о разуме плача, скорбит:
«Томлюсь без тебя я под гнетом обид!

1860 Из благ твоих мне не дано ничего,
А где нет ума, там и сердце мертво!

Ум — светоч во тьме и глаза — для слепого,
Он телу — душа, бессловесному — слово!»

А умный хвалу обращает к уму:
«Ты — добрый мой друг, ты — основа всему.

Правдив ум и прям и лишен кривизны,
Во правде не ведаёт он кривизны!»

Имеющий разум отмечен печатью:
К познанию дар у него и к понятию.

В уме, как ни в чем, добродетельна суть:
Вседневно, всечасно правдив его путь.

Разумный и добр, и правдив на язык,
И всё в совершенстве он делать привык.

Спокойный, степенный, он делает дело
Тогда лишь, когда всё обдумает зрело.

И юному, если он в деле — бывалый,
Доверят все беды и старый и малый.

И ты над такими словами размысли,
Поймешь их — усвоишь разумные мысли:

1870 „Бывают и юноши зрелой души,
Где разум отыщешь — туда и спеш!»

И — влюбчив ли в юности, тих ли в летах,—
Кто скромн — деянья его хороши!“»

ОТВЕТ ЭЛИКА ОГДЮЛЬМИШУ

Услышав слова эти, рад был элик:
«Ты мудр и учен, разуменьем велик.

Тебе дал всевышний достоинств немало,
И мне тебя в дар божья воля послала.

Да, груз мой тяжел — как управиться с ним?
Да будет помощник мой благом храним.

Ко благу стремящийся — с тяжкою ношей,
Но всякий несущий — с наградой хорошей.

Ты груз мой возьмешь — и придет благодать:
Мне делом поможешь ты, взяв мою кладь.

Да будет и милость господня со мною,
Тебе да воздам я отплатой тройною!

Я знаю, что в службе ты предан и благ,
Раденье твое — доброй верности знак.

А верным в служении тот лишь и станет,
Кто думой о пользе правителя занят.

1880 Внемли, что служивший сказал человек:
«Усерден слуга — благоденствует бек».

И радостен бек — не горюет, не тужит,
Когда его слуги с усердием служат.

Прилежный слуга волю бека блюдет —
Бек плечи расправит, не зная забот.

Слуга понесет на себе бремя тягот —
Пути властелина ко благу пролягут.

Отыщет владыка такого раба —
Дана ему богом благая судьба.

И все прежде жившие беки вселенной
Пеклись вот об этой мечте сокровенной!»

Народ всей вселенной, счастливый, довольный,
Прославил элика хвалой богомольной.

И люди иных, запредельных, земель
Узреть его в душах лелеяли цель.

Дни днями сменялись, и год шел за годом,
Элик верой-правдою правил народом.

вопрос элика к огдюльмишу

Сказал Огдюльмишу однажды элик:
«Ответь мне с умом, что ты знаньем постиг:

1890 Известно, что есть у нас семь членов тела,
Любому из них есть отрада и дело.

Что сердцу в отраду, что любо очам,
И чем из их пользы я пользуюсь сам?»

ответ огдюльмиша элику

Сказал Огдюльмиш ему: «Сердцу — отрада,
Когда обретет оно, что ему надо.

Очам — видеть взором желанное любо,
А сердцу — обрести долгожданное любо».

вопрос элика к огдюльмишу

Элик произнес: «Огдюльмиш, назови
Приметы, присущие сути любви.

Любовью своей любо многим кичиться,
А что за такой похвальбою таится?»

ответ огдюльмиша элику

Ответил ему Огдюльмиш: «О элик!
Любовь узнают, лишь узрев ее лик.

Не всякая вещь прозревается зреньем,
Лишь сердце не знает преграды стремленьям.

Захочешь изведать, кто любит, кто — нет,
Найдешь только в сердце их нужный ответ.

На ликах влюбленных — особая мета,
Доступно их взорам угадывать это.

1900 Об этом сказал свое слово поэт,
О муж благородный, усвой сей завет:

„Влюбленность влюбленных — их лик выдает,
А речь поведут — их язык выдает.

Захочешь узнать, кто влюблен и кто — нет,
Взгляни лишь — их взор в тот же миг выдает!»»

ВОПРОС ЭЛИКА К ОГДЮЛЬМИШУ

«Я понял всё это,— элик произнес,—
Но ты мне ответь на другой мой вопрос.

Я важное дело хочу разумать,
И ты мне, всё с толком обдумав, ответь».

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

Сказал Огдюльмиш: «Достославный элик!
Возносят познания славу владык.

Владыки — твердыня ума и наук,—
Что может поведать невежество слуг?

Вопросы легки, да ответы трудны,
Для этого знания элика нужны.

Так — легче элику, а мне — тяжелей,
Ты лучше, могучий, меня пожалей!»

ОТВЕТ ЭЛИКА ОГДЮЛЬМИШУ

«Просящему,— молвил элик,— потяжеле
Просить в непонятном помочь ему деле.

1910 И, значит, вопрос мой — отрада тебе,
Спросил я — ответствовать надо тебе!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

Сказал Огдюльмиш: «Муж правленья благого!
Внимать — много лучше, чем сказывать слово!

Кто речи ведет — свою душу неволит,
Внимающий — тело безделием холит.

Проникнись бывалого мужа наказом:
«Уйми свою речь, и да внемлет твой разум!»

Внимая, умнеют от мысли разумной,
Болтая, глупеют от спеси бездумной.

Внимать умной речи — для слуха любезно,
А вот суесловная речь — бесполезна.

Не сказано слово — оно словно злато,
А выскочит — медью блестит тускловато!»

ОТВЕТ ЭЛИКА ОГДЮЛЬМИШУ

Элик произнес: «Вот достойный ответ,
Надежно тобой пояс счастья надет!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

Сказал Огдюльмиш: «Достославный элик,
Мне любо, что рабский мой чин невелик.

Раб должен все силы вложить в услуженье,
Насколько достало его разуменья.

1920 Об этом скажу я тебе — что постиг,
А в чем ошибусь — да простит мне элик!»

28

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ, КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ БЕК,
ДОСТОЙНЫЙ САНА БЕКА

«Вот что вопрошу я, — элик произнес, —
Узнай же, какой у меня был вопрос.

Всех сущих людей провиденье создало,
И добрых и злых — от велика до мала.

Есть умный и глупый, богач и бедняк,
Ученый и неуч, хитрец и простак.

Каким нужно быть, чтобы всех их возглавить,
Со славой и честью делами их править,

И чтобы цвели и народ и страна,
И с доброй молвою бы шли времена,

И чтобы казна богатела бы златом,
И шею пришлось бы склонить супостатам,
И чтобы окрепла могучая рать,
И чтобы закон по науке сверять,
И чтобы прославлен был бек во вселенной,
И счастье росло бы чредою бессменной,
И бек был бы весел, а власть — всё сильнее,
И правил бы бек до кончины своей?»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

1930 «Внемли, о элик, — отвечал Огдюльмиш, —
Нелегкий вопрос разъяснить ты велишь.

Законов правленья благие начала
Познать лишь властительным бекам пристало.

Они рождены, чтобы власть предержать,
Учась, познают этих дел благодать.

Всевышний тому, кто рожден для господства,
Влагает и в душу и в ум благородство.

Для тех, кого создал владыками бог,
Он крылья ума и души приберег.

Познания бека, присущие бекам,
Усвоены годным для них человеком.

Элик, а не я ближе к этим делам:
Был беком отец его, бек он и сам!»

ОТВЕТ ЭЛИКА ОГДЮЛЬМИШУ

«Я в истину слов твоих разумом вник,
Их правда — что мускус, — ответил элик. —

Муж дела — весь в деле ему надлежащем,
А плох ли, хорош ли он — видно смотрящим.

Я делаю дело — ты видишь мой труд,
Полезен ли он — от других узнают.

1940 Бог дал тебе душу и разум немалый,
Отмечен ты знаньем и сметкой бывалой.

Вступив в услуженье, ты был еще мал,
В чем суть добрых дел, ты на деле познал.

Постиг все дела ты ученьем умелым,
Мне верен и предан ты словом и делом.

Лишь верным поверят заветную речь,
Лишь верный готов за другого полечь.

Ты верен мне — я тебе верю сердечно,
И ты мне теперь всё доверишь, конечно.

Муж верности что говорил, не забудь,
А верность — самой человечности суть:

„Разумные верных хвалили немало:
К ним сердце людское всегда прилежало.

Друг верный найдется — держись его крепко,
Сей истине мудрость меня обучала!“»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

Ему Огдюльмиш отвечал: «О элик!
Да будешь ты благ и во славе велик!

Быть беком достоин муж чести достойной —
Могучий, решительный, смелый, спокойный.

1950 Был беком отец — будет беком и сын,
Сын бекского рода и сам — властелин.

Ему ум и знания иметь подобает,
Ему благородство, заметь, подобает.

Бек, правящий людом, умен и учен,
Правленье вершит с разумением он.

И беков не зря ведь зовут словом «знать»:
Положено бекам всё ведать и знать.

Быть мудрым и умным — большая подмога:
У мудрых да знающих недругов много.

Внемли, что сказал понимающий муж,
Бывалый и мысли всезнающей муж:

«Бек должен быть зорким и мудрым, тогда
Негаданным злом не нагрянет беда.

В бесчисленных доблестях имя прославь,
И слава твоя будет вечно тверда!»

И все, кто великими стали людьми,
Лишь мудростью славы достигли, пойми!

Достойно потомство в достойном роду,
Достойный — в почете, у всех на виду.

1960 Сан беков священен, им — честь подобает,
Им доблестно сан этот несть подобает.

Народу нужны храбрецы-вожаки,
Чьи силы в великих делах велики.

Послушай слова Отюкенского бека,
Он славился мудростью речи от века:

«Народу достойный властитель любезен,
Правдивый и мудрый правитель любезен,—

Такой, чьи познания и ум хороши,
Кто щедрой, широкой и доброй души,

Чьей воле присуща во всем добродетель,—
Законности, совести, правды радетель!»

А доблестен бек — он народу глава,
И род его славен — в нем доблесть жива.

Со знанием дел возглавлять нужно дело
И дельно, с умом исправлять его смело.

Со знанием пестовать нужно народ,
А знаний не будет — и ум не поймет.

А бек ошибется, о муж разуменья,
И власть его портится — нужно леченье.

1970 И лечат ту хворь лишь познаньем наук,
Умом, о достойный, излечишь недуг.

Владыке быть мудрым и знающим надо:
Излечится хворь и не станет разлада.

И ежели бек и учен и умен,
В обоих мирах да прославится он!

А муж, в двух мирах обретающий славу,
Блажен по заслугам и счастлив по праву.

Об этом сказал и поэт в самый раз,
Для неучей речь его — ухо и глаз:

«В чем счастье, скажи мне, чей путь не тяжел,
Кто счастьем богат и не ведает зол?»

Кто щедр в этом мире, тот счастлив и сам:
Еще целый мир он во благо обрел!»

Когда бек и прям и правдив неизменно,
Дни жизни его протекают блаженно.

Кому бог послал добродетельный нрав,
Всем свойствам его доброту даровав,

Открыты ему все щедроты земли —
Сам пользуйся или с другими дели!

1980 Когда бог рабу дал и счастье и милость,
В нем всё совершенство добра воплотилось.

И тысячи тысяч достоинств нужны
Для дела правленья людьми всей страны.

И мужу пристали благие деянья:
Они — его корм и его одеянье!

Кому бог послал нрав и грубый и злой,
Того он навывлет поранил стрелой!

И если у бека дурные задатки,
Всё плохо: ему даже блага не сладки!

Бек праведным должен, заботливым быть,
Радеть о потомках — расчетливым быть.

Все чуткие сердцем всегда боязливы:
Опасливо сердце — дела справедливы.

А если у бека правдивости нет,
В нечестных делах его — поданным вред.

И — диво красоты, если бек — осторожный:
Он держит правленье уздою надежной.

Улаживать трудности — надобен ум,
И знанья нужны для властительных дум.

1990 И править делами — удел многодумных,
Подальше от дела держи неразумных.

И знай: бессердечный подобен безглазым,
А если нет сердца, не нужен и разум!

Внемли изреченью владыки владык,
Он сдержан был, опытен, сердцем велик:

«Того лишь, кто в разум свой мудрость вобрал,
Ты мужем зови, не жалея похвал.

Кто разумом славен, и мудр, и учен,
И плох — да хорош, хоть и мал — да не мал!»

Великая людям в уме благодать,
Не бойся за ум похвалою воздать!

Беда — в легкомыслии, на руку скором,
А беку поспешность чревата позором.

Поспешность и дурь, скорый гнев гордецов —
Всё это — приметы невежд и глупцов.

Незрелую сыростью спешка худа:
Болезни приносит сырая еда!

Степенность и мудрость в делах предпочти,
Спешу лишь молитву скорей вознести.

2000 Не жадничай, совесть держи наготове,
Будь честен и благостен в деле и в слове.

Сквалыгу несытая алчность крушит:
Едой всего мира он будет не сыт.

И жадность — недуг, что леченьем не пронят:
Все знахари мира его не изгонят.

Голодных накормишь — и сыт их живот,
А жадных одна только смерть и проймет!

Средь жадных богатого мы не отыщем:
Весь мир прикарманит, а всё будет нищим!

А бек должен совестью быть выше всех,
В деяниях совесть не знает помех.

Кто совесть блюдет, тот и всех совершенней:
Не ведает совесть негодных свершений.

Кому бог дарует и совесть и стыд,
Тому он несметные блага дарит.

Заслон от поступка негодного — совесть,
Основа всего благородного — совесть.

Она красит мужа сияньем добра
И тянет, как упряжь, к деяньям добра.

2010 Должны быть правдивыми сердце и слово —
Народного блага и свет и основа!

А ежели беки душою низки,
Их подданных дни безнадежно горьки.

Где сердце и слово у беков лукавы,
Там счастье людское бежит из державы.

Добра от нечестного бека не жди:
Поплатишься жизнью, беда — впереди.

Бек должен быть вдумчивым, бдительным, смелым,
Беспечному — бедствия будут уделом.

С владыкой две вещи навек сплетены:
Законность и бдительность — корни страны.

При бдительном беке правление — в силе:
Обузданы, недруги шеи склонили.

Где беком надежный закон утвержден,
Страна там — в поре благодатных времен.

Две этих основы для власти — оправа:
Где есть эти блага, там властвует право.

Послушай, что молвил воитель-смельчак,
Чьей мудрою волей повержен был враг:

2020 «О беки! Вам любо усердые элика —
Да будет и ваше раденье велико.

Усердием беков усилится власть,
От лености их ей назначено пасть!»

Будь зорок — врагов присмири и пристрожь,
Закон укрепляй — и покой обретешь.

Две вещи опасны могуществу бека,
Они его путь искривляли от века.

И два этих зла — беззаботность и гнет,
Обоими бек развращает народ.

Желаешь врага присмирить понадежней —
И оком и ухом держись осторожней.

Где бдителен бек — там и недруг разбит,
Беспечный — себя же разбить пособит.

Не справятся с делом беспечные беки,
Беспечный не может быть беком вовеки.

Беспечному бдительность — ловчая сеть:
Не будет беспечных — побед не иметь!

Где зорки — там недруг проникнуть не сможет,
Проникшего — хитростью бек уничтожит.

2030 Насилием долго не держится власть:
Не стерпит народ, и — насилью пасть.

Внемли, что премудрая речь возгласила:
«Народ не навечно осилит и сила!»

Насилие — пламя, что насмерть сожжет,
Закон — это благо живительных вод!

Мечтаешь ты править в величии долгом —
Закон укреплять почитай своим долгом.

Цветут при законе страна и весь мир,
При гнете — в загоне страна и весь мир.

Владык, чье насилье твердыни ломало,
Голодную смертью погибло немало.

А беки, чьим душам любезен закон,
Вершат свою власть без порух испокон.

Элик достославный! Всех боле во сраме
Те беки, которые были лгунами.

И в речи и в деле бек должен быть прям:
Народ ему верит, и счастлив он сам.

А лживые люди в поступках неверны,
Деянья неверных всегда лицемерны.

2040 Внемли, что муж верности помнить велел,
А верность — вершина всех праведных дел:

«Все лживые в гнусных поступках едины,
А гнусность — извечное свойство скотины.

В обманщиках верность искать бесполезно:
Испытана гнусность их скотской личины!»

Муж должен быть дерзок, отважен и смел,
Да так, чтобы с недругом биться умел.

И военачальнику нужно быть смелым,
Он смелости должен придать оробелым.

Когда у несмелых отважный вожак,
В любом оробевшем проснется смельчак.

И есть подтверждение этому слову,
Всем сердцем усвой этой мысли основу:

«Когда над собаками лев — голова,
Любая собака похожа на льва.

А если над львами главенствует пес,
Собачьего будут все львы естества!»

Бек должен быть добрым, душою смиренным,
Душою — смиренным, в поступках — степенным.

2050 Где беки щедры, там их слава прочна,
А слава прочна — неприступна страна.

К тому же и полнится рать неотступно,
А с доблестным войском всё в мире доступно.

Внемли, что сказал муж о рати своей:
«Добудешь добычу — наград не жалеи!»

Корми, награждай, не жалея отличий,
Иссякнут дары — снова мчишь за добычей.

У хваткого мужа казна не скудеет,
У птиц изобилье зерна не скудеет.

Пока муж с оружием, он смел и силен,
Бояться ль ему бездобычных времен!»

Всесветный властитель богатства добудет,
Есть войско — воитель богатства добудет.

Страной управлять — нужно пестовать рать,
Для рати — надежный доход собирать.

Доходы добры при народном достатке,
А люди богаты при твердом порядке.

Опора падет — всем опорам упасть,
Четыре падут — и развалится власть.

2060 Еще пять вещей для владыки запретны,
Без них его имя и слава — всесветны.

Во-первых, поспешность, корысть — во-вторых,
А в-третьих — гневливость, будь дальше от них

Четвертое зло — быть упрямым упорно,
И пятое: лживость безмерно позорна!

И бекам сих зол избегать надлежит,
Тогда их величье всех бед избежит.

Из всех этих зол хуже всех — быть упрямым:
Упрямото чревато позором и срамом.

О том же поэт говорил, но иначе,
Внемли ему — речь твоя станет богаче:

«Упрямото — поклажа, что тянет назад:
Упрямото, как неезженный конь, — говорят.

Упрямото вредит нам страшнее врага,
А розны ли недруг и враг-супостат!»

Желаешь, элик, ты обширных владений —
Три дела старайся свершать совершенней:

Ты правой рукою врагов побивай,
А левою — щедро дары раздавай,

2070 И всех сладкоречной беседою жалуй:
Покорны ей все — и великий и малый.

Сколь нужно всё это для бека, элик,
Людьми он любим будет, славой велик!

Да будет он мягок, приветлив и сладок,
Да держится всюду он добрых повадок!

И, кроток душой, щедротою широк,
Да будет он в милостях столь же высок!

И если постиг он все доблести эти,
В нем злого-негожего нет и в примете.

Такому людьми сан избранника дан,
А избанным, лучшим — неведом изъян!

Ему покорятся народы вселенной,—
Всевластный, он цели достиг сокровенной.

Разгонит он всех, кто спесив и жесток,
Да так, что вовек к ним не сыщут дорог!

А суетность, наглость, бездумье — пороки,
От коих благие должны быть далеки.

С порочными беку дружить не пристало:
Приблужишь их — бедствий претерпишь немало.

2080 Бек светел, а черни быть темной дано,
И белое с черным родства лишено.

Желанно тебе быть достойным владыкой —
Ты доблестным будь, о муж чести великой!

А если бек темен, как сам смертный грех,
То он меж порочных порочнее всех.

Приятным бек должен быть, ладным на диво,
И — среднего роста — сколь это красиво!

Приятный на вид будет всеми любим,
И все, как один, залюбуются им.

Врагов да крушит он смелей и жесточе,
Слепя своим блеском смотрящему очи!

А рост, если очень высок, — нехорош,
А в малом — подавно красы не найдешь.

А ежели так, средний рост — самый ладный:
Кто — среднего роста, тот — стати изрядной.

Внемли, что сказал многоопытный муж,
Познавший страду жизни хлопотной муж:

«Кто мал, неказист, тот всегда раздражен,
А злоба к раздорам вела испокон.

2090 Всё средним должно быть — сложенье и рост,
Всё — в меру, о мудрый,— таков уж закон!»

Бек должен чуждаться вина и разврата:
Два зла эти — верная счастья утрата.

Где беки-владыки на сладкое падки,
Там горько народу — дни люда не сладки.

А если властителя к играм потянет,
Он в нищенство всех за собою заманит.

А дело упустишь — как силы ни трать,
Взлетевшую птицу не сможешь догнать.

Внемли, что сказал муж ученый — дурному,
Бранивший глупца за привычку к хмельному:

«Ты, пьяница,— раб своей глотки,— не пей:
Путь нищенства станет бедою твоей!»

Бедняк пропивает свои лишь пожитки,
А пьянствует бек — вся держава в убытке.

Сжирает богатства вино — лютый враг,
А пьющих доводит до ссор и до драк.

Напившийся глупым, безумным бывает,
А разве безумец разумным бывает?

2100 Внемли благородного мужа завет,—
О раб своей глотки, прими сей совет:

«Напьешься — забудешь потребное мужу,
И всё непотребное лезет наружу!»

И сколько дурного хмельные творят,
И сколько добру они ставят преград!

И если бек падок до игр да хмельной,
Ему ли до дел управленья страной!

От смуты разврата и счастье бежит,
И беку в разврате — погибель и стыд!

У счастья должна быть безгрешной основа:
Благие начала — опора благого.

Когда бек — развратник и пьяный смутьян,
Весь подданный люд и разболтан и пьян.

Бек может бороться с порочностью люда,
А бек если худ, то не выправишь худа!

Всё грязное моется чистой водой,
А что можно вымыть водою худой?

Лишь лекарь лекарство дает для леченья,
А лекарю кто принесет исцеленье?

2110 Бек должен быть мужем достойных примет,
А подданным путь — за владыкой вослед.

Где беки законы блюдут непреложно,
Лишь там и в народе степенность возможна.

И эти слова стих такой подтвердит,
Прозри, что за смысл в этом слове сокрыт:

«Какою стезей властелины идут,
По той же ступает и подданный люд.

И если властитель на добром пути,
Путь подданных тоже хорош, а не худ!»

И вот еще: спесь и гордыня убоги,—
Кто чванен, тот с праведной сбился дороги.

Все беки, взнесенные счастием ввысь,
Без спеси о благе народа пеклись.

Послушай, что сказано знающим мужем,
Достойным и всё понимающим мужем:

«Все беки, любившие чванную спесь,
Презренья, мой сын, познавали доднесь!»

У скромных всё ладно, а чванством и спесью
Не сможет никто вознестись к поднебесью.

2120 Где спесь и гордыня, там сердце — что лед,
А скромность величие сердцу дает.

Бек должен быть скромным и сердца благого,
А нет этих свойств — отступись от такого!

Бек должен быть скромн, душою открыт,
Прощать прегрешенья, не ведать обид.

Кто сердцем участлив, тот верным бывает,
А верный — в служенье примерным бывает

Владыке народа радивость нужна,
Любовная к людям правдивость нужна.

Раденьем, добром можно славы достичь,
Добыть в свои сети желанную дичь.

Подобен покойнику чуждый раденья,
Его в двух мирах обойдут награжденья.

Раденье — для блага правленья потребно,
Правлению — властность веленья потребна

Правлением бек укрепляет закон,
И силой правленья народ защищен.

Вот стих — подтверждение этого слова,
Свидетельство — всякому делу основа:

2130 «Правление красит чертоги владык,
Народ под надежною властью велик.

Лишь силой правленья изводят пороки:
Волнения смут пресекаются вмиг!»

Основа страны, ее силы опора —
Две вещи, два корня, два твердых упора:

Закон справедливости — первый устой,
Второе — войска одарять с щедротой.

Тогда и народ справедливости рад,
И войско цветет от богатых наград.

Два этих сословья довольны правленьем —
Правитель спокоен, вольготно владеньям.

А если законы в стране не строги,
Народ беззащитен и наглы враги,

В разоре народ, и разруха бедова,
И рушится власти опора-основа.

И ежели беки не жалуют рать,
Ржавея, мечи будут в ножнах лежать.

Мечом опоясан, могуч повелитель,
А меч не при нем — он уже не властитель.

2140 Секира и меч — это стражи страны,
С оружием беки и властью сильны.

Внемли, что сказал властелин всего мира,
Сметали врагов его меч и секира:

„О мощный властитель, будь в зоркости строг:
Бывает отравлен беспечный едок.

Секиру и меч держи твердой рукой:
Где меч наготове — там беку покой.

Бездействует враг, если действует меч,
А если меч в ножнах — покой не сберечь.

О бек, жалуй тех, кто владеет мечом,
Во всем будет лад, и беда — нипочем!“»

Сказал Огдюльмиш: «О элик достославный!
Увесиста ноша заботы державной.

И править народом — нелегкое дело:
Тревогам и тяготам нет и предела.

Отрады немного, а беды жестоки,
Похвал не дождешься, щедры лишь попреки.

Куда ни взгляни — всё угрозой чревато,
А радостей ждешь — их, увы, маловато.

2150 Противников — тьма, соучастных — немного,
Упорных — немало, согласных — немного.

Бесчестных, неискренних всюду — без счета,
А люди бесчестны — опять же забота!

Куда ни посмотришь — опасность приспела,
А там, где опасность, — безрадостно дело.

Внемли, что сказал муж премудрости вящей,
А мудрое слово — что жемчуг блестящий:

«Да будь властелин с головой в целый дом,
Не верят ему те, что тверды умом.

Забот у правителя — сверх головы,
И тысячи козней бессменно при нем!»

С опаскою властвует бек таковою:
Блаженство вкушал — отвечай головою!

Радеешь о жизни и сей и грядущей,
Ты вот прилежи к чему с ревностью пущей:

Чти бога, и сердцем и речью правдив,
Молись, волю бога в делах утвердив.

Что бог ни велит — будь к смиренью готов:
Служенье — обязанность верных рабов.

2160 Будь мягок с людьми, сердцем чуток и прям,
И повод быть добрым отыскивай сам.

Твори людям благо, не делай им зла,
Будь добрым, круши все пороки дотла.

Тогда блага жизни все будут с тобой,
Лежи, наслаждаясь блаженной судьбой!

А смерть подойдет — будь надеждой ведом,
Что бог за добро награждает добром!

Вот слово мое — ты услышал, элик,
О доблестях, нужных для блага владык.

И мужа, что доблестям этим — приют,
Правителем ставят и беком зовут.

И муж этот — людям надежный вожак:
Все люди вкушают дары его благ.

Внемли, что сказал муж, высокий умом,
Всем людям пример, и премудрый притом:

«Когда бек и мудрый, и умный, и правый,
Сердечность и ум наградят его славой.

А будет он щедр и умен — безусловно,
И власть его будет добра и любовна.

2170 Он должен быть кротким, спокойным и скромным,
Прощающим ближних с терпеньем огромным!»

И если он в доблестях сих искушен,
Введет он для подданных добрый закон.

И там, где правитель столь славных высот,
Не ведают бед и страна и народ.

Там светочем счастья сияет страна,
Да жаль, даже доблестным смерть суждена!

Вот то, что я понял, достойный элик,
Поведал я всё, что мой разум постиг!»

вопрос элика к огдюльмишу

«Да,— молвил элик,— твой ответ справедлив,
Ты всё рассказал, ничего не забыв.

Но вот еще что я хочу разумать,
И ты на вопрос мой открыто ответь.

Скажи: если доблести бека велики,
Каким же везир должен быть при владыке?

Ведь он, верно, должен упрочить казну
И холить народ, города и страну,

Законы блюсти и за всем надзирать
И доброй заботой задабривать рать, —

2180 Да так, чтобы люди не ведали зла,
А добрая слава владыки росла?»

29

ОГДЮЛЬМИШ РАССКАЗЫВАЕТ ЭЛИКУ О ТОМ,
КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ МУЖ,
ПРИГОДНЫЙ ДЛЯ ДОЛЖНОСТИ ВЕЗИРА

Ему Огдюльмиш отвечал: «О элик,
Опорой везир должен быть для владык.

Властителю должность везира нужна:
Хороший везир — беку доброго сна!

Везиру — нести его тяжкую кладь,
Везиру — основы основ укреплять.

Ему самым избранным быть надлежит,
Пока ум понятлив, а сердце стучит.

Умом и познанием, как море, глубок,
Он в поте лица должен всё делать в срок.

Ему честь и честность должны быть сродни,
Стезеею добра чтобы шли его дни.

Лишь мудрый для крупного дела пригож,
Муж чести великой — всецело пригож.

Ему рассудительность, знания нужны,
Сметливость и дар обаянья нужны.

Разумный достойное сеет зерно,
Ему, не зачехнув, взрасти суждено.

2190 Он должен быть праведным в вере, прямым,
Тогда он доверьем народа храним.

Кто праведен, тот лучше всех из людей,
Скорбящим от горя он — врач-чудодей.

Муж праведный зоркостью мысли велик,
Далекий от зла, он все тайны постиг.

Народу глава он — за беком вослед,
Владыке нужны его труд и совет.

Без роду и племени муж нехорош,
А кто нехорош, тот в везиры не гош.

Лишь тот славен верностью, кто родовит,
Безродный людей вероломством язвит.

Внемли справедливого мужа слова,
А муж справедливый — народу глава:

«Мужи родовитые знатны по роду,
Их верность — надежная помощь народу.

Хоть сахаром пичкай утробы безродных,
Жестокость присуща безродному сброду!»

Везиру и совесть и честность нужны,
Бессовестным быть — хуже всякой вины!

2200 И надо быть скромным, не алкая благ,—
Не ведает сытости алчность у скряг.

Тот истинно славен, в ком совесть жива:
Кто совесть имеет — всем людям глава.

Доверь ему смело любые дела:
Имеющий совесть — преграда для зла.

Бессовестный — самый дурной человек:
Язык его — правды не скажет вовек.

Внемли мужа совести добрый завет,
От чистого сердца дает он совет:

«Подальше от тех, кто бессовестен, стой,
Их — взор выдаст сразу, враждебно пустой.

Бесстыжий с лица — что бесплотная кость,
Внутри у него — безысходная злость!»

Стыдливым за совесть — и честь и почет,
За совесть и слава им есть и почет.

Муж должен быть ладен, прекрасен челом,
Полезен народу и правдой ведам.

И если муж честен и нравом не крут,
На благо народу идет его труд.

2210 А если нечестен ведущий дела,
Всё криво у бека, и бед — без числа.

Слуга должен быть прямодушен и прям,
Тогда бек его и допустит к делам.

Хорош и в деяньях, кто с виду хорош,
Полезен народу, кто нравом пригож.

А с виду хорош да пригож — не забудь:
У ладного обликом ладна и суть.

И мысль много знавшего мужа мудра,
Познал он различие зла и добра:

«Единое облик и сущность роднит:
За внешней красотой нрав такой же сокрыт.

По виду обличья о сути суди:
Вид — сути подобен, по сути — и вид!»

Везир — тот, кто ладен, величьем богат,
А ладен везир — и в делах будет лад.

Он должен быть вдумчив, расчетлив весьма
И ведать премудрость наук и письма.

Расчетливым быть — его дело и труд:
Не будет расчетлив — дела не пойдут.

2220 С расчетом дела человек поведет —
Сочтет он их на день, на месяц, на год.

И в слове «расчет» говорится про «счет»:
Где счет да расчет, там неведом просчет!

Не будешь умен — всё пойдет наобум:
Людскими деяньями ведает ум.

Что люди поймут, то запишут письмом,
Запишут — и все уже сведущи в том.

И признак ума — в разуменье письмен:
Муж, знающий письменность, очень умен.

Несведущ в письме человеческий сын —
Не знать ему счета идущих годин.

Когда мудрецы бы не создали книг,
Кто счета бы суть и основу постиг?

Еще до создания мира творец
Скрижаль сотворил и наладил резец.

И ангелам бог начертать повелел
Весь список рабам преуказанных дел.

Нужны тихий нрав, доброта языка,
Тогда людям будет дорога легка.

2230 Кто кроток, тот будет друзьями любим,
И людям приятно общение с ним.

Внемли слову мужа, что кроток душой,
А кротость души — это дар пребольшой:

«Кто кроток душой — всех людей покорил,
А сердцем жестокий — всем людям не мил.

Смиранный да смиренный познает почет,
А гордый да твердый не знает высот!»

Везиром быть должен всеведущий муж,
Причастный к науке всеведущей муж.

Он должен быть праведен, прям и правдив,
И честен, и добр, и во всем справедлив.

И должен он вдумчиво делать дела,
И ведать отличия блага и зла.

И знать в услуженье безропотном толк,
Быть честным душою и ведать свой долг.

Того, кто всех доблестей этих достиг,
В везиры призвать к себе может элик.

И если везир у владыки такой,
И бек и народ обретают покой.

2240 И всё у элика как надо течет:
В расцвете страна, богатеет народ.

Негожий везир — это гибель страны:
В разрухе богатый и бедный равны!

Хороший везир людям благо несет,
А в пользе народа — владыке почет.

Внемли слову мужа, чьи знанья — река,
Чья доблесть в познаньях была велика:

«Когда бек и речью хорош и душою,
Идут его слуги дорогой прямою.

А ежели бек всех неволит жестоко,
Идут его слуги дорогой порока».

У доброго бека и слуги добры,
И беку не ведать печальной поры.

И ежели бек и не зол, и не лих,
К себе не приблизит он злых и ликих.

Дурного с дурным так и тянет сойтись,—
Достойный, с достойным сдружиться стремись!

Хороший с дурным не сойдутся вовек,
Прямому с кривым не сомкнуться вовек.

2250 Тьма ночи — не ровня сиянию дня,
И влага — не пара пыланью огня.

Захочешь узнать, кто хорош, кто негож,
Спроси, кто им близок, — и сразу поймешь.

Любезно всему в свое стадо идти,
Стой прямо — к кривому не надо идти!

И стих может правду сего подтвердить,
Прочтением его свою душу насыть:

«На всех — на ходячих, летучих — взгляни:
Все держатся близких — похожей родни.

Дурное с хорошим не сблизить вовек,
Всему есть чета, — так велось искони!»

Везиру при беке — советником быть,
Наперсником и собеседником быть.

И добрый бедняк да не дружит с дурным:
Дурной — тяжкий груз, — совладаешь ли с ним?

А где бек достойных к себе привлечет,
Стране — благоденствие, беку — почет.

А если уж беки приблизят дурных,
Всё плохо, и слава дурная у них.

2260 Найдется подобный везир, о элик, —
Народ крепко спит, бек блаженства достиг.

И бек обретает желанное враз:
Любой исполняется точно приказ.

Народ богатеет, в расцвете страна,
Казна нарастает, добры времена.

И слава владыки навек молода,
И власти его не подточат года.

Тогда — оба мира обрел властелин,
И счастливы дни его долгих годин!»

«Я понял, — ответил элик, — все слова,
В речах этих добрая правда жива.

Скажи мне теперь: возглавляющих рать
В военных делах что должно отличать?

Как войско возглавить и в битву вести,
Оплошных шагов не свершив на пути?

Скажи мне, кто годен для этих трудов —
Громить вражьи силы, крушить всех врагов?»

30

ОГДЮЛЬМИШ РАССКАЗЫВАЕТ ЭЛИКУ,
КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ МУЖ,
ВОЗГЛАВЛЯЮЩИЙ ВОЙСКО

Ему Огдюльмиш отвечал: «О элик,
Суров будь с врагами и силой велик.

2270 Да, должность начальника войска нужна, —
Врагам да не даст он покоя и сна!

Муж нужен могучий для этого дела,
Всё в жизни выдавший и бьющийся смело.

Искусство великое — править войсками
И в бой их водить для побед над врагами.

Он должен быть зорким и бдящим — тогда
И войско его не настигнет беда.

Он должен быть храбрым и метким стрелком,
И щедр и широк — с хлебосольством знаком.

Да, должен быть щедрым начальник-воитель,
Тогда лишь он — лучшим мужам предводитель.

Готов он одаривать всех без изъятия —
Соратники будут при нем и собратья.

Раздаст он одежды, оружие, коней —
И к славе всесветной пути нет верней.

Пусть он для потомков не копит добра,
Не жаждет угодий, садов, серебра.

Пусть он утверждает мечом свое право:
Что взял — то раздай, и — возвысится слава!

2280 Да будет он щедр, всех кормя, одевая,
Коней и невольников всем раздавая.

Несчетных мужей соберет его меч,
И все за него будут рады полечь.

Ему нужно смелым и знающим быть,
И стойким, и в битвах дерзающим быть.

А воин трусливый в сражение не нужен:
Кто слаб да труслив — только с женами дружен.

Трусливые страхом всю рать разлагают,
И смелых, трусливым под стать, разлагают.

В бою надо смелым и сдержанным быть,
Враг двинет коней — не поверженным быть.

Любому прийти может смертный черед,
А час не настал — и храбрец не умрет!

Внемли, что сказал муж, врага победивший,
О смерти не думая, недругов бивший:

«До времени смерть над рожденным не властна:
Завидев врага, не пугайся напрасно!

Будь смелым, как пламя, сражайся с врагами,—
До смертного дня тебе смерть не опасна!»

2290 Муж должен беречь и хранить свою честь,
Бороться с врагами, готовя им месть.

Муж чести любого врага сокрушит,
Бежит от врага лишь утративший стыд.

Трус, помня о чести, становится смелым,
Но гибнет смельчак, если стал оробелым.

У смелых душа духом чести богата:
Муж чести умрет, лишь круша супостата.

Муж смелый и правый, но кроткий душой,
Любим всем народом любовью большой.

Кто скромн, тот греет людские сердца,
Отвратна для воинов речь гордеца.

И ежели военачальник — надменный,
Падет он от мести врага неременной.

Он, этот гордец, беззаботно-кичливый,
Погибнет иль недругу станет поживой.

А если муж стоек, величествен, смел,
Он славится доблестью воинских дел.

Он должен быть твердым — грозой для дурных,
И добрым — с такими, кто кроток и тих.

2300 Глава над войсками для власти — опора,
Где лад в ратном деле — правление спора.

Где сильная власть, там и рать — для защиты,
Где войско возглавлено — воины сыты.

А если не будет у войск вожака,
Считай, о элик, что погибли войска!

С дурным — обходительным быть надлежит,
С достойным — почтительным быть надлежит.

Всех лучших пожалуй достойной наградой,
Ничем не неволь их, чем можешь — возрадуи!

Всем любы награды, добро — животворно:
В ответ на добро люди служат покорно.

О муж добронравный, сей речи внемли,
Прочти этот стих и себя взвесели:

«Будь добрым — и вольный рабом тебе станет,
В путь истины только добро и заманит.

К тебе человечны — будь сам человечен,
На этой основе добро не престанет!»

И свойства нужны для возглавивших рать,
С какими дано им врага покарать.

2310 В бою смелость львиную надо иметь,
А хватку тигриную надо иметь,

Кабанье упорство и волчий бросок,
Медвежью свирепость, олений наскок.

Воитель, по-лисьи будь хитростью лют,
И яростен, словно взбешенный верблюд.

Да будет муж бдителен — зорче сорок,
Да будет, как ворон в горах, дальнюок!

Да будет во гневе он яростней льва,
Да будет недремлющим, словно сова.

И тот, кто подобных даров удостоен,—
Достойный воитель и подлинный воин.

И воин-воитель от века таков —
И мстящий врагам и громящий врагов.

Должны быть хлеб-соль и еда — по нему,
Одежда, оружие — всегда по нему.

Муж сыт, напоен — он и бьется бедово,
Еда и питье — его жизни основа.

Внемли, что сказал муж из рода Ыла:
«Познавшему толк в хлебосольстве — хвала!

2320 Прославиться хочешь — корми посытней,
Жить хочешь в довольстве — еды не жалеи!»

И тот человечнее, совестью чище,
Кто жалует воинов щедростью пищи.

Величия хочешь — корми и пои,
Лишь этим продлишь ты и годы свои!

Вот доблести, что полководцу нужны
Для лучших успехов в веденье войны:

Во-первых, будь честным, прямым и правдивым,
Народ не поверит обманным призывам.

Второе — будь щедрым, всех жалуй добычей,
Корыстный — без войска, таков уж обычай.

И третье: будь смелым, сражайся с задором,
Лишь трусу привычно прикинуться хворым.

В-четвертых, знай хитрости разных уловок:
Осилишь и льва, если в хитростях ловок.

Готовят прорыв лишь упорством умелым,
А воинов в бой вести — нужно быть смелым.

Когда полководец — сих доблестей муж,
Врага побеждай, славу недруга рушь!

2330 И если сей муж возглавляет войска,
Десница его для врагов нелегка.

Едва лишь к врагу обращает он взор —
Ни сна, ни покоя врагу с этих пор.

Для войск не бессчетность важна, а добротность,
А добротному войску — в оружие бессчетность.

И грозная рать без главы-вожака —
Безглавая рать: она в битве жалка.

Муж опытный молвил: «Управишься с боем,
Владея двенадцатитысячным строем!»

Изрек муж, познавший в бою торжество:
«Четыре лишь тысячи нужно всего!

В растянутом войске — всегда суматоха:
И строй не наладить, и править им плохо!»

Муж славный сказал: «Для победы наладь
И храбрую и оснащенную рать!»

Внемли, что прославленный воин изрек,
Тебе в его слове — совет и урок:

«Для войск не бесчисленность потребна, а сила,
Да чтобы оружие отличное было!

2340 Налаженный строй — лучше рати несметной:
В растянутом войске всё худо и гнило!»

И военачальник, возглавивший рать,
Обязан в дела свои близко вникать.

Заставы обязан он выслать дозором,
Тогда будет чуток он слухом и взором.

Он вышлет заставы — дозорный отряд
Разведает, много ли вражьи засад.

Должна быть приставлена к войску охрана —
Ни дальше, ни ближе, ни поздно, ни рано.

И нужно убежище сделать со стражей
И зорко высматривать замысел вражий.

Знаменщик блюсти должен поле войны —
И воины все ему будут видны.

И стан основать нужно в месте надежном,
Собрать там всё войско и быть осторожным,

Не зная беспечности, быть начеку, —
Беспечного легче осилить врагу.

Снять вражий дозор надо в дерзостной схватке
И грянуть лавиной на вражьи порядки.

2350 Следи, чтобы враг не забрал «языка»,
Не вызнал бы, как твоя рать велика.

А вражьего взять «языка» подобает —
Проведать про вражьи войска подобает.

А выведал всё — и завязывай бой,
В бою да поплатится враг головой!

И всё это — дар прозорливости, ведай:
Кто в битве был бдителен — тот и с победой!

Совет тебе — мудрого бека слова:
«Мечом погоняй, если сел ты на льва!»

Два рода оружия — основа победы,
От них супостату — смертельные беды.

И прежде всего это — хитрость, обман:
Хитри, чтобы враг был до боя заклан!

Второе — будь зорок, во всем осторожен:
Блудешь осторожность — и враг уничтожен.

И если ты бдителен, зорок всегда,
Претерпит твой недруг немало вреда.

И если у недруга войско сильнее,
Ты в бой не спеши, а готовься вернее.

2360 Мирись, если можешь на мире сойтись,
Не можешь — доспехи надень и борись.

Готовься, обманом наскакивай ночью —
Кто ж видит во тьме твои силы воочью!

А если не можешь громить, нападать,
Послов высылай и с врагами поладь.

Будь в речи хитер, всё обдумай заранее,
Смолчи, не спеши к преждевременной брани.

А если удачи не даст этот шаг
И к битве с тобою склоняется враг,

Не медли и войско налаживай к бою,
И воинов кличем зови за собою.

А битву затянешь — и недруг прозрел,
А всё распознавший становится смел.

Внемли, что сказал муж, врага победивший,
Немало выдавший и много поживший:

«Не видишь врага — и не знаешь, какой он,
А свидишься с ним — и твой взор успокоен.

Грянь молнией — и не опомнится недруг,
Промедлишь — погибнешь, смелее будь, воин!»

2370 До боя в засаду часть войск уведи,
А лучников двинешь — скачи впереди.

Возглавь свое войско отрядом бывалых,
Чтоб воинов вел он и в бой увлекал их.

Бывалые смелы и хватки в бою,
А смелые держат порядки в бою.

Все юные бойки в задиристой силе,
А чуть неудача — глядишь, и остыли.

Вперед и назад выставь смелых — кто лих,
А справа и слева поставь остальных.

А рати сойдутся, и битва начнется,
Отряды схлестнутся и станут бороться —

Тут выпусти стрелы из дальних засад,
А ближних брось в пики — и враг будет смят.

Мечом и секирой сражайся умело,
Зубами, ногтями терзай вражье тело!

Держись — да не видит спины твоей враг,
Борись, а не можешь — так жертвою ляг!

Внемли слову мужа, что в битве был смел:
«Упорствуй! Упорный врага одолел!»

2380 Невестам отрадны их брачные ночи,
Мужу тем смелее, чем битва жесточе.

Смельчак мчится в бой, чтобы жертву настичь,
Как сокол, на клочья терзающий дичь.

Муж гонит врага, весь и в пене и в мыле,
Другие заботы чужды его силе.

Муж доблестный в битве становится львом:
Сразить или пасть, а скакать напролом.

При виде врага муж челом распалится,
А в битве дано и земле обагриться!

И вот — все доспехи от крови красны,
А прежде румяные лица бледны.

Насядет твой недруг лавиною конной —
Упорством сломи его натиск разгонный.

А враг только дрогнет — не медли, не жди,
Преследуй, гони, наседай позади!

Настигни врагов, поскакавших в запале,
Хватай их — да чтобы твоих не хватали.

Зарвавшихся в гонке в ряды перестрой,
Пусть снова преследуют вражеский строй.

2390 А враг побежден — возвратись с полдороги,
Не то возвращенья не выдержат ноги!

Поверженный враг страхом смерти объят,
А кто же стерпел ее гибельный взгляд!

Да знает, кто молод, — блюсти себя надо,
Иначе придет ли от смерти пощада!

Беспечного цепкая смерть стережет,
Не будешь беспечным — достигнешь высот.

Поведал мне опытный муж свое слово,
А слово бывалых — всех знаний основа:

«Бегущих врагов не преследуй задаром —
Сразит тебя недруг ответным ударом.

Разгромленный враг нападеньем не грянет,
Водою залитый огонь не воспрянет.

Готовится к смерти в бою побежденный,
Но мыслит о смерти на смерть обреченный!»

Добычею всех смельчаков одели,
Чтоб радостью лица достойных цвели!

Кто мужествен был — отличи храбреца,
От щедрых наград да забьются сердца!

2400 Дурного похвалишь — и ладным он стал,
А ладный не портится и от похвал.

Похваленный воин и льва разорвет,
Настигнет и зверя и птичий полет.

Кто ранен — леченьем его исцели,
И вызволить пленных обменом вели.

Кто пал, тех с почетом вели погresti,
А детям их щедрой рукой отплати.

Одобрят все воины доблесть твою —
Все пасть за тебя будут рады в бою.

Будь ласков, приветлив и щедр на дары —
Три доблести эти добры и мудры.

И вольный за доброе станет рабом,
И жертвенный пыл воспыхает в любом.

Об этом, о мудрый, и верное слово,
Посмотришь, в нем сказана правда толково:

«Приветлив и ласков, и милостив будь —
Всех вольных к тебе привлечет этот путь.

Не золотом, не серебром привлекай —
Всем любо к трем этим достоинствам лхнуть!»

2410 Нужны полководцу достоинства эти,
И войско его будет лучшим на свете!

И злато и серебро жертвуй, о муж,
Воздастся тебе чистым золотом душ!

За три эти доблести слуги усердны,
Да будут все беки сим доблестям верны!

И ежели бек-полководец таков,
Он будет удачлив во веки веков.

И если у мужа столь добрые свойства,
Он счастлив, избавлен от мук беспокойства.

Он может везиром прекрасным служить
И военачальником властным служить.

Ему беки могут во всем доверять,
В желанном они обретут благодать».

Сказал Огдюльмиш: «О элик достославный!
Два дела великих есть важности главной,—

Везиром служить и главою войскам,
Дан меч одному, а другому — калям.

В их веденье узы-узлы всех забот,
Едиными будут — кто их разорвет?

2420 Над всеми должны возвышаться они,
А с беком строптивы — возьми да казни!

Полезны они, если пользе верны,
А козни их — бедствие целой страны.

Бек — избранный муж среди лучших людей,
А двое сих слуг — из отборных мужей.

Всем благо дается их верной рукой,
А в благе всех подданных — беку покой.

Сказал многомудрый властитель, заметь,
А мудрое слово — что добрая снедь:

«Мечом побеждает народы воитель,
Калямом свершает правление властитель.

Меч страны смиряет, им силой грозя,
А править страной без каляма нельзя.

Меч гнетом страшит, и неволит, и строжит,
Но властвовать силой он долго не может.

А если калям города покорит,
К желанному путь благодатный открыт!»

Что знал я, элик, до тебя я донес,
Старался ответить на твой я вопрос!»

вопрос элика к огдюльмишу

2430 «Я понял,— ответил элик,— твое слово,
Еще есть вопрос, муж познанья благого.

Ответь мне, премудрость свою обнаружь:
Кто годен в хаджибы — сколь доблестный муж?

Кто быть всем хаджибам главою пригоден?
Кто в жертвенной службе душой благороден?

Кто беку и подданным будет отрадой,
Того благодарной молитвой возрадуй!

Скажи мне,— промолвил элик,— свой ответ,
Открой своей речью очам моим свет!»

31

ОГДЮЛЬМИШ РАССКАЗЫВАЕТ ЭЛИКУ,
КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ МУЖ,
ДОСТОЙНЫЙ ДОЛЖНОСТИ ВЕЛИКОГО ХАДЖИБА

Сказал Огдюльмиш властелину в ответ:
«Живи, благоденствуя, тысячу лет!

Во всем быть примерным хаджибу пристало,
Правдивым быть, верным хаджибу пристало.

Он должен быть знатен и нравом не крут,
Заботливо пестовать подданный люд.

Достойным бывает муж доброго рода,
А доблестный муж — благодать для народа.

Муж добрый — источник всех благ бытия —
Достатка в насущном, еды и питья.

2440 Учтивый и добрый отзывчив на слово,
Отзывчивость — добрым деяньям основа.

Нежаден и совестлив, щедр и умен,
Он должен быть знаньем наук умудрен.

Нежадные люди на подкуп не падки,
Постыден хаджиб, вымогающий взятки!

Где взятки — там в полном развале дела,
Где взятки — там гниль, и — пропали дела!

Муж совести нравом хорош образцовым,
Приносит он пользу и делом и словом.

Стыдливый от дел недостойных далек,
Дурного он чужд и с негожими строг.

Достойному счастье по праву дается,
Достойному благо во славу дается.

Разумный не знает корыстных забот,
А мудрому в деле неведом просчет.

Отлично сказал муж великого знания,
А знающим много дано пониманья:

«Быть беком — великие знания нужны,
Невежды во всем, что ни делай, дурны.

2450 Лишенный познаний невежда-глупец —
По виду живой, а по сути мертвец!

Лишь мудрый высот и почета достиг,
Он всех превзошел, и во всем он велик.

Невежда — лишь красок случайный замес,
Ученому место — над высью небес!»

Разумным и мудрым быть надобно в деле,
Лишь мудрые люди в делах преуспели.

От разума польза крепка и мудра,
И разум — основа всех благ и добра.

Неумные — ровня деревьям бесплодным,
А в чахлах деревьях — что пользы голодным?

Разумного свет двух миров осенит,
Он доброю славой всегда знаменит.

В разумном, ученом — вся суть человека:
Избранник, стоит над людьми он от века.

Муж должен быть ладен и ясен челом,
И голосом властен, и словом весом.

Всем должен быть люб он красюю приглядной,
Войдет ли, уйдет — быть с осанкою ладной.

2460 Муж, ладный собою, степенством влечет,
Степенным даруются честь и почет.

Он должен быть набожным, в благости зрелым,
Кто праведен с виду, тот праведен делом.

И праведный муж предан вере всегда,
Участливость к людям ему не чужда.

Муж праведный — друг человеческих бед,
На свете людей лучше праведных нет.

Хаджиб постоянно на людях, и взгляду
Краса его лика должна быть в отраду.

От этой красы увлажняется взгляд,
Сердца открываются, души блестят.

У мудрого мужа есть слово об этом,
Да будет оно тебе добрым советом:

«Сколь благостен вид красоты для очей:
Как будто во взор твой струится ручей!

Краса — это доброе знаменье, знай,
Да будешь ты благ, и — не надо речей!»

Сердечным быть надо, разумным и четким,
А лучше того — быть смиренным и кротким.

2470 Сердечный обету быть верным привык,
Бездушный к словам лицемерным привык.

Бездушному мужу неведомо дело,
Неумному чуждо заведомо дело!

В бездушном нет сути — один внешний вид,
Душевный — с участием к делам прилежит.

А нужно быть умным, к участию готовым —
Радеть неимущим, сиротам и вдовам.

И вдумчивым надо быть, ведать закон,
Все доблести мира — от тех, кто умен.

Кто скромнен со всеми и сердца не злого,
Уста его — мед, слаще сахара — слово.

Муж должен быть светел, приветлив челом,
Красна человечность добром, а не злом.

Над словом смиренного мужа размысли:
«Будь скромнен, злосчастный, и в речи и в мысли!

Кто скромнен, того доля счастья найдет
На мягкость и ласку отзывчив народ.

Приветливой лаской согрет, человек
Рабом твоим верным пребудет вовек!»

2480 Владея собой, терпеливым быть надо —
Умеренной речью, смиренностью взгляда.

Слух должен быть чуток, а разум — глубок,
Должны быть правдивыми сердце и слог.

Всё надо уметь, и в письме быть умелым,
И все свои знанья оправдывать делом.

Всё знать и радеть обо всем до конца
Великий хаджиб должен в поте лица.

И если подумать, суть дел разумея,
Служенье хаджиба — всех служб тяжелее.

Зовешься хаджибом — всем этим владей,
И — сможешь вести за собою людей.

Об этом сужденье поэта глубоко,
Несведущим слово его — будто око:

«Хаджиб, десять свойств твою честь вознесут:
Всё видя и слыша, будь сердцем не крут,

Будь ладен и статен, умен и красив,
Сметлив будь и мудр, ведай дело и труд!»

И сколько элику ни выпадет срока,
Великий хаджиб — его бдящее око.

2490 И если хаджиб все законы блюдет,
Для них нет закрытых путей и ворот.

И сказаны мудрые речи об этом,
Да внемлют и следуют этим советам:

«Заботы хаджиба — великое дело,
Лишь опытный муж с ними сладит умело.

Хаджибом ли, беком быть — дел без предела,
Крупны ли, малы — всем отдайся всецело!»

Писец ли придет, казначей ли — прими,
Портной ли, сапожник — знай дело с людьми.

С чужим ли, с послом — надо дело вести,
Подарки, награды раздай, угости!

Ему — всем ночлег дать, подумать про снедь,
Довольным помочь и бездольных жалеть.

Ему — и гостей поджидать на пути,
Ему — и закон неотступно блюсти.

Ему — вдов и бедных, сирот защитить,
Всех выслушать, всех в свой черед защитить,

И если просителей горе гнетет,
Помочь, пособить им и делу дать ход.

2500 И где неполадки — вовне ли, внутри,
Поставь им заслоны и зло присмири!

Все эти заботы трудов его ждут,
Великий хаджиб в них влагает свой труд.

Всем этим делам его помощь дана,
А в чем есть просчеты — его же вина!

Хаджиб, о элик, должен быть осторожен,
А в нескольких случаях — очень надежен.

Долг первый его — волю бека блюсти,
Второй — свои чувства умом оплести.

И третье — следить за собой каждый миг,
От лишних речей удержать свой язык.

Пусть взяток не терпит он в службе своей
И к беку приблизит достойных людей.

Когда видишь в людях два свойства дурных,
Элик, избегай полагаться на них:

Во-первых — язык, если лжив он, лукав,
Второе — нечестность, увертливый нрав.

В ком оба греха воедино сошлись,
Того ты, элик, приближать берегись.

2510 У слуг и еще есть три рода забот,
Кто в них нерадив — ни за что пропадет.

Чью речь ни услышал — язык свой запри,
Увидел оплошность — глаза притвори.

И третье — во всем справедливость храни,
Во благо тебе да пройдут твои дни!

Внемли же, слова мудреца не забудь,
Прими сей совет — будет добрым твой путь:

«Не хочешь беды — слово бека храни,
Цела голова — избегай болтовни!»

Предашь людям тайну — прощай голова,
Лишишься зубов, если любишь слова!

Немало я видел дурных болтунов,
За сплетни они не сносили голов.

И сколько я слышал: язык не смолчит,
Откроется тайна — сболтнувшему стыд.

И слово премудрого мужа усвой:
«Несдержанный платит за всё головой!»

И нужно хаджибам себя соблюдать:
Будь зорек и слов бесполезных не трать!

2520 К владыке, пока не зовут, не входи,
О деле не спросят — молчанье блюди.

Внемли слову мудрых, над ним поразмысли,
Речь мудрых — стезя к разумению мысли:

«Явись властелину в назначенный час
И речь заводи, лишь услышав приказ.

Свое предуказано время всему:
Чему срок пришел, то открыто для глаз!»

Вот нужно каким быть по свойствам и знанью,
Великий хаджиб правит мощною дланью!

Сказал я тебе всё, что знаньем постиг,
И это — ответ на вопрос твой, элик!»

вопрос элика к огдюльмишу

«Я понял, — ответил элик, — и опять
Тебе на вопрос я велю отвечать.

Каков же дворцом управляющий муж
И должность сию исполняющий муж?»

ОГДЮЛЬМИШ РАССКАЗЫВАЕТ ЭЛИКУ,
КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ МУЖ — УПРАВИТЕЛЬ ДВОРЦА

«Достойный элик,— отвечал Огдюльмиш,—
Да ведаешь ты и блаженство и тишь.

Да будет всепреданным сей управитель,
Да служит душой своей всей управитель.

2530 В ночи во дворце он, как солнце, взойдет,
И там же встречает он солнца заход.

Служа, должен знать он закон и обычай,
И должен быть мужем высоких отличий.

И, щедр, хлебосолен, он должен добром
Мужей привлекать к себе — златом-сребром.

Он на ночь посты ставит, прежде чем ляжет,
Всем службу назначит, всем место укажет.

Узнать про чужих — кто откуда — ему,
Ночлег дать для пришлого люда — ему.

Когда лишь присмотрит, как заперт дворец,
Дневной его службе приходит конец.

И вновь во дворце он с зарей — утром рано,
А на ночь налажена им же охрана.

Придет час приема — он первым войдет,
А ждущим назначит по чину черед.

И выйдет он, всех подготовив к приему —
Входить вслед за ним и тому, и другому.

А воины входят с отбором — не сплошь.
Ему и следить, кто пригож, кто негож.

2540 Прием завершен — входит сам управитель,
Непринятых воинов — он представитель.

У них разузнав суть их просьб и обид,
Просящих о помощи — он защитит.

Одним — серебра даст в награду и злата,
Другим новый пост или званье — отплата.

Кто служит с любовью и сердцем правдив,
Кто худ и в служенье своем нерадив,

Кто к делу пригоден, пригож и полезен,
Кто доблестен, славен, хорош и полезен,—

Он беку расскажет, кто чем знаменит,—
Отметит, возвысит, почитит, отличит.

И, выйдя от бека, он добрым указом
Согреет просителю сердце и разум.

Укажет он всем, где им встать и где сесть,
И всё без ошибок он должен учесть.

Увидит пришельцев — чужих по приметам,
И всех, как собратьев, почитит он приветом.

Следит он, когда угощенье внесут,
Не подано ль где неудавшихся блюд.

2550 Напитки внесут — он следит и за ними,—
Не тронул бы кто их руками дурными.

А яства уносят — опять он следит,
В раздаче даров нет ли людям обид.

И сколько раздать ему надо съестного,
Дарами почтив и того, и другого!

Два блага крепят славу бека всегда:
У входа — бунчук, а в покоях — еда.

Два блага и славу дворца приумножат —
Величию бека путь счастья проложат.

Два мужа есть знатных — хаджиб-управитель
И старший привратник — дворцовый смотритель.

Два мужа сих — слава дворца, его честь,
Их доблесть должна эту славу вознесть.

Постельничьи, чашники и повара —
Под их наблюденьем с утра до утра.

Сокольничьим, лучникам и звероловам —
Всем надо заданье дать делом и словом.

И даже к себе направляясь домой,
Гостей к угощенью веди за собой!

2560 Накормишь гостей, напоишь до отвала —
Глядишь, без даров им уйти не пристало.

Себе лишь коня сохранишь да доспех,
А всё остальное — подарки для всех.

А если чужие на службу приспели —
Прими, дай жильё им, пристрой их при деле.

На службе за ними получше смотри,
Корми да коней и одежды дари!

Изволь всё узнать обо всех, как ни сетуй,
Кто сыт, кто не сыт, кто нагой, кто одетый.

И если кого стали беды гнести,
Отплатой потери ему возмести!

И ежели кто не пришел на прием,
Узнай, расспроси, разузнай обо всем.

Кто болен, того навести и проведай,
А кто нерадив — разберись с привередой.

Властителю служишь — так верность нужна,
На благо владыке усердность нужна.

Внемли, что сказал в службе опытный муж,
Прославленный службой безропотной муж:

2570 «Кто служит, быть верным ему надлежит,
Служа, быть примерным ему надлежит.

И ежели верен и предан слуга,
Основа владычества бека долга!»

Кто предан, корыстною думой не занят,
Тот пользе владыки служить не устанет.

Полезен терновник — ему я покорен,
Цветок вредоносен — подрежу под корень!

И ежели предан слуга властелину,
Его предпочту я неверному сыну.

Изменит родня — отрешься от родни,
Полезного друга — люби и цени!

Язык должен мягким быть, слово — смягченным,
Душа — присмиренной, чело — просветленным.

Нахмуренный лик, злая речь — леденят,
Навеки в душе остается их яд.

Об этом есть правильный стих, не забудь,
В нем смыслом уловлена самая суть:

«Бранчливое слово и злобная речь —
Что пламя душе, а для тела — что меч.

2580 И тяжким раненьям дано заживать,
А злобе дано нескончаемо жечь!»

Когда бек верхом — в бранный бой ли поскачет,
Охоту, объезд ли, игру ли назначит,

Тут надо его неусыпно беречь —
Защиту от бедствий ему обеспечить!

Все беды случаются — ведай заране,
Когда бек в седле — на охоте и в брани.

И кто ненадежен — держи их вдали,
Вниманье сомнительным всем удели.

А тех, что надежны и в верности рьяны,
Держи ближе к беку — для верной охраны.

И спереди в войске — охранный отряд,
И тыл его смелые зорко хранят.

И малым отрядам, и крупным отрядам,
И дальним, и ближним — идти своим рядом.

Места во дворце есть — сидеть и стоять;
И так же, о доблестный, строится рать.

Муж верный, дворцовых порядков блюститель
Таким должен быть, о всесветный властитель!

2590 Таков вот дворцом управляющий муж —
При беке дела совершающий муж.

Сказал я — ты слышал, элик, верь поруке:
Найди себе мужа по этой науке!»

вопрос элика к огдюльмишу

«Я понял, — элик отвечал, — твое слово,
На новый вопрос ты ответствуй мне снова.

Властители мира, ты знаешь, конечно,
Послов шлют в чужие пределы извечно.

Скажи мне всё то, что ты знаньем обрел, —
Каков посылаемый в страны посол?

Каким должен быть муж для дела посла,
Чтоб вера в него у владыки была?»

33

ОГДЮЛЬМИШ РАССКАЗЫВАЕТ ЭЛИКУ,
КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ МУЖ, ОТПРАВЛЯЕМЫЙ ПОСЛОМ

Ему отвечал Огдюльмиш: «О элик,
И в эту премудрость ум знающих вник.

В после редкий дар должен быть воплощен:
Он должен быть знающ, толков и умен.

Из божьих рабов, что достойны хвалы,
Всегда лучше многих бывали послы.

Послами вершатся благие дела,
Их доблесть величье тех дел вознесла.

2600 Быть мудрым, степенным послу надлежит,
Он должен быть в мудрости слов даровит.

Он должен все тонкости слов превзойти —
Уметь и пропавшее дело спасти!

Внемли, что сказал муж, весь мир покоривший,
Премудрым владыкой народов прослывшийся:

«Лишь мудрый над всеми возвышен, пойми,
Разумного, мудрого ставь над людьми.

То дело, которому ум — вожаком,
Главнее всех прочих — я с этим знаком!

К чему муж разумный свой ум ни приложит,
Он всё покорить, подчинить себе сможет.

Где ум и познания дело ведут,
Успешен любой, самый тягостный, труд!».

Посол должен предан быть, сердцем широк,
В делах безупречен и в честности строг.

О благе владыки радеет слуга —
Любовь к властелину ему дорога.

И предан лишь тот, кто в служенье хорош,
Будь рад, если верного мужа найдешь.

2610 Сердечный слуга — ближе сердца в груди,
Он — кровь твоя, сам обо всем рассуди

Корыстный — невольник корысти своей,
И должность посла — не для жадных людей.

Нежадный и нищ, а богатым слывет,
Терпеньем во всем достигают высот.

Быть жадным сквалыгою — стыд и позор,
Порочными скряги слывут с давних пор.

И вот что нежадный сказал, разумей,
Нежадный богаче любых богачей:

«Кто жаден — корыстью себя же беднит,
Он рад проглотить целый мир, а не сыт.

Кто алчен, тот — собственной алчности раб,
Спасет только смерть из лихих ее лап!»

И ладно сказал муж, познавьям учивший,
Сквалыгу своим назиданьем учивший:

«Богатым быть хочешь — корысть заглуши,
Копи, о достойный, богатства души.

Достойнее бека нежадный бедняк,
И бедные лучше властительных скряг.

2620 Корыстный властитель — бедняк бедняком,
А раб бескорыстный — с величьем знаком!»

И нужно быть кротким: кто скромн, и тих,
И мягок — достигнет познаний больших.

Нескромный — презренья изведает гнет,
А к истине совесть одна лишь ведет.

Кто тих и спокоен — познает почет,
А мягкость — сердца всех людей привлечет.

И ежели муж просвещен и умен,
Умом все дела подчинит себе он.

Прочти этот стих, его смыслу внемли,—
Помочь бы тебе эти знанья смогли:

«Всё знаньем постигни, обдумай всё зрело,
И счастье твое да не знает предела!

Лишь разум поможет желанному сбыться,—
Познай и пойми, а потом уж — за дело!»

Умом постигают премудрость письмен,
А чтением книг станешь пуще умен.

Кто пишет, читает, внимает словам,
Тот знанья и разум растит в себе сам.

2630 И тот, кто все доблести эти постиг,
Сияньем ума озаряет свой лик.

Читающий книги — в реченьях знаток,
Стихи утончают и разум и слог.

По звездам умей истолковывать сны,
По ним же — излечивать тех, кто больны.

Счисление знай, землемерьем владей,
Знай корни из чисел, расчет площадей.

И нард и шатранч надо ведать, да так,
Чтоб насмерть в игре был повержен твой враг.

Човган надо знать и метание стрел
И ведать искусство охотничьих дел.

В различных наречиях будь умудрен,
Познай и премудрость различных письмен.

И ведай: всё это познавший посол
В желанном надежное благо обрел.

И если посол прозорлив и смышлен,
У бека — пора благодатных времен.

А если посол неудачлив и худ,
Его властелина хвалой не почтут.

2640 Посол должен быть мужем доблестных дел,
Тогда он в деяньях удачлив и смел.

Уловки везде ожидают посла,
Разгадку нашел — ему честь и хвала.

И что бы ему ни сказали мужи,
Пойми да усвой и в уме придержи.

И если посол все уменья постиг,
Властитель его будет славой велик.

Внемли, что мудрец седовласый изрек,
Кто сути не понял — умом недалек:

«В ком доблестей много, тот славой покрыт,
Без доблестей старятся в доле обид.

Кто доблестен, тот меж людей знаменит,
Кто доблестней всех — вольной птицей
взлетит!»

Кто на руку ловок да разумом скор,
Пригнет до земли он вершины всех гор.

И нужно быть скорым на умный ответ —
Главенствовать словом в любой из бесед.

И нужно не пить и себя соблюдать:
Владеешь собой — обретешь благодать.

2650 От хмеля и умный становится глуп,
И вовсе дуреет глупец-винолюб.

Вино и познанию и разуму враг,
И верный исток всех раздоров и драк.

Любой, хоть и мудр и толков он стократ,
Привыкнув к вину, вносит в дело разлад.

Любой, как ни совестлив он и пригож,
Напившись, негожее делает сплошь.

И жаль, что негожим пристрастье дано
И разум и честь продавать за вино!

Не пей же, всё счастье утратишь вконец:
Кто пьет, тот совсем безнадежный глупец!

Проглотишь вино — изойдет болтовня,
А ей дано жечь тебя, словом пьяня.

Вниманьем своим ладный стих не оставь,
Он всё объяснит тебе — тайну и явь:

«И пить, и пьянеть — свойство гадкое в муже:
Все тайны души сразу будут снаружи.

Разумный, хмелея, весь разум утратит,
А глупый напьется — стократ станет хуже!»

2660 Должны быть прекрасны и сердце и речь,
Язык свой и разум пристало беречь!

Приятен тот муж, чей воздержан язык:
Кто речью хорош, тот и к делу привык.

Что скажут — запомни, но в сердце держи,
Услышал — будь стойким, другим — не скажи.

И надо быть ладным с лица и на вид:
Послу отличаться от всех надлежит.

Будь мужествен, ревностно делу радей —
По этим двум доблестям ценят людей.

И должен быть мягким и сладким язык —
Смягчатся от слов твоих мал и велик.

В деяньях посла много значат слова,
И доброе слово — залог торжества.

Элик достославный, такого найдешь —
Для дела посольского он и пригож.

Пошли его смело в любой дальний дол:
Чужбина — не близко, да близок посол!»

вопрос элика к огдюльмишу

«Я понял, — ответил элик, — твое слово,
Еще есть вопрос, отвечай мне толково.

2670 Что скажешь ты мне, я услышать хочу,
А я за послугу тебе отплачу.

Каким должен быть письмоводец-писец,
Всепреданный беку, — скажи, о мудреце!»

34

ОГДЮЛЬМИШ РАССКАЗЫВАЕТ ЭЛИКУ,
КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПИСЕЦ-ПИСЬМОВОД

«Элик, — отвечал Огдюльмиш, — это дело —
Для тех, кто по разуму действует, зрело.

О бек, я поведаю этим рассказом
Всю правду о том, что усвоил мой разум.

Ведь как властелин ни умен и толков,
А нужен писец для писания слов.

Писцу — ведать тайны, их мало ли, много,
А все сохранять и беречь надо строго.

Лишь честный заветное строго блюдет,
Доверие — верящий в бога блюдет.

А если писец не блюдет уговора
И тайну предаст, бек сгорит от позора.

И как властелин своих тайн ни хранит,
Ему двум мужам их вверять надлежит.

Писец и везир — оба в чине особом:
Все тайны вверяют двум этим особам.

2680 Обоим довериться словом изволь,
И жаловать их быть готовым изволь.

Двум этим мужам доверяешь ты слово,
Предаст хоть один — твое дело бедово!

Совет Отюкенского бека хорош:
«Кому вверишь слово, того и пристрожь!»

О ты, кому верят, будь верен обету,
Не сдержишь — глядишь, головы твоей нету!

Подобен открытой пещере твой рот,
И слово — что лучик зари: лишь блеснет,

Глядишь, а уже ярко светит повсюду,
И всем слышно слово твое — всему люду.

Из уст изойдут то огонь, то вода,
От них много блага и много вреда.

Огнем обжигает негожее слово —
Смолчи, не сгори от пылания злого!

А доброе слово живит, как родник:
Куда потечет, там сверкает цветник.

О ты, что зовешься всезнающим мужем,
Не выболтай тайн суесловьем досужим!

2690 Внемли, добрый сердцем, прочти этот стих,
Храни тайны сердца от злых и дурных:

«Храни тайны сердца, не выдай их словом,
А выдашь — раскаянье будет суровым.

Твой алый язык — враг главы твоей черной,
Смири его — будешь живым и здоровым!»

Писец должен быть просвещен и умен,
В письме изощрен да и в слоге силен.

Изящность письма — что отрада для сердца,
И чтение приятно для взгляда, для сердца.

А если по почерку ладен и слог,
Весь строй у письма и у речи высок.

Муж рода Ыла, к этим тайнам причастный,
Сказал, что искусство письма — дар
прекрасный:

«Письмо — добрых слов нестираемый след:
Записана речь — ей забвения нет.

И если бы не было письменных строк,
Кто мудрые знания ведать бы смог?

Когда б мудрецы не писали письмен,
Кто знал бы события давних времен?

2700 И если бы людям письмом не владеть,
Кто верил бы устному слову? — ответ!

Послания шлют из предела в предел, —
Язык без письма что сказать бы сумел?

Письмо очень важно и нужно весьма —
Властители властвуют силой письма!»

И бекам способствуют пользою явной
Три рода мужей, о правитель державный:

Во-первых, наук знатоки, мудрецы,
Еще — возгласители слов их, писцы.

Мужи-храбрецы служат третьей опорой,
Им — драться с врагами, с их волчьей сворой.

О деле премудрые выскажут суд,
Где что говорить — свой совет подадут.

Письмом о делах пишут разного рода,
Письмом исчисляют прибыль дохода.

Подъемлют воители-воины меч —
Врагов усмирить, вражьи козни пресечь.

Три рода сподвижников если едины,
В желанном удачливы их властелины.

2710 И много мужей есть еще, кроме них,
Но им — быть опорой этих троих.

Меч делом победы над странами правит,
Калям — управление ими возглавит.

Рассудок и знания правят страной,
Три рода мужей — всей округой земной.

По знаньям законы властители вводят,
А разум делами всегда верховодит.

Меч людям и странам приносит войну,
Калям сохраняет и множит казну.

Бек начал войну — кровью меч обагрило,
Но золотом каплют с каляма чернила.

Два в мире устоя, всему свой черед:
Былое — что было, и — то, что грядет.

О бек, оба эти начала велики,
И помнить их в деле должны все владыки.

Об этом гласит очень вдумчивый стих,
Внемли же, о муж помышлений благих:

«Достойное дело — стремиться к познанию,
Достойно и меч направлять своей дланью:

2720 Мечом обретают владенья-угодья,
Калямом дается свершенье желанью!»

Писец должен чуждым быть зависти скряг
Быть преданным, честным, не жадным до благ

Не жадный к вещам не имеет пристрастья,
Его не осилит вещей самовластье.

Кто жаден, тот — раб этой страсти своей,
Дари, ясноликий, свое, не жалеи!

И бек, если жаден он, — раб своей страсти,
А жадность скупых — хуже всякой напасти.

Корыстный писец и свой слог осквернит,
И жадностью суть своих строк осквернит.

И если охоч он на золото льститься,
И бека он сгубит, и сам осрамится.

А верный слуга в услужении рьян:
Всегда он в придверье, едва только зван.

О благе владыки радеет он делом —
Богатство его множит духом и телом.

К вину не пристрастен и нравом он чист —
Не склонный к поступкам лукавым, он чист.

2730 Писец, если пьет он, теряет все знанья,
А чуждый познаньям оплошен в писанье.

Писцу — в услуженье быть ночью и днем,
Всегда быть готовым, где вспомнят о нем.

Для дел двух мужей надо выбрать умело,
А дельных нашел — поручи им два дела.

И это — писец, что искусство обрел,
И ладно владеющий речью посол.

У ближних ли, дальних ли свары и ссоры —
Ты знай, что от них от двоих все раздоры.

От них от двоих и огрехи в делах,
От них от двоих и успехи в делах.

Допустит один неуместное слово —
Другой скажет вовремя лестное слово.

Таким, о элик, быть писцу твоему,
Тогда ты довериться можешь ему.

Такому во всем можно верить, конечно,
Суть дел его будет всегда человечна.

Вот это, элик, и сумел взять я в толк,
Ответил тебе я, исполнил свой долг!»

вопрос элика к огдюльмишу

2740 «Я понял всё это,— элик произнес,—
Ответь и еще на один мой вопрос.

Каким казначею быть,— вот что открой,
Кому поручить управленье казной?

Ведь он — страж сокровищ и злата страны,
Ему эти ценности все вручены!»

35

ОГДЮЛЬМИШ РАССКАЗЫВАЕТ ЭЛИКУ,
КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ МУЖ,
ДОСТОЙНЫЙ ДОЛЖНОСТИ КАЗНАЧЕЯ

«Элик,— был ответ,— ведать истину надо:
Всем золото любо, в нем — душам отрада.

Но нужно быть честным, над правдою властным,
Тогда будешь сердцем владеть беспристрастным.

Внемли, что сказал муж, торги возглавлявший,
Объездивший мир и богатство знававший:

«Всем любо богатство — любезнее жизни,
И злато порою полезнее жизни.

Смягчает сердца всех пород — серебро,
И даже негнущихся — гнет серебро.

Когда человек к серебру бескорыстен,
Он с ангелом схож — это истина истин!

Любой, видя злато, готов умягчиться,
И даже кто словом суров — умягчится!»

2750 И нужно нежадным быть, честным, прямым,
Муж этих примет долгим счастьем храним.

На золото надо смотреть безучастно
И кары творца опасаться всечасно.

И надобно знать, где — закон, где — запрет,
Во всем разграничивать благо и вред.

Нежадных не манят чужие достатки,
И честные на ублаженья не падки.

Кому с малолетства богатство дано,
В том алчных стремлений не будит оно.

Он с должной боязнью покорствуется богу,
И к правде найдет он прямую дорогу.

Быть честным — сокровище истинных благ,
С ним вечно пребудешь удачлив и благ.

Кто честен, вся жизнь у него безупречна,
И счастье его будет прочно и вечно.

Внемли, что сказал добродетельный муж,
О славный, наказа его не нарушь:

«Будь искренен, честен и делом и словом,
Сень счастья тебе станет добрым покровом.

2760 Кто честен, все дни его в счастье продлятся:
Он радостным будет, счастливым, здоровым!»

Муж должен быть прям, благороден, умен,
И тысячи благ да изведает он!

И совестным, кротким быть надобно тоже,
Чуждайся бесстыжих, любить их негоже.

Преграда негожему — совесть и стыд,
И совесть тебя от дурных защитит.

И надо не пить и держать себя строго,
У строгого к счастью прямая дорога.

Пристрастный к вину всё пропьет, чем богат,
Всё к людям уйдет ни за что — без отплат.

Хранитель казны должен быть скуповатым:
Расчетливый лучше присмотрит за златом.

И верность в служенье должна быть строга:
Упрочит казну только верный слуга.

И верность — примета надежных, примерных,—
Достойный, держи в услуженье лишь верных!

Радив казначей — не испортит он дела,
И всё он учет неоплошно, умело.

2770 Ничто не упущено тем, кто смышлен:
Всё взвесит, учет и обдумает он.

Забывчивость — свойство повадки бездумной,
Развалит дела казначей неразумный.

Где вдумчивость — там и учет и расчет,
А кто ж без раздумий дела разберет!

И записи в книгах важны при учете,
Учет и хорош, если запись ведете.

Запишешь — видны и доход и расход,
Во всем только запись порядок блюдет.

Год, месяц и день — всё пометь непременно,
Во всем надо счет разуметь непременно.

Лишь записью строгий учет и вести:
Сочтешь да учтешь — все открыты пути.

Послушай, что сказано преданным мужем:
«При должном учете мы должно и служим.

Без записей делу не быть без потерь,
Не всё, о мой сын, своей памяти вверх.

Запишешь — запомнишь, упустишь — забыто,
Оплошен в учете — всё дело убито.

2780 Кто в записях сведущ и строг на учет,
В делах его всё без препятствий течет.

А если учета не ведают слуги,
Как дело к расчету — дела будут туги!

Но как хорошо ты учет ни наладь,
А в памяти многое нужно держать!

Бывает и сложной в учете работа —
Тут надо знать правила высшего счета:

Такой же используют сложный расчет
Для меры земель и небесных высот!»

Послушай, о мудрый, разумное слово,
А умное слово — как пища, здорово:

«Глубок в землемерии точный расчет,
Лишь мудрые головы он увлечет.

Он все семь небес, как зерно, рассечет,
И всё в нем получит и счет и учет!»

И нужно быть знающим, умным, правдивым,
Разумные верны делам справедливым.

У знающих праведны все их дела,
А где справедливость — там правда светла.

2790 Собою владеть не умеет неумный,
И с делом вовеки не сладит бездумный.

Дела при дворце казначею вести,
Со строгостью должен себя он блюсти.

Прямым должен быть он и в речи и в деле,
Чтоб дым и огонь его честь не задели.

Храни беспристрастными взор свой и речь,
Ты должен умом все порывы пресечь.

Глаза заглядятся — душа пристрастится,
Душа пристрастится — уж ей не смириться.

Душа всему телу глава-господин,
За беком все слуги идут, как один.

Сказал мудрый муж, всё обдумав глубоко:
«Достойный, блюди свою душу и око!

Душе в своей власти всё тело держать,
И ей уготована тяжкая кладь.

Порочен лишенный души человек:
Он может и мудрых стыдом замарать!»

Расчетливым надо быть, твердым и властным,
Казну не подвергнуть тратам напрасным.

2800 И щедрость прекрасна — ей честь и почет,
Но лишь от своих, а не чьих-то щедрот!

И надо торговлю знать разного рода:
Торговли не знающий муж — без дохода!

И в разных товарах знать надобно толк,
И ведать различие цен — его долг.

Кто в ценностях смыслит — не будет обманут,
С него на торгах рвать излишек не станут.

При купле-продаже любезно держись,
С великим и малым умей обойтись.

Кто сам не промедлит со скорой оплатой,
Уважат всегда его спорой оплатой.

Кто правила честной торговли постиг,
Желанный товар ему сыщется вмиг.

Когда властелин награждает подвластных,
Ни распрей, ни смут не бывает напрасных.

А скуп казначей — войску много обид,
А много обид — войско бека винит.

Сказал муж достойный, чья щедрость велика,
Прими наставленье его, горемыка:

2810 «Утратить привязанность верный есть путь:
Сначала сулить, а потом обмануть.

Не надо сулить, если сделать не сможешь,
Но выполни всё, в чем людей обнадежишь.

Бек слово не сдержит — нет веры в него,
А там, где нет веры, там нет ничего!»

И надо быть четким, не вялым, умелым,
Нечеткий слуга не управится с делом.

Кто службу при беках радиво несет,
Немало и нужд у него и забот.

Нехватка, нужда ли, большая ли трата —
Указом от бека дается доплата.

Не даст казначей или дать не спешит —
Просивший уже не забудет обид.

Когда в нужный час на твой зов отзовутся,
И малое может слонем обернуться.

Внемли, что сказал седовласый мудрец,
Откликнись на просьбы просящих сердец:

«Когда в нужный час исполняют желанья,
И жизни не жалко отдать в воздаянье.

2820 Слоном станет малость, приспевшая впору,
Так было и будет во всем мирозданье!»

Найдешь столь достойного мужа, элик,
Что разумом, знаньем и честью велик,

Такой при казне в казначеи годится,
Ты можешь во всем на него положиться!»

ВОПРОС ЭЛИКА К ОГДЮЛЬМИШУ

«Я понял,— элик отвечал,— твое слово,
Еще есть вопрос,— ты ответствуй мне снова

Служитель, в чьем веденье пища, посуда,
Как должен служить и готовить все блюда?

Ведь должен властитель есть пищу его
И верить ему, не боясь ничего!

Еда и питье — дело тонкостей сложных,
Не должно питаться из рук ненадежных.

Ответствуй мне, знанья свои обнаружь,
Хочу всё узнать я, о доблестный муж!»

36

ОГДЮЛЬМИШ РАССКАЗЫВАЕТ ЭЛИКУ,
КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ГЛАВНЫЙ НОВАР, СТОЛЬНИЧИЙ

Ему отвечал Огдюльмиш: «О элик,
Сей муж должен быть благородством велик.

Избраннику, мужу, чья честность надежна,
Доверить питанье властителя можно.

2830 Лишь честный пригож для такого труда,
Кто совестлив, предан, услужлив всегда.

Он должен быть верным, правдивым и смелым
И преданным беку душою и телом.

Опасности к беку идут через рот,
А умыслы повара кто разберет?

Всегда властелинам хранить себя надо,
А в пище, в питье — с пущей зоркостью взгляда.

У правящих тысячи недругов есть,
А там, где враги,— всех ловушек не счесть.

И ежели повар нечестный, неверный,
Опасность властителю будет безмерной.

Он должен быть опытным, зрелым в труде —
Размеривать сладость и горечь в еде.

И если он честен, прилежен в заботе,
У бека он будет в доверье, в почете.

Послушай, что муж достославный сказал,
Его разуменье достойно похвал:

«Во что люди вложат заботы и труд,
То больше всего они любят и чтут.

2840 А то, чему люди всю жизнь посвятят,
Как самую жизнь, они любят стократ.

И жизнь не тяжка, тяжки муки труда,
Но жизнь без забот и усилий худа.

Неведома мужу о жизни печаль,
Но тщетно затраченных сил ему жаль!»

Душою богатым быть надо, нежадным,
По сути — достойным, по внешности — ладным,

Быть мудрым, чтить веру, блюсти шариат,—
От доблестных в мире — порядок и лад.

У беков тонка, благородна природа,
Питаться ль им пищею грубого рода?

Где повар отменный — отменна еда,
А вкусная пища любима всегда.

Кто нравом корыстен, тот жаден и к пище,
Еду он испортит, тяня к ней ручищи!

Всё зло — от испорченных алчностью рук,
Порочность для мужа — жестокий недуг.

И сколько ни есть и достойных и верных,
Ты сам выше их, их достоинств безмерных.

2850 И как бы надежно ни верил ты им,
Да будешь ты сам своим оком храним!

И сказано доброе слово об этом,
Последуй, о славный, разумным заветам:

«Всем верь, но надежно себя стереги,
Верней своих глаз не бывает слуги.

Ведь жизнь твоя — дар, и нет дара ценней,
Без лишних словес свою жизнь береги!»

И нужно быть ладным, в деяньях умелым,
Красивым и сердцем, и речью, и телом.

Всем любо пригожесть ценить, красоту,
А повар нечист — всё застрянет во рту!

И господу любя приятность в обличье,
Сей доблестью муж достигает величья.

Приятность всем людям желанна всегда,
Приятной должна быть и пища, еда.

Гони от котла тех, чья суть неприятна:
Отвратный и дело свершает отвратно.

По правде и чести вершить надо труд,
У тех, кто нечестен, дела не пойдут.

2860 И если глава поваров будет гадок,
Его подчиненные — тех же повадок.

Сберется к котлу воровская орда,
Какая уж тут будет беку еда!

Правдивым и честным и добрым быть надо,
Желанная станет доступна отрада.

Внемли, что сказал муж достойных примет,
Достойным во благо дарован весь свет:

«Кто честен, дано ему счастья добиться,
Для честного солнце вовек не затмится.

А там, где предательство след свой проложит,
Источник добра не иссякнуть не сможет.

Едва лишь предатели руку протянут,
Моря иссякают и пастбища вянут!»

И преданно бека любить надлежит,
Иметь и степенность, и совесть, и стыд.

И надо быть знающим, сведущим в деле,
Чтоб быстро варилось и вовремя ели!

И надо по правилам службу нести
И знать, когда выйти и кстати войти.

2870 И в деле от бед охранит тебя разум,
А знанья научат блюсти себя глазом.

Добудешь ты верностью беку почет,
И вечный за то человеку почет!

Разумные люди взыскуют почета,
И верность для мудрых — мечта и забота.

Дар разума — знак человечности всей,
А знающий — лучший из лучших людей.

Что молвил разумнейший муж,— не забудем,
Разумный — глава и наставник всем людям:

«Разумный да верный — всем людям основа,
Душа их быть жертвой всем людям готова.

Жестоки и грубы деянья негожих,
Не любо держать им и данное слово!»

Сказал я, каким должен быть, о элик,
Муж, призванный ведать питаньем владык,

Как должен питанью он дать управленье,
Не вызвав у бека к еде подозренья.

Элик, я сказал всё, что ум мой постиг,
Во что я сознанием и сердцем проник!»

ВОПРОС ЭЛИКА К ОГДЮЛЬМИШУ

2880 «Я понял, — элик отвечал ему, — это,
Еще есть вопрос, и хочу я ответа.

Скажи: муж, что ведает делом питей,
Каким должен быть он в работе своей?

Ведь бек должен верить ему без предела —
Всё пить, что подносят прислужники, смело!»

37

ОГДЮЛЬМИШ РАССКАЗЫВАЕТ ЭЛИКУ,
КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ МУЖ, ВЕДАЮЩИЙ НАПИТКАМИ

«Элик, — Огдюльмиш, отвечая, изрек, —
Сей муж должен быть в этом деле знаток.

Он долго копить должен опыт умелый —
Терпеньем достигнуть искусности зрелой.

Он должен быть верным, не знающим зла,
И прям его нрав должен быть, как стрела

И ежели чашник — подобного нрава,
Доступна ему с этим делом управа.

Он должен держать разных зелий набор —
Лечить несваренье, понос и запор.

И жидкое есть у него и густое —
Все снадобья, мази, растворы, настои,

Все соки, сырой ли, засушенный плод, —
Всё то, что находит свой путь через рот.

2890 Опасностью беку грозит его глотка,
А повар и чашник блюдят ее четко.

И ежели оба — нечестной руки,
Для бека еда и питье нележки.

Внемли же, о мудрый, суть слов непреложна,
Что глотку блюсти надо — есть осторожно:

«Цела голова, если скромны уста,
В умеренной пище — услада для рта.

А многим главам суждено было пасть:
Губила те головы жадная пасть!

Уста человеку приносят недуг,
И в них же льют зелья — спасенье от мук!

Должны быть и разум и ум безупречны,
Деянья разумных всегда человечны.

Разумный всегда убегает от зла,
У мудрых и прямы и честны дела.

Кривым деревьям суждено стать дровами,
Неправый — невольник, горящий во сраме.

О доблестный муж, будь в деяньях правдив,
Будь преданным вере, — таков мой призыв!»

2900 И должен быть честен меж чашников главный —
Душою и сердцем и разумом славный.

И если он праведен, честен всегда,
К нему не приблизятся зло и беда.

Напитки вливая своею рукою,
Он должен хранить их, скрепляя тамгою.

Все снадобья, зелья, целебный настой
Чисты, если сделаны верной рукою.

Плоды ли сухие, настой ли медовый
Хранить должен сам он с приглядкой суровой.

И в горьком и в сладком он знать должен толк,
Сосуды от скверны беречь — его долг.

А ежели слуги усердны к послугам,
Приносит усердие пользу и слугам.

Во что люди вложат старанья и труд,
В то дело они всей душою вратут.

И к этому доброе слово пригоже,
А доброе слово всех знаний дороже:

«Во что люди вложат терпенье и труд,
Они, словно жизнь свою, любят и чтут.

2910 И тяготам люди всю жизнь отдают,
И любят свой груз, сколь бы ни был он лют!»

Найдешь ты служителя с сутью такою —
Всем чашникам быть он достоин главою.

Муж доблестный нужен для этих забот,
И светочем сердце тогда расцветет.

Подручные пусть ему будут подмогой —
Юны, безбороды и внешности строгой,

Прекрасны лицом, лунолики челом,
Стройны, чернокудры и ладны во всем,

Широки в плечах и тонки нежным станом,
С белейшею кожей и ликом румяным,

А яства несут — был пригож бы любой
В одежде багряной, цветной, голубой.

И — чтобы они были все безбороды,
Не то волосинки попасть могут в воды!

Пушинка попала — негоден сосуд,
Один волосок лишь — а вкус уже худ!

Есть слово о том — очень мудрого взгляда,
Что чашникам быть безбородыми надо:

2920 «Красив должен чашник быть, ликом пригож.
Из рук его всё с удовольствием пьешь.

Красивый, приветливый что ни подаст,—
Всё любо, всё — благо, любой пить горазд!»

О муж любознательный к мыслям изрядным,
Внемли, что стихом этим сказано складным:

«Пригожим быть надо и ладным на вид,—
Что ладный подаст — саму правду струит.

Голодным краса его слаще еды,
И жаждущий сколько ни пьет, а не сыт!»

Таким должен быть главный чашник прекрасным,
Такими же быть ему в службе подвластным.

Тогда ему беки доверят сей труд —
Доверьем, приблизив к себе, облекут.

Вот видишь, элик, сколько слуг надо верных —
Надежных и преданных, в службе примерных.

Во-первых, посланник, писец — во-вторых,
И повар, и чашник еще, кроме них.

И, всех избирая, ты тщательным будь,
Иначе несчастий тебе не минуть.

2930 Посол и писец если будут дурны,
От них много бедствий придет для страны.

А если и повар и чашник лихи,
Заплатишь ты жизнью за все их грехи.

При выборе их, о элик, будь умел,
Вверяй лишь отборным ведение дел!»

Еще произнес Огдюльмиш: «О элик,
Велики и дело и слава владык.

Болит голова от великих забот,
Не вылечишь боль — всё величье падет.

Послушай премудрого мужа совет,
В словах его — жемчуга блестящий свет:

«Не требуй услад, а неси груз невзгод,
К блаженству, о бек, путь страданий ведет!

Где в тяготах бек, там в расцвете народ,
Лишь в этом и бек свое счастье найдет!

Блаженства достигший, ты счастью не верь:
Блаженству сопутствуют муки потерь!

Сколь ни были б повар и чашник честны,
О доблестный муж, сколь они ни верны,

2940 Ты сам себя будешь верней охранять,
Других таких нет,— слов излишних не трать!»

Послушай премудрого мужа наказ,
Запомни, спиши и прочти много раз:

«Ты верность души своей собственной чтя,
Другой столь же верной души не найти.

Храни ее зорко, блюди, береги,
Утратишь — к леченью не сыщешь пути!»

Вот мой, о элик достославный, ответ
О том, что потребно, о средствах от бед.

Такие вот люди возвысят владык,
И бек, руша недругов, будет велик.

Тебе всё сказал я, что знать мне дано,
Но есть у меня еще слово одно.

Элик соизволит послушать — скажу,
А нет — так его при себе придержу».

вопрос элика к огдюльмишу

Элик отвечал: «Муж познанья благого,
Скажи, не скрывай, что таишь ты за слово?»

Твои мне полезно послушать реченья,
Ты — море познаний, река разуменья!»

2950 «Элик,— Огдюльмиш, отвечая, изрек,—
Элик для народа — познания исток.

Сказал я, каков услужения путь,
И что слугам бека вменяется в суть,

Что бекам положено ведать про слуг
И как пожинать все плоды их услуг.

И если у бека на слуг есть права,
У слуг за плоды их услуг есть права.

Бек ведает службы рабов благодать,
Но должен и бек их права соблюдать.

Слуге воздаяние служба дает,
И трудно ему, если беден доход!»

ВОПРОС ЭЛИКА К ОГДЮЛЬМИШУ

«Ответь мне,— элик произнес,— всё открой:
Слуге воздается оплатой какой?»

38

ОГДЮЛЬМИШ РАССКАЗЫВАЕТ ЭЛИКУ
ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ БЕКОВ ПО ОТНОШЕНИЮ К СЛУГАМ

«Все беки,— сказал Огдюльмиш,— по заслугам
Должны назначать воздаяние слугам.

Во-первых, кормить и поить их всегда,
Во всем помогать им в несенье труда.

Служение трудно, немало в нем мук,
Понятливый бек чтит и радуется слуг.

2960 Всю душу отдаст услуженью слуга,
Когда радость бека ему дорога.

И голоден, сыт ли, продрог ли, согрет,
В бою ли, элик, он блюдет свой обет,

Направо ль, налево, назад ли, вперед —
За бека всегда он на муку пойдет.

Враги нападут ли, для бека он — щит,
Умрет, а властителя он защитит.

Для блага владыки, радея о нем,
Он тяготы терпит и ночью и днем.

По службе бек должен и плату начесть —
Почет воздавать и оказывать честь.

Внемли, что сказал властелин Уч-Орду,
Достойнейший муж в своем славном роду:

«О бек, твоя власть над народом — большая,
Чти слуг своих, верных рабов возвышая.

Могущество бека — надежные слуги,
Их силою держится мощь всей округи.

С рождения бек величавый велик,
Слуга — своей доброю славой велик!»

2970 Величье души — человечности суть,
Величье души — это истинный путь!

Путь к истине — доблесть, и это известно,
Открыт он тому лишь, кто трудится честно.

Слуга в услуженье надеждой согрет,
А нету надежды — и доблестей нет.

О слугах их беки всё ведать должны:
Какие — полезны, какие — вредны.

Всегда по заслугам должна быть награда,
И плату — по службе начитывать надо.

О бек, человек — не дурнее, чем скот,
Усвоишь ты это — и дело пойдет:

Насытишь утробу скота до отвала —
Тогда лишь о пользе и думать пристало.

Когда беки словом слугу поощрят,
За бека он жизнью пожертвовать рад.

И слуги, что верностью сердца велики,
Себя не щадят ради блага владыки.

Сказал муж, изведавший пользу наук,
А знаньями люди крепят силу рук:

2980 «Всей жизнью оплатят за доброе дело:
Одно лишь добро сделал — десять пришло.

За щедрость верны тебе слуги всецело —
Готовы к невзгодам любого удела!»

Ты щедрым будь с верными в службе людьми —
Нагих одевай и голодных корми.

Элик, тот негож для властительной доли,
Кто слуг не избавит от нищей юдоли.

Послушай премудрого старца наказ,
Для юных слова мудрых старцев — что глаз:

«За службу, что жертвенным пылом богата,
Всегда человеческой бывает оплата.

А тех, кто за ближних страдать не готов,
Людьми не зови: они хуже скотов!»

Есть два рода слуг с непохожею долей:
Одни служат волей, другие — неволей.

Зависим неволею служащий люд:
Рабов, нерадивых в служении, бьют!

А вольные служат по собственной воле,
Их служба не ведает тяжкой недоли.

2990 У вольных их суть в услуженье добра,
Их надо направить дорогой добра.

И вольным быть ровней с рабами негоже:
Чти волю свободных, с рабами — будь строже.

Чертог властелинов — блаженства чертог,
И долг охранять его — честью высок.

Слуга богатеет — властителю слава,
В молитвах навеки она величава.

Элик! Властелин в отношенье слуги —
Как будто торговец, ведущий торги:

Торговец продаст покупателю вещи,
А тот — оборот затевает похлеще.

Годами он прибыли копит в доход,
Торгует товарами — прибыль идет.

Вот так и слуга со своим властелином
В сообществе связаны счетом единым:

Властитель слуге всё, что надо, отдаст,
А тот в услужении будет горазд.

Мечом, жизнью жертвуя, действуют слуги —
Покорствуют грады, селенья, округи.

3000 Покорствует враг, крепнет сила казны,
Стремленья и замыслы все свершены.

И всё это — блага великого прока,
А тех, кто их дарит, чтить надо высоко.

Реченьям главы всех торговцев внимли,
Он прибыль искал в разных странах земли:

«Доходный слуга — ближе сына родного,
Безвыгодный сын — хуже недруга злого.

Стремленье к доходу присуще всему,
Ловец без добычи зачахнет в дому.

Властителю воины — перья и крылья,
Бескрылая птица зачахнет в бессилье.

Есть войско у бека — и сила живет,
Он может распутать узлы всех тенет.

Составится войско из силы отменной —
И властвовать можно над всею вселенной!

А если у бека все доблести есть,
Он всё, что желает, сумеет обрести.

И с тысячей тысяч достоинств властитель
Себе покорит всего мира обитель.

3010 Цени же достоинства, сын мой, услышь:
Ты с ними в высоты, как лебедь, взлетишь!

У славных достоинств — полет лебединый:
И птица и доблесть — породы единой!»

Внемли седовласого старца совет,
Весь мир превзошедшего дряхлостью лет:

„Уменья и знанья учи и цени,
Тебя вознесут и прославят они.

Учись неустанно, зря время не трать,
В назначенный час возблестят твои дни!“»

вопрос элика к огдюльмишу

Одобрив столь ясный ответ на вопрос,
«Мудрец благородный, — элик произнес, —

Ты мне объяснил человечности суть —
Мужей справедливых и праведных путь.

Я правлю народом, подвластен мне он,
Сильна моя власть, мое слово — закон.

Но нет мне отрады от власти такой,
Хотел бы я тишь обрести и покой.

И чтобы любой, кто за мною пойдет,
Богат был и в силе достиг бы высот.

3020 Дни бека грядущую пользой светлы,
Мне хватит молитв обо мне и хвалы.

А злато, казну, всех даров благодать
Затем я собирал, чтобы людям раздать.

Мне — доброе имя, богатство — другим,
И волею бога да буду я чтим!

Да станет любой, кто служить мне был рад,
По смерти моей беспредельно богат.

Уйду я из жизни — и верный народ
Молитву творцу обо мне вознесет!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

Ему отвечал Огдюльмиш: «О элик,
Суть дела умом ты и знаньем постиг.

Что смертным иное даруется в яви,
Чем мысли об имени добром, о славе?

За блага сей жизни плати серебром,
Грядущее ценится тем же добром!

Ни золота, ни серебра не жалея,
Пределы страны ты расширишь смелее.

Внемли слову бека, был мудр он и зрел,
Основы величья крепить он умел:

3030 «Дарами, о бек, силу войска умножь,
Ты козни любого врага пресечешь.

Крепить не казну — силу войск надлежит,
Пусть бек небогат, да народ будет сыт!

Пока есть войска, не скудеет страна,
А войска не будет — и власть непрочна.

Довольны войска властелином своим —
Любая держава падет перед ним.

Щедра у властителей будет рука —
Их сила в обоих мирах велика!»

И сказано в мудром совете прекрасном,
Что жадный правитель не может быть властным:

«Две вещи есть рядом, но им не сойтись:
Корыстных чуждайся, а щедрых приблизь!

От жадных достойные люди бегут,
А к щедрым охотно стекается люд.

Достоинство бека и жадность — враги:
Где жадность — там ссоры, от жадных беги!»

Две силы должны государство беречь —
Червонное золото, поднятый меч.

3040 И щедрость страну укрепляет, элик,
Поистине, щедрый властитель велик!

Смельчак лишь взмахнул искрометным
булатом —
Все жилы порвало врагам-супостатам.

А золото только протянет рука,
И — правь без меча, силой слов языка!

Двум силам вот этим — и править державой,
Кто ими владеет, тот — муж величавый.

От золота хмурый яснее челом,
И золотом чинится в деле пролом.

Где меч наострен — там и золота много,
Где злато блеснет — и мечу там дорога.

Дари серебро — и сберутся войска,
А копишь в запас — разбегутся войска.

Есть войско с оружием — добудешь и злата,
А копишь — в добычу мечам супостата.

Скупой властелин прячет злато в тайник,
А смелый мечом всё возьмет у сквалыг.

Вот так и устроены в мире дела:
Скупым — поношение, щедрым — хвала!»

3050 Умолк Огдюльмиш, пал он ниц пред эликом
И бога восславил в смиренье великом.

ОТВЕТ ЭЛИКА ОГДЮЛЬМИШУ

Одобрил элик сей ответ на вопрос,
С молитвою к богу он руки вознес:

«О светоч любви, нам светящей, творец,
Надежду в беде нам дарящий творец!

Нет, кроме тебя, мне опоры иной,
Ты — радость надежды, лелеемой мной.

Какой я не знал от тебя доброты,
Какой ты моей не исполнил мечты!

В мольбе моей слов, кроме праведных, нет,
Ты вечно безбеден, а я в доле бед.

Защиты прошу я — всемилостив будь,
Наставь, укажи мне мой праведный путь.

Но лучше всех данных мне благ бытия
Сей муж, Огдюльмиш, он — опора моя.

За то, что ты мне этот дар ниспослал,
Тебе от меня — сотни тысяч похвал!

Он жертвует жизнью, мне верность храня,
И множит молитвы людей за меня.

3060 Дай сил мне воздать ему должной ценой,
Во благо да будет он сердцем со мной!»

Элик продолжал: «Кто умен, кто учен,
Тобою любой, Огдюльмиш, восхищен.

Где разума ждут, там твой разум хорош,
А жаждущим знаний ты знанья даешь.

Ты верен и предан, ты честен и смел,
И, властвуя, праведным быть ты сумел.

Ты мне послужил выше платы любой,
Не сыщешь послуг, не свершенных тобой.

Достоин ты самых высоких даров,
Тебе отплатить я всей жизнью готов!

Как ты мое сердце возрадовать смог,
Пусть тою же мерой воздаст тебе бог!»

Умолк и стоял неподвижно властитель,
Пал ниц перед ним и поднялся служитель.

И вышел он, радость на сердце храня,
И к дому отправился, сев на коня.

Служил день и ночь он всей силою пыла,
И счастье врата перед ним растворило.

3070 Росли его знания, стал разум глубок,
Крепил его власть и радел ему рок.

Внемли, что сказал муж благого удела,
Прославленный счастьем, не знавшим предела:

«Кому воля счастья удачу несет,
Небес он достигнет, не зная невзгод.

А счастлив — глядишь, и богатство пришло,
Душа оживает и рдеет чело!»

Об этом сказал седовласый мудрец,
Внемли его слову, о славный храбрец:

«Кто в мире богат, тот и славы достиг:
Вся кривда его станет правдою вмиг!

И жалок мудрец, если он не богат:
Как он ни речист, а в оковах язык!»

Таков в этом мире порядок неправый —
Богатство владеет почетом и славой:

К дурным обернется — почет им и честь,
А малых в великие может возвесть.

Богатство придет — и всё станет изрядно:
И тайно и явно всё ладно да складно!

3080 Придет — и доступны желанные цели,
И слава гремит во вселенском пределе.

А если уйдет — всё с собой унесет
И в черную землю низвергнет с высот.

Внемли же, разумный, муж мысли великой,
Не льстись на соблазны, беды не накликай!

К чему тебе тьма и погибельный мрак?
Стремись к миру вечных сверкающих благ!

Сей мир — что темница, не верь его сквернам,
Спокойно стремись к целям высшим и верным.

Внемли слову мудрых, о сердце правдивый,
В деяниях путник стези справедливой:

«Муж ревностный, думай о мире нетленном,
И ты награжден будешь счастьем бесценным,

Забудь преходящее, думай о вечном,
Сей мстительный мир шлет забвенью беспечным.

Сей мир вероломен, не будь ему верен,
Тебя он почитит, если сам будешь скверен.

Внемли же, заблудший, удел твой — пропащий,
Не льстись на соблазны пучины манящей.

3090 В пучину попавший не знает пощады,
Ему не спастись и не ведать отрады.

Тащи себя кверху, спасайся из бездны,
Тебе покаянье, смиренье полезны.

Вернись, и да будут благи твои цели,
И речью заботься о вечном уделе!»

И к правде элик стал душой обращен,
И дал он народу надежный закон.

Народ стал спокоен, а тощие — в теле,
Все преданны стали, враги ослабели.

Был счастлив он радостью прожитых дней,
Хвала ему в мире была всё сильней.

Дни днями сменялись и шли втихомолку,
Привольно жилось и ягненку и волку.

вопрос элика к огдюльмишу

Однажды элик Огдюльмишу велел
Отчет ему дать о ведении дел:

«О днях, Огдюльмиш, мне поведай идущих,
Каких больше подданных — бедных, имущих?»

И много ль негожих есть — движимых злом,—
Скажи без утайки о люде моем.

3100 И толки какие слышны ли в народе —
Хула ли, хвала ли сейчас в обиходе?

Бранить ли меня, восхвалять ли не прочь?
Скажи — я размыслю, чем делу помочь!»

ответ огдюльмиша элику

«Элик,— отвечал Огдюльмиш,— как ни глянь,
Желанное в силе, крепка его длань!

Под властью элика весь мир — словно сад,
Он бедами беден, а счастьем богат.

Народ богатеет, исчезла нужда,
Сердца веселеют, цветут города.

Всем подданным в радость их добрые дни,
И счастливо ночи проводят они.

И все тебя хвалят и славят, любя,
Всё сущее молит творца за тебя.

Гнет — словно огонь, а закон — что вода,
Водой ты загасишь огонь без труда.

Закон укрепил ты — упрочен весь свет,
Нигде в государстве насилия нет.

Три зла, о элик, всех насилий исток.
Одно из них — бек, что ленив и жесток.

3110 Второе — властитель, что в немощи хил,
И третье — сквалыга, что всех притеснил.

В тебе этих трех несуразностей нет,
Откуда же взяться злу гнета и бед?

Ты — бек справедливый и честью высок,
Дал доблести, знания и ум тебе бог.

Стезею добра пролагаешь ты след,
Народ благоденствует, сыт и одет.

Воздай же творцу, преклонясь перед ним,
Да будешь ты благом покоя храним!

А если напасти нагрянут извне,
Я — верный твой раб, ты доверишься мне!»

Элик благодарность творцу возгласил
И руки воздел он к зиждителю сил:

«Велик ты, господь милосердный, я — слаб,
Тобою возвышен твой немощный раб!

Ты мне даровал всю свою благодать,
И долг мой — тебе похвалою воздать.

Но как я достойной хвалою воздам?
Молю: за меня ты воздай себе сам!»

вопрос элика к огдюльмишу

3120 «О мой Огдюльмиш, — как-то молвил элик, —
Ты послан мне богом, — он щедр и велик,

Исток и основа всех праведных дел,
Закон укрепил ты и гнет одолел.

Господь дал мне путь к разным добрым делам,
Но дар в десять раз всех ценнее — ты сам.

Ведь как бы ни силился сам властелин,
Без помощи слуг он бессилен один!

Бек видит, что близко, а в дальнем, далеко
Долг слуг его — быть ему словом и оком!

Ты — взор мой, язык мой, моя ты рука,
Тобой моя добрая слава крепка.

Внемли, что промолвил могучий хакан,
Себе подчинивший народы всех стран:

«Желаешь от слуг воздаянья добром —
Обсыпь их и золотом и серебром.

И если ты преданных слуг приобрел,
Ты будешь счастливецом, не знающим зол.

Слуга, если предан и честен,— хорош,
Да много ли преданных слуг ты найдешь?

3130 А если бы не было преданных слуг,
Не стало бы дел человеческих вокруг!»

Теперь, Огдюльмиш, я скорблю об едином —
Что был у отца ты единственным сыном.

А будь хоть один столь же верный другой,
Он в помощь тебе стал бы верным слугой.

Лишь ты верен мне, муж благого пути,
Утрачу тебя — где другого найти?

О том, что один ты, грущу я, скорбя,
О доблестный, был бы собрат у тебя!

Молясь, чтобы не было тягот тебе,
Все дни провожу я в смиренной мольбе.

Подумай, кто есть меж собратьев-друзей,
Способный помочь тебе в службе твоей?»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

«Элик,— Огдюльмиш властелину в ответ,—
Еще потружусь я,— живи много лет!

Да будешь спокоен ты в доле благой,
В желанной тиши да найдешь ты покой!

Элик, да не знать тебе муки-тоски
О том, что заботы мои нележки!

3140 Нелегкок мой труд, но и отдых не худ,
Отрады и тяготы рядом идут.

А ежели ты для властительных дел
Найти, государь, себе мужа хотел,

Внемли, что сказал властелин многодумный,
А ум утончается властью разумной:

«Где помощь сподвижников бека сильна,
Там беку легко и цветет вся страна.

Чем больше полезных и умных людей,
Тем помощь их беку во благо верней!»

И как же не быть — меж собратьев моих
Есть доблестный муж, и познаний больших.

Умел и способен он, вдумчив и зрел,
Он сведущ и знающ в решенье всех дел.

Зовут Одгурмыш его. Честен и прям,
Ко многим причастен он добрым делам.

Но он отвратил от мирского свой взор
И, праведен сердцем, живет среди гор.

В служенье творцу его муки лихи,
Смирением он искупает грехи.

3150 Меня он сторицей во всем превзойдет,
Он — избранный муж, всех достоинств оплот.

И если бы славный собрат был со мной,
Он стал бы умом всему делу главой!

И ты бы при нем жил спокойно, элик,
И, правя всем миром, блаженства достиг!»

вопрос элика к огдюльмишу

«Желанно мне, — молвил элик, — чтобы скоро
Нашли его, — сердцу была бы опора.

Что мыслишь ты сделать, о друг мой, открой,
Чтоб он поскорее предстал предо мной?

И как поступить мне, — я думой томим, —
Кого бы скорее послать мне за ним?

Письмо ли послать, иль отправить гонца,
Исполни, что надобно, всё до конца!»

ответ огдюльмиша элику

И молвил в ответ Огдюльмиш: «На вопрос
Ты сам, о элик, и ответ произнес.

Тебе про собрата поведал я честно,
Придет ли он, нет, — это мне неизвестно.

Придет если — значит, он ценит твой зов,
А нет — значит, он к твоей воле суров.

3160 Не будет ли в этом элику обид, —
Ведь он пред тобою меня посрамит!»

ответ элика огдюльмишу

Элик отвечал: «Я тебя спросил,
Ответил ты мне в меру знаний и сил.

Зови, пусть приходит, а будет суровым —
Какие ж обиды? — не связан он словом.

Его ты за доблести многие славил,
Такой мне и нужен — муж праведных правил.

Сказал ты, что он просвещен и умен,
И стал еще больше желанным мне он.

И знания и ум — человечьи отличья,
А если их нет, люди — в скотском обличье.

И ведают дело познания и ум,
И действуют смело познания и ум.

Есть слово об этом — с такою же думой,
О муж благородный, внемли и подумай:

«Познания — ключ к разрешенью загадок,
Умом всё пойми — чти разумный порядок.

Пойми, где и как применить свои знания,
Учись и не будь на безмыслие падок!»

3170 Не мне одному от него будет прок,
Тебе от собрата — и прок, и урок.

Нашелся сородич — сородич полезен,
А нет его — сердцу и сродный любезен!

Сказал очень складно властительный бек
О том, что роднею силен человек:

«Имеющим родичей — честь и почет,
Имеешь друзей — слава есть и почет.

Нет родича — другом его замени:
Надежный товарищ — не хуже родни!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

«Элик достославный, — сказал Огдюльмиш, —
Все сделаю я, если ты повелишь.

Прикажешь — к отшельнику сам я пойду,
С призывом к нему разговор заведу.

Всех дел объясню ему суть и основу,
По разуму слово прилажу я к слову.

А если элик сам наказ свой напишет,
Тот муж его властную волю услышит.

Не принял бы весть он за мой произвол,
Приказ твой услышав бы, прочь не ушел.

3180 Скажу ему я — будет прок невелик,
Другое — приказ, что напишет элик!

Внемли, благородный, словам мудреца:
«Указ ловит в сети простые сердца!»

У мудрых еще есть прекрасное слово:
«Развяжет все узы всевластное слово!»

Раба теплым словом порадуют беки —
И раб уж его не забудет вовеки.

И ежели бек сладкоречье постиг,
Весь люд его любит — и мал и велик!»

ОТВЕТ ЭЛИКА ОГДЮЛЬМИШУ

«Что ж, — молвил элик, — я его заманю,
Письмо напишу — залучу в западню!

Готовься пока и пойдешь ты к нему,
Не медля, сейчас приступлю я к письму».

39

повествуется о том, как элик кюнтогда написал
и отправил письмо одгурмышу

Бумагу потребовал он и чернила,
Письмо стал писать, дело начато было.

Сначала сказал он о боге всесущем,
Всё в мире создавшем, взрастившем, ведущем:

«Письмо начинаю я с имени бога,
Оно нам во всех наших бедах подмога.

3190 Бессчетны мои похвалы-величанья
Творцу, что вовеки не знает скончанья.

Создать пожелал он и создал всех сущих,
Для жизни дал пищу, вскормил всех живущих.

Поистине славен творец всемогущий,
Создавший всех тварей, им силы дающий!

И небо он создал, и солнце с луною,
И тьму, и сиянье, и время земное.

Он создал всю ширь поднебесных раздолий —
Кружиться дано им господнею волей.

Но прежде творенья дал силы он року —
Смирись, покорись этой силы истоку!

Ей все удастся свершить, что желанно,
В велениях воля ее невозбранна!

Мудрец, шлю тебе я привет и мой зов,
Надеждою льстясь, что ты жив и здоров.

Здоров ли, дана ли тебе благодать,
Легко ли несешь ты судьбы своей кладь?

Я слышал, что доблестью ты наделен,
Какой и не знали мужи всех времен.

3200 Свою благодать даровал тебе бог —
Быть умным и мудрым тебе он предрек.

Слышал я тебе очень много похвал
И ясный твой лик увидать пожелал.

Тебе эту весть принесет Огдюльмиш,
Твой родич,— ты слово мое да услышь!

Но ты от родни своей близкой далек,
К селеньям и людям не знаешь дорог.

В горах, одинок, ты несешь свой обет,—
В служенье таком веры истинной нет!

И что за обида тебе от родни,
Что ты отрешен от нее, объясни!

Обиды ли были тебе или гнет,
Приди, объясни мне причину невзгод.

Я силой законные меры приму,—
Ты людям служи, счастьем рад своему.

Родные бывают полезны родным,
А польза приятна всем людям земным.

С роднею поддерживать лад надлежит,
С друзьями быть добрым, как брат, надлежит.

3210 И ежели в людях согласие есть,
Поверь мне, плодов его пользы не счесть.

Внемли, что гласит назидательный стих
О том, сколь полезно согласие двоих:

«Где в черную землю льют светлые воды,
Богаты цветеньем обильные всходы.

Где в добром согласье друзья и собратья,
Они — как родные на долгие годы!»

Стезю служенья идешь — не забудь:
Служение людям — вот праведный путь.

И в селах и градах есть много святош,
А путь отрешенья от всех — нехорош.

Служению нужен учения свет:
Без знания — пользы в служении нет.

Два рода мужей — верх отличий людских:
Кто учится сам и кто учит других.

А все остальные — не лучше скотов,
Какою дорогой пойти ты готов?»

«Какой ты из двух изберешь себе путь? —
Скажи, а о третьем и думать забудь.

3220 И если постиг ты ученьем все знанья,
Используй их, брось ты свой путь испытанья!

А если не ведаешь знаний — учись,
Себя к испытаньям служенья приблизь.

Внемли слову мужа, учащего знаньям,
Он ведал, как службу нести послушаньем:

«Служить хочешь богу — все знанья учи,
В науках — к заветным запорам ключи.

Сознательно служишь — бессчетны награды,
Глупцам и молитвы не дарят отрады.

Невежде и бденье в поклонах не впрок,
Мудрец и во сне благодатью высок!»

И в городе служат смиренным обетом,
А ты там, в горах, преуспеешь ли в этом?

Обет послушанья твой очень уж прост,
О сын мой,— всего лишь молитва да пост!

Какое еще покаянное бденье
Возможно вершить там,— скажи в объясненье!

Подвижником ныне себя ты зовешь,
Да только обет твой — не подвиг, а ложь!

3230 И тешишь себя ты обманом опасным,
Не льстись — пользы нет в покаянье напрасном.

О рвенье твоём да не ведает люд:
Как ты в нём ни стоек — всё малым сочтут.

Достойный подвижник, всепреданный вере,
От глаз посторонних закроет все двери.

Внемли, ведь об этом и сказана речь,
О славный, старайся совет сей беречь:

«Мужи берегут свою суть от зевак,
И сто лет послужат, а чтут за пустяк.

Обет покаянья таи от людей,
И слово мое — скрытой истины знак!»

Приди, здесь обет твой, где села и грады,
Отверзнется дверь тебе высшей отрады.

Будь людям полезен, их нуждам лихим,
Будь близок с родными всем сердцем своим.

Всем сердцем сочувствуй сиротам и вдовам,
Увечным, незрячим, хромым, нездоровым.

Со всеми — как надо, по чести — молись,
По пятницам — с ближними вместе молись.

3240 И всё, что имеешь, раздай неимущим,
Будь добрым, отзывчивым, помощь несущим.

Вот это и есть настоящий обет —
Спокойствие сердцу дарящий обет!

Достойный, в глуши позабыл ты об этом,
Лишь пост и молитву блюдешь ты обетом.

Себя лишь блюдешь ты постом и мольбой, —
Бездушен, кто занят одним лишь собой!

И ладно сказал муж один родовитый,
Сердечен, он людям был верной защитой:

«Достойный не помнит о пользе своей,
Он в муках радеет о пользе людей.

И нужно быть мягче, сердечней, добрей,
И добрым и злым всей душою радей!»

Нести людям пользу — сколь сердцу любезно,
И лучше не жить, если жизнь бесполезна!

Достойные благо всем людям несут,
Они насыщают и пестуют люд.

И раб, что поверил в обет свой убого,
Вовеки не сможет возрадовать бога.

3250 А если возрадовать хочешь творца,
Возрадуй рабов его верных сердца.

Что богу в твоём покаянном обряде!
Рабом ему будь чистой совести ради.

Зовешься рабом — верой, правдой служи,
А раб без служения — детище лжи!

Служить — долг раба, и служи неустанно,
И рвенье своё укрепляй постоянно.

Сказал очень верно всезнающий муж,
Внемли ему, правде внимающий муж:

«Служа послушаньем, кичливым не будь,
Служи, — ценит бог не бахвальство, а суть.

Служенье творцу — долг и доля раба,
Но, помня обет свой, про ум не забудь!»

Внемли, Одгурмыш, моему ты призыву,
Поверь, не себе я замыслил поживу.

Придешь — будет благо тебе самому,
А нет — я печалью себя не дойму.

И благу людей я служу своим зовом,
Не рушь их надежд ты упорством суровым.

3260 Обдумай слова мои, — если я прав,
Не медли с уходом, суть дела поняв.

Ты здесь послужи мне опорой-отрадой,
Заботой своей обездоленных радуй!

Тебе — воздаянье, мне — честь и почет,
Два мира господь тебе в дар наречет.

Наставь меня делом, будь добрым слугою:
Идут за благими дорогой благою.

Будь в добрых деяниях мне образцом —
Обласкан ты, доблестный, будешь творцом.

Послушай, что сказано мудрым таджиком,
А мудрость таджиков в почете великом:

«Когда бек хорош для народа во всем,
Всё — люду во благо, он счастьем ведом.

Не собственной пользе, а беку радей:
Где беку — добро, там — добро для людей.

Подвластный хорош — он себя лишь блюдет,
А доблестен бек — процветает народ!»

А спросят про сущность меня человечью,
Про пользу всех дел человеческих, — отвечу:

3270 Все доброе любят, у всех к нему тяга,
И вот в чем я вижу суть этого блага.

Все доброе — то, что полезно народу,
А польза — всегда человеку в угоду.

Муж добрый всегда предан людям, сердечен,
Будь предан и добр — будешь ты человекен!

Вот то, что сумел я поведать письмом,
Калям осушил и кончаю на том.

Конечно, не всё я сказал, но твой брат
Про всё остальное сказать будет рад!»

Сложил он письмо и поставил печать
И стал Огдюльмишу посланье вручать.

«Ступай, — он сказал, — о мудрец благородный,
Дополни письмо речью, сердцу угодной.

Прийти ко мне волю мою возвести,
Смотри, без него и не думай прийти!

Внемли, что сказал достославный мудрец:
«Не трать лишних слов — был бы умным гонец!»

Какой еще речью тебя удостою?
Все речи мои, о достойный, с тобою!

3280 Ты сам и скажи всё, что нужно сказать,
И все, что для дела потребно, уладь!»

Воспитан и праведен был Огдюльмиш,
Он вышел, сказав: «Будет так, как велишь!»

Коня оседлав, он поехал домой,
Одежды совлек и вкусил он покой.

И солнце за землю пошло — на закат,
Весь мир был лучами захода объят.

Высь неба кудрями закрыла чело,
Завесою локонов мир облекло.

Омывшись, свершил он молитву — намаз,
Велел дать постель и заснул сей же час.

Но вдруг он проснулся и поднял главу,
Свой лик эфиоп осветил наяву.

И, снова омывшись, с мольбой вдохновенной
Ждал утра и четки низал он, смиренный.

И небо подъяло опущенный щит,
И мир был сияньем улыбки залит.

40

повествуется о поездке огдюльмиша к одгурмышу

Он — сразу в седло и, от дома гоня,
К отшельнику-брату направил коня.

3290 И в дальний примчался он к родичу дол,
И, спешившись, прямо к нему он пошел.

И в дверь постучал он рукою, смущен,
И встал Одгурмыш, прерывая поклон.

И встретился с братом он, дверь приоткрыв,
И крепко связал их объятья порыв.

Брат взял гостя за руки, ввел его в дом,
И гость и хозяин уселись вдвоем.

И был он увидеть сородича рад,
И славу творцу возносил он стократ.

Сколь радостно после печальных разлук
Живыми-здоровыми встретиться вдруг!

И благо, когда, от родни отдалясь,
Опять обретаешь с ней близость и связь!

Сколь благостно, ежели любящий брат
По-дружески с братом увидеться рад!

И радостно, если сородичи-братья
Сердечно раскроют друг другу объятья.

Внемли, что сказал муж, радевший родне
И родичам преданный сердцем вполне:

3300 «Когда бы все свиделись после разлуки,
Окрепло бы счастье, исчезли все муки!

Сколь это прекрасно, когда разлученным
Даруется благо друг другу дать руки!»

вопрос одгурмыша к огдюльмишу

«Здорова ль родня?» — Одгурмыш начал слово,
И дан был ответ Огдюльмишем: «Здорова».

И снова спросил Одгурмыш: «Возвести,
Как ехал ты, как оказался в пути?»

Я слышал, с эликом ты вместе всегда
И служишь народу по чести всегда.

И как ты оставил свой пост и людей,
Ведь тяготы службы — на шее твоей!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ОДГУРМЫШУ

«Тебя,— Огдюльмиш молвил брату в ответ,—
Узреть я хотел, ясноликий мой свет!

Тебя увидеть поскорей мне хотелось,
Распутать узлы всех скорбей мне хотелось.

Хотел тебя видеть давно я, поверь,
А случай представился только теперь.

Не видел тебя уже долгий я срок,
И жаждал узреть, да собраться не мог.

3310 Приспело свершенье желанья благого,
И я возношу благодарное слово.

Давалось бы лишь благоденствие нам,
Дано, мой желанный, свершаться мечтам.

Внемли, что сказал муж, стремившийся к цели,
Превратности времени знавший на деле:

«Живому дается свершенье желаньям,
Но благо даруется мукой-страданьем.

Добьется живой всех желанных даров,
Все дастся тебе, если будешь здоров.

Цени не желанья, а жизнь, о живущий,
Желанное дарится жизнью бегущей!»

Послал исполненье желаний мне бог —
Во благо с тобою я свидеться смог!

Есть слово к тебе у меня, Одгурмыш,
Его я поведаю, ты — да услышь!»

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ,
КАК ОДГУРМЫШ БЕСЕДОВАЛ С ОГДЮЛЬМИШЕМ

«Твоим, — отвечал Одгурмыш, — я словам
Внимал, а теперь и ответ тебе дам.

Родством ты со мной себя крепким сопряг,
Даст бог тебе славу и тысячи благ!

3320 Ты что-то еще мне поведать хотел,
Теперь же скажи, не откладывая дел».

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ОДГУРМЫШУ

Ему отвечал Огдюльмиш: «Моя речь
Твой взор сможет благостным светом возжечь!

Когда человек сам свой путь изберет,
На нем он, о мудрый, не помнит невзгод.

Услышь, что бывалый поведал об этом,
Внемли, о достойный, разумным заветам:

«Когда по желанию начато дело,
Едва только ступишь — и помощь приспела.

С мечтой и далекое кажется близким,
За близкое жизнь свою жертвуют смело!»

Нельзя мне, — сказал Огдюльмиш, — мою речь,
Скорбя о тебе же, на этом пресечь.

Родных ты покинул, живешь ты в глуши,
Вдали от людей, и кругом — ни души.

Сколь тягостный груз — твой жестокий зарок:
Ты голоден, наг, ты один-одинок.

И родичам жаль всей душою тебя,
Как видеть всё это, душой не скорбя!

3330 Безлюдье сынам человеческим — вред,
Каких только тут не претерпишь ты бед!

Я дома сидеть с этой болью не мог,
Не вытерпел мук я, не снес я тревог!

Творцом не тебе уготован был ад,
Тебе ль он судил долю мук и утрат?

За что же терпеть тебе эту страду,
Поведай про все мне, ответа я жду!»

ОТВЕТ ОДГУРМЫША ОГДЮЛЬМИШУ

Ему отвечая, сказал Одгурмыш:
«Я выслушал всё, — ты ответ мой услышь!

Сердечные ты говорил мне слова,
Они — признак братства, примета родства.

А если родному родного не жаль,
Чужим и подавно — какая печаль?

Зачем изменил я родне и родству,
Зачем в этой дальней глуши я живу?

Я видел, что в вере я немощно хил,
И мнилось, что здесь укреплю я свой пыл.

Затем и пришел я в далекий предел, —
Отшельником богу служить я хотел.

3340 Кто предан мирскому — соблазнам земным,
Не связан обетом он с миром иным.

И кто от людей не закроет врата,
Его служба богу — одна суета.

Смирять надо жестко и страсти и плоть,
Блаженство найти — значит, их побороть.

И верно сказал муж достойных примет,
Что страсти для веры — преграда и вред:

«Два лютых врага наших — прихоть и страсть,
И праведный может в их путы попасть.

Поддашься страстям — станешь жертвой их нут,
А прихоти плоти в неволю влекут.

Умом пресекай все причуды страстей
И разумом прихоти все одолей!»

И суетных градов презрел я искус,
Влачу в этом доле я тяжкий мой груз.

И в этой глуши, удалившись от всех,
Забыл я пустого злословия грех.

Ты молвил, о брат мой, что сир мой досуг,
Но память о боге — мой преданный друг.

3350 От родичей близких я ныне далек,—
Я их от забот о себе уберег!

Непросто беречь человечьи сердца,
И лечит их раны лишь милость творца.

И если от дел моих польза мала,
То пусть от меня хоть не ведают зла!

И польза, и вред, и добро, и беда —
Все волею бога вершится всегда.

От горнего свода до водного дна
Все беды льнут к господу — все, как одна.

Все люди, о доблестный, сколько их нет,
Во благо всё делают или во вред.

Ты спросишь — чем верность обету блага?
В дверь счастья войдет верный богу слуга!

Господня раба мы рабом и зовем
За то, что он кается ночью и днем.

Одобрит иль нет его бог — не забудь:
В служении — неизреченная суть.

И мне не во вред одинокий мой дол,
От прихотей плоти я волю обрел.

3360 Послушай, о чем этот стих говорит,
И сам оцени его суть, а не вид:

«Укройся под сень одинокого крова,
Будь сирым и ведай свое только слово.

Свершенью обета служи одиноко,—
Что можно свершить в одиночестве злого!»

О брат, ты общенье с людьми превознес,
Но как с ними жить и дружить — вот вопрос!

Пойми: ты вот ныне приехал ко мне,
И я не могу уж служить в тишине.

С одним лишь тобой я и побыл, а всё ж
Мне — вред и ущерб, ты меня не тревожь!

Ведь ежели к людям вернусь я теперь,
Какое уж тут покаянье? — поверь!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ОДГУРМЫШУ

«Я выслушал всё,— отвечал Огдюльмиш,—
Но ты не гневись и ответ мой услышь.

В речах твоих с виду и есть будто прок,
А правду сказать, это всё лишь предлог.

Живой должен ближнему благо принести,
Тогда воздадут ему славу и честь.

3370 Скажи, чем же суть человека добра,
Когда он не делает людям добра?

Жену надо взять и детей завести,—
Бездетный мужчина у всех не в чести.

Сказал муж достойный, внемли его речь,
Что нужно жениться и род не пресечь:

«Когда умирает бездетный, ворчат:
«Взрастил бы почивший родившихся чад!»

Оставит усопший детей и внучат —
Ему похвалы и по смерти звучат!»

Бездетный скончался — и кончился род,
За ним — пустота, его имя умрет!»

ОТВЕТ ОДГУРМЫША ОГДЮЛЬМИШУ

«Хоть это и правда, — сказал Одгурмыш, —
Бывает иначе, чем ты говоришь.

Когда дети сердцем добры и чисты,
Всё точно пойдет, как и сказывал ты.

А дети дурны — будешь жить ты, скорбя,
И сразу по смерти забудут тебя!

Покроет позором тебя их грызня,
Воспрянут враги, твое имя кляня.

3380 С детьми враждовать — смысл вражды-то
каков?

Гораздо приятнее жить без врагов!

Что светлого может дарить нам вражда?
«Вражда» и по звуку-то — родич «вреда»!

И смысл в изречение глубоком сокрыт:
«В потомстве муж облик свой вечно хранит».

Об этом разумные помни слова,
В них праведность щедрого сердца жива:

«Печешься о детях, не зная покоя,
Да внятно ли им твое рвенье такое?

Вскормив домочадцев, уйдешь ты навеки,
Тебе — муки смерти, им — благо мирское!»

Кто женится, тот словно в лодке плывет,
Выходит он в море бушующих вод.

Детьми обзавелся — в посудине течь,
И как тут от смерти живых уберечь!

Должна бы отцу быть услада от чад,
Но дети отцу — и услада и яд!

И дети, когда у них черствы сердца,
Не вспомнят по смерти ни мать, ни отца!

3390 Бывают ли дети такие верны?
О нет, они плохи, дела их дурны!

Отец этих чад ношей мук сокрушен,
Он бремя мучений таскает, как слон!

С друзьями, сказал ты, с собратьями ладь,—
Добро! Но и это — нелегкая кладь!

Премудрый вложил много разума в речь,
Что души нежны, их непросто беречь:

«Душа человека — что хрупкий сосуд,
Храни ее, сын мой, будь мягок, не крут,

И вот подтверждение нежности душ:
Их плавит жара, они мерзнут от стуж.

Порань душу друга — он злобой объят,
Обидишь врага — он враждебней стократ.

Где козни врага, там и жизнь не сладка,
А жизнь, если враг она, — вовсе горька.

Сколь ни был бы мал и ничтожен твой враг,
Считай его сильным, о мудрый смельчак!

Комар хоть и мал, а как недруг — силен:
От боли укуса подпрыгнет и слон!»

3400 Сказал муж, познавший, что значит вражда,
Проведший в борьбе своей жизни года:

„Будь чуток и к малым враждебным потугам,
Смотри, не кичись — не przyjmешь, мол, испугом.

Забудь про беспечность, общаясь с врагами,—
Врагу будь враждебен, а другу будь другом!“»

Ему отвечая, сказал Огдюльмиш:
«Пойми своим сердцем совет мой, услышь!»

Господь сотворил этот свет с разуменьем,
Еду и питье осенил дозволеньем.

Кто дружит с людьми благородной души,
Дела его славны, друзья — хороши.

Кто людям полезен, будь с теми любезен,
Любой человек службой людям полезен.

Злосчастен и зол тот, кто сир-одинок,
Себя на бесцельную жизнь он обрек.

Кто людям не служит, тот — будто в могиле,
Не будь мертвецом и служи, пока в силе.

Муж доблестный, дружбой и братством ведем,
Прославлен в народе и славен трудом.

3410 Ему всё, что любо, при жизни открыто,
И в мире ином ему будет защита.

Ты будешь в беде — он умрет за тебя,
И счастьем твоим будет счастлив, любя.

Про всё, чем ты славен, поведает всем он,
А ты оплошаешь — безмолвен и нем он.

Покоя лишает людей только враг,
Он всё разгласит — будь ты плох или благ.

Но если бы враг не вредил столь лукаво,
Откуда взялась бы у доблестных слава?

Чем выше у мужа и слава и честь,
Тем больше врагов у избранника есть.

Кто знатен и честен, чья доблесть известна,
Вражда у бесчестных к нему повсеместна.

К тому лишь, кто доблестен, недруг суров,
Дурной, как и мертвый, не знает врагов.

И знай: если многими муж ненавидим,
Мы много в нем добрых достоинств увидим.

С врагами боровшийся — славой покрыт,
Вражды не изведавший будет забыт!

3420 Внемли, что сказал муж достойный и зрелый,
Достигший желанного доблестью смелой:

«Мужчина ли тот, кто от тысяч врагов
В укор не услышал по тысяче слов?»

Но волк обернется ль хоть раз на собак,
Заслышавши лай даже тысячи псов?»

Вот ты мне сказал, что людьми пренебрег ты
И, чужд суесловию, сир-одинок ты.

Людей-то здесь нет,— говоришь ты о ком?
Живешь ты один, не в толченье людском!

А муж должен быть средь людей, но в общенье
Лишь мягкою речью добьешься почтенья.

Тебе нагрубят — сдержан будь, не перечь
И сладко ответствуй на горькую речь.

Сам груз свой неси, помогай всем несущим,
Будь мужем, добром и за зло воздающим!

Всю злобу из сердца изгнать поспеши
И выскажи всё до конца от души.

Внемли, что сказал муж достойный и честный,
Чья слава за это была повсеместной:

3430 «Ни слова обиды себе не позволяй,—
В душе от обид — неумная боль.

Хвали даже тех, кто тебя и бранит,—
Тебе будет честь, им достанется стыд.

И даже на злобу ответствуй добром,
Муж дружит с добром, а негожий — со злом!

И если родные с тобой разошлись,
Ты сам, о достойный, себя к ним приблизь.

Обидчикам все их обиды забудь,
Прости их, и праведным будет твой путь!

И раб ли, рабыня ошиблись — прости,
А вины простил им — держи их в чести.

Муж доблестно должен нести свою кладь,
С терпением смертный свой час поджидать!»

Отшельником здесь ты живешь одиноко,—
Достойный, какого дождешься ты прока?

Ни блага не видишь ты здесь, ни добра,
Не ведал ни золота, ни серебра,

Не нажил угодий, дворцов и палат ты,
Детей не имеешь — ничем не богат ты!

3440 Неведома мощь тебе, власть над людьми,
А ею даруется слава,— пойми!

Утратил ты всё, что копил год за годом,
Отшельником кличут тебя, сумасбродом.

Муж, многое кинувший малого ради,
Подвижником станет к своей же отраде.

Всем прочим сей путь — кров от бед-неудач,
Вся хитрость у них — лишь терпенье да плач!

А мужествен тот, кто, удачлив в желанном,
Бесстрастен ко благам, судьбой ему данным.

Он бедных и поит и кормит всегда,
И верность творцу в его сердце тверда.

Он сердцем не предан богатствам-соблазнам,
Потерь не оплачет стенанием праздным.

Достигнув желанного, власть утвердив,
В степенстве он сердцем и речью правдив.

И к этому есть подходящее слово,
Внемли, о достойный, в нем — делу основа:

„Тот — истинный муж, кто в заботе любой
Могуч и силен и владеет собой.

3450 А самый достойный всех строже к себе,
Когда он обласкан счастливой судьбой!“»

ОТВЕТ ОДГУРМЫША ОГДЮЛЬМИШУ

«По правде скажи,— отвечал Одгурмыш,—
Какое желанье ты в сердце таишь?»

Что я ни скажу, ты прервешь мое слово,
Ответом меня остановишь сурово.

В чем умысел твой, ты открыто поведай,
Желанья свои растолкуй мне беседой!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ОДГУРМЫШУ

«Скажу,— отвечал Огдюльмиш,— тебе боле:
Я прибыл сюда по властительной воле.

Меня, услышав тебе много похвал,
Элик Кюнтогды за тобою послал.

Тебя увидеть он желаньем томим,
Доставить тебя к нему послан я им.

Как это ни трудно, а ты поспеши-ка,
Ступай и предстань перед взором элика!

Элик — повелитель, достойный султан,
Доверием подданных он осиян!

Блажен, кто увидит властительный лик,—
В обоих мирах он блаженства достиг.

3460 Внемли, что сказал повелитель вселенной,
Суть власти познал его разум бесценный:

«Всеправедный бек благодатью храним,
Всем подданным благо даруется им.

Где праведный бек доброй славой хорош,
Туда и ступай, там ты счастье найдешь!

Закон, справедливость — опоры небес,
Подгнили опоры — и в кровле провес!

Господь, если б беки закон не блюли,
Разверз бы пред ними все бездны земли.

Кто лик справедливого бека узрел,
Тому дан счастливый, безгрешный удел!»

Ты видишь — я ныне муж знатного чина,
Элик сей отрады и счастья причина.

Господь дал мне разум и знание наук,
Благие свершенья — дела моих рук.

В служенье добру дал мне бог благодать,
Для блага людей я подьземлю их кладь.

Элик и тебя хочет видеть слугой,
Возьми, развяжи этот узел тугой.

3470 Тебя повелел он мне вызвать к нему,
Не дай мне, достойный, уйти одному.

Письмо написал он своею рукой,
Взгляни, что он пишет, — прочти и усвой!»

Он, вынув письмо, дал его Одгурмышу,
И тот развернул его — что, мол, услышу.

вопрос одгурмышы к огдюльмишу

Задумавшись, он в суть прочтенного вник,
«Весть мудрую, — молвил он, — шлет мне элик.

«Предстань предо мной!» — шлет элик мне свой зов,
И сказано много в письме добрых слов.

И всё это мне — знак великих примет,—
Что делать я должен — подай мне совет!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ОДГУРМЫШУ

«Элик тебе пишет,— сказал Огдюльмиш,—
И ты, уж конечно, в ответ не смолчишь.

В письме ты помянут, и это — почет,
Тебя он желает увидеть и ждет.

Кто сердцем любим, кого видеть желанно,
О том и хвала на устах неустанна.

Влюбленный сказал стих прекрасного склада,
Что образ возлюбленный — сердцу отрада:

3480 „Возлюбленный лик перед взором витает,
А сколько ни смотришь — он тает и тает.

И если что сердцу любезно-желанно,
О том сразу с уст твоих слово слетает!“»

ОТВЕТ ОДГУРМЫША ОГДЮЛЬМИШУ

«Скажи,— Одгурмыш молвил гостю в ответ,—
Как быть мне, о доблестный, дай мне совет!

Ты — брат мой любимый, опора души,
Дай братский совет мне — свой долг соверши.

Прошу, помоги мне советом-наказом,
И в деле мне будет опорой твой разум!

Ты — родич мой, будь же и другом моим,
Равны близкий родич и друг-побратим.

Лишь ты мне и мил, чуждый лести и лжи,
Я верю тебе,— что мне делать, скажи!»

«Зачем на вопрос, — произнес Огдюльмиш, —
Ты мне отвечать, о достойный, велишь?»

Я — вестник элика к тебе, вестовой,
Зачем же потребен совет тебе мой?

«Поедем», — могу я сказать лишь одно,
И мне «Оставайся» сказать не дано.

3490 Нам вместе служить — для меня благодать,
А ради себя как советы давать!

Услышь, что сказал преученый чигиль,
Внемли ему, неуч, гордыню осиль:

«Не спрашивай тех, чей корыстен совет,
О доблестный, будет тебе только вред.

А добрый советчик, о брат мой, лишь тот,
Кто выгод себе от совета не ждет.

А тот, кто для собственной пользы глазаст,
Заведомо вредный совет тебе даст.

Что ты ни замыслишь — с людьми обсуди,
Но дело, лишь сердцем одобряв, веди.

Ты сам больше всех себе верен в любви,
Других не расспрашивай, слово прерви!»

Ты сам себе в избранной цели — совет,
Зачем тебе мой в этом деле совет?

Совет мой — один: из глухих этих мест
Ты следом за мной собирайся в отъезд!

Те блага, что дарит общенье с людьми,
Найти не дано в этом доле, — пойми!

3500 Ты сам выбирай: в жизни градов и сел
Немало есть благ, я их все тебе счел.

Ты знаешь, в словах моих правда мудра,
Тебе, видит бог, я желаю добра.

Тебя что за боль от людей увела?
С людьми будь, и делай людские дела!

Служи правоверным, помочь им стремись,
Дарует господь тебе райскую высь!

Будь сердцем и словом и делом правдив,
Живи, свое счастье в делах утвердив.

Живи не в безлюдье, а в гуще людской,
Людей не вини — наблюдай за собой!

Об этом, о мудрый, гласит этот стих,
Держись его смысла в деяньях своих:

«Куда ни пойдешь, добродетельным будь,
Не знатность цени в себе — добрую суть.

Кто служит добру, тот блюдет и себя,
Во всем избирай только праведный путь!»

Муж должен быть доблестным делом хорош,
И тысячи благ ты себе обретешь.

3510 Благое вовеки пребудет благим,
Кто благо свершает, тот благом храним.

Свершай лишь добро, никому не вреди,
Куда ни пойдешь, без боязни иди!»

42

ОДГУРМЫШ РАССКАЗЫВАЕТ ОГДЮЛЬМИШУ
О ПОРОКАХ СЕГО МИРА

«Прилежно,— промолвил в ответ Одгурмыш,—
Я слушал,— и ты мое слово услышь.

Пленил этот мир тебя очень глубоко,
Ты благом считаешь деянья порока.

И дива в том нет,— поговорка гласит:
«В любимом любой недостаток — не в стыд».

Пленен этим миром ты, все недостатки
Тебе в нем, о доблестный, милы и сладки.

Внемли, что влюбленный про то говорил:
«Кто мил, в нем и каждый изъян будет мил».

Вот признак любви, о достойный: дурное
В любимом и то не считают виною.

Ты любишь сей мир — вот тому верный знак:
Пороки его для тебя — лучше благ.

И если сей мир возносил ты хвалою,
Тебе я скажу, что я в нем вижу злое.

3520 Бог дал нашим предкам за грех долю бед:
По воле творца стал темницей весь свет.

И что же в темнице желаешь найти ты?
В раю испроси себе благ и защиты!

В раю прародители ели зерно, —
Смиреньем очиститься в мире дано.

Лишь милое дьяволу богу постыло,
А все остальное создателю мило.

Кому бог дарует в награду почет,
Того он от скверны мирской бережет.

Довольство мирскими дарами убого:
Оно отвращает от веры, от бога.

Гордец, что себя вровень с богом вознес,
Мечтал о вселенной, а сдох, словно пес!

Богач неуемен в гордыне задорной,
Бедняк — и душою и сердцем покорный.

Рожденный нагим умирает нагим,
Зачем же тянуться к соблазнам мирским?

Зачем же, о смертный, ты спесь свою холишь?
Ты — гость на два дня в этом мире всего лишь!

3530 Ты знаешь, живому есть смертный черед,
И смерть, затаившись, поры своей ждет.

В сей мир толькоходишь — и снова ворота,
И смерть в них уводит всех сущих — без счета!

И тешиться в мире тебе лишь два дня,
Не жги себя жаром дурного огня!

Изменчив сей мир, его счастье сурово:
Что послано в дар — всё отнимется снова.

Едины для смерти и бек со слугой,
Одно для нее и дурной и благой.

Одних призовет она к власти, и сразу
Им смена идет — по ее же наказу.

Не тень ли — соблазны, что дарит сей свет:
Ты к ним — они прочь, ты от них — они вслед:

Об этом же сказано верное слово,
Внемли его смыслу, муж сердца благого:

«Бежишь за соблазнами — их словно нет,
Ты — прочь, а они — за тобою вослед.

Соблазны мирские — враг веры твоей,
Опомнись: соблазны всей вере во вред!»

3540 Сей мир — что невеста с красой показною:
Лишь глянешь — и в сердце волнение шальное.

А сердце отдашь — пред тобою карга,
Ухватит за ворот — и свара долга!

Она от привычки к виляньям досужим
Не сможет прожить и трех месяцев с мужем!

Она, если сердцем привязан ты к ней,
Всю жизнь тебе сгубит,— жалей не жалей!

А жизнь человека отменно прекрасна,
Нельзя на тщету ее тратить напрасно!

Ведь жизнь — это благо: зря жизни не трать,
Старайся, о доблестный, блага свершать.

Три вещи есть в жизни, их суть триедина:
Дурное, законное и середина.

За скверное — кара, законному — счет,
А в том, что сомнительно, нужен расчет.

Сей мир завлечет тебя да и прогонит:
Потешит — и вмиг благосклонность отклонит.

Лелея, он вскормит, изнежит тебя
И вновь заморит, гнетом бедствий губя.

3550 К мученьям вести предуказано счастьем,
И благо дано обернуться напастьем.

Под кровом отрады — всегда слой невзгод,
Где мука вначале — там добрый исход.

Внемли, чему речь прозорливого учит:
«Забудь мир соблазнов — тебя он измучит!»

Богатство твое — горше нищих заплат,
Ты тем, что за бедность считаешь, богат!

Ты недругам всем, что тебя загубили,
Увы, отомстишь разве лежа в могиле!

Всему, что ты строил, наступит развал:
Развееется всё, что в запас ты собирал.

Недолог сей мир жизни быстробегущей,
Но вечен иной мир — за нею грядущий.

Всему отойти наступает черед,
И будет с тобой то, что следом грядет.

Разумный не тешит себя преходящим,
И мудрый грядущего ждет в настоящем!

Кто помнит о смерти, тот чужд суеты,
Кто знает, что смертен, — не знает тщеты.

3560 Идущий в дорогу не связан жилищем:
Кочуя, мы лишнего скарба не ищем!

Ты — путник, а мир — лишь стоянка в пути,
Тщетою в дороге себя не гнети!

Порочно пристрастие к богатству земному,
Оно ум и нрав изувечит любому.

Отшельник не льстится богатством шальным,
Подвижник не тянется к благам земным.

Невидимый ловчий тебя ждет в засаду —
Соблазны рассыпал он, словно приваду.

Беспечны все люди — их жадность влечет,
И как избежать им опасных тенет!

И сказано мужем, весьма многотумным,
Познавшим сей мир размышленьем разумным:

«Приманка видна, да не видно ловца,
Невеста нарядом пленяет сердца.

Ты жаден, беспечен, терпенья лишен,
А клюнул — в капкане нога молодца!»

А взять все богатства, что люди собирали,
Всем тысячу лет можно жить без печали!

3570 Да только что пользы: всем черный подстил
В земле уготован — во мраке могил!

И жизнь, что ты прожил, — тебе же отплата:
Лишь то, что ты дал ей, тобой будет взято.

В грядущий твой день к покаянью не лни:
Свидетель делам твоим — прошлые дни!

Три блага на свете — сей жизни услада,
Равно им всем трем естество наше радо.

И первое благо — еда и питье,
Жену взять — другое блаженство твое.

И третье — когда твое тело здорово,
И это вот благо — всем прочим основа.

И эти три блага — отрада отрад,
Но есть и три зла,— избегай их, собрат!

Еда и питье — это дело благое,
Но может, о брат, быть от них и дурное.

Ты только с трех пальцев еду бери в рот,
А больше глотнешь — перегрузишь живот.

Еду не усвоишь — разладится тело,
А в теле разлад — и болезнь подоспела!

3580 Недуг — это первый от смерти гонец,
А смерть безотрадна, о славный мудрец!

Еще одна сладость — общенье с женою,
Ты словно умылся водой ледяною!

Да кроме того еще дети пойдут,
Но вырастить их — тяжкий груз да и труд.

Внемли, есть и правильный стих на примете
О том, сколь накладны жена да и дети:

«Большая услада — общенье с женой,
А вред — словно мылся водой ледяной.

Бывает ли сладость вреда лишена?
Заплатишь за сладкое горькой ценой!»

Дается нам в жизни услада желаньям,
Но вреден сей путь, и чреват он страданьем.

Сколь радостна жизнь — ее сладостный срок,
Сколь горестна смерть, сколь исход мой жесток!

Всё благо сей жизни — три рода утех,
И вот, о достойный, расплата за грех!

Один враг — соблазны, другой — наше тело,
Два этих врага манят в сеть нас умело.

3590 И дьявол, враг веры, — вот третий наш бич:
Не дай нас, господь, его злобе настичь!

Но тело — глава всем лихим супостатам,
Оно нас и к бедам ведет и к утратам.

Помянешь ты бога — и дьявол ушел,
Отвергнешь соблазны — избавлен от зол.

А тело свое от себя не отринешь,
Его лишь велением смерти покинешь!

И верно сказал вящей мудрости муж,
А мудрых советов, смотри, не нарушь:

«Мне плоть моя шлет много трудных задач —
То смех от нее мне дается, то — плач.

Объять целый мир меня так и зудит,
То голод терплю, то по горло я сыт.

Исполнится прихоть — другая со мной,
Найти бы свершенье еще лишь одной:

Я сам не могу их в себе побороть,
Пошли мне от них избавленье, господь!»

Да, тело — беда: всё подачек канючит,
Чем больше жиреет, тем больше и мучит.

3600 А жирной кобыле идти уж невмочь:
Спихнет седока и бредет себе прочь!

И пес заживевший негож для охоты:
Чужды ему гончего дела заботы.

Утробу набьет — и забудет про дичь,
Ничто ему оклик хозяйский и клич.

И тело похоже на малое чадо:
Поест и умчится, куда ему надо.

Объешься — не встанешь, как силы ни трать,
Всем прихотям плоти нельзя потакать!

Три дня в этой жизни — всему завершенье,
А всё остальное — лишь мрак сновиденья.

Грядущий день, прошлый — недолог им счет,
А встретит ли завтра кто ныне живет?

И мыслить о том, что за этим пределом,
Поверь, я считаю несостоящим делом!

Общенье с женой — лишь один краткий час,
Чтоб огненный пыл в теле мужа погас.

Погасишь ты жар этой страсти короткой
В объятьях с красоткою или уродкой.

3610 Услада для глотки — насытить живот,
А сытый не знает полезных забот.

Халва ли, ячмень, а насытишь утробу —
Полно всё нутро, пища катится к зубу!

Но сласти ли ел или только ячмень,
Проспишься — несатым встречай новый день.

Послушай, что молвил бедняк многодумный,
Богат был он сердцем и зоркостью умной:

«Ты сладко едал, твое благо велико,
Я — просо и отруби ел, горемыка.

Насытившись, оба мы на ночь ложились,
Так шли и прошли мои дни, рассуди-ка!»

Ты копишь мирское — глядь, тело мертво:
Тебе два полотнища нужно всего!

Богат ли ты, беден — для смерти едино:
В могиле все люди — единого чина!

Всего на два дня нам дарован покой,—
Так что ж обольщаться нам жизнью такой!

Ты жаждешь богатства, к мирскому корыстен,
А смерть тебя словит — вот истина истин!

3620 И жизнь от тебя убежит в свой черед,
И злобная смерть твои жилы порвет!

Умрет, отойдет каждый ныне живущий,
Хоть нам и неведом день смерти грядущей.

Мы в юности ждем — ах, росла б борода,
А вырастет — ждем, когда станет седа.

А стали седыми — и смерть подоспела,
И нет на нее ни стрелы, ни прицела!

Огнем в смертный час твой себя не пали,
Не жаждай соблазнов сей бренной земли!

Не схожи ли блага с водою соленой:
Напиться нельзя, и язык — как сушеный!

Все люди подобны сухому песку:
Всё жадный поглотит, хоть вылей реку!

Дела сего мира — что призрак бегущий:
Ты к ним — они мимо чредою зыбучей!

На призрак лишь глянешь — его уже нет,
Уйдет, как бы ты ни бежал ему вслед.

Кто плотскому чужд, тот в служении — спорый:
Не точит сей враг его хилостью хворой.

3630 Не дай телу властвовать, шею не гни,
Шальны его прихоти — сгубят они!

Прошедшая жизнь безвозвратно промчалась,
И знать не дано, сколько жизни осталось!

Не порти оставшихся дней своих зря,
Жди смерти, смиренно молитву творя.

Внемли, что сказал муж, ко благу прозревший,
Все смуты и скверны в себе одолевший:

«Ты прожил свои быстротечные дни,
А дальше, кто знает, пойдут ли они?»

Меж прошлым и будущим краткий привал —
Вот жизнь, и о ней разговор не тяни!»

Давно уж я здесь и не знаю напасти:
Шло время, и я одолел свои страсти.

А ты вот зовешь меня в села и грады!
Поддамся страстям — где искать мне пощады?

Да, плоть наша — враг, зло у ней на примете,
И ею повсюду раскинуты сети.

Препятствуй, противься ее вожделеньям,
С ней сладит лишь тот, кто высок разуменьем.

3640 Внемли, что сказал муж, себя одолевший,
Смиривший зло страсти, в нем прочно засевшей:

«Невольником плоти, о мудрый, не будь,
На веру способна она посягнуть!»

И тот человек не зовется разумным,
Кто в деле страстям потакает бездумным.

Нет, разум тому человеку неведом,
Кто всюду за прихотью движется следом.

Неумным всегда вы того назовете,
Кто щедрую дань отдает своей плоти!»

Вся суть у глупцов, о мой брат, такова:
В них прихоти страсти — всему голова!

Таков этот мир, вот пороки его,
Пойми мою речь, я не скрыл ничего!»

43

ОГДЮЛЬМИШ РАССКАЗЫВАЕТ ОДГУРМЫШУ,
КАК ГРЯДУЩИЙ МИР ОБРЕСТИ СЛУЖЕНИЕМ ЭТОМУ МИРУ

Сказал Огдюльмиш: «Муж достойных примет!
Внимательно выслушал я твой ответ.

Внемли мне, и речь моя будет ясна,
И знанью и разуму в помощь она.

Ведь если сей мир полон горьких утрат,
Зачем же свой путь делать горше стократ?

3650 Не суживай мир, будь к себе не суров,
Есть милость господня для грешных рабов!

Немало есть мук, но и милость сильна,
Во благо даруется грешным она.

Мучений страшись, уповай на творца,
Служи, рабский чин свой блюди до конца.

У тех, что уходят из градов и сел,
Удел покаянья в пустыне тяжел!

Весь мир для них рушится, жизнь их мертва,
С людьми у них рвутся все узы родства.

Бог создал два крова для собственных чад:
Один из них — рай, а другой из них — ад.

Все люди — в заботах мирских искони,
И в спешке мелькают их ночи и дни.

Ад — тем, кто не бога, а суетность чтит,
Но рай-то ведь тоже не пуст, не закрыт!

Два глаза, два уха бог создал, — заметь, —
Сей мир и грядущий и слушать и зреть.

Даровано людям и по две руки, —
Два мира в объятья свои завлеку!

3660 Дал людям всевышний и по две ноги,
Чтоб им в оба мира направить шаги.

Прекрасно сказал муж премудрый и славный,
Достойный, прославленный мощью державной:

«О ты, кому дар разумения ведом,
Будь зорок — смотри, не случится бы бедам!»

Обоим мирам бог и жизнь дал и строй,
Сей мир ты обрел — путь держи во второй!

Предрек человеку всеильный господь
Быть жаждущим и насыщающим плоть.

Ему и одежда нужна и еда,
О брат, в этом — жизнь, ее суть и нужда.

Живому, мой друг, без пожитков не жить:
И тело прикрой, и утробу насыть!

А если случится законный доход,
Дай долю и бедным — пусть им отойдет.

Не ведать бы людям вещей и еды!
Увы, не прожить им без этой нужды.

Страшись божьей кары, но к богу взывай,
На милость господню всегда уповай.

3670 И эти две думы — твой долг, не забудь,
Не сбейся с пути, знай смирения путь!

Премудрый прекрасно поведал об этом,
Невеждам слова его служат заветом:

«Боязнь и надежда — два верных крыла,
Держись их — благи твои будут дела.

Господним веленьям внимай, божий раб,
Взлетишь в небеса ты, не ведая зла!»

Надежда и страх — два крыла, их полет
Любого в высоты небес вознесет.

Надейся, не бойся, что много грешил,
Вложи в услужение богу весь пыл.

Служи, божий раб, в этом — должность раба,
Рабу его служба должна быть любя!

Веленьям внимай, перед ними смиришь,
В смиренье к высотам дано вознестись.

Ты нищ перед богом, смиренью будь рад
И помни: бедняк лишь грехами богат.

И, помня, что ты хуже всех из людей,
Всем людям добром, добрым словом радей!

3680 Вот, всё я сказал, что я знаю об этом,
Во благо себе следуй этим советам.

А если не примешь ты сказанных слов,
Ответь мне, достойный, я слушать готов.

А то ведь пространная речь бесполезна,
Она, если слов не пресечь, бесполезна!»

ОТВЕТ ОДГУРМЫША ОГДЮЛЬМИШУ

Задумался тут Одгурмыш тяжело,
И вновь обратил он к пришельцу чело.

«О брат,— он сказал,— нелегко мне, не скрою.
Как истинный брат говорил ты со мною.

Полна твоя речь добрых дум и тревог,
За добрые чувства воздаст тебе бог!

И всё ж, как помыслию об этом я деле,
Не вижу в нем, доблестный, правой я цели.

Что сердцу претит, от того оно — прочь:
Опасно всё то, до чего не охоч.

И сказано мужем, разумно судившим,
Любимый людьми, был он чуток к любившим:

«Когда ты заботой о деле томим,
Сперва посоветуйся с сердцем своим.

3690 Все замыслы-думы с людьми обсуди,
Но сердце силком за собой не веди.

Ты сам себе ближе всех прочих людей:
Что сердцу не любо, о том не радей!

Свершая немилые сердцу дела,
Добьешься. о славный, не блага, а зла!»

Нет к этим делам в моем сердце любви,
Оставим и речь о них, — милость яви.

Прости меня, доблестный, волею братней,
Покинь меня, здесь мне остаться приятней!

Для службы элику лишен я даров,
Ни делом, ни словом служить не готов.

От мира бежав, здесь живу я — в пустыне,
Зачем же назад возвращаться мне ныне?

Обетом я связан, служу я творцу,
И людям служить мне теперь не к лицу!

Позволь мне служить всеблагому не всеу,
Пред ним и мольбу за тебя вознесу я.

А будет нужда, чтобы свидеться нам,
Ко мне не езжай, я найду тебя сам.

3700 Мне — тяжкий удел, тебе — добрая доля,
Элику служи, его подданных холя.

Внемли, что сказал добродетельный муж,
Приближенный к службе радетельной муж:

«Печалишься сердцем о благе людей —
Желанное близко, — бери и владей!

Кто с честным желаньем намерен идти,
Тот счастье найдет, не устав от пути.

Когда человека желанье влечет,
Отыщет он всё, и усталость — не в счет!»

Муж, всеми любимый, сказал очень складно,
За верность была его слава изрядна:

«Всё близкое сердцу не ведает дали:
Что близко, то в сердце живет не всегда ли?»

Восток и к далекому западу близок,
Когда близкой верностью сил вам придали!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ОДГУРМЫШУ

«Я выслушал всё,— отвечал Огдюльмиш,—
Теперь и ты тоже ответ мой услышь!

Как хочешь, тебя я неволить не стану,
О брат мой, не надо таить в сердце рану.

3710 Я смолк, что ж, живи, тишь и благость храня,
Ответ дай письмом, не позорь ты меня!

Письмо тебе было рукою элика,
И, раз ты не едешь, ответ напиши-ка!

Готов от тебя взять ответ я теперь,
Обдумай слова, силу слов соразмерь.

Пиши же письмо, ничего не забудь,
О мудрый, к элику держу я свой путь!»

44

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ,
КАК ОДГУРМЫШ НАПИСАЛ И ОТПРАВИЛ ПИСЬМО ЭЛИКУ

В ответ произнес Одгурмыш: «О мудрец,
Письмо напишу я, и — делу конец».

Спросил он бумагу, калям и чернил
И тут же начало письму положил.

Сначала сказал он о божестве всеобщем,
Всё в мире создавшем, взрастившем, ведущем.

«Хвалам моим богу неведом и счет —
Вовеки, на долгие годы вперед.

Он землю и небо и солнце с луной —
Всё создал,— свет солнца и сумрак ночной.

И создал он тварей земных без числа,
И всем воля господина пищу дала.

3720 Един, создал он двух миров вещество,
Не выразить счетом единство его!

Един он и сущ, вездесущ, но безлик,
Не тщись в своем сердце держать его лик.

Един и могущ он — велик и высок,
Стоит надо всем, чему имя нарек.

Всех создал он — сонмы подвластных своих,
И он осенил милосердием их.

Во тьму был одет сего мира чертог —
Он волей своею в нем солнце возжег.

Вверху сотворил голубую он высь,
И солнце с луной там, и звезды зажглись.

Над бурой землею и светлой водой
Вверху — чистый ветер и жар огневой.

И создал он всё — сушь и водь, жар и зной,
Всего дал и всем — всей округе земной.

И всем он воздать по желаниям смог,
Всё создал один он, не зная подмог.

Всё в воле его — лени выказать честь,
А рвенье притворное вредным почесть.

3730 Исполнится всё, если скажет он «Будь!» —
И воли его никому не минуть.

Посланнику тысячи тысяч похвал,—
Ведя нас, он всем правый путь указал.

С мольбой об элике пишу я ответ,
Здоров будь, о мудрый, не ведая бед!

Письмом своим честь оказал мне элик,
Прочел его я — свет блаженства постиг.

Наказам и добрым советам я рад,
Слова их добрей самых высших наград.

И славен властителем данный обет,
Что буду почтен я, и сыт и одет.

Любой, кто вкусит от таких же щедрот,
С великой охотой весь мир обойдет.

И если, еще не служив, я почтен,
Ужель не ценить мне сих добрых времен!

Но есть в этом знак и недобрых примет:
Пойти к тебе — беды накликать вослед.

Во-первых, в служенье неопытен я,
Не в радость тебе будет служба моя.

3740 Законы-обычаи слуг мне чужды,
Дурны у неопытных слуг и труды!

Второе: я знаю, что мир сей жесток,
От козней его сам впаду я в порок.

Доверившись богу, я веру блюду,
И бог да не даст мне изведать беду.

Для глотки всё есть у меня и для плеч,
А что же еще мне из скарба беречь!

Одежда для плеч и для глотки еда
В достатке даны мне от бога всегда.

Он создал меня и донине берег,
И впредь, о владыка, поможет мне бог.

Тебе бог послал твою долю даров,—
Ужели ко мне он пребудет суров?

Богатство и бедность, и радость и гнет —
Приемлю я всё, что господь мне дает.

В господних вратах послушанью я рад,
Всем людям прийти бы под сень этих врат!

А если к твоим я отправлюсь вратам,
Каким добрым помыслам жизнь я отдам?

3750 У господя оба рабы мы с тобой,
И в рабстве — единой судьбы мы с тобой!

Слугой у раба быть негоже рабу:
Позор, если раб служит тоже рабу!

Когда в человеке есть ревностный пыл,
Он богу служить изо всех должен сил.

Прекрасно сказал муж чистейшей души,
О мудрый, себе эту мудрость внуши:

«Ни сытым не надо служить, ни голодным,
Зачем ты влечешься к послугам бесплодным?»

Лишь богу служи днем и ночью, бесменно,
У врат его стой, будь ему лишь угодным!»

Внемли четверем моим просьбам, элик,
С покорной мольбою к тебе я приник:

Бессмертье мне дай, вечных лет благодать,
Дай вечно быть юным, старенья не знать,

Здоровье мне дай, прочь все хвори гоня,
И сделай богатым, не бедным меня!

Исполнишь — к твоим припаду я стопам
И всю мою жизнь тебе в жертву отдам!

3760 И если мольбу ты исполнишь мою,
Я — раб твой, элик, — тебе руку даю.

А если не властен ты мне порадеть,
То чем же сильнее меня ты? — ответь!

Что съесть, что надеть — я не знаю забот:
В чем будет нужда — всё господь мне пошлет.

От бога — и славный, и жалкий удел,
И жизнь он дарует и смертный предел.

Кто чтит эту истину — мудр и велик,
А есть ли иное, владыка владык?

Хранит меня только всевышний господь,
И ты себя этой нуждой не заботь!

Служа тебе, должен тебя я беречь,
Здесь — бог бережет меня, — вот моя речь!

Пока ты не сыт, мне еды не иметь,
А бог сам не ест, но дарует мне снедь.

Не надо просить мне о бедах моих:
Я рта не раскрою — он знает о них.

Без стражи живу я, без поводыря,
Ничей меня гнет не обидит зазря.

3770 Ты мне не простишь ни одной из обид,
А бог мне и тысячи вин извинит.

Услышь согрешившего верную речь,
Заветную тайну сумел он изречь:

«О добрый господь мой, ты — мой господин,
Лишь ты надо мною владыка — один!

Лишь ты мне надежда в юдоли скорбей,
Бездольным опора — в поддержке твоей.

Ты — помощь в недугах, услада от мук,
Опора в беде, в одиночестве — друг.

И всё, чему рад я, чем тешусь, любя,
Всё это, всевышний, — дары от тебя.

Я грешен безмерно, господь, пред тобой,
Но есть твоя милость на грех мой любой.

Прости, ведь не трудно тебе, ты могуч,
Что пользы карать меня мукой? Не мучь!

Я грешен, а ты милосердьем велик,
Тебе подобает щадить горемык!

Накажешь — достоин я кар, — удостой!
Простишь — так прости, — ты велик добротой.

3780 Ты знаешь, что мне только ты — господин,
Я знаю: ты понял, ведь ты всеедин!

Греховен, влачусь я в пороках, скорбя,
Ты — добрый, и вся доброта — от тебя!

Правдив я, — возьми мою душу в залог,
Закладов иных я, увы, не сберег!»

Сей мир быстротечен и краток, элик,
И жизнь, лишь начавшись, кончается вмиг.

Зачем мучить думой пустою себя,
К чему обольщать суетою себя?

Глядишь, все отходят — отец, сыновья,
И братья, и мать, и родня, и семья!

Все смертные смертны, и каждый, кто жив,
Поляжет в свой час, тело в землю сложив.

Беспечен не будь, стань радивым, элик,
И будешь по смерти ты славой велик.

И если ты зря прожил прошлые дни,
Хоть будущих дней суетой не черни.

Возьми лишь что нужно из прожитых дней
И к будущим дням подготовься верней.

3790 И я как помыслю и в толк всё возьму,
Мне ехать отсюда к тебе — ни к чему!

Всем сердцем отверг я жестокий сей мир,
И, верен творцу, я спокоен и сир.

Дал жить бы элик мне в затворе моем —
И здесь вознесу я молитвы о нем.

Чем я пригожусь тебе — пользой какой?
Будь сам себе нужен, — совет тебе мой!

Будь ты, как и я, от людей в стороне,
Они и тебе не во благо и мне.

Я здесь доживу дни оставшихся лет —
В отраду творцу свой исполню обет.

Мне хватит всего, а иное — тщета,
И жалок сей мир, его суть — пустота.

Проносится жизнь, словно вихрь-ураган,
Прозрел я, и жаром скорбей обуян.

Утробою сыт я, и телом — одет,
А мир — пусть он сгинет, в нем доброго нет!

Сказал некий муж, что одет был и сыт:
«Кто всем обеспечен, тот беком глядит».

3800 И ладно сказал муж, судьбою довольный,
Обретший в довольстве дар жизни привольной:

«Накормлен я тем, что дарует сей свет,
И чем ни одет я, а всё же одет.

Пока буду жив — пропитанье найду:
Поможет господь, если нужного нет!»

Элик меня кличет для службы при нем,
Но знаньями слаб я, и плох я умом.

Он думает — я буду годен для дел,
Негож я и всё — тут и слову предел!

А речь о делах — я в делах слабоват,
За тысячу слуг тебе служит мой брат.

А хочешь, элик, мне хвалу вознести,
Так сам будь хорош и себя предпочти.

За тысячей добрых забот не гонись,
К единой стезе свое рвенье приблизь.

Ведь тысячи тех, кто во славе велик,
Собрал при себе для служенья элик.

Элику какой от меня будет прок?
А делал без пользы — ничем не помог.

3810 Меня не неволить прошу я тебя,
Оставь меня здесь, обо мне не скорбя.

О многом поведать тебе я был рад,
А всё остальное расскажет мой брат!»

И тут же конец положил он письму,
И брату он отдал письмо своему.

«Вот, всё,— он сказал,— я не скрыл ничего,—
Ты знаешь, мой друг, суть письма моего.

Да внемлет элик,— все слова свои взвесь,
И пусть он позволит остаться мне здесь.

Ведь носят послы и ответную весть,
И ты должен тоже ответ мой отвезть.

Внемли, Уч-Ордынский властитель изрек,
Он это сказал всему миру в урок:

«Посол не собьется — тогда он пригож:
Он истину слов передаст, а не ложь!»

Мысль тюркского хана отлична была:
«Посланник правдив — не сбивайте посла!»

И ведай: бессмертен правдивый посол,
Что речь по наказу пославшего вел.

3820 Послу быть посредником слова дано:
Его передаст он — бессмертно оно!

И если посол всё, как есть, передал,
Ему не жалея ни наград, ни похвал!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ОГГУРМЫШУ

«Ты слово сказал,— отвечал Огдюльмиш,—
И внял я всему, что ты мне говоришь.

В ответ на письмо написал ты и сам,
Давай мне письмо, я его передам.

Но, брат, я скажу о сомненье моем:
Властитель не даст тебе быть не при нем.

Стал мир, словно в уголь, во тьму погружен,
Смежились глаза — тишь повсюду и сон.

Велев постелить себе, лег Огдюльмиш,
Поспал и стряхнул с себя сонную тишь.

3840 С востока палящее пламя взошло,
Как будто невеста открыла чело.

Сверкающий солнце воздвигнуло щит,
Чело всей вселенной, как жемчуг, блестит.

И утром пошел во дворец он из дома
И там попросил у элика приема.

вопрос элика к огдюльмишу

«Ну как Одгурмыш там? — элик произнес,—
Поведай мне всё, отвечай на вопрос.

О чем речь он вел, много ль терпит невзгод,
О чем помышляет, с кем дружбу ведет?»

Письмо Огдюльмиш дал, послушен приказу,
Элик развернул и прочел его сразу.

Зардел его лик, но потом, просветлен,
Вздыхнул и глубоко задумался он.

«Да,— молвил он,— брат твой в словах ядовит:
Я — с шелком к нему, он — шипами язвит.

Но нету вины за правдивое слово,
Ведь слово правдиво, а правда сурова!

А устно что молвил он — речью какой?
Что слышать пришлось тебе, всё мне открой!»

ответ огдюльмиша элику

3850 Элику словами дополнил он весть,
Всю правду поведал ему — всю как есть.

«О, мы,— он сказал,— говорили о многом,—
То брат мой, то я — в рассуждении строгом.

Я долго вел речь, отвечал он короче,
Настаивал я — он смежал свои очи.

И что я ни делал — всё было не впрок,
И смолк я, а он был по-прежнему строг.

И речи его все ты слышал, владыка,
Мудра его мысль, разуменье — велико.

Да, если уж сердце тоскует, томясь,
Во всем человеке беда завелась.

И складен стих мужа, что смелым прослыл:
„Расстроено сердце — всё тело без сил!

Главенствует сердце над членами тела,
Вослед за главой слуги следуют смело.

Желаешь чего-либо — сердце упрочь,
Не то тебе в тяготах будет невмочь!“»

ОТВЕТ ЭЛИКА ОГДЮЛЬМИШУ

«О, да,— отвечал Огдюльмишу элик,—
Твой брат человеческою сутью велик.

3860 Не слышать бы мне его слово и слог,
Не знать бы, сколь он совершенством высок!

Но слышал я всё, и — в душе он моей,
Будь верен мне, просьбу исполнить сумей:

Да будет при мне он,— ты дело уладь,
Негоже веленьям моим не внимать!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

В ответ Огдюльмиш произнес: «О элик,
Ты, избранный, сутью и властью велик.

Я брату сказал, завершая беседу:
Элик повелит мне — я снова приеду.

Тебя не оставит он жить среди скал,
С почтеньем, но я ему это сказал.

«Не ездй за мною, помилуй,— просил он,—
Уволь, не нуди меня силой!» — просил он!»

ОТВЕТ ЭЛИКА ОГДЮЛЬМИШУ

«Я это,— промолвил элик,— понял тоже,
Но всё это бред,— заблуждаться негоже.

Да что ж это будет: задумаешь дело,
Мечтаешь — а тут неудача приспела!

Властительным быть властелину легко ли,
Когда не покорны властительной воле!

3870 Приметы величья правителя в деле —
Достигнуть удачи в желаемой цели.

Когда сердце хочет, а в деле помеха,
Лекарство одно лишь — добиться успеха.

А эта мечта моя — словно недуг:
Не будет леченья — умру я от мук!

Послушай и твердо усвой этот стих,
Пойми, мой желанный, суть мыслей благих:

„Лечиться лекарством всем хворым полезно,
Иным — пособить заговором полезно.“

А сердцу, в мечтах о желанном больному,
Помочь их свершением скорым полезно!“»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

И вновь речь повел Огдюльмиш: «Досточтимый!
Не сыщешь ты болести неисцелимой.

Да будет элик вечно жив и здоров,
Твой раб жизнь отдать за владыку готов!

Я речь свою вел в исполнение долга,
Нет пользы о горе печалиться долго.

О том же гласят и слова мудреца:
«Веди осторожно всю речь до конца!

3880 Но есть и в молчании польза и прок,
Язык на меня много бедствий навлек.

Не сказано слово — оно тебе раб,
А скажешь — ты пленник его цепких лап.

Без спешки подумай, словам веди счет,
Поспешность к раскаяньям поздним ведет!»

Не знал я, что доблестный муж Одгурмыш
К тебе не поедет, когда ты велишь.

Элик его ждет, ну а я и стократ,
Его доброй помощи я буду рад.

Мечтаю, что мы вместе с доблестным мужем
Элику единую службу сослужим.

Но сколько ни тшился поладить я с ним,
Противился он уговорам моим.

А снова идти — что ж, пойду я к нему,
Скажу всё, что нужно, — быть может, пройму!

Но ты и письмо напиши ему вновь:
Так будет вернее, письмо приготовь!»

ОТВЕТ ЭЛИКА ОГДЮЛЬМИШУ

Элик отвечал: «Ты письмо уже сvez,
А вышел ответ на него — горше слез!

3890 Зачем же тебе я письмо еще дам?
Довольно того, что поедешь ты сам!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

Сказал Огдюльмиш: «О властитель, внемли,
Ты всё же письмо ему лучше пошли.

Посол как бы ни был и прям и правдив,
А всё ж без письма будет тщетен призыв.

Письмо — от знакомого знак и привет,—
Где есть подтвержденье, там хитростей нет!»

ОТВЕТ ЭЛИКА ОГДЮЛЬМИШУ

«Что ж,— молвил элик,— я на просьбу твою
Ему напишу — на своем постою.

Письмо-то письмом, но, смотри, от письма
Успеха не жди, муж благого ума!

Что нужно сказать, всё скажи ему въявь,
Ко мне призови, привези и доставь!»

45

повествуется о том, как элик кюнтогды
отправил второе письмо одгурмышу

Бумаги себе испросив и чернил,
Элик взял калям и к письму приступил.

И с имени господа начал он слово —
Творца и зиждителя сил всеблагого:

«Всемощному тысячекратна хвала,
Чья воля превыше и правды и зла.

3900 Ни с чем не слиян, былъ он плоти лишит,
А небыли — плоть он дарует и вид.

Будь сердцем и разумом с вечно единым,
Смирись перед богом — твоим господином.

Он вмиг воплотит ему нужную суть,
И явится всё, чему скажет он: «Будь!»

Он дар бытия дал живущим, и всем
Он смерть ниспослал наравне с бытием.

Хвала и хула — у него под началом,
Главенствует он над великим и малым.

Знать думы господни уму не дано,
Веленья пресечь — никому не дано.

Да славится тысячекратно пророк,
С ведущим к добру да сведет меня бог!

И верным друзьям его всем — восхваленья,
Господь, дай мне с ними пребыть в единенье!

И много похвал в самой первой мольбе,
О славный мудрец, возношу я тебе.

Всем сердцем пишу я посланье мое,
Скажи, как, о мудрый, житье да бытье?

3910 Тебе через брата я шлю эти вести,
Хочу, чтобы здесь был со мною ты вместе.

Не любо тебе, видно, ехать сюда —
Увидеть мой лик, быть со мною всегда.

И то, что ты сам написал мне в ответ,
Твой брат мне дополнил во время бесед.

Письмо я прочел, твоему внял я слову,
Внемли неуклонно и ты сему зову.

Я слово сказал тебе — слаще услад,
А ты мне в ответ дал испить горький яд!

Теперь и меня ты послушай опять,
Старайся, достойный, всё в толк себе взять.

Подвижником веры ты стал среди гор
И праведным мужем слывешь ты с тех пор.

Об этом — о праведной славе твоей
Великая ходит молва у людей.

Во славу себе ты свершаешь обет,
Смотри, не подействуй себе же во вред!

Когда покаянье — толпе напоказ,
Вся высшая суть его рушится враз.

3920 Держать нужно в тайне служенье творцу,
Его выставлять напоказ — не к лицу!

Возлюбленных слуг своих бог бережет,
Не должен судить их деянья народ!

Не ведает раб божий сам своих нужд,
И кто может знать — люб он богу иль чужд?

Сюда езжай, к людям, живи среди них,
Смешайся с народом, безвестен и тих.

Довольствуйся малым — чем сыт каждый день,
Голодных насыть и нагих приодень.

Дозволенным сытый, муж добрых примет
В обоих мирах будет сыт и одет.

О ты, не хотящий приехать, внемли,
Что мудрого мужа уста изрекли:

«Добром, коим доброго день одарит,
В обоих мирах и одет он и сыт.

А то, что скопил ты сверх пищи дневной,
Тяжелой обузой тебя истомит!»

Господним рабам, о мудрец, послужи,
Радетельны к людям благие мужи!

3930 Ты здесь правоверным, при мне, порадей,
Зову тебя, праведник, волей моей!

Здесь людям полезен будь в горестях их,
Не служащий людям — мертвец средь живых!

Не тот — человек, кто себя лишь блюдет,
А тот, кто о людях исполнен забот.

Не в том, чтобы вещи копить, благодать,
А в том, чтобы душу за ближних отдать.

И добрый — не тот, кто избрал тихий кров,
А тот, кто — с людьми и помочь им готов.

Скажи мне — что люди зовут добротой?
Ответом, о мудрый, меня удостой!

Все добрым зовут мужа высших примет —
Того, кто людей исцеляет от бед.

Внемли мне, премудрый и доблестный муж,
Пойми мою речь, зрелый ум обнаружь.

И если верны мои речи, тогда
Гордыню смири и — скорее сюда!

Досадливы речи из долгих словес,
Разумный слова свои тратит в обрез.

3940 Довольно словес, не тяни свою речь,
Рассудку, сознанию, уму не перечь!

И если сказали не всё мои речи,
Твой родич тебе всё доскажет при встрече!»

И, кончив писать, свой калям он омыл,
Письмо завязал, осушив от чернил.

Клеймо приложил он к посланью — печать,
И стал Огдюльмишу письмо он вручать.

Элик наставлял: «Отвези эту весть
И устно скажи, Огдюльмиш, всё как есть.

Используй, как сможешь, умелость свою —
Вели ему ехать к людскому жилью.

Пусть скажет он всё о желаньях своих:
Сюда он приедет — исполню я их!»

И «Ладно!» сказал Огдюльмиш, и домой
Приехал сей доблестный той же порой.

Вошел он, уселся, поел и попил
И лег отдохнуть в подкрепление сил.

Румийская дева сокрыла чело,
Весь мир эфиопскую тьмой облекло.

3950 Орлиная тьма небеса облегла,
Взъерошен весь мир, словно перья орла.

Велев постелить, с трудной думой он лег,
С заботой — что скажет он брату в урок.

Немного поспал и проснулся он вдруг,
Ночь угольной тьмою чернела вокруг.

И встал он, уснуть ему было невмочь,
И черный свой полог раздвинула ночь.

И солнце взметнуло лучей перелив,
Жемчужной улыбкой весь мир озарив.

Умывшись, в мольбе преклонился он ниц,
И, встав, он молитву шептал, яснолиц.

Слуге повелел оседлать он коня
И выехал в путь, радость в сердце храня.

И спешился он, не доехав чуть-чуть,
И, пеший, молясь, продолжал он свой путь.

Пришел и лишь к двери притронулся он —
Открыл ему брат, прерывая поклон.

И дверь он открыл, преступая порог,—
Здороваясь, гостя к себе он привлек.

3960 И в дом Одгурмыша вошли они вместе,
Обласкан был гость и посажен по чести.

вопрос одгурмыша к огдюльмишу

Спросил он: «Зачем ты тревожился, брат,
И что привело тебя снова назад?»

Ты слышал мое непреклонное слово,—
Сам мучась, меня ты неволишь сурово!

Внемли, речь разумного мужа мудра,
Он ведал различие зла и добра:

„Разумному надо лишь раз посмотреть,
Ему только молви — всё знает он впредь.

Чтоб ведать, чем разнятся золото и медь,
Их следует камнем лишь раз потерять!“»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ОДГУРМЫШУ

«Мне, брат,— отвечал Огдюльмиш,— тебя жаль,
Не мучь свое сердце, меня не печаль!

Слуга повеленьям властителя рад,
Он сразу же сделает всё, что велят.

Посланье твое я властителю свез,
И суть твоих слов до него я донес.

И он тебе тоже послание шлет».
И отдал ему он письмо — на, мол, вот!

ВОПРОС ОДГУРМЫША К ОГДЮЛЬМИШУ

3970 И взял то письмо Одгурмыш и, смущен,
Прочел его с крепкою думою он.

«О брат,— он сказал,— в чем же суть и причина,
Что гневно письмо твоего властелина?»

46

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ВТОРОЙ БЕСЕДЕ ОГДЮЛЬМИША
С ОДГУРМЫШЕМ

Ему отвечая, сказал Огдюльмиш:
«О брат мой, пойми мое слово, услышь!

Поверь, лишь добра тебе хочет элик,
И он в доброте своей щедр и велик.

Конечно, ты здесь служишь ревностно вере,
Благие тебе да отверзнутся двери!

Но доброе дело — жить вместе с людьми,
Тебе говорил я об этом,— пойми!

И счастье мирское — не зло, не порок,
Обретший его будет славой высок.

Ты праведен, предан ты жизни грядущей,
Сей путь — и к добру и ко благу ведуший.

Но злом не зови ты и блага земли,—
Ешь сам, людям дай, их чело просветли!

И ладно сказал доброй щедрости муж,
Усвой сей завет и его не нарушь:

3980 «Богатство — к деяньям добра проводник,
Любую болезнь оно вылечит вмиг.

Обретший достаток — учен и умен:
Великие блага добыл себе он.

Все цели доступны тому, кто богат,
Он к небу взнесется, не зная преград.

Паломником хочешь быть — нужен доход,
И к воинским почестям он же ведет.

Тому, кто достатка добыть не сумел,
Вовеки не ведать и доблестных дел!»

И что же забыл ты про истину эту,
Не внемлешь рассудка благому совету?

И можно ли верить в столь жалкий обет:
Обетом гордишься, а нищ и раздет!

Обращаешь ли бога смиренной тщетой?
Нет, путь покаяния — путь непростой!

И тысячи верно служивших обетом
На смертном одре забывали об этом!

А тысячи грешных, не знавших служенья,
В миг смерти познали благое смиренья.

3990 Я знаю, что любо творцу моему,—
Мольба покаянья любезна ему!

А если об этом понятия нет,
То что же тогда настоящий обет!

А ежели так, надлежит покаянье
Вести до конца,— вот мои пожеланья.

О сказанном слове твой суд — впереди,
В чем прав я, в чем — нет,— обо всем рассуди.

И ежели прав я в реченьях моих,
Последуй им, муж помышлений благих!

Смири свое сердце и, чуждый гордыни,
С людьми, тих и скромн, свяжи себя ныне».

ответ одгурмыша огдюльмишу

Ему отвечал Одгурмыш: «Слушай, брат,
Печалишь меня ты, льешь в пищу мне яд.

Допустим, я слову бы внял твоему,
Поехал к элику, служил бы ему.

Служить — значит ведать закон и обычай,
И делом и словом держаться приличий.

Входя и садясь, ничего не нарушь,—
Измучится службы не знающий муж!

4000 Внемли, что служенье познавший изрек,
Он знаньем и опытом всё превозмог:

«Когда при владыках ты службу несешь,
Будь сердцем и словом правдив и хорош.

Законы и правила службы познай,
Познаешь их — будешь для службы пригож!»

Далек от людей, я давно их оставил,
Ни делом, ни словом не ведаю правил.

И как стану беку служить я теперь?
О нет, для меня заперта эта дверь!

Зачем же меня он неволит сурово?
Властителю ты передай это слово!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ОДГУРМЫШУ

«Негож,— отвечал Огдюльмиш,— твой ответ,
О муж справедливый, в нем истины нет!

Властитель простит тебе всё с добротой:
Сесть хочешь — садись, а стоять хочешь —
стой!»

ОТВЕТ ОДГУРМЫША ОГДЮЛЬМИШУ

«О, нет,— отвечал Одгурмыш,— это слово
Негоже, о муж совершенства благого!

Тебе или мне, иль иному дано ли
Без правил всё делать по собственной воле?

4010 Нет, править страной, дать народам уклад —
То бекам дано, чтобы в мире был лад.

Устройство правления — дело владык,
Народ подчиняться законам привык.

Затем и дарована сила владыкам:
Им править дано в разуменье великом!

И ладно сказал всего мира властитель,
Народов разумный и мудрый правитель:

„Иметь нужно ум для властительных дел,
Народами правящий должен быть смел.

При этом должны быть и слуги добры —
Служеньем закону-укладу мудры.

Тогда и властитель величьем силен,
И недругов всех покорит себе он!

И если мы чтим и закон и уклад,
Годится ли в ладность вносить нам разлад!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ОДГУРМЫШУ

«О брат,— отвечал Огдюльмиш,— что за речь?
Еда не трудна — стоит только налечь!

Закон и порядок я знаю, поверь,
Подумай о том, что скажу я теперь.

4020 Не зная чего-либо, можно учиться:
Обучишься — всё, что захочешь, свершится!

Об этом и муж, много знавший, сказал,
Не внявший словам его — разумом вял:

„Никто еще не был рожден мудрецом,
И разум и слово приходят потом.

Изучишь дела — станешь в них знатоком,
Кто знанья достиг, тот и с делом знаком!“ »

ОТВЕТ ОДГУРМЫША ОГДЮЛЬМИШУ

«Мысль эта,— сказал Одгурмыш ему,—
Тебе это любо, а мне нежеланно!
странна,—

Вот ты меня мучишь теперь этим зовом,
А в чем твоя служба,— поведай мне словом

Пойму или нет, но я слушать готов,
Хотел бы постигнуть я суть твоих слов.

О сути закона поведай мне мысли,
Порядки обычаев мне перечисли!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ОДГУРМЫШУ

Ему отвечал Огдюльмиш речью внятной:
«Ты верно ответил мне, о благодатный!

Был путь твой от разума очень далек,
Но ты себя к истине ныне повлек.

4030 Я всё расскажу, и да внемлет твой разум,
Все узы-узлы развяжу я рассказом.

И если ты хочешь понять мою речь,
Не надобно лишних словес, не перечь!»

47

ОГДЮЛЬМИШ РАССКАЗЫВАЕТ ОДГУРМЫШУ
О ЗАКОНАХ И ПРАВИЛАХ СЛУЖЕНИЯ БЕКАМ

Есть два рода тех, кто служенье несет,
Влача день за днем груз забот и хлопот.

Один служит, с юности занятый делом,
Другой службе учится в возрасте зрелом.

Из этих двоих предпочтительней тот,
Кто с юности сердцем в служенье вращет.

Я всё расскажу, и да будет началом
Рассказ о служении в возрасте малом.

Начнешь с середины — конец будет худ,
А в том, что негоже, недуги живут.

Желаешь быть зрелым — пусть речь будет
Прямым хочешь быть — с прямоюю всё делай!
зрелой,

Кто хочет открыть услуженья врата,
Начать его в малые должен лета.

Он должен познать суть закона-уклада —
Входить-выходить благодравно, как надо.

4040 С утра себя к делу послуг обратив,
Он должен быть скромн, прилежен, учтив.

В делах должен быть он и скорым и спорым —
Радивым и быстрым и слухом и взором.

А если при старших ты службу несешь,
Язык придержи да и слово устрожь.

А если сей малый прилежен к заботам,
Он будет и беком приближен с почетом.

И к беку входить ему дарится честь —
И выразить мнение, и просьбу принести.

Юнцу, что достиг сих высоких ступеней,
Властитель сам выберет путь услужений.

Служитель, смысленный в ведении дел,
В приеме просителей будет умел.

Отважного должно в стрелки назначать,
Правдивому можно доверить печать.

Кто праведен нравом и ликом пригож,
Для дела хранения напитков хорош.

Казну вверх тому, кто письмо знает, счет,
Разумный — для дел писарских подойдет.

4050 Все слуги, когда им посилен их труд,
Боязненно, ревностно службу несут.

Внемли, что сказал муж, служение знавший,
Желанное службою верной снискавший:

«При беке себя благородно веди,
Боязненно стой и с опаской гляди.

Смирненным, опасливым, собранным будь
И, сердцем правдив, в речи меру блюди!»

Служеньем любое деянье свершится,
Служеньем дано с добрым другом сдружиться.

Добра себе хочешь — о службе радей,
Служи — и чело твое станет светлей.

При беке знай службу и взором и слухом:
Потупь очи долу и чуток будь ухом.

Ногами стой прямо, а руки сложи
И левую руку на правой держи.

Ступай прежде правой ногой у порога,
Внимай повеленьям прилежно и строго.

С прошеньем пришел — на колени пади,
Будь благостен, руки держи у груди.

4060 Ни вправо, ни влево не глянь ненароком,
Веления слушай в смиренье глубококом.

Позволят сказать тебе — правду ответь,
Всё в точности сделай, что будут велеть.

Не пей, не бездельничай, будь к себе строже,
Беги от всего, что порочно, негоже.

О слышанном — будто не слышал, молчи,
Что видел — таить свой язык приучи.

Кто служит с уменьем, тот годен для дела,
И счастлив он будет во всем без предела.

Один из таких станет войску главой,
Другой — поведет конный строй боевой.

Кто — годен в хаджибы, кто — войско
возглавит,
Иные себя и в науках прославят.

Достигший служеньем столь славных высот
Удачу в желанном и славу найдет.

Один в разуменье проявит отличья,
Другой прилежаньем добьется величья.

Один — при владыке наперсник и друг,
Другой славен доблестью ратных заслуг.

4070 Ябгу ли кто станет, югрушем, эльбеком,
Снискавшим почет будет он человеком.

А если слуга станет славой богат,
Превыше того не бывает наград.

И ежели бек слуг возносит с почетом,
От них ему мзда — по его же щедротам.

Где слуги в почете, там польза верна,
И беку в желанном удача дана.

А если негожие будут в почете,
Немало вы бедствий от них обретете.

И мудрому мужу слова удались:
«Негожего мужа, смотри; не возвысь!»

Еще лучше мудрость такой вот науки:
«Подальше держи от невежд свои руки!»

Неумным и знанье не в пользу идет:
Невежды-глупцы развращают народ.

Когда бек радеет неумным смутьянам,
Он сам прежде всех спознается с изъяном.

Где бек дарит глупым соратникам власть,
Одна у него только участь — пропасть.

4080 И следует беку радеть своим слугам —
По разуму их, по делам и заслугам.

Слугу испытай, его нрав изучи
И только потом — по уму — отличи.

А бека — любить, ему верным быть надо,
Тогда от него тебе будет награда.

Внемли, что сказал бек, ценивший закон,
Законным обычаем властвовал он:

«Слуга есть слуга, сколь бы ни был ценим,
И служит он беку, что властен над ним.

А бек, как ни мал он, а всё же он — бек,
И слуг своих выше он славой навек!

О ты, кому беками слава дана,
Чти их со смиреньем во все времена.

И с беками силой тягаться не вздумай,
Сверяй свою речь с рассудительной думой.

Им послано счастье безмерных высот,
Они — что огонь, и тебя он сожжет!

Они — воплощение и сущность судьбы,
И рады их власти должны быть рабы!»

4090 И ладно сказал очень опытный муж,
Вознесшийся службой безропотной муж:

«Когда тебя беки приветят с доверьем,
Не льстись их приветом, будь зорок, не верь им.

И службой не льстись, не кичись и не чванься,
Тебе не простятся обман с лицемерьем!»

Велик ли он, мал или славой покрыт,
Слуга при служенье всегда состоит.

В служении бекам прилежность большая
Поможет путь службы пройти, не плошая.

И как тебя бек ни возвысил, ты сам
Держи себя строго, будь честен и прям.

Как беки ни ласковы, будь боязливым,
Ведь ты им не равен, — будь зорким, сметливым.

Их речь то огнем жжет, то влагой журчит,
То будешь смеяться, то плакать навзрыд.

Три вещи опасны, не будь им соседом:
Огонь и вода приведут тебя к бедам.

К тому же повадками бек — словно лев:
Погладишь — что шелк, и сидит, присмирив.

4100 А станешь дразнить — и простишься с головою,
Упьется он кровью твоею живою.

Когда бек во гневе — подальше держись,
А раз подошел — тут уже не спасись.

Ответь, когда спросят, входи лишь по зову, —
Почтен, будешь жить подобру-поздорову.

Что слышал — таи, будто глух ты совсем,
О виденном тоже молчи, словно нем.

Послушай, что сказано бдительным мужем,
Опасливым и осмотрительным мужем:

«Войти повелят — это честь и почет,
Уйти повелят — значит, гнев тебя ждет.

Будь зорек и вдумчив, собою владей,—
В степенстве — величья и славы оплот!»

Трех зол сторонись, не пятнай себя срамом:
Во-первых, не будь — вот совет мой — упрямым.

Второе — обман, третье — жадный расчет,
Один у трех зол — безысходный — исход!

Будь чужд пересудам, не действуй наветом,
Ни в чем не таясь, будь правдивым при этом.

4110 Будь честен во всем, делай с честью дела,
Властители честны, им честность мила.

Когда во дворце ты — будь точен приглядкой:
Уважат тебя — действуй той же повадкой.

Входи без гордыни, развязным не будь,
Старайся нигде никого не толкнуть.

Учтиво садись, и в положенном месте,
Смотри — не затронуть бы чьей-либо чести!

Не харкай, не плюйся, не брызжи слюной —
Отвратнейший вид у привычки дурной!

Сиди не поджавшись, не вздумай ложиться,
Не будь и смешлив — хохотать не годится!

Ногтей не грызи и не ставь врозь колен —
Утратишь почтенье и будешь презрен.

И ежели старшие речь повели,
Оставь разговоры и старшим внемли.

В речах будь правдив — станешь ладен и славен,
Беседу веди с теми, кто тебе равен.

И, выпив вина, не ходи во дворец,
Кто пьет, тот себя опозорит вконец.

4120 Три правила есть. Если их не блюсти,
Простись с головою — ты это учти!

Внимать бекам — первое, слушать их речь,
Как жизнь свою, все их наказы беречь.

Второе — с правдивой стези не сверни,
Будь верным, особенно — в смутные дни.

И третье — в служенье будь честен всегда,
Подальше от скверны держись, от вреда!

Хотя бы в одном оплошал лишь едва,
Как ты не велик, а прощай голова!

Достойный, пока ты стоишь — затаись,
До времени лезть на глаза воздержись.

А если уж сел на положенном месте,
Когда позовут — встань напротив, по чести.

Когда беки спросят — порядка не рушь
И слов не тяни, о достойнейший муж!

Расспросят — ответь всё, что знаешь, и споро,
А речь прекратят — не тяни разговора.

Когда тебя беки едой угостят,
По правилам ешь, знай порядок и лад.

4130 Ешь правой рукою — размеренно, строго,
А прежде, о мудрый, восславь имя бога.

И в пищу соседа не суй своих рук,
Ешь то, что стоит пред тобою, мой друг!

Всё ешь без ножа, не возись и с костями,
Еду не смакуй — ни один, ни с гостями.

Не с женской повадкою ешь, не спеши,
От женских ужимок себя отреш.

И сколь ты ни сыт, а у бека есть надо:
Быть позванным к беку — большая награда.

Какое бы дело ни стал ты свершать,
Будь предан ему — обретешь благодать.

Послушай, что мудрый сказал претолково,
Усвой его золоту равное слово:

«Когда тебя с беком дорога свела,
С умом, о достойный, верши все дела.

И если ты даже безмерно высок,
Во всем да пребудешь ты верностью строг.

Пусть даже тебе власть над войском дана,
Будь верным, о славный, во все времена.

4140 И если ты много владений обрел,
Раздаривай блага, будь добр и не зол.

А должность везира во власть получив,
Не действуй неправдою, будь справедлив.

Советчиком стал — рассудительным будь,
Властитель ошибся — исправь его путь.

Наперсником станешь — будь в верности рьян,
И поясом счастья повяжешь ты стан.

А войско возглавишь и воинский строй —
Тут око и ухо на правду настрой!

А станешь хаджибом — чуждайся даров,
Сирот опекай, неимущих и вдов.

А если поставят тебя над казной,
Будь честен, не ведай заботы иной.

А писарем станешь — все тайны храни,
Веди счет словам, избегай болтовни!»

Вот звания тех, кто служенье несет,
Но службу несущим окончен ли счет!

Еще слуги есть для потребы двора:
Постельничьи, гонщики птиц, повара.

4150 И если далек ты от бековых слуг,
Тебе вместо радостей — тысячи мук.

И ежели хочешь ты править с почетом,
Цени своих слуг по их добрым заботам.

Достойных уважь, кто велик — возвеличь,
Тогда ты и сам сможешь счастья достичь.

Внемли же премудрого старца наказам,—
Кто старцев послушает — станет стоглазым:

„Почтение к старшим — обычай, закон,
Где встретишь их — стоя отдай им поклон.

Положено младшему старшего чтить,
Но старшим и младший да будет почтен!“»

Сказал Огдюльмиш в завершенье: «Учти,
Так слугам и должно служенье нести.

Я всё рассказал, и ты понял, о брат,
Каков в услуженье обычай и лад.

Вот правила службы, она непроста,
Но службой откроешь ты счастья врата.

И ведай: вот так служат благу мужи,
И если ты понял, ступай и служи!»

ВОПРОС ОДГУРМЫША К ОГДЮЛЬМИШУ

4160 «Я слышал,— ему отвечал Одгурмыш,—
Всё то, что ты, доблестный, знать мне велишь.

Но есть у меня и еще одно слово,
Ответь на вопрос мой,— прошу тебя снова.

Ведь если служить я к элику пойду,
Мне — быть во дворце и у всех на виду.

Мне надобно ведать, каков там обычай,—
О брат мой, вся жизнь там — особых отличий.

Средь многих мужей мне придется там быть,
И нужно таким, как ведется там, быть!

И ты растолкуй мне всё это беседой,—
Хочу всё понять я, и ты мне поведай!»

48

ОГДЮЛЬМИШ РАССКАЗЫВАЕТ, КАК ДОЛЖНО ОБХОДИТЬСЯ
С МУЖАМИ, НЕСУЩИМИ СЛУЖБУ ВО ДВОРЦЕ

Ему отвечал Огдюльмиш: «О мой брат,
Всё должное я рассказать тебе рад.

Да будет урок мой воспринят тобой,
И ты, как вести себя должно, усвой.

Живя там с людьми, ладить с ними умей:
Одних чти как братьев, других — как друзей.

Со всеми, какие там будут мужи,
Общайся, беседуй, сходишь и дружи.

4170 А если недобро себя с ними весть,
Вся жизнь тебе станет не в радость, не в честь.

Внемли, что сказал муж, достойно служивший,
Надежный закон во дворце утвердивший:

«Кто хочет быть беку доверенным другом,
Да будет он близок к его близким слугам.

И кто приобщиться к величию хочет,
Со слугами дружбу свою да упрочит!

Как беки ни будут тебя отличать,
Будь сам справедлив и со всеми поладь!»

В дворцовой приемной есть три рода слуг,
От них и зависит всё то, что вокруг.

Одни — это те, что стоят над тобой,
Служи им — и будешь ты счастлив судьбой.

Ты их почитай, их наказы цени,
Возвысят тебя, осчастливят они!

Внемли мудреца благодатную речь,
Советами мудрых нельзя пренебречь:

«От старших и малым дается почет:
Кто старшим послужит, тот счастье найдет.

4180 Прислуживай старшим и чтя их наказ,
Внимание к ним — самый верный доход!»

Все блага нам старшие дарят мужи,
И счастья желаешь — им верно служи.

Вторые — что ровень с тобою стоят:
Враждуешь — ты враг им, а дружишь — ты брат.

Они тебе ровня и в равной чести:
За всё им в ответ равной мерой плати.

И третий род — те, что помладше тебя,
Их пестовать надо, браня и любя.

Ни в чем не потворствуй им, строг и суров,
Шутить воздержись и не трать лишних слов.

Сплошавших побей, а радивых отметь,
Ни часу не дай им в безделии млеть.

Да будут с тобою собратья-друзья:
Чем больше их — выше и слава твоя.

И к людям вражду из души изыми:
Нет радости тем, кто враждует с людьми.

И в малой враждебности много вреда,
Нет, я не скажу, что полезна вражда!

4190 Внемли, что сказал муж надежный и верный,
Познавший беду от вражды беспримерной:

«И мало врагов, да велик от них вред,
И много друзей, а как будто их нет!

Никто еще пользы не знал от врагов,
А если и знал — лишь ценою побед!»

И чтобы друзья тебе стали отрадой,
Сам делай добро и друзей своих радуй!

Кто равен тебе, тех и чти полюбовней,
Дружить и пристало с ровесником, с ровней.

Чуждайся дурных, дружбы к ним не лелей,
Дурные собьют тебя с верных путей.

И если жить хочешь ты с доброю славой,
Суров будь с дурными, с их злобой неправой.

Всё сущее в стаю родную стремится —
И люди, и скот, и букашка, и птица.

Внемли, что промолвил муж власти немалою,
И зло и добро испытавший, бывалый:

«Я видел скворца, что чирикал, летая,
Была черноперой и вся его стая.

4200 Где белые лебеди, черным — не место:
У белых — своя высь, у черных — иная!»

А если уж птица с друзьями кружит,
И людям друзей выбирать надлежит.

Но в дружбе двоякий бывает союз,
Двояка природа у дружеских уз.

Есть дружба такая, что богу мила,
Вовеки не ведать ей кривды и зла.

Есть дружба другая, в ней — жадный расчет,
Натужна она и к разрыву влечет.

И если ты дружишь, как бог нам велит,
Дели с другом беды, не помня обид.

От дружбы такой скорых выгод не жди:
Награда от бога тебе — впереди.

А ежели алчностью движим твой друг,
Беги от его недостойных потуг.

Вот мужа, познавшего дружбу, совет,
Он всё испытал в ней — и пользу и вред:

«Испытывай друга и злом и добром,
И что разумеешь — стой твердо на том.

4210 Захочешь узнать сердце друга — попробуй
Его испытать гневным словом и злобой.

Помыслишь узнать, где любовь и где ложь,
Вещь, милую другу, спроси и поймешь.

И кто не насупится с гневным испугом,
Того и считай самым искренним другом!»

Будь дальше от тех, кому дорог навет:
Что жгучее пламя — язык у клевет.

Наветы — источник и смут и грызни,—
О доблестный, всех, кто доносит, казни!

Еще сторонись вымогателей, скряг,
Сквалыга — в том нет и сомнения — враг!

Жадюга, когда он корыстью влеком,
И «братцем» тебя назовет и «дружком».

Не дашь то, что просит,— и ты уж не мил,
Как будто он сроду с тобой не дружил.

Ищи без корысти — кто брат твой и друг,
И верь им во всем — проживешь ты без мук.

Друзья тебе в радости или в беде
Надежно помогут всегда и везде.

4220 И если желаешь любимым ты быть,
Будь честен, друзей хлебом-солью насыть.

Два блага сих знающий — сердцем согрет:
Дано ему всё в пору счастья и бед.

Об этом сказал вящей мудрости муж,—
О доблестный, мудрых наказов не рушь:

«Людей привечай, хлебом-солью корми,
И, светел челом, будь приветлив с людьми.

Все люди за два этих блага верны,
А лучшие свойства найдешь — перейми!»

Врагов тоже есть две породы,— заметь,—
Для жертв своих ими раскинута сеть.

Одни — во вражде своей к богу тверды,
То — сонмы неверных, что вере чужды.

Еще и враждебность корыстная есть,
И движет такую враждебностью месть.

Стремись нечестивых сурово карать,
Все силы и душу на это потратить.

С врагом, норовящим корысть соблюсти,
Не ссорься, поладь с ним, о славный, прости.

4230 Задобришь врага — и уже он не враг,
И зла уже нет, а зато много благ.

С врагами сойдись, с супостатами ладь,
И будешь безбедно ты жить-поживать.

Усвой и пойми: бесполезна вражда,
От суетных дел отрешись навсегда.

И всем послужи строй врагов не умножь:
Враждуя, ты сонмы врагов наживешь.

Бери лишь достойных и славных в друзья,
Не то будет жалкою участь твоя!

С достойными хочешь дружить — разумея:
Сведут тебя с целью два рода друзей.

Одни — благородного званья мужи,
Ты с ними, о доблестный, ладь и дружи.

Другие — чей ум веру в бога сберег,
Они — человеческих достоинств исток.

Чти этих и тех, будь им верен всегда:
От добрых за всё будет добрая мзда.

А тем, чья известность дурна, не радей,
Черны все деянья у этих людей.

4240 О светлый душой, к черным людям не льни:
На светлом всю грязь оставляют они.

И добрый совет дан всезнающим мужем,
Науку для мудрых мы в нем обнаружим:

«Чуждайся дурного, о доблестный нравом,
С дурным поведешься — сам станешь неправым.

О добрый, чуждайся людей злого нрава,
Пойдет за тобою недобрая слава!

Увидишь дурных — обойди стороною:
Тебя заклеймят они славой дурною.

Мужей, прежде славных, я видел немало,
Их — дружба с дурными вконец донимала.

Знавал я достойных, с дурными друживших,
Утративших силу и горе наживших!»

Пристанище беков — дворец их, чертог,
И прочно сплетён он из сплетен и склок.

Всегда при дворце много суетных ссор,
А там, где есть ссоры, — вражда и раздор.

Кто старше — унижить тебя норовит, —
Терпи униженья и горечь обид.

4250 Тебе и от зависти равных невмочь:
Безрадостен день твой и темен, как ночь.

И младшие злы, зависть их недобра,
От них ты вовек не дождешься добра!

Где много придворных, там много притворных,
Смертельно враждебны замашки у вздорных

Души моей свет! Никому не завидуй
И будь справедливым — не действуй обидой!

Да, зависть — что хворь, не излечишь и в год.
Отравит тебя ее горестный плод.

Над злом и добром воля бога сильна,
И зависть нарушить ее не вольна!

Завидовать людям — какой в этом прок?
Завистливый сам себя гибнуть обрек!

Будь к добрым делам всею силой влеком
И верь: на добро отвечают добром.

Кто радостен, с тем его радость дели,
Горюя вместе с тем, к кому беды пришли.

Полюбят тебя, станешь славой богат,
Все сразу с тобою дружить поспешат

4260 Внемли же, о брат, позабудь о вражде,
Ищи и друзей и собратьев везде.

Но ежели враг тебе сети совет,
Готовь и ему пути прочных тенет!

Внемли, что сказал муж, знакомый с враждою,
Врагов обуздавший надежной уздою:

«Врагов сторонись, ловко их обмани —
Расставь незаметно для них западни.

И, помня, что враг твой силен и умен,
Железным заслоном себя охрани!»

Снеси ношу друга — старайся помочь,
Совет не забудь мой — храни и упрочь.

Ведь если твой друг, став заклятым врагом,
На честь и добро твое льстится тайком,—

Уж кто, как не он, знает тайны твои,—
Он всё отберет, как добро ни таи!

Захочет — добро отберет у тебя,
Захочет — сразит тебя, насмерть губя!

И как сам себя ты стремишься беречь,
Так друга храни,— вот и вся моя речь!

4270 Легко друга выбрать, сберечь — нелегко,
Легко вызвать ссору, пресечь — нелегко.

И если есть враг у тебя — берегись:
Немногим дано от врагов упасть.

Два рода людей есть — держись с ними врозь,
Смотри, как бы мук претерпеть не пришлось!

Одни — чье занятье донос и навет,
Другие — двуличьем наносят нам вред.

Еще сторонись тех, что дружат с вином:
Порок вероломства в их нраве дурном.

И друг-себялюбец не стоит любви,
Тебе он враждебен, и ты с ним порви!

Дружить хочешь долго — себя так веди:
Просить никогда не спеши, лучше — жди.

И если желаешь безбедно прожить,
Смотри, никого не унизь, не обидь.

И словом и златом задобри чужих —
За бороду крепко ухватишь ты их!

А ближних отвадить такой путь хорош:
Не дай то, что просят, и словом пристрожь!

4280 И ежели хочешь ты долго прожить,
Будь щедрым и всех хлебом-солью насыть.

А хочешь быть всеми любимым — пойми:
Ты должен быть мягок и ласков с людьми.

Желаешь в почете прожить и в чести —
Людей ты и сам уважительно чти.

А хочешь богатства — будь малому рад,
Доволен будь всем — и ты станешь богат.

И если ты хочешь от всех похвалы,
Да будут твой лик и деянья светлы!

Вот в чем у людей благородная суть:
Во всем человечности преданным будь.

Мечтаешь и сам благородным ты стать —
Деянья и слово на правду наладь!

Прочти ладный стих и над ним поразмысли,
В слова его вложены верные мысли:

«Желаешь узнать, кто по сути каков, —
Суди по достоинствам сердца и слов.

Кто сутью хорош, тот и добр и правдив, —
Вот истинный знак благородных основ!»

4290 О муж благородный, к негожим не льни,
Твой облик и лик опозорят они!

Внемли, что сказал муж, обычаи знавший,
Премудрый, дурных от себя отдалявший:

«С дурными, о доблестный муж, не дружи:
От них — все раздоры и все мятежи.

Не знайся и с теми, кто злобою лют:
По злобе всю верность они предадут!»

И тайны и мысли таи ото всех,
А выдал — пеняй на свой собственный грех!

И если ты хочешь со всеми дружить,
Корыстным расчетом людей не обидь.

И если желаешь быть весел всегда,
Будь честен — тебя не коснется беда.

А хочешь быть славой и словом велик —
Будь скромн, тогда ты покоя достиг.

Желаешь ты быть беспорочным — держи
Подальше язык свой от скверны и лжи.

Где счастье главою поднимется ввысь,
Его поддержать, о достойный, стремись!

4300 Будь счастьем чужому без зависти рад,
Не то вся еда тебе станет что яд!

И, чтобы у слов твоих веский был след,
Да будет правдивым всегда твой ответ.

Презри суесловье, тайком не шепчись,
Ни бранью, ни ложью людей не унизь!

Слова, словно ветер, всё сердце проймут,
А тот, кто обижен, на мщение лют.

Со старшим не чванься во время бесед
И грубого слова не молви в ответ.

Всем старшим оказывай честь и почет,
Тогда и тебя счастье ввысь вознесет.

Да будут к друзьям твои чувства добры,
Одаривай их, принимай их дары.

Тебя уважают — ты тем же ответь,
А тех, кто презрел тебя, должно презреть.

За всё, что ни есть, тем же самым плати,
На ласку сумей слово ласки найти.

За доброе дело добро сотвори,
Дурных за дурное дурным отдаи.

4310 Сказал знавший цену обычаю муж,
Вознесший народ свой к величию муж:

«Тебе скажут «вы» — ты на «вы» обратись,
А можешь и лучше того обойтись.

И знай: хуже эха в горах быть негоже:
Тебе скажут «ты» — и в ответ молви то же!»

Вот средство и способ общенья с людьми,
Желаешь жить с ними — ты это пойми!

Поведал я всё, что мне слышать пришлось,
Усвой мой наказ, все сомнения брось!»

ВОПРОС ОДГУРМЫША К ОГДЮЛЬМИШУ

Ему отвечал Одгурмыш: «Это слово
Я понял теперь, о муж сердца благого.

Другое есть, что я хочу разуметь,
И ты мне, о мой благодатный, ответь.

Ведь если я в селах и градах жить буду,
С людьми мне придется общаться повсюду.

И как мне себя нужно с ними вести,
Поведай мне, в этом меня просвети!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ОДГУРМЫШУ

«Да, знать это нужно,— сказал Огдюльмиш,—
Доподлинно, истину ты говоришь.

4320 И раз уж меня ты об этом спросил,
Внемли,— я тебе объясню в меру сил».

49

ОГДЮЛЬМИШ ОБЪЯСНЯЕТ ОДГУРМЫШУ,
КАК ДОЛЖНО ОБХОДИТЬСЯ С ЛЮДЬМИ ПРОСТОГО ЗВАНИЯ

«Дела и поступки незнатных людей
Согласны с умом их, с природою всей.

Не ведают простолюдины приличий,
В общении чужд им степенный обычай.

Но дел нам без них не дано совершать:
Хоть ты и не ровня им, с ними ты ладь.

Черны-пречерны все поступки у черни,
Себя не черни — не запачкайся в скверне.

У всех у них нрав и повадки дурны,
Дела их, замашки — с их сутью равны.

Еда на уме у них, сытый живот,
Они, кроме плотских, не знают забот.

Внемли, что сказал муж, людей повидавший,
Обычай простолюдинов познавший:

«Все думы у черни — про сытый живот,
Живет лишь утробю темный народ.

И сколько людей погубил жадный рот:
Под черной землей пламя ада их жжет!»

4330 При сытости чернь невоздержна на слово,
А слову дашь волю — оно бестолково.

Но нужно, о брат мой, общаться и с ней, —
Корми и пой, с чернью ладить умеи.

Будь мягок на слово, отдай, что попросят, —
Даренье — дарующим пользу приносит.

Язык свой смири, речь рассчитывай точно,
И помни: обильное слово не сочно!

Вот мужа, собою владевшего, речь,
Разумно умевшего слово беречь:

„Сдержи свой язык от нежданного слова,
Скажи только то, что обдумал толково.

Я видел разумных — они не болтливы,
Раскаянье в сделанном ждет пустослова!“»

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ,
КАК ДОЛЖНО ОБХОДИТЬСЯ С ЛЮДЬМИ
БЛАГОРОДНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

«Меж подданных бека еще люди есть,
И с ними общаться, о брат, тебе честь.

Средь этих людей есть потомки пророка,
Блажен, кто сумеет почтить их высоко.

Люби их всем сердцем, всем пылом души,
Дары посылай им, добро им верши.

4340 Мужи эти близки пророкову дому,
Люби их на радость творцу всеблагому.

Чти добрую суть их, ни в чем не перечь,
И даже в ответ на недобрую речь!»

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ,
КАК ДОЛЖНО ОБХОДИТЬСЯ С ЛЮДЬМИ
УЧЕНЫМИ И ЗНАЮЩИМИ

«Еще род людей есть — кто знаньем богат,
Их знанья звездой путеводной горят.

Любезен, учтив будь с такими людьми,
Хоть малое знанье от них перейми.

Где зло, где добро — различают они,
Известен им праведный путь искони.

Спешి мудрость знанья от них перенять,
Дары подноси им, слов лишних не трать.

Они истой веры устои крепят,
И силой их знаний могуч шарият.

И если на свете не стало бы их,
Не зреть бы плодам благодатей земных!

Свет людям дано их познаниям нести,—
Где свет, там и ночью не сбиться с пути.

Одаривай их, почитай безо лжи,
Всегда угощай их, им честно служи.

4350 Будь сдержан в речах и смиреньем объят,
Болтливость, развязность для них — словно яд.

Почтителен будь, поднося им хлеб-соль,
Несдержанной речи себе не позволь.

Верь знаниям их, делай всё, как они,
Судить их не вздумай, их дел не брани.

Тебе их познания нужны, не забудь,
Укажут тебе они праведный путь.

Они — как в овечьей отаре козел:
Путь овцам — туда, куда он их повел.

Ты с ними общайся, по-доброму ладь —
И ты в двух мирах обретешь благодать».

52

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ, КАК ОБЩАТЬСЯ С ЛЕКАРЯМИ

И сколько еще есть сословий людских,
Различны деянья и знания их!

И лекарей ты среди них отличи,
Они — врачеватели хворей, врачи.

Подумай, они тебе тоже нужны,
Без них тропам жизни не знать прямизны.

Здоровых подчас поражает недуг,
А лекарь отыщет лекарство от мук.

4360 Болезнь — спутник смерти и к ней правит шаг,
А смерть — самой жизни отъявленный враг.

Врачей уважай, с ними надо дружить,
Уважь их во всем и ничем не обидь».

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ,
КАК ДОЛЖНО ОБХОДИТЬСЯ СО ЗНАХАРИЯМИ

«И знахари есть — колдуны-ведуны,
Они лечат тех, что бесовством больны.

И с ними общенье беречь надлежит,
Бесовство лечить — их привлечь надлежит.

И чтобы от них тебе пользу познать,
О доблестный, с ними общайся и ладь.

Хоть лекарь не верит словам знахарей,
А знахарь не хочет и знать лекарей,

Один из них лечит лекарствами хвори,
Другой — против бесов силен в заговоре».

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ,
КАК ДОЛЖНО ОБХОДИТЬСЯ С ТОЛКОВАТЕЛЯМИ СНОВ

«Еще есть наука о веданье снов —
Рассказанный сон объяснить до основ.

Заснет человек — видит сны; если сон
Толкуется правильно, сбудется он.

И ежели сон истолкован надежно,
Всё будет ко благу, и радость возможна.

4370 А если опасен твой сон, нехорош,
Одаривай бедных — и душу спасешь.

Науке о снах свои знаменья бог
Для блага рабов милосердно предрек.

Когда сон хорош — будет радость большая,
А ежели плох — то молись, не плошая.

Одаривать бедных себя прихоть —
Тебя от напастей избавит господь.

И чтобы постиг прорицатель твой сон,
О видящий сны, и во сне будь умен!

Есть люди, что сны объясняют умело,—
Мудры, добродетельны, ведают дело.

О брат, доброты твоей стоят они,
Ты их как друзей и как братьев цени».

55

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ,
КАК ДОЛЖНО ОБХОДИТЬСЯ СО ЗВЕЗДОЧЕТАМИ

«Помимо сих названных, есть звездочеты,
Посмотришь, у них очень тонки расчеты.

Всё нужно им знать — годы, месяцы, дни,—
О доблестный, ты их расчеты цени.

Учись их подсчетам и сложным расчетам,
К познаньям вести — только этим воротам.

4380 Познай умноженье, деленье и дроби —
Цель эта трудна и премудрой особе!

Познай в совершенстве закон степеней
И корни из чисел исчислить умей!

Мерь площади точно, их четко дели,
Семь высей небесных знай лучше земли!

Знай алгебры действия разного вида,
Пытливо стучись и в ворота Евклида.

И знай: в этом мире и в мире грядущем
Всё смирено счетом, нам мудрость дающим.

О доблестный, если разладится счет,
В обоих мирах всё неладно пойдет!

Дела затеваешь — спросить надлежит,
Хороший, дурной ли им час предстоит.

Дни месяцев разны — добры, недобры,—
Ты выпроси день благодатной поры.

И старец премудрый сказал очень зрело:
«Советуйся с мудрым, задумавши дело!»

Когда в дело вложена мудрость науки,
К задуманной цели дотянутся руки.

4390 Глава всем делам — разуменье наук,
Без знаний всё дело упустишь из рук.

У всех расспроси, а поверь не всему,
Лишь господу ведомо всё одному.

По-доброму ладя с такими людьми,
Расспросами лишними их не дойми!»

56

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ,
КАК ДОЛЖНО ОБХОДИТЬСЯ СО СТИХОТВОРЦАМИ

«Еще есть поэты, слова — их дела,
И людям от них — и хвала и хула.

Их речь, словно меч, и остра и резка,
Путь мысли их тоньше, чем нить волоска.

Захочешь их тонкие речи понять —
Внимай им, свой ум на их речи наладь.

Всей сутью их ум с морем разума дружен,
Они добывают в нем много жемчужин.

Кого они хвалят, тот знает почет,
Хула их любому поз р предречет.

Стремись с ними добрую дружбу беречь
И с их языком избегай лишних встреч!

Желаешь от них похвалы, о мудрец,—
Будь с ними любезен, и слову конец!

4400 Попросят — им всё отдавай, что ни есть,
От их языков береги свою честь!»

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ,
КАК ДОЛЖНО ОБХОДИТЬСЯ С ЗЕМЛЕДЕЛЬЦАМИ

«И про земледельцев скажу я теперь, —
Они очень нужные люди, поверь.

Общайся, дружи с ними — вот мой совет,
И будешь ты сытым, не ведая бед.

Отраду от них видит весь сущий люд:
Они и питье и питанье дают.

Всем дышащим сытость приносит еда,
И есть у живого в кормящем нужда.

И ты добротой сих людей не забыт:
Заботами их ты накормлен и сыт.

Дружи с ними — станет нутро твое чище:
Ты вдоволь получишь дозволенной пищи.

Послушай, что муж благочестья изрек,
О многих делах поразмыслить он смог:

«Кто хочет идти по благому пути,
Тот должен, о праведный, глотку блюсти.

А хочешь ты праведным слыть, то допрежь
Надень, что дозволено, праведно ешь.

4410 Лишь твердой рукой отстраняя разврат,
Забудешь ты бедность и станешь богат.

И если желаешь почет обрести,
О праведный, блуд от себя отврати!

Разврат всё до самых основ сокрушит,
Развратному путь благодати закрыт.

Всё счастье загубит развратная смута,
И пламя порочности будет раздуто!»

Прекрасно сказал муж достойных заслуг,
Свершавший дела с разуменьем наук:

«От смуты разврата подальше стой,
Разврат опорочит тебя чернотой.

От преданных блуду всё счастье уйдет,—
Недолог у гостя случайный постой!»

И все землепашцы добры щедротой —
Им господом данной щедры щедротой.

Всем сущим на свете питанье дано:
Ходячим — еда, а летучим — зерно.

С кормильцами ладить тебе надлежит,
Любезен будь речью, а ликом — открыт».

58

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ,
КАК ДОЛЖНО ОБХОДИТЬСЯ С ТОРГОВЦАМИ

4420 «Еще есть торговцы; и ночью и днем
В заботе они о доходе своем.

В исканьях дохода весь свет им — дорога,
В скитаньях они уповают на бога.

И с ними ты добрую связь береги:
Давай им, что просят, наладь и торги.

Нужны они миру, о том не забудем,
Они доставляют всё лучшее людям.

От края до края лежат их пути,—
Желанное сможешь у них обрести.

И тысячи тысяч сокровищ вселенной
Найдешь ты, о мудрый, в их ноше бесценной.

Не будь их, объявших всесветный предел,
Кто мех бы соболий на плечи надел!

Когда б из Хытая не быть караванам,
Привез ли бы кто-нибудь ткани-шелка нам?

И если торговцам в походах не быть,
Кто смог бы увидеть жемчужную нить!

Но если дать волю таким перечетам,
Отсохнет язык, утомленный подсчетом!

4430 Вот — свойства купцов, этим людям ты верь
И настежь пред ними открой свою дверь.

Дружи с ними честно, без мысли лукавой,—
Прославишь себя ты далекою славой!

Их слава известна в просторах земных,
Все — дурно ли, добро ли — помнят о них.

Дары их тебе служат доброй отрадой,
И ты их ответной услугою радуй!

Где польза, где вред — у них тонко чутье,
Даруй же им благоволенье свое.

Послушай, что сказано мужем бывалым,
Видавшим сей мир на пространстве немалом:

„О жаждущий добрую славу иметь,
Гостей и скитальцев приветливо встреть!

О страждущий быть вознесенным молвой,
Обычай быть щедрым с купцами усвой!

Желаешь ты доброй хвалы — разумеј:
Приветливым будь к караванам гостей!“

Вот так подобает с купцами общаться,
И слава и доблесть твои взвеселятся!»

4440 «Еще скотоводам отличья даны,
Пасут они в долах стада-табуны.

Они все — бесхитростный, праведный люд,
И людям от них — ни несчастий, ни смут.

Всё — кони, одежда, еда — из их стад,
Они же и вьючных животных растят.

Кумыс, молоко, масло, сыр и творог,
Подстилки и седла их — всё тебе впрок.

И всё это — пользы великой мужи,
И ты их доверье добром заслужи!

Корми их, пои, с ними близко водись —
И с правдой дано тебе в жизни сойтись.

Что спросят — давай им, что нужно — возьми,
Я видел: у них нету лжи меж людьми.

Неведом закон им, они не мудры,
Но вольною ширью поступков щедры.

Но к ним и приглядка должна быть востра:
Бывают они далеки от добра.

Будь с ними правдив, но дружить — и не мни:
Забитые люди, невежды они.

4450 Муж, знавший порядки, совет нам дает,
В общении тесном познал он народ:

«Сходиться с невеждой усилий не трать,
Свершает он то, что негоже свершать!»

Мудрец еще лучше поведал о том,
Что всё совершать нужно мудро, с умом:

«С невеждой не знайся, держись стороны,
Воздержанным добрые дни суждены.

Подальше от неучей будь, берегись,
Слова и дела у невежды дурны!»

И все скотоводы — таких же примет,
Ты, с ними общаясь, учти мой совет.

Я всё рассказал, будешь ведать ты впредь,
Как жить, чтобы верную пользу иметь».

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ,
КАК ДОЛЖНО ОБХОДИТЬСЯ С РЕМЕСЛЕННИКАМИ

«Еще есть ремесленных дел знатоки,
Их кормит уменье искусной руки.

И в них у тебя есть потребность-нужда,
Себе же во благо радей им всегда —

Умельцам сапожных и кузничных дел,
Швецам и точильщикам луков и стрел.

4460 Сей жизни красу их искусство дала,
Все дива вселенной — плод их ремесла.

Их много: считать — далека будет речь,
Сам думай, а я должен слово пресечь.

И с ними общенье свое приумножь,
Их радуй — и в радости ты проживешь.

За труд воздавай им немедленной мздой,
Пои, накорми их обильной едою.

Тогда не осудит молва тебя, верь,
И слава твоя не претерпит потерь.

Прекрасно сказал очень сведущий муж,
Любивший людей да и честный к тому ж:

„Пекись не о жизни — об имени славном,
Ему и дано в жизни быть самым главным.

Тебя долговечнее имя твое, —
Чем праведней имя, тем слаще житье.

А если у имени слава худа,
То лучше и вовсе не жить никогда!

Не жизнь дорога — славен именем будь,
Ведет к вечной славе лишь праведный путь!“»

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ,
КАК ДОЛЖНО ОБХОДИТЬСЯ С БЕДНЯКАМИ

4470 «Еще бедняков встретишь ты меж людьми,
Одаривай их, напои, накорми.

Молитвой тебя они все наградят,
А это — прекрасное дело, о брат!

Не жди от них платы за щедрость твою,
Сам бог даст за то тебе место в раю!

Вот — суть всех людей и различий людских,
Друг в друге нужда — у тебя и у них.

Будь предан душой им, в делах с ними ладь,
Тогда тебе близкими все могут стать.

Тебя двух миров благодать осенит,
И, славой почтен, станешь ты знаменит».

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ,
КАК ВЫБИРАТЬ СЕБЕ ЖЕНУ

«Задумал жениться — будь зорок, смотри,
Жену подостойней себе избери.

Да будет она благородна, честна,
Стыдлива, чиста, непорочна, умна —

Из дев, что не тронул еще ни один,
Видавшая только тебя из мужчин.

И — чтобы любила и верной была,
Пороков чуждалась, не делала зла.

4480 И пусть будет меньше тебя родовойтой:
У знатной супруг — вроде как бы забитый!

И сказано мужем, бывалым и зрелым,
А зрелый и опытом славен и делом:

«Жену выбирай не знатнее себя,
И радостно ты проживешь, не скорбя.

Не облик красив должен быть, а душа,
Нрав доброй жены просветлит и тебя!»

Не с равною родом старайся сойтись,
Разумную взять, о достойный, стремись.

Не облик красив должен быть, а душа:
С покладистым нравом жена хороша!

Любитель красивых, не льстись красотой,
Румяный свой лик не желти бледнотою!

Захочешь, достойный, жену завести —
Четыре возможных отличья учти.

Один, смотришь, взять побогаче не прочь,
Другой пялит взор — до красивых охоч.

А третий захочет найти познатней,
Взмечтав о величье в гордыне своей!

4490 Иной ищет ту, что умом не худа,
Найдет — и привяжется к ней навсегда.

Захочешь жениться — совет я подам,
Какая всех лучше, — верь этим словам.

О жаждущий выбрать жену побогаче,
Не стань ей рабом, не познай неудачи!

В ней жадность разыграет, на зависть востра,
Богатств подавай, добывай ей добра!

Внемли мне, прельщенный красивой женою:
Ты станешь всем людям забавой смешною!

Все любят красивых, а нрав их бесстыж:
Лишь милостью бога жену сохранишь!

О жаждущий чести жениться на знатной,
Не знать бы потери тебе невозвратной!

У знатных, влиятельных — длинный язык,
Смотри, к доле рабской бы ты не привык!

О жаждущий с умной сойтись, не иначе,
Как ты обретешь все четыре удачи!

Нашел себе умную — тут же спеши,
Бери ее в жены, муж доброй души.

4500 Захочешь достатка — жена бережлива:
Ты станешь богатым, жить будешь счастливо.

Правдивая — значит, красива жена:
Жена добродетельным нравом красна.

Умна да честна — значит, вся благородна,
И всем трем достоинствам суть ее сродна.

Да будет сойтись тебе с умной дано:
Четыре в ней свойства, и все — как одно!

И если сумеешь с такою сойтись,
Не медли, о доблестный, сразу женись!

63

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ,
КАК ВОСПИТЫВАТЬ СЫНОВЕЙ И ДОЧЕРЕЙ

Родятся в семье луноликие чада —
Их дома, не где-нибудь, возвращать надо.

Кормилицу им подостойней найми —
И чада здоровыми будут детьми.

Учи их наукам, дай им воспитанье,
Два мира даны будут им в воздаянье.

Отдай дочек замуж, жени сыновей,
Безбедно живи, все печали развей!

Учи сыновей добродетелям строго,
И благ они разных добудут премного.

4510 Смотри, чтоб без дела твой сын не сидел,
Бесцельна вся жизнь у сидящих без дел.

Не дай дочерям долго чахнуть без мужа,
Без хвори умрешь, от печали недужа!

Внемли мне, о друг, я в словах буду прям:
Уж лучше бы вовсе не быть дочерям!

А если родятся — уж лучше в могиле
Им лечь с мертвецами на черном подстиле!

Держи женщин дома и строгим к ним будь,
У них ведь не схожи обличье и суть.

Чужим — не быть в доме, а женам — вне дома:
А ну как собьет их с дороги истома!

Не видишь — и в сердце желанья спят,
Но любо нам то, что приметил наш взгляд.

Не дашь воли взору — и сердце не хочет,
А сердце не хочет — неволя не точит!

С мужчинами женщинам есть запрети,
А если позволишь — от бед не уйти!

И женщин из дома пускать не годится:
Вне дома легко им с пути совратиться.

4520 Суть женщин — что мясо: храни, не гнои,
Сгниет — бесполезны все меры твои!

Чти женщин, дари им, что любо их взорам,
Но двери держи от мужчин под запором.

Ведь издавна в женщинах верности нет:
Идет у них сердце за взором вослед.

И ежели ветви насильно привиты,
Плоды их не пробуй, они ядовиты!

Мужей-храбрецов сотни тысяч донесь
Под корень подрезала женская спесь.

И сколько цветущих мужей с ясным ликом
Погибло от женщин во сраме великом!

И сонмы преславных сынов сей земли
Живьем из-за женщин в могилу сошли.

Но как от беды упасутся они?
Всебдящий господь, их от бед охрани!»

64

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ, КАК ДОЛЖНО ДОСТОЙНЫМ ОБРАЗОМ
СОДЕРЖАТЬ ПОДВЛАСТНЫХ

«Подвластных тебе неусыпно блюди,
Едой и питьем и одеждой снабди.

Дай ношу по силам их — в равенстве строгом,
За них ты ответ понесешь перед богом.

4530 Излишним трудом их неволить не смей,
Господь поразит тебя карой своей.

Они все — рабы перед волей господней,
Гнетя их, познаешь ты гнет преисподней.

Ты — старший над ними, они все — малы,
А старшие к малым должны быть не злы.

И если высок ты, принизься до мала,
Большому быть малым и скромным пристало.

Внемли, что сказал тебе сведущий муж,
Советов его, о мудрец, не нарушь:

«Когда ты стоишь над народом главою,
Будь сдержан — тебе да воздастся с лихвою.

Смотри, не зарвься и не сбейся с дороги,
Счастливец, не следуй дорогой кривою!»

Достойным укладом свой дом содержи,
Достигнешь, о славный, счастливой межи.

Держи в нем хлеб-соль и обильную пищу,
Тебе будет слава и счастье — жилищу.

Живи, согласуя приход и расход,
И, тратясь, доходы бери на учет.

آی قادی حوانی لنگا

سوزاولکی اول سوزلا کوی سوزاول	بوای تولدی ایدی سوزاوردی سوزاول
تسغ سوز تو بوجلی سوزایدغ	سری سوزلا کوا اول توفوری تسغ

ایلیکوالی آتی لورقا

یا سیمنا اول سکا ای اجا	ینا لیدی ایلیک سوزاسغی نیجا
-------------------------	-----------------------------

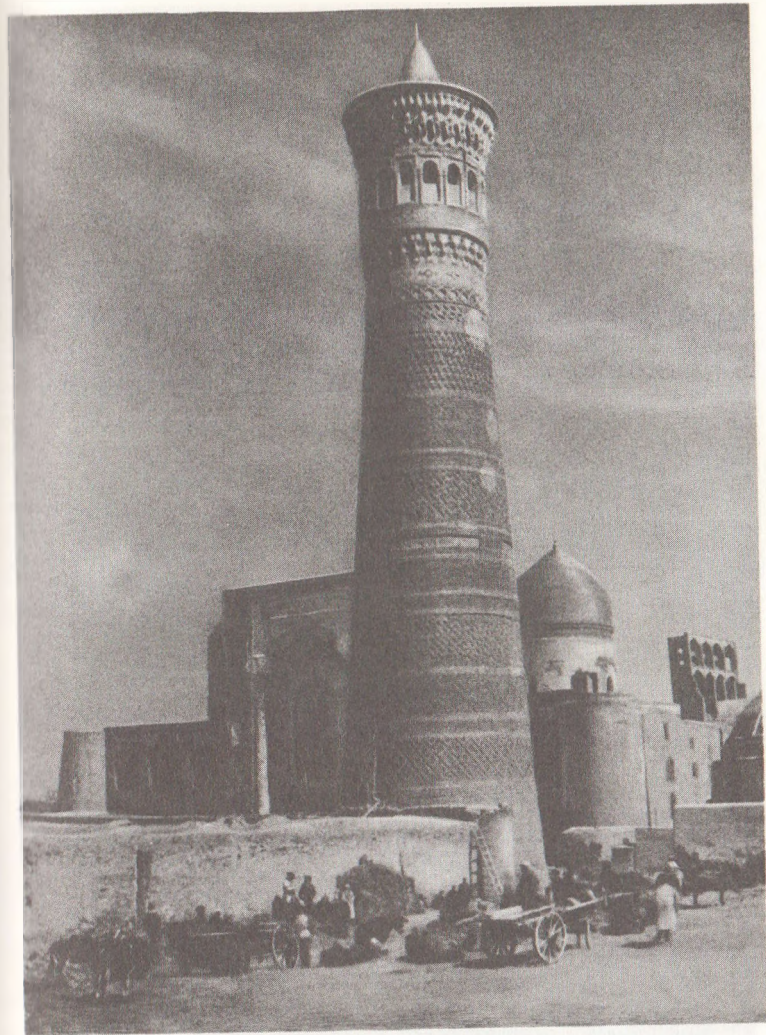
آی قادی حوانی لنگا

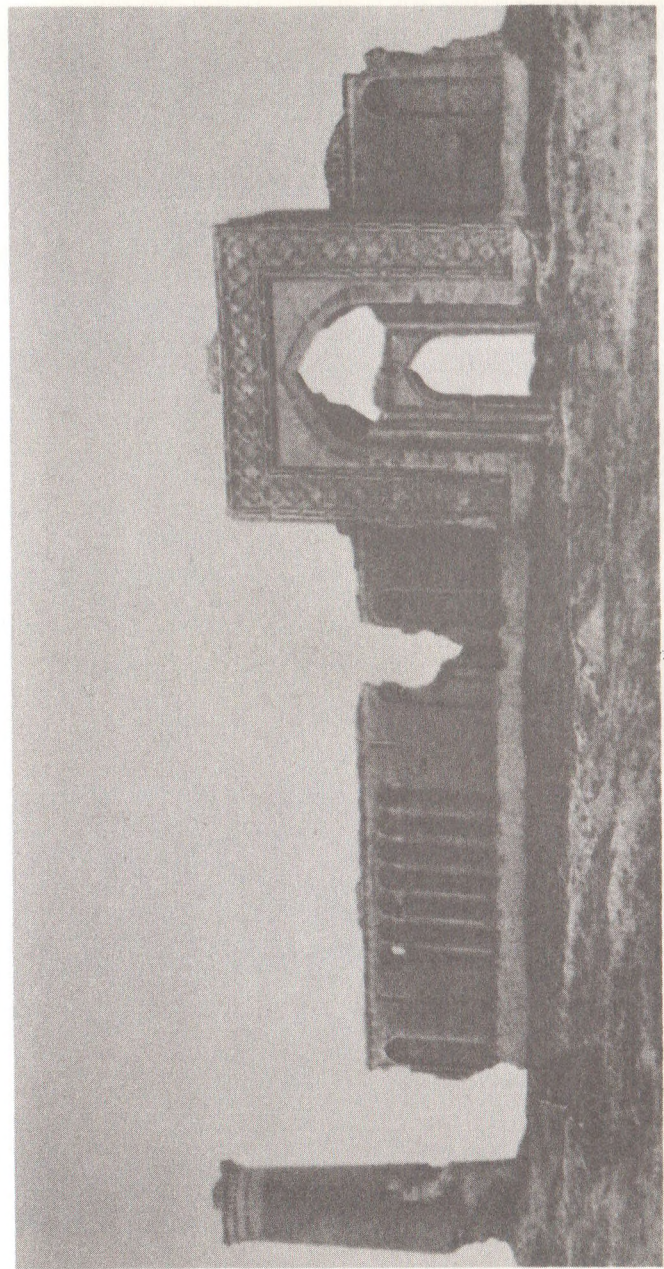
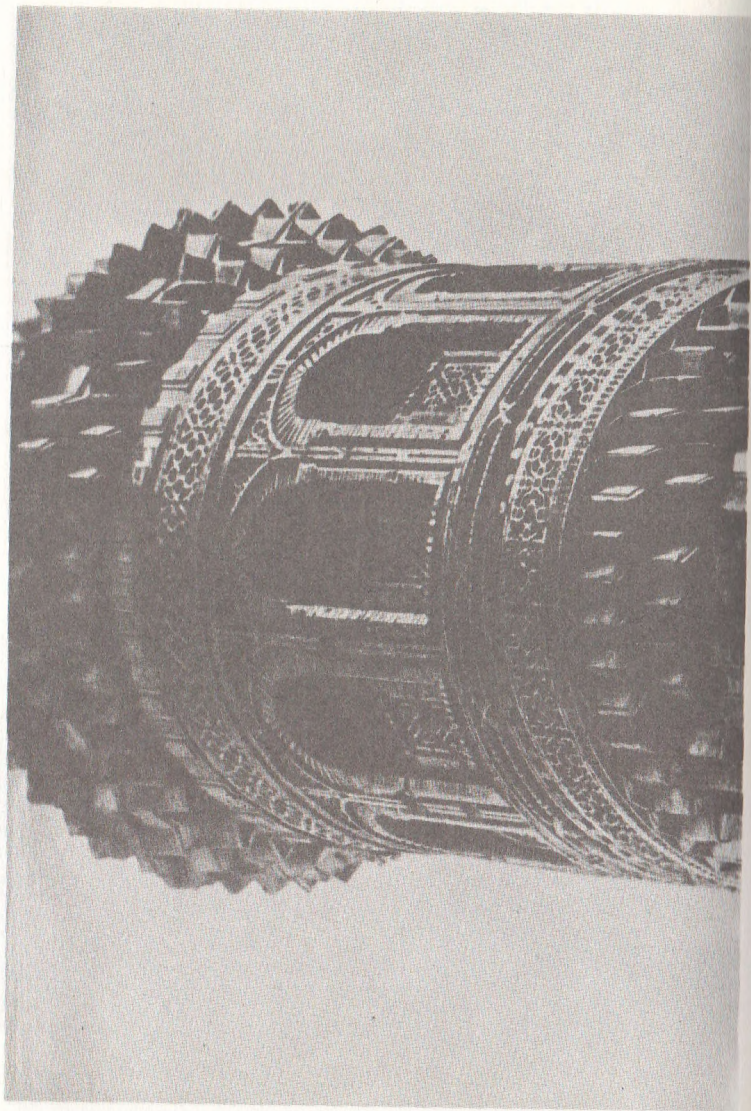
برینجا توشورنا بندنور قولوغ	بوای تولدی سوزاسغی اولوغ
باشیل کولکا بوتلا زبولور توردا	سوزاسغی سیلا کوز فیز بوزداکی
باشیل کولدا ازی ساکور ایندیز اوزوک	قلی سوزلا یوبیلما سیتل سوزوک

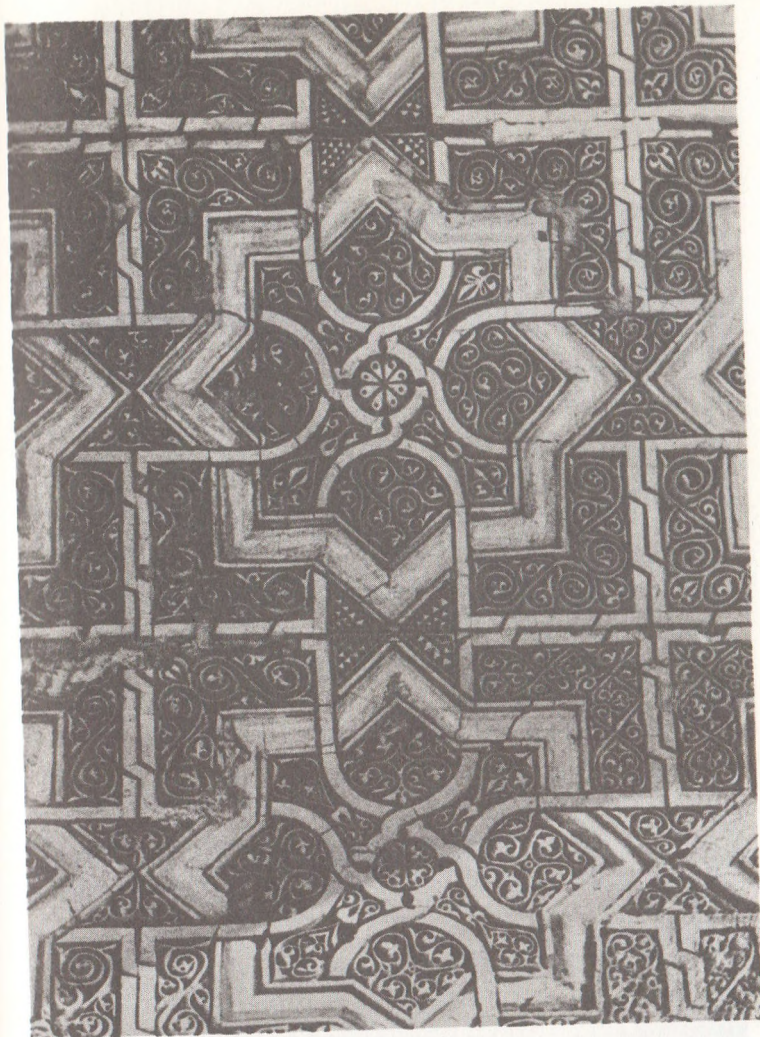
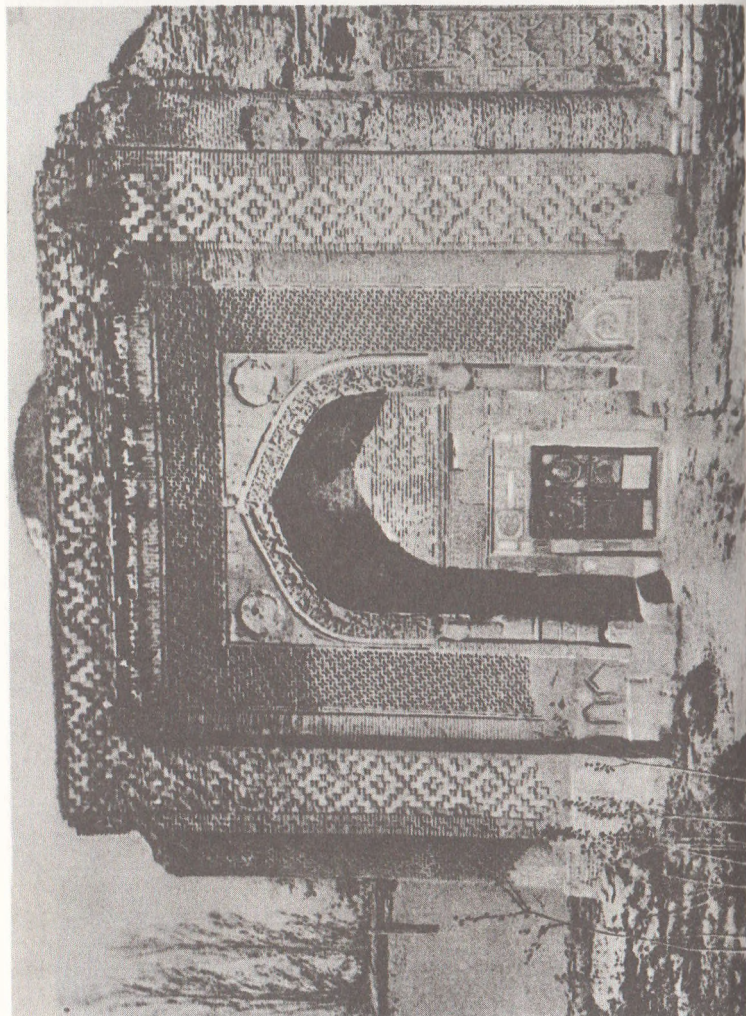
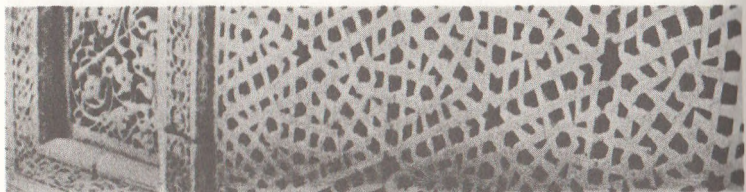
ایلیکوالی آتی لورقا

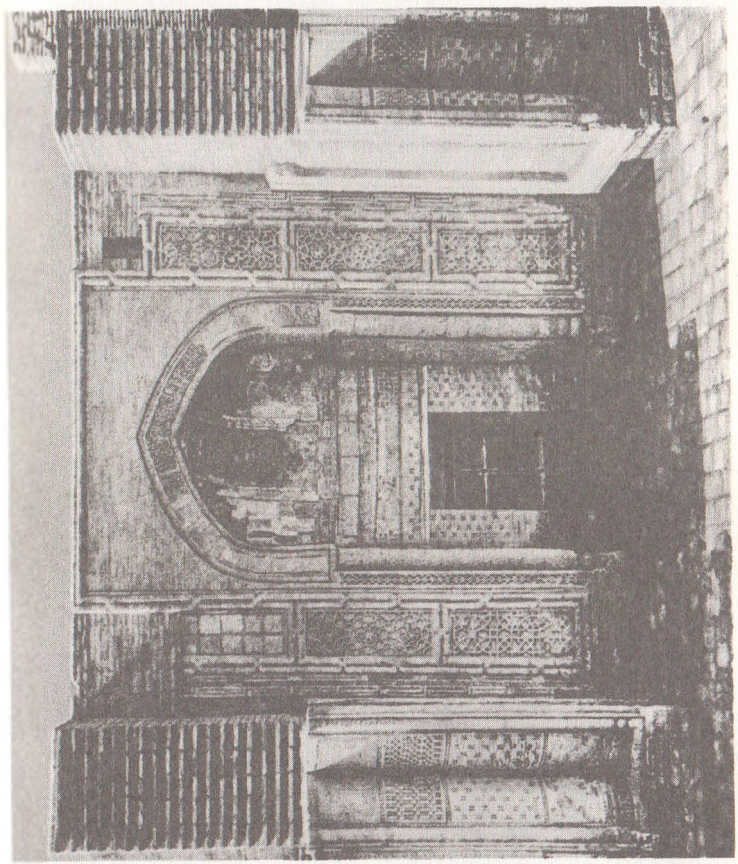
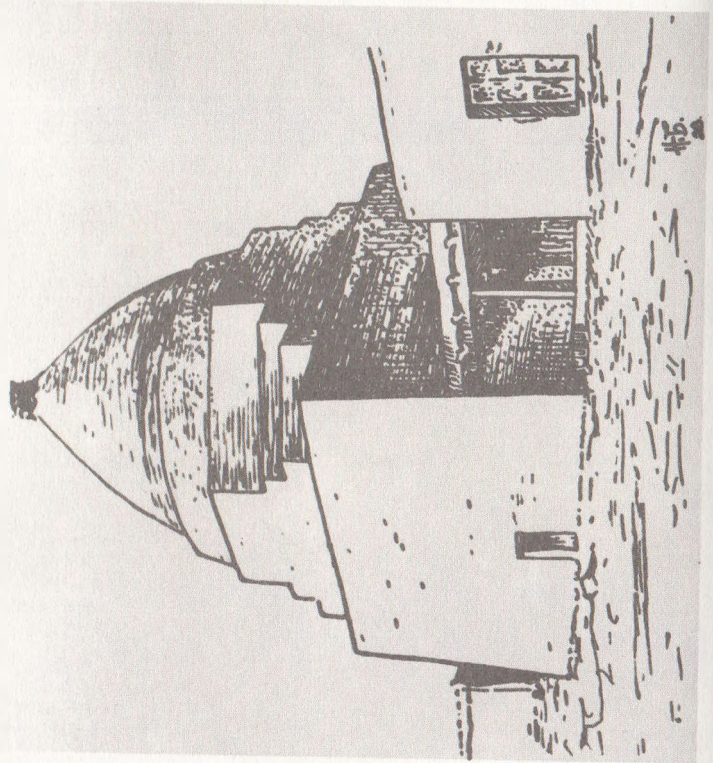
آزی سیمنا اول سکا ای اجا	ینا لیدی سوزونکل اوکوشی نیجا
--------------------------	------------------------------

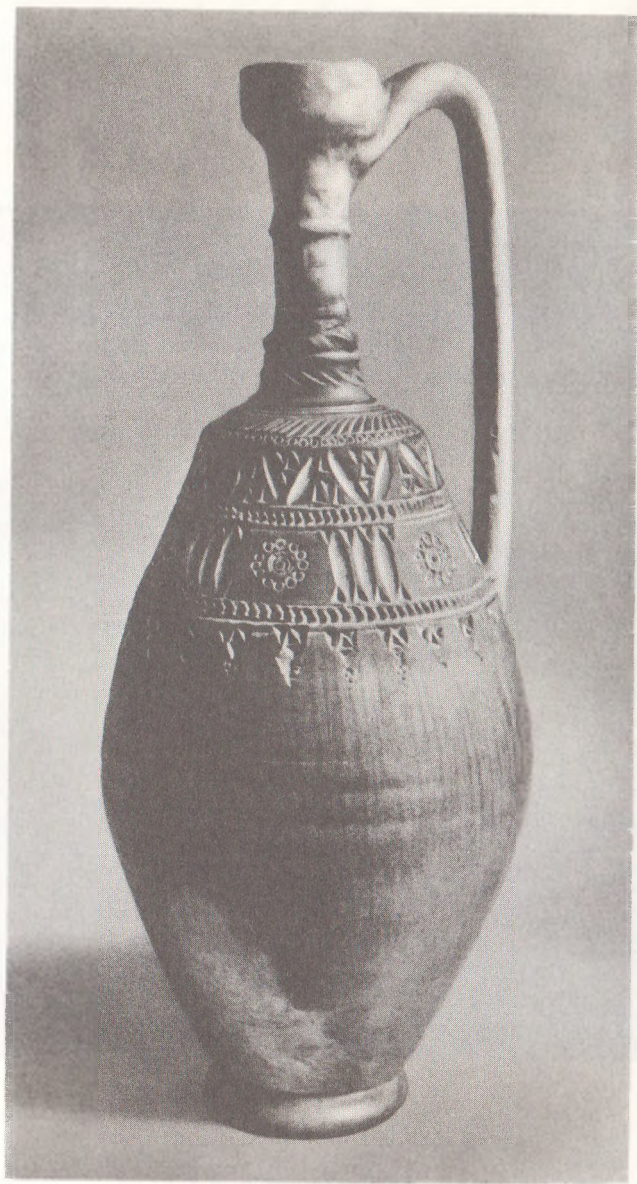

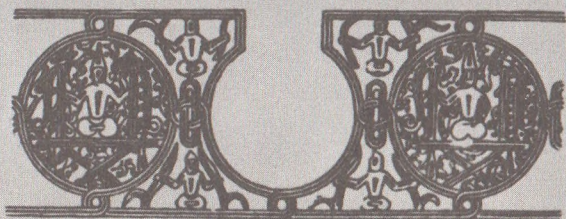

4540 В расчетах держись справедливости строго:
Где точен расчет, там — прямая дорога.

И если к тебе затрудненья пришли,
Своих неудач на людей не вали.

И любящий этим доволен не будет,
А тот, кто не любит, — с насмешкой осудит.

Тебя и друзья и собратья презрят,
И будешь ты мукой сердечной объят.

Общайся лишь с теми, кто доблестью славен,
Будь сам человечностью с лучшими равен.

И выгод не жди, и богатства не множь,
Раскаяньем весь свой румянец сведешь!

И дом свой не ставь возле главной дороги,
Подумай, тебя одолеют тревоги.

Ни круче соседом не будь, ни реке,
От крепости тоже держись вдалеке.

Тебе не во благо три эти соседства,
От бедствий вовек не отыщется средства!

Спроси о соседях, ища себе дом,
Купить хочешь землю — ищи водоем.

4550 Чуждаясь порочных, не знай оговорок:
На правду, как конь, будь и чуток и зорок.

Ты, весел и рад, сам себе будешь бек,
Живи беспечально, будь счастлив вовек!

И, помня о смерти, не будь обольщенным,
Чти бога — и станет твой взор просветленным.

Обдумывай речи — не грянет беда,
Зря время не трать — проживешь без стыда.

Не вязни в гордыне — всем будешь досаден,
Смири в себе жадность — не жалуют жадин!

Послушай, что муж очень скромный изрек,
Он был в человечности сердцем высок:

«Кто хочет быть доброю славой известен,
Да будет он щедр и усерден и честен.

И вольного даже в неволю заманишь,
Когда его щедро задаривать станешь.

До горнего хочешь вознестись предела —
Верши все дела и с умом и умело.

Захочешь всесветной ты славы добиться —
Гостей привечай, — конь твой быстро помчится.

4560 И если в блаженстве ты хочешь жить долго,
Забудь про беспечность, муж чести и долга!

И если ты верно служить хочешь богу,
Закрой своеволью и дверь и дорогу.

И если во всем хочешь быть ты счастливым,
Смирись, не поддайся негожим порывам!»

Разумнейший муж дал совет дорогой,
Внемли же, о вдумчивый, речи благой:

«Не смей покоряться желаниям тела:
Поддашься — глядишь, голова и слетела!

Где прихотям — воля, там думам — неволя,
И зло твою шею согнет до предела!»

Вот так, — заключил Огдюльмиш, — о мой друг,
И следует думать о сущности слуг.

Я речь вел, ты слышал, в чем дела основа,
И если ты понял — не надо ни слова!»

«О праведный муж,— отвечал Одгурмыш,—
Усвоил я всё, что ты знать мне велишь.

Но снова вопрос у меня есть другой,
Ответ на него мне, всю правду открой.

4570 С людьми если жить мне, тогда, безусловно,
Мне с ними общаться придется любовно.

Меня к угощению, глядишь, позовут,
И мне надо звать, чтобы шел ко мне люд.

Как в гости ходить, за едой как сидеть,
На зовы мне как отзываться, ответь.

Прошу, расскажи мне, что знаешь об этом,
Воспользуюсь я твоим добрым советом!»

65

ОГДЮЛЬМИШ ОБЪЯСНЯЕТ ОДГУРМЫШУ
ОБЫЧАИ ПОСЕЩЕНИЯ УГОЩЕНИЙ

«Тебе и об этом поведать я рад,—
Сказал Огдюльмиш,— это знать надо, брат.

У всех приглашений различна природа,
И суть угощений — различного рода.

То — свадебный пир иль иная причина —
Рождение или обрезанье сына.

И сверстник и сродник тебя пригласят,
И старший, и младший, и родич и брат.

Зовут, воздавая хвалу погребенным,
Зовут, имена нарекая рожденным.

И если тебя есть и пить пригласили,
Ты сам и подумай — идти, не идти ли.

4580 Когда тебя родичи-братья зовут,
Пойти ли тебе — сам ты вынесешь суд.

А ежели в гости ты позван чужими,
Ты — мало ли, много — поесть должен с ними.

Совет близкий друг ли, сосед к угощению,
То — праведный знак под господнею сенью.

Иди к ним охотно и сердцем будь прям,
Их радуя, сын мой, возрадуйся сам!

Когда угощение дают в твою честь,
Порадуй позвавших — ступай пить и есть.

Иди не на все приглашенья и зовы —
От них могут следствия быть и беды!

Бывает частичный и полный запор, —
Ты, доблестный, станешь недужен и хвор.

Где хмель — там бывает случиться и ссоре,
Не сварится пища — появятся хвори.

За всякий кусок и глоток распостылый
Себя не позорь, не нуди себя силой.

Внемли, что сказал муж, утробу смиливший,
Преграды ей волей своей положивший:

4590 «Смири свой живот, не погрязни в дурном,
Не стань ни утробе, ни глотке рабом!

Я видел немало преславных мужей,
Познавших беду из-за глотки своей.

Мужей я видал, достославных в делах,
Рабами утробы упавших во прах.

Богатых я видел, чей жадный живот
Их в нищее рабство низвергнул с высот.

О холящий чрево, найди к нему в плен:
Попал к нему в рабство — не жди перемен!»

Куда бы ни звали тебя к угощению,
Внимателен будь к своему поведению.

Невежда, презревший законы приличий,
Презрен будет всеми, кто знает обычай.

При старших — уж так повелось искони —
К еде после них свои руки тяни.

Ешь правой рукою, восславь имя бога,—
Богат будешь, благ тебе будет премного.

Еды, что стоит пред другими, не трогай,
Бери лишь свое, ешь с повадкою строгой.

4600 За нож не берись и не трогай костей,
Не вздумай спешить — обгонять всех гостей!

И ешь, сколь бы ты ни насытился туго,
Есть надо согласно, смотря друг на друга.

Жуй медленно, пищу разжуй без остатка
И помни, что дуть на горячее — гадко.

И волоком пищу негоже тянуть,—
Не рушь красоты своей, сдержанным будь.

Держись не дурных, а пристойных повадок:
Кто дурно воспитан, тот мерзок и гадок!

Муж добрых познаний слова нам оставил:
«Достоин почета знаток добрых правил!»

Всему есть устав и законный уклад,
Блажен, кто блюдет их,— цветет его взгляд.

С невеждой, ведущим себя неумело,
Не знающим правил,— не сделаешь дела!

Еду есть со вкусом, с усердием надо,—
Хозяину добрая в этом награда.

С заботой он делал еду для тебя,
Не рань его, попусту пищу губя.

4610 Муж, доблестный сердцем, сказал справедливо,
И мысль его, как порассудишь, правдива:

«Душа человека — стеклянный сосуд:
Смотри, не разбей, будь в деяньях не крут.

А душу надломишь — она уж худа:
И дружба и радость уйдут навсегда.

Кто люб тебе, душу его не тревожь:
Разбил ее — дружбы уже не вернешь!»

Размеренно ешь и повадкой спокойной,—
Мне как-то сказал некий муж предостойный:

«Кто жаден к еде, к тому горе придет:
Болезнь непременно к ожоре придет!

Смири свою глотку — вся хворь от нее,
Умерь свою пищу — еду и питье!

И этот недуг человека крушит:
Не будешь лечить его — смерть поспешит!»

Говаривал славно мудрец-врачеватель,
Слова мудрецов нашим бедам не кстати ль? —

«Болезнь — весть о смерти, примета примет,
Всем болящим смерть — самый близкий сосед.

4620 Болезнь — это горе, от смерти гонец,
А в смерти ни блага, ни сладости нет!»

Вот путь, человечьему званию годный:
Горячую пищу не путай с холодной.

Еду выбирай своей сути согласно,
Будь зорок и выкини ту, что опасна!

Горячим насыщен — холодное пей,
Остынешь — горячим лечись поскорей.

Когда еще юн ты, идет твое лето —
Холодное ешь,— кровь и так разогрета.

За сорок тебе — твоя осень прохладна,
Нутро согреть уже нужно изрядно.

Когда в шестьдесят встретить зиму пришлось,
Горячее ешь, всё холодное — брось!

Где холод и сушь, там нужны жар и влага,
Два этих лекарства двум хворям — во благо.

Когда тебе влажное, стылое — в горе,
Сухим и горячим лечи свои хвори.

Остывшее тело горячим согрей,
А жар свой холодным заешь поскорей.

4630 А в ком полужар или полупрохлада,
С горячим холодное смешивать надо.

И если ты верно блюдешь свое тело,
Здоровье твое невредимо и цело.

Послушай, что лекарь искусный изрек,
Прими сей совет — и живи без тревог:

„Я плоть твою всю объясню тебе делом:
В ней — красное с желтым и черное с белым.

Враждебность друг другу — сих сугей основа:
Чужак завсегда отличает чужого.

Разумный да ведает склад свой природный,
Питаясь едой, его телу пригодной.

И тем человек отличён от скотин,
Что ест только годное телу, мой сын!“

Послушай, что старец сказал седовласый,
Внемли ему, знаньем себя опоясай:

«Кто сам свою суть в сорок лет не постиг,
Тот — ровно бы скот,— я скажу напрямик.

Того, кто не предан познанию наук,
Нельзя человеком назвать, о мой друг.

4640 Кто много пожил, а несведущ в простом,
Того справедливо назвать и скотом.

И кто без ума весь свой век проживет,
Доподлинно, не человек он, а скот!»

Прекрасен совет лекарей, он не нов:
«Кто в пище умерен, тот весел-здоров».

И, чтобы болезнь тебя не донимала,
Знай, доблестный, средство по имени „мало“.

И, чтобы покой твой был сроком велик,
Ешь мясо, которому имя „язык“».

66

ОГДЮЛЬМИШ ОБЪЯСНЯЕТ ОДГУРМЫШУ
ОБЫЧАИ ПРИГЛАШЕНИЯ К УГОЩЕНИЮ

«Когда ты задумал гостей к себе звать,
Зови без отсрочки и дело наладь.

Должны быть готовы вся утварь, посуда,
Сиденья, подушки, продуманы блюда.

Вся пища должна быть чиста и вкусна,
Тогда гости всё опорожнят до дна.

Когда без гостей ешь несладко — ну что же,
А сотне гостей есть невкусно негоже!

Смотри, добрым вкусом еду надели,
Тогда лишь довольными гости ушли.

4650 Родно и друзей зови — дальних и ближних,
Чти всех, не дели на угодных и лишних.

Кто хочет — придет, а иной не придет,
Зато нет обид — всем оказан почет.

Но если обижены глотка, утроба,
До смерти в обиженном нить будет злоба!

Стремись всех гостей накормить, напоить,
К еде опоздавшего тоже насыть.

Едят твои гости — готовь им напитки,
А выпьют — еще заготовь, и в избытке.

Где много еды, нужно много питья,
И всё соразмерить — забота твоя.

Когда у гостей нет питья с ними рядом,
Все яства для них могут сделаться ядом.

Кто браги захочет, кто сока попьет,
Кто спросит шербета, кто пить будет мед.

А что из напитков еще подается,
Спросить тебе сведущих в этом придется.

Насытятся старшие — младших уважь,
Ты им и еду и напитки отдашь.

4660 Корми и следи, всем довольно еды ли,
Всех выпусти сытыми — чтоб не бранили.

Когда поедят, принеси для гостей
Сушеных и свежих плодов и сластей.

Дари, сколько сможешь, богатые ткани,
Всем поровну дай, чтобы не было брани.

О яствах кончаю я речи вести,
Открой свою дверь — всех гостей отпусти.

Четыре породы есть в гости зовущих.
Четыре породы есть в гости идущих.

Один откликается сразу на зов,
И всё, что дадут, есть и пить он готов.

Другой не зовет к себе — зря, мол, морока,
Уткнется он в пищу и ест одиноко.

А третий охотно и в гости пойдет,
И сам приглашает гостей в свой черед.

Четвертый не примет и сам приглашенья,
И дома другим не подаст угошенья.

Мертвец он, его ты живым не сочти,
Не сился напрасно с ним дружбу вести.

4670 Но есть и такие: не любви им зовы,
А гостю забить всю скотину готовы.

Их разум и ум — самых добрых примет,
Достойны похвал они, лучше их — нет.

И — ходишь ли в гости ты, глух ли ты к зовам,
Смири свою глотку — и будешь здоровым.

Прожорливый, жадный — болезнен и хвор,
И лица бледны у презренных обжор.

Сказал некий лекарь об этом присловье,
Был мудр он и ведал все тайны здоровья:

«Все хвори в нас входят с едой через рот,
А хворь нас и старит и к смерти ведет.

Смирять свое чрево — не будешь болеть,
Румянца лишит тебя хворый живот!»

Еде и питью сей закон и пригож,
Зовешь ли гостей или в гости идешь.

Я всё рассказал, ты слышал мою речь,
И хватит словес — их пора и пресечь.

Так мир сей устроен, такая в нем суть,—
Об этом, живя меж людьми, не забудь.

4680 О праведный муж, свет души моей, думай,
И в суть моих слов вникни крепкою думой!»

67

ОДГУРМЫШ РАССКАЗЫВАЕТ ОГДЮЛЬМИШУ О ТОМ,
ЧТО СЛЕДУЕТ ОТВРАТИТЬ ЧЕЛО ОТ МИРСКИХ СОБЛАЗНОВ
И ДОВОЛЬСТВОВАТЬСЯ ТЕМ, ЧТО ЕСТЬ

«Я выслушал всё,— отвечал Одгурмыш,—
И ты мне внемли и ответ мой услышь.

Постигший всю суть твоих мудрых речей
Достигнет желанного в жизни своей.

Но жаждущий жить и общаться с людьми
Вот что должен знать, о премудрый, пойми.

Добро люди копят средь мук и тревог,
А век их недолог,— какой в этом прок?

Когда человек весь во власти сует,
Служению богу в том — гибель и вред.

Ты ныне пришел вот из дальних сторон,
И рвенье мое претерпело урон.

От встречи с одним я уж чувствую боль,
Общаться с другими меня не неволь!

И если мне в села и грады пойти,
С людьми надо мне речь и дело вести.

И как же нести мне обет мой? Поверь,
К служенью творцу заперта будет дверь!

4690 Не юн я уже: что ни день, то старей,
Служение богу — суть жизни моей.

К бесцельной тщете возвращаться назад
Пристало ли мне, о возлюбленный брат?

Прекрасно учил муж, чьи знания — река,
Внемли, о достойный, сколь мысль глубока:

«О старости думай всегда — с юных лет,
У старых ни силы, ни времени нет.

Служи богу с юности, время не ждет,
Под старость, поверь, не познаешь невзгод.

Благим с малых лет будь, пока ты не стар,
Придет к тебе старость — остынет твой жар.

Сколь благостны дни твоей юной поры:
От всех тебе благ воздаянья добры!

И жалок в преклонных годах человек,
Бесцельно потративший свой юный век!»

Все блага мирские для жизни даны,
А кончится жизнь — и они не нужны.

Богатства ты копишь, твой век суетлив,
Кому их оставишь ты, дух испустив?

4700 Допустим, служить я к элику пойду,
Познаю друзей и людей, их страду,—

Что пользы? Для всех — в лоне смерти приют:
Умрешь — на тебя две холстины навьют!

И что суетиться так — греться и стыть,
Двум целям и служит-то вся твоя прыть!

Одна из них — больше богатств обрести,
Другая — в могуществе жить и в чести.

Добро б еще смерти не знал человек
И два этих блага обрел бы навек!

Но всё исчезает у смертной межи,
К чему всё мирское, о мудрый, скажи!

Избранникам счастья присущ верный знак:
Растет благодать им дарованных благ.

Но студит людей гнет несчастий и зла
И к старости их сокрушает дотла!

Прекрасно сказал превеликий мудрец,
Да внемлет ему ясноликий юнец:

«Блажен, кто всегда — до поры старых лет
Не делает зла, добрым сердцем согрет.

4710 А самый несчастный из смертных людей,
Кто, старясь, бежит за страстями вослед!»

Где ныне весь мир покоривший воитель,
Железных твердынь-крепостей устроитель?

Где пес недостойный, всем миром владевший,
На черном орле к поднебесью взлетевший?

Где богом себя возомнивший в гордыне
И сгубленный богом в бездонной пучине?

Где жадно копивший несметные блага,
В могилу унесший сокровища скряга?

Где тот, что на запад прошел от востока
И длань распростер над вселенной далёко?

Где муж, что жезлом с острым жалом змеиным
Морским повелел расступить пучинам?

И где ныне слывший великим владыкой
Всех тварей — несметной толпы многоликой?

И где ныне муж, мертвецов воскрешавший
И сам в лапы смерти безвинно попавший?

Где ныне избранник, стоявший над миром?
Стал мир без него и ущербным и сирым!

4720 Столь избранных смерть не щадила ничуть,—
Ужели тебе этой доли минут!

Таков в этом мире порядок-закон,
И что из того, люб иль нет тебе он!

И сколько людей под землею лежит,
А зев ее черной утробы не сыт!

Взгляни только в черное чрево земли,
Там сонмы избранников в муках легли!

И сколько владык там, распавшихся в пыль,
И сколько премудрых, полегших во гниль!

Там бека нельзя отличить от раба:
Одна у богатых и бедных судьба!

И сонм гордецов, не болевших ничем,
Полег под землею, недвижим и нем.

И сколько людей полегло в твердозем!
А ты или я разве вечно живем?

Все люди — скитальцы, и — вдаль им идти,
Не ставят жилищ на великом пути!

Все страсти свои я сумел побороть,
Оставь меня, мне да поможет господь!

4730 Лишь алчность людей превращает в рабов,
А я всем доволен, мне чужд ее зов.

Сказал всё мирское презревший мудрец,
К соблазнам мирским охладевший мудрец:

«Желанного я в этом мире достиг
И, алчность презрев, от соблазнов отвык.

И сбросил я бремя желаний мирских:
Иссякли желанья, и — нем мой язык!»

Сей мир — это поле, и знай наперед:
Что в поле посеяно, то и взойдет.

При добром посеве и всходы добры,
И, значит, ты сыт и одет до поры.

А плохо засеял — плохое взошло,
И завтра нести тебе вьюк тяжело.

И если ты нынче страстей не пресекаешь,
То завтра добра не познаешь вовек!

Забудь же сей мир с его злобной тщетой,
Оставь, пока он не пресыщен тобой!

Не кинешь его — он покинет тебя,
Не бросишь его — он отринет тебя.

4740 Быть с ним? Для чего? Что тебе в нем далось?
Пока строит козни он — сам его брось!

Оставь его, думай о мире ином,
Ты вечный покой обретешь только в нем.

А если мечтаешь о лучших дарах,
Забудь навсегда об обоих мирах!

Владыке обоих миров поклонись,
В нем сей мир и тот воедино слились.

И всё, что он создал, ты в нем обретешь,
Что он сотворил — в нем самом обретешь.

Без страха покинь тех, кто им сотворен,
Страшись лишь творца: он — твой щит и заслон.

И разве пристало, творца позабыв,
К созданьям его устремлять свой порыв?

У дела служенья два выбора есть:
Кто служит достойно, тому будет честь.

А если негожи, неладны труды,
Напрасна вся жизнь, дни и годы худы.

За добрую службу властитель почитит,
А кто нерадив, тот изведает стыд.

4750 И голоден ты или сыт, а беги:
Покой — для властителя, труд — для слуги.

Но если неладен, нескладен твой труд,
Дни жизни твоей бесполезно пройдут.

Что доброго тут для слуги самого,
И в чем будет радость от службы его?

Внемли, что сказал муж из рода Ыла,
Ему суть служенья известна была:

«Посмотришь, трудна участь бековых слуг:
Послужишь с лихвой, а оценят не вдруг.

Понравишься — жизнь твоя станет что плен,
Не нравишься — будешь всё боле презрен.

О в службе усердный, не верь ей, усвой:
За службу заплатишься ты головой!

Как будто и рады, а смотришь — бранят,
Как будто одобрят, и вдруг — хмурый взгляд.

Понять, что хотят от тебя, и не ладь,
И прихоти тоже нельзя разгадать!»

О сын мой, сей мир — словно ветер лихой,
Он — тень, коей ввеки неведом покой.

4760 Он — словно бы призрак: узришь его след,
Захочешь поймать, а его уж и нет!

Миг счастья исчезнет, едва лишь возник,
Он скор и неверен и старится вмиг.

Сей мир я теперь ни за что не приму,
Мне миг его счастья ловить — ни к чему!

Мне память о боге — отрада отрад,
Наказам его несказанно я рад.

Любил бы господь,— что в любви мне иной?
Враг господа, бес — враг заклятый и мой!

Мне бог — упование и смысл бытия,
Прибежище мне он и радость моя!

Овчина — покров мой, ячмень — мне еда,
И мной бранный мир позабыт навсегда.

Внемли слову мужа, что предан был вере,
Отшельником жил он в далекой пещере:

«Всего мне довольно, доволен я всем,
Овчиной прикрыт я и отруби ем.

И слаще, чем сахар, те отруби мне,
И шелк не достойней лохмотьев ничем!»

4770 И пищи полно — хоть всё чрево набей:
Довольно для сытости мне отрубей!

А есть надо — только бы жизнь поддержать:
Беда, если ешь ты скотине под стать!

Не зарься на сласти — ярем их суров:
Расплата за сладость — разверзнутый ров!

Все сладости глотке милы, животу,
А тешащий чрево подобен скоту.

Одежды милы людям, бархат с парчой,—
О доблестный, плоть свою только прикрой!

Насытишь утробу — два дня будешь сыт,
Накинешь одежду — два года прикрыт.

За два эти блага стать людям рабом,
Служить им — подумай: что доброго в том?

От горних небес до бездонных глубин
Все сущие в муках живут, как один.

Один только бог сам не ведает мук,
Но мукам людским он — всеведущий друг.

И я к одному только богу влеком:
Взыскаю его, мыслю я лишь о нем.

4780 Мне ясно: едино его существо,
И сердцем и словом я верю в него.

Бессонно я верю в его благодать,
А где обрету ее — мне ли то знать!

Мой ум неусыпно к творцу прилежит,
Видны лишь дела его, сам он сокрыт.

Кто ищет — не спит: неусыпно ищи,
На то, что не смог отыскать, не ропщи.

Ищи неустанно — нет края пути,
Не будь лежебокой — мол, мне не найти.

Кто ищет, тому отдыхать не дано,
Усталым желанное не суждено.

Без отдыха ищущий как не найдет?
Лежащий желаемых благ не найдет!

Он первый меня возжелал, возлюбил,
Дарю ему ныне ответный я пыл.

От века и вечно желанный ему,
Теперь я стремлюсь лишь к нему одному.

И как же, скажи, не любить мне творца,
И как не искать его в поте лица?

4790 В печалях и бедах опора моя,
Спасает меня он от мук бытия.

Им избранный, им я от века иском,
И сам я к нему всей душою влеком.

Он создал меня, — это истинно так, —
Взрастил, воспитал, дал дары своих благ.

К нему я прибегнул, покинув людей,
Меня да хранит он всей силой своей.

Один я, со мной — только память о нем,
Со мной имя господа ночью и днем.

Господь мне — утеха, опора и щит,
Он — пища мне, голоден я или сыт.

Внемли, что сказал богу преданный муж,
Благой, чистоты неизведанной муж:

«Все тайны души я открою тебе,
Я предан своею мечтою тебе.

Господь, ты мне — помощь, отрада отрад,
Молюсь я, забыв всё мирское, тебе!»

Для мира иного сей мир тебе дан:
Не бросишь сей мир — и в ином ты не ждан.

4800 От этого мира свой лик отвори,
Тогда лишь иной мир дано обрести.

А ежели мыслишь ты лишь о мирском,
Как будет тобой мир грядущий иском!

Опасен сей мир, и глоток его — яд,
Ищи непорочных и чистых услад!

Мечты о мирском навсегда позабуди,
Найдешь ты в грядущее праведный путь.

Всю правду об этом узнай, Огдюльмиш,
Я всё расскажу тебе, ты — да услышь!

Четыре преграды сломить не сумел —
Не сделаешь ты четырех своих дел.

Пока мир соблазнов тобой не забыт,
Тебе мир грядущий навеки закрыт.

Пока ты, о брат, не покинул людей,
О верности богу и думать не смей.

Пока ты страстям не сломаешь хребет,
Вовеки дорог тебе к истине нет.

Стремленье к соблазнам в душе уничтожь,
Тогда лишь и к богу любовь обретешь.

4810 Сей мир — лишь темница для всех мусульман,
Не жди его благ, избегай его ран.

Смири свою плоть, не потворствуй страстям,
Тогда лишь твой путь будет ровен и прям.

Напрасно не трать быстротечные дни,
Запомни: вовек не вернуться они.

Зря жизнь пробежит — муки ждут впереди,
А жизнь ты загубишь — второй и не жди!

Мудрец, чьи познания — море, изрек,
Он тих был и скромн, а сердцем — высок:

«Кочуя меж селами из края в край,
Кочевью заранее путь выбирай.

Блажен, кто заране к кочевью готов:
Цветет его взор от успешных трудов.

Но ложью не тешься: спеши, не спеши,
Конец всех кочевий — в безвестной глуши.

И — бек ли ты, раб ли — беспечным не будь:
Не вечен ты, смерть преградит тебе путь.

Живи восемнадцать ли, тысячу лет —
Ты смертен, — оставь по себе добрый след!

4820 И нищ ли ты, беден, имущ ли, богат,
А жизнь твою дни без остатка съедят!

Да будь ты величьем взнесен до небес,
А смотришь — под черной землею исчез!

И кто бесполезную жизнь проживет,
Тот сам себя сжег, он — бесчувственный скот!»

Кто телом здоров, а тщетою объят,
Нелепа вся жизнь его жалкая, брат.

О брат, не печалься печалью моей,
Горюй о себе, о себе слезы лей.

Тщета сего мира страшней западни:
Заманит и хлопнет, — к приманке не льни.

И если тебе счастья вдоволь дано,
Не верь его ласкам: не вечно оно.

И помни о смерти: ей близок черед,
Нежданно она из засады скакнет.

Немало беспечных сгубила она,
Немало богатств разметала сполна.

Внушал некий муж, прозорливый умом,
Что смерть — это зло, ты, мол, помни о том:

4830 «Да, смерть порассеяла много людей,
Наплачешься, только помыслив о ней.

И сколько кичливых владык не спаслось:
Их войско, оружие — ее не сильней!»

Беспечен не будь: жизнь мелькнет без следа,
Прошедшие дни не вернешь никогда!

Покою не льстись — дни напрасно пройдут,
И счастью не верь: вздорный нрав его худ.

Хвастливых бахвалов развеяла смерть,
И всех самохвалов развеяла смерть.

Селенья дотла рушит смерть, города,
Дворцы и чертоги крушит навсегда.

И сонм мертвецов под землю лежит,
Зовя нас, живых, за собою, лежит.

Открой свои очи — поймет ли твой взгляд,
Где слуги, где их властелины лежат?

Где смерть — там и сан и величье не впрок,
От смерти никто уберечься не смог!

Благих провозвестников смерть унесла,—
Где сыщется средство от этого зла!

4840 Коварен сей мир, он — мучитель людей,
Лукавый, неверный, жестокий злодей!

Дни быстро бегут, и уходят чредой
Достойный и добрый, дурной и худой.

Голодные смертны и сытые — всяк:
Ни бек не спасен, ни богач, ни бедняк.

Исход и блаженству и тяготам скор,—
К чему же разлад и крикливый раздор?

Я добрую речь мудреца приведу,
Душа и дела его были в ладу:

«Гордец и при малой удаче спесив:
До неба взнесется, себя позабыв.

А смерть подоспеет, сразит гордецов,
Потушит им очи — смирит их порыв!»

Вел речи я, движим к тебе добротой,
О славный, вниманием их удостой!

Кто внять этой правде доподлинно смог,
Тому бранный мир будет чужд и далек.

Не юн я, и стать моя стала стара,
На мускус волос уж легла камфара.

4850 Готовиться к смерти приходит мой срок,
О доблестный, час мой уже недалек.

Боль смерти приблизилась, радость ушла,
А что после смерти — какие дела!

И если я помыслом чую беду,
Зачем же теперь я к элику пойду?

Элику ничем я помочь не смогу,
И пользы не будет, — поверь, я не лгу.

Он мнит меня этого мира жильцом,
Я ж кинул сей мир, — пусть помыслит о том.

Господь сотворил человеческий род
Для двух разных дел — двух различных забот.

Одним рай судил он, другим — адский дол,
Тех — ввысь он вознес, этих — в бездну низвел.

Кто высей желал, тем он дал ясный путь,
И низкой стезе им назначена суть.

Но чтобы свой долг раб исполнить бы смог,
Подмогу во всем да пошлет ему бог!

И ежели бог ему помощь дарит,
Рабу путь ко всякому благу открыт.

4860 И если в служении пыл его жгуч,
К несчитанным благам отыщет он ключ.

Все знанья мои сих нелегких наук
Тебе я поведал, о добрый мой друг.

Нужны вам слова наставлений благих —
Вот эти слова, они лучше моих:

«Мир вечности ищешь — сей путь к нему прям,
А как найти бренное — знаешь и сам.

Когда ты удачлив и счастлив в судьбе,
Всё будет дано, что желанно, тебе!»

О чем же мне, друг, и мечтать о другом,
Помочь мне желанно вам в деле благом!

И богу меня да поручит элик,
Молиться о нем буду я каждый миг.

И то, что меня объяснить ты просил,
Ты слышал, я всё рассказал в меру сил.

Внемли мне, а если не внемлешь, ну что ж:
Не нынче, так завтра сам правду поймешь.

Мудрец, чьи познания — как море, изрек,
Прислушайся — ты расцветешь, как цветок:

4870 «Тебе нынче кажется сном моя речь,
А впредь из нее сможешь правду извлечь.

Используй наказ мой, беспечен не будь,
Посмеешь ослушаться — бед не минуешь!»

Элик мои вины, грехи да простит,
Сам думай, чем вылечить горечь обид.

Тебе выпал труд: путь нелегкий далек,
Но мздой, равной солнцу, воздаст тебе бог.

Печалью мне сердце, о брат, не круши
И дружбу с тобой сохранить разреши!»

ответ огдюльмиша одгурмышу

В ответ произнес Огдюльмиш: «О, поверь,
Мне праведный путь стал понятен теперь.

Внимательно выслушал все я слова,
И я умолкаю: в них правда жива.

Правдива и праведна слов твоих суть,
А всё остальное — неправедный путь.

Ты — прав, я ж — во власти тщеты и забав,
Смиряюсь я, тщетное правдой поправ.

И я ухожу, будь и цел и здоров,
О муж, внявший правде обоих миров!

4880 О брат мой, господь да пошлет тебе сил,
В молитве и нас чтобы ты не забыл.

И ты за меня попроси у творца,
Чтоб истину он мне открыл до конца!»

И слово прервал он, собираясь домой,
Простился и — к дому дорогой прямой.

Коня оседлал он, приехал он к дому,
Вошел, отдохнул, подавляя истому.

Поел и попил он, и, думой объят,
Он всё, что услышал, обдумал стократ.

И солнце подернулось черною дымкой,
Весь мир притаился во тьме невидимкой.

Румийская дева сокрыла чело,
И тьмою кудрей ее мир облекло.

Черны, словно раб, смеркли горние дали,
Летучие — стихли, ходячие — стали.

Омывшись, склонился в ночной он мольбе
И лег, повелев сделать ложе себе.

И он пробудился, поспавши немного,
И видит: уж Марс опустился полого.

4890 Глядит он — Плеяды пошли под уклон,
И в небе с востока встает Скорпион.

Лежал он, но мукой терзался бессонной,
Как будто больной, лихорадкой сраженный.

И думал он думу бессонной порой,
И небо белело уже камфарой.

Но небо еще, словно амбра, темнело,
Ростками лучи прорезались несмело.

Но солнце взошло, и рассеялся мрак,
И вздыбился с алой расцветкою стяг.

И встал Огдюльмиш, и, свершив омовенье,
В молитву вложил он весь пыл разуменья.

Когда красный щит над землей стал высок,
Пошел Огдюльмиш к властелину в чертог.

Элик повелел ему тут же войти,
Вошел он и руки сложил на груди.

И знаком элик повелел ему сесть,
Тот сел, соблюдая обычай и честь.

вопрос элика к огдюльмишу

И, дав ему сроку, элик произнес:
«Ответь мне, о доблестный муж, на вопрос.

4900 Что брат твой сказал? Как с наказом моим?
Зачем ты ко мне? Почему ты не с ним?»

ответ огдюльмиша элику

В ответ Огдюльмиш всё поведал толково,
Какой разговор был,— от слова до слова.

О чем говорилось во время бесед,
Поведал он всё властелину в ответ.

Элик призадумался думой большой,
И плакал он, сердцем скорбя и душой.

«Да, брат твой,— сказал он,— ответил правдиво,
И речь его вся до конца справедлива.

Мы силой гнетем себя, нам же немилрой,
И нудим его произволом и силой.

Сей мир преходящ, всё пройдет без следа,
И то, что придет, отойдет навсегда.

Мир вечности — да, он наступит, конечно,
Ни благо, ни зло в этом мире не вечно.

Блажен в вечном мире достигший высот:
И благо себе он и честь обретет.

Прав, видно, твой брат — муж, прозревший
надежно,
Призвать его к нам — эта цель невозможна.

4910 Мы все — лишь невольники наших страстей,
Напрасна тщета наших суетных дней!

Узнай, что сказал муж великой души,
Усвоить сей добрый совет поспеши:

«Дашь прихотям волю, поддашься страстям —
Ты верную смерть предречешь себе сам.

Где страсти живут, там душа не жива,
А в мертвой душе верность богу мертва!»

Мертво наше сердце, мы — в тяжком плену,
Страстей наших древо растет в толщину.

А слава, величье, счастливые дни,
О муж справедливый, не вечны они!

Добра в мире мало, да много невзгод,
Гнетут нас недуги, проклятье гнетет.

Прекрасен премудрого мужа совет,
Сей мир он познал, да и зрелых был лет:

„Величием не льстись, о достигший высот,
У тех, кто велик, много тяжких забот.

Где радость — там бедствий и горестей гнет,
Где благо — там тысяча мук тебя ждет!“»

ВОПРОС ЭЛИКА К ОГДЮЛЬМИШУ

4920 Элик снова молвил: «О мой Огдюльмиш,
Причину, зачем его звал я, услышь.

Когда бы себе от него ждал я благ,
То разве об этом я пекся бы так!

Не хочет быть здесь он, в упорстве он лих,
Не хочет он видеть друзей и родных.

Но правду сказал он, ничуть не дерзя,—
Неволить его, как я вижу, нельзя.

Твои тоже были докучны труды,
Устал ты от долгих бесед и езды.

О доблестный, что ж — поглядим, подождем,
Что будет — свершится своим чередом.

Грядущее скрыто во мраке ночей,
Оно заблестит от рассветных лучей!

И время — что туго натянутый лук,
И мечет оно стрелы блага и мук.

И ты всё веленьям творца предоставь:
Срок выйдет — родится из небыли явь.

Когда что начнешь, а дела недобр ,
Попытки, о мудрый, оставь до поры.

4930 Таков уж сей мир: не даются дела,
Отчаешься — смотришь, удача пришла.

Давай испытаем его, подождем,
Одарит нас время удачливым днем!

И сам пожелает увидеть он нас,
И сам обо всем поразмыслит не раз!»

На том было кончить угодно элику,
И встал Огдюльмиш, и покинул владыку.

И время бежало, и шел день за днем,
Элик размышлял и о том и о сем.

68

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ, КАК ЭЛИК КЮНТОГДЫ
В ТРЕТИЙ РАЗ ПОСЛАЛ ЗА ОДГУРМЫШЕМ

Призвал Огдюльмиша элик как-то раз.
«Есть дело к тебе, — свой он начал наказ, —

Твой брат не приехал на зов мой и клич,
Желанной мечты не сумел я достичь.

Отверг я несбывшийся умысел мой,
Теперь озабочен я думой другой.

Иная теперь в моем умысле суть:
Хочу на него я воочью взглянуть.

И я ли пойду к нему, он ли ко мне,
О свет мой, мы свидимся наедине.

4940 Пускай он приедет и, дав мне совет,
Вернется опять исполнять свой обет.

Не в тягость ему ведь добром мне помочь,
Сомненья мои да изгонятся прочь!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

В ответ Огдюльмиш произнес: «Достославный,
Исполнена речь твоя истины явной.

Элик повелит — я поеду к нему
И, чтобы призвать его, меры приму.

Поеду к нему, твою речь передам,
Его привезу — не езжай к нему сам.

А лучше вели мне поехать с письмом,
Тогда славный муж мне поверит во всем!»

ОТВЕТ ЭЛИКА ОГДЮЛЬМИШУ

Элик отвечал: «А зачем быть письму?
Ты — лучше письма, он поверит всему!

Письмо шлют с гонцом, суть посланья тая,—
Иному кому ж, как тебе, верю я!

Внемли, что сказал бек из рода Ягма,
Во всем, что ни есть, был он мудрость сама:

«Гонцу если верят — посланье излишне,
Раз веришь — иные старанья излишни.

4950 Устами скажи и на слух слушай слово,
Письмо же — усвой назиданье — излишне!»

И эта задача не столь тяжела,—
Не надо бояться ее, словно зла.

Зачем устной речи подспорье письма?
Ты сам — и письмо, муж благого ума!

Приедет ко мне он, вернется назад,
Я воле его не поставлю преград.

И вот с чем я шлю тебя волей моей:
Добром позови, а неволить не смей.

А он не приедет — ну что ж, не беда:
Сам съезжу и, свидясь, приеду сюда!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

«Все думы заветные сбудутся в срок,—
Сказал Огдюльмиш,— если помощь им — бог.

И я послужу неустанно тебе,
Исполню я всё, что желанно тебе.

Лишь был бы здоров ты, не ведал невзгод,
А бог тебе всё, что ты хочешь, пошлет!»

И, выйдя, верхом сел он, путь недалек,
Приехал к себе и одежды совлек.

4960 Багряного солнца желтело чело
И словно бы золотом мир облекло.

И стало как будто шафранным светило,
И небо вселенной лазурно светило.

И, брови нахмутив, свод неба темнел,
И стал чернокожим вселенский предел.

Поев и омывшись, свершил он намаз,
Велел постелить и заснул сей же час.

Лады соловья огласили весь дол,
Он в страхе проснулся, и сон уж не шел.

Без сна он лежал, и внимал его слух,
И тешил он звуками пенья свой дух.

И ночь длилась долго, а сна — будто нет,
И был ему в радость забрезживший свет.

И черный свой ворот рванул небосвод,
И блещущий лик глянул с горних высот.

Улыбкой расцвел дивный девичий лик
И светом залил всю вселенную вмиг.

Багряное в небе зардело чело,
И стало везде во вселенной светло.

4970 И встал он, умылся, надел свой наряд,
Молиत्वу свершил, доброй думой объят.

Коня повелев оседлать себе, он
Отправился к брату, душой просветлен.

И, к брату приехав в глухой его дол
И спешившись, он к его двери пошел

И в дверь постучал он рукой, и на звук
К нему вышел брат, услыхав его стук.

ВОПРОС ОДГУРМЫША К ОГДЮЛЬМИШУ

И тот, увидав Огдюльмиша, изрек:
«Да, брат, ты себя долгим долгом облек!

Зачем дал себе ты мученье такое,
Зачем и меня ты лишаешь покоя?»

Давай-ка войдем, я прошу рассказать,
Зачем же ко мне ты приехал опять?»

И братья вошли. Был отшельник сердит:
Насупился он, не скрывая обид.

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ОДГУРМЫШУ

«О праведный,— молвил пришелец ему,—
Не хмурься и слову внемли моему.

Тобою тогда мне реченные речи
Элику я точно поведал при встрече.

4980 С прилежным вниманьем всё слушал элик,
И в суть твоих слов он старательно вник.

Тебя он не станет неволить, поверь,
Но есть у него еще просьба теперь.

Меня он прислал передать тебе слово,
И ты не кори меня, славный, сурово.

У всякого дела есть мера и грань,
Крушителем собственных дел ты не стань!

Внемли, что сказал муж разумного слова,
Всему, что ни есть, в его речи — основа:

«Ни меры ни в чем не нарушь, ни предела,
А если нарушишь — потеряно дело!

Всему есть законные грани и мера,
Всё в меру свершенное живо и цело!»

Оставил элик прежний умысел свой,
Лишь свидеться хочет теперь он с тобой.

Поедешь ли ты к нему, он ли сюда,
Тебя повидать у него есть нужда.

Тебе это, брат мой, не будет во вред,
Сломи же суровость, дай добрый ответ.

4990 Элик очень добрый и мудрый владыка,
Его милосердие к бедным велико!»

ОТВЕТ ОДГУРМЫША ОГДЮЛЬМИШУ

Ему отвечал Одгурмыш: «Это слово
Разумнее прежних, муж сердца благого!

Предписано праведным единоверцам
Гостить друг у друга, о доблестный сердцем!

И добрый покорно приемлю я зов,
Его навестить в сей же день я готов.

И вот почему я не ездил доселе:
Он ждал от меня себе помощи в деле!

Теперь он другой идет — верной — дорогой,
И мне дорог путь справедливости строгой.

Элик пусть не ездит, я еду к нему,
Зачем ему тяготы — я их приму.

Элику дано быть народу владыкой,
Достоин он чести и славы великой.

Он всех наставляет и делом и словом
И ставит преграды порочным основам.

Сказал муж, чей разум как море глубок,
Был мудр он, и скромн, и сердцем высок:

5000 «О подданный, волю властителя жалуй,
Подвластны ей все — и великий и малый.

Чти бека и волю его неотступно,
Будь он даже раб, что был куплен менялой!»

И мною приказ повелителя чтим,
Его навещу я, побуду я с ним.

Езжай и элику скажи мое слово,
Мол, еду я, принял я честь его зова.

Едва лишь сокроется свет за покровом,
Я еду, дай место под старым мне кровом.

А днем ехать — люди за мной побегут,
Молва разгорится да суд-пересуд.

Езжай и жди дома, и в знак уговора
Ты спать не ложись, я последую скоро.

Приеду к тебе я, мы вместе побудем,
Как быть и что делать — пойдем и обсудим!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ОГГУРМЫШУ

Был рад Огдюльмиш, и в ответ он сказал:
«Ты прав, твои речи достойны похвал!»

Я еду, и тотчас пойду я к элику —
Обрадую доброю вестью владыку.

5010 Держи свое слово, езжай мне вослед,
В задуманный час свой исполни обет!»

И вышли они, порешивши на слове,
Довольны, они уж не хмурили брови.

«О брат, — вновь пришелец решил помянуть, —
Ты слова не рушь, о достойный, прибуди!»

Едва лишь светило за землю заглянет
И угольный полог всё тьмою затянет,

Езжай, буду ждать я, — сказал он ему, —
И меры, какие потребны, приму».

Коня оседлал он, приехал к элику,
Спросил разрешенья увидеть владыку.

И он властелину сказал обо всем,
И рад был элик — просветлел он челом.

ВОПРОС ЭЛИКА К ОГДЮЛЬМИШУ

«Добро,— он сказал,— эти вести пригожи,—
Надеюсь, твое и его слово схожи.

Когда он приедет — вопрос был,— ответь,
И где мне его, о премудрый, узреть?»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

Сказал Огдюльмиш, отвечая ему:
«Едва ночь оденет лик мира во тьму,

5020 Ко мне он приехать намерен — в мой дом,
К тебе он придет, как назначишь прием!»

ОТВЕТ ЭЛИКА ОГДЮЛЬМИШУ

«Да, ты претерпел много мук и тревог,—
Элик произнес,— да воздаст тебе бог!

Ты этим лекарством мне вылечил хвори,
Утешил мне сердце ты в тягостном горе.

Дождись его дома, меня извести,
А я велю слугам за вами прийти.

Последуй и ты с твоим родичем вместе,
Его я приму, как и должно, по чести.

Об этом и сказана мудрая речь,
Умей из нее суть и правду извлечь:

„Когда нашим душам благое желанно,
Надеждой мы тешим себя непрестанно.

А сыщем заветное — рады всем сердцем,
Уже мы не судим об этом пространно!“»

«Добро!» — произнес Огдюльмиш и опять
Пошел он домой, чтобы гостя принять.

И спрятало лик свой за землю светило,
Весь мир тьма ночная туманом покрыла.

5030 Вселенную вдовий наряд облакал,
Тьма неба была — как бесовский оскал.

Всё стихло, всё сущее очи сомкнуло,—
Ни ссор, ни раздоров, ни шума, ни гула.

69

повествуется о приезде одгурмыша к огдюльмишу

Приспел Одгурмыш в должный час, и к воротам
Его Огдюльмиш вышел встретить с почетом.

С поклоном он взял гостя за руки, в дом
Вошли оба доблестных мужа вдвоем.

Оказана гостю едой была честь,
О госте элику отправили весть.

Элик им отправил ответ в свой черед,
Призвал их к себе, оказал им почет.

70

повествуется о встрече элика кюнтогды
с одгурмышем

И оба к элику пошли, и в покоях
Он сам их приветствовал — встретил обоих.

Элик их с поклоном встречал, и при этом
Отшельника первый почтил он приветом.

Любезно приветив отшельника, он
Спросил о здоровье, челом просветлен.

И рядом с собой он велел ему сесть,
Во всем оказал благосклонность и честь.

5040 «Твой путь, Одгурмыш, был и лих и тяжел,
Сюда ты,— сказал он,— пешком, верно, шел!»

ОТВЕТ ОДГУРМЫША ЭЛИКУ

Сказал Одгурмыш: «Знай, очей моих свет:
Тебя увидал я — и тягот уж нет!

По собственной воле пришел я сюда,
Откуда же будет, элик, мне беда?

Когда человека желанное манит,
Он даже от тягот — и то не устанет.

Внемли, что сказал муж и мудрый и знатный,
Он мудростью славы достиг благодатной:

«При сильном желанье и дальше — рядом,
Дано приближаться к желанным уладам.

По зову души к дальней цели спешащий
Приблизится быстро к удаче манящей.

А если идут не по зову души,
Даль ближе не станет — спеши, не спеши!»

Конечно, дорога пешком тяжела,
А сердце зовет — и не ведаешь зла.

Элик, шел к тебе я с заветною думой,
Откуда же тяготам быть, ты подумай!

5050 Когда сердцу дорог и мил кто-нибудь,
Становится близким любой дальний путь!»

ВОПРОС ЭЛИКА К ОДГУРМЫШУ

«Из многих вопросов,— элик произнес,—
Ответь мне на мой самый первый вопрос.

Вот ты, говоришь, шел по зову души,
Тогда ты мне вот что спросить разреши.

Ты знаешь: в приветствии — честь и почет,
Приветствуешь первым — и делу дан ход.

Меня увидав, ты не отдал поклон,
За что я тобой этой чести лишен?»

ОТВЕТ ОДГУРМЫША ЭЛИКУ

Сказал Одгурмыш: «Я ведь первым поклон
Не делаю с умыслом с давних времен.

Здороваться — значит желать быть здоровым,
Желают здоровья приветственным словом.

Приветствие — милость, от болестей кров:
Желают здоровья — и будешь здоров.

Об этом и сказано верное слово,
Внемли же ему, о муж сердца благого:

«Благим пожеланьем мы милость дарим,
Даруется здравье приветом благим.

5060 В благом пожеланье — защита от бед,
Ответивший тем же — вовек невредим!»

Великие малых всегда привечали,
Всё будет во благо при добром начале.

Где младший чтит старших и мудрость их слов,
Наказам их внемлет — он жив и здоров.

Где младший от гнева великих спасен,
Под сенью добра благоденствует он.

Элику немилостей ждать от меня ли?
Я мал, а какие от малых печали!

Могуч своей властью над всеми элик:
Свершит всё, что хочет, во гневе он вмиг!

И смерду негоже лезть к беку с приветом,
А в чем суть, о мудрый, — сказал я об этом.

Меня ты сначала призвать захотел,
Чтоб я послужил тебе с пользой для дел.

Но был твоему непослушен я слову,
Коварен сей мир, я не внял его зову.

И гостем меня пригласил ты тогда,
И, зову послушен, я прибыл сюда.

5070 Я в страхе предстал пред тобою, с опаской,
Меня ты ободрил приветом и лаской.

И страх пред тобой повергал меня в дрожь:
Я думал — о прежнем ты речь поведешь.

Теперь я поверил тебе безусловно,
Я вижу, что ты меня примешь любовно!»

ОТВЕТ ЭЛИКА ОДГУРМЫШУ

Элик отвечал ему: «Хуже худого,
Когда бек не держит им данное слово!

Ему не во благо ни честь, ни почет,
Когда он посулов своих не блюдет.

Кто лжив и к горячности склонен мгновенной,
Не может эликом быть — править вселенной.

И как же он править-то будет людьми,
Когда он и лжив и не властен,— пойми!

Об этом и сказано очень толково:
«Лишается счастья нарушивший слово».

Обманщики подлы, и хуже их — нет,
А самый дурной — кто нарушит обет.

Прекрасно сказал муж правдивого склада,
Правдивому богом дается награда:

5080 „Бек должен быть честным, правдивым во
всем,—

Мы мужем обманщика не назовем.

Мужи не нарушат обета вовек,
Одним только сплетницам ложь — нипочем!“»

ОТВЕТ ОДГУРМЫША ЭЛИКУ

Ему отвечал Одгурмыш: «О элик,
Ты этих высоких достоинств достиг.

Всевышний владенья твои да умножит,
И доблесть твою укрепить да поможет!

Все беки — избранники, честь им, хвала,
Да чтутся их речи и все их дела!

Мудрец поучал словом, верным вовеки:
«Народ богатеет при праведном беке».

Другой муж учил, — головой был он сед,
Сей мир он познал и преклонных был лет:

„Будь доблестен нравом, властитель вселенной, —
Дано быть изменчивой радости бренной.

Покрой свое имя достойною славой,
Обманчиво счастье повадкой лукавой!

Будь чужд, о властитель, порочным основам,
Забойся о благе и делом и словом.

5090 О славный, изменчивы власть и величье,
Нетленны одни лишь благие отличья.

За благо подвластных, за доброе ратуй,
Тебе да воздастся достойной оплатой.

Дни жизни подобны ветрам-ураганам,
Счастливые дни обернутся обманом!“»

ОТВЕТ ЭЛИКА ОДГУРМЫШУ

«О мудрый, — элик отвечал, — мне желанно
Твоим наставленьям внимать постоянно.

И я одержим сокровенной мечтой:
О муж достославный, будь рядом со мной!

Помог бы советом ты мне ежечасным,
Как волю направить к свершеньям прекрасным.

Здесь — толпы мздоимцев, сквалыг, приверед,
Лишь верных и честных, о праведный, нет!

Здесь беки на страсти и прихоти скоры,
А сердцу ни в ком не отыщешь опоры.

Глядишь, во дворце — всюду головы сплошь,
А делу радеющих — нет, не найдешь!

Об этом и стих есть отличного склада,
Усвоить его тебе, праведный, надо:

5100 «Есть люди: мужами назваться спешат,
А толку не жди от них — он маловат.

Иной больше тысячи прочих сметлив:
И тысячи рук его дел не свершат!»

Внемли, Одгурмыш,— еще молвил элик,—
Господних ты милостей многих достиг.

Деянья твои твоей славе под стать,
Свою да пошлет тебе бог благодать!

Дай долю даров мне, что дал тебе бог,
В душе бы я скверну страстей превозмог!»

ОТВЕТ ОДГУРМЫША ЭЛИКУ

«О бек мой,— ему Одгурмыш отвечал,—
Лишь облик мой внешний достоин похвал.

А если бы знал ты, что скрыто под ним,
Я был бы и прогнан тобой и браним.

Молва есть, что праведник я и аскет,
Но это — свершенью обета во вред.

Подумай: молва эта сгубит меня,
Гордыня растет во мне день ото дня!

Украсил я лавку на вид, напоказ,
А польза ль торговле от этих прикрас?

5110 О людях по виду, элик, не суди,
Нутро их, сокрытую суть разгляди!

Бывает, что дыня красою блестит,
Отменны и запах, и свежесть, и вид.

А если нет вкуса — беде не помочь,
Отбрось эту дыню, о доблестный, прочь!

Внемли прозорливым словам мудреца:
«Нутро украшай, а не то, что с лица!»

Всему — по достоинствам сути цена,
А нет доброй сути — краса не нужна!»

ОТВЕТ ЭЛИКА ОДГУРМЫШУ

Элик отвечал ему: «О благодатный,
Твой облик — под стать твоей сути приятной!

Покинув сей мир, ты спасен от обуз,
А я связан бременем — тяжек мой груз.

В мирском я погряз и прикован к суетам,
И мне ли служить всемогущему, — где там!

Поддай мне совет, и я, верен ему,
Очищусь душой — благо в сердце войму!»

ОТВЕТ ОДГУРМЫША ЭЛИКУ

Сказал Одгурмыш, отвечая: «О бек,
Да будут с тобою все блага вовек!

5120 О муж, чьи познания — как море, усвой:
Дурнейший из божьих рабов пред тобой!

Есть слуги у бога дурней? Это ложь!
Вот я — это я, хуже ты не найдешь!

И что тебе проку от наших бесед:
Послужит ли в пользу тебе мой совет?

Надеждой на бога еще я храним:
Пощенье он даст прегрешеньям моим.

Внемли, что сказал муж, немало грешивший
И бога простить прегрешенья моливший:

„Я — грешный твой раб, вероломный, дурной,
И тяжек мой грех — всё свершенное мной.

Господь, ты — опора мне, кто же иной?
О, сжался, молю, над моею виной!“»

ответ элика одгурмышу

«О доблестный,— был от элика ответ,—
Ты благ, и достоинств прекраснее нет!

За то, что себя ты считаешь дурным,
Ты будешь людьми и любим и хвалим.

Чисты в тебе сердце, и слово, и суть,
Совет мне подай, наставителем будь.

5130 Ты праведен, муж добродетельных дел,—
О, если б советом ты мне порадел!

Господь тебе дал много благ, просвети,
О доблестный, как верный путь обрести?

О добрый, советом бы ты мне помог,
Воздал бы тебе щедрой платою бог!»

71

повествуется о том,
как одгурмыш давал наставления элику

В ответ Одгурмыш начал речь: «О элик,
Господь да поможет тебе, он велик.

Обманчив сей мир: себялюбец и скаред,
Он, сам не старея, властителей старит.

Подобных тебе — всех губил он «любя»,
Теперь изготовился он на тебя.

И, право же, ты не тянись к нему сердцем,
Порви с недостойным доверья зловерцем!

Зачем же моих поучений ты ждешь?
Совет сей — для всех, и тебе он пригож.

И прежде всесветных владык возносило,
Где ныне они, где их слава и сила?

Подумай о них — путь куда им пролег?
Идти вслед за ними твой час недалек!

5140 Сейчас вознесен ты всевластием пущим,
Но краток твой век, помышляй о грядущем!

Свершил ты для этого много ли благ?
Сверши их теперь — станешь завтра ты благ!

В час смерти раскаянье мучит жестоко —
Твори лишь добро и чуждайся порока.

Одним мудрым мужем дан добрый совет,
А мудрое слово — что перл-самоцвет:

«О видевший мертвых, и ты ведь не вечен,
Готовься к кончине и стань безупречен.

Беспечный! Ведь знаешь ты: смерть впереди,
Пройдет твоя жизнь, с пользой дни проводи!

О раб вожделений, беспечно живущий,
Попомни о смерти, тебя стерегущей!

Помысли о сущности прожитых дней:
Они пронеслись, словно сон, — разумеи!

И если ты доброе делать захочешь,
Ты думы о вечном творце да упрочишь!

А если всю жизнь свою прожил ты зря,
Рыдай день и ночь, покаянье творя!

5150 Нам жизнь не по нашему спросу дается,
И юная сила назад не вернется!

Не всеу потрать срок, сужденный тебе,
И к смерти готовься в смиренной мольбе!»

Подумай, элик: до тебя год за годом
Отец твой властительно правил народом.

Казною он, свитой и войском владел,
Шло время — обрел он желанный удел.

Но смерть подошла, и приспела расправа,
Ему не во благо пошла его слава.

Отец, умирая, тебе дал наказ,—
Что сахар, совета отцовского глас.

Послушай слова вот такого реченья,
Во благо оно тебе, словно бы зренья:

«Отец, когда близко подступит кончина,
Мирским не прельщаться напутствует сына:

„Меня смерть словила, тебя — тоже словит,
Об имени добром радей — для помина!“»

Когда умирают отец твой и мать,
То — детям завет, чтобы разуму внять:

5160 Смотри, мол, родителей смерть не щадила,
Тебя ли в твой час не поглотит могила!

Сей мир уготовил им долю невзгод,
Тебе ли он добрую долю пошлет!

Цени свою жизнь, для людей поработай,
Себя ограничь, всё отдай им с охотой.

Дни жизни спешат, лишь о нужном пекись,
Свое совершай,— им дано пронестись.

Взвали себе на спину бремя людское,
Будь зорок и вдумчив, не зная покоя.

Храбрец, на тебя волчья щерится пасть,
Не дай своим овцам добычею пасть!

Один лишь из подданных голоден к ночи —
Господь с тебя спросит,— открой свои очи!

Сегодня, элик, ты, как светоч, горишь,
А свет твой другим предназначен, услышь!

А срок твоей жизни дойдет до предела —
Кому из людей до тебя будет дело?

Не жги себя ради людской суеты,
Напрасным огнем не пали себя ты!

5170 Величье, всевластье, отличья почета —
Всё сгинет, едва смерть откроет ворота.

Будь сам справедлив, справедливость наладь,
Незыблемо власть твоя будет стоять.

Прекрасно сказал муж учености строгой,
Усвой его речь, следуй этой дорогой:

«Желаешь ты власть укрепить — не забудь:
В надежном законе лишь праведный путь.

А хочешь всем миром ты править с победой,
Опять же скажу: справедливости следуй!

Не смей во всевластии пялиться ввысь,
Неверен сей мир — от него отрешись!

Не верь сего мира непрочному счастью:
Готово оно обернуться напастью!»

Сей гордый чертог, сей дворец, о элик, —
Всего лишь приют, тебе данный на миг.

И все, кому прежде был кров этот ведом,
Прошли чередою — за прежними следом.

Сегодня дворцы и чертоги — твои,
Но думай, где завтра дороги твои!

5180 И ведай: дворцы эти строить не надо, —
Бегут твои дни, и чужда им пощада!

Готовое ложе, взгляни, пред тобой,
Получше его, о достойный, устрой!

«Дворец этот — мой», — ты себя тешишь думой,
Да только разумно ли это, подумай!

Внемли слову правды о сути дворца,
О славный, в нем истинно всё до конца:

«„Мое да мое“, — ты твердишь бестолково,
А что тут твое, и зачем это слово?»

Наследник придет — повелит убираться,
В устах его то же «мое» уж готово!»

О властный! Темница сей мир, разумеи,
А что есть в темнице, помимо скорбей!

Не жди от темницы улады, отрады,
В раю лишь даются благие награды.

Блаженство не вечно, не будь ему рад,
И нет в преходящих отрадах отрад!

Бегущее счастье не твердо в устое,
Развеет оно всё тобой нажитое.

5190 Дано лишь в ином мире жить и спастись,
Презри этот мир и к тому обратись!

О вечном помысли, не льстись быстротечным,
Но помни: нелегок путь к радостям вечным.

Подумай и верь: милость бога мудра,
И сколько она совершила добра!

Над сонмом людей он стоит властелином,
Даруя желанное словом единым.

Внемли, тебе равные божьи рабы
К тебе льнут в юдоли их тяжкой судьбы!

Яви свою милость им ныне, сегодня,
Будь милостив к тяготам люда господня!

Для праведных дел ты возвышен творцом,
Будь праведен, будь только правдой ведом!

Да будет в деяньях вести тебя разум:
Не прихотям следуй, а сердца наказам.

Любовью весь подданный люд оделив,
К великим и малым да будь справедлив!

Но если узришь ты деянья порока,
Тотчас пресекай их, карай их жестоко.

5200 Внемли слову мужа, чей ум — океан,
С умом делай всё — будешь ликом румян:

«Ты ждешь, чтобы доблесть твой люд
отличала —
Сам доблестным стань, о властитель, сначала!

Ты жаждешь владенья очистить от смут,
Безгрешен будь сам — твой пример переймут.

Властитель — глава, и подвластному люду
Дано за властителем следовать всюду.

Народ станет плох — беки зло пресекут,
А бека кто вылечит, если он худ?

Будь праведен, честен, всё делай достойно,
Народ станет добрым — и властвуй спокойно!

И если ты хочешь добро совершать,
От зла отрешись, слов излишних не трать!

Не знайся с дурными, беги от разврата,
И то и другое позором чревато.

Желаешь от зла ты себя уберечь —
Не делай его, — вот и вся моя речь!

К вину не тянись и чуждайся соблазна:
Они — что трясина, где топко и грязно!

5210 Будь мужем достойных деяний и дум,
Советчик твой — знанья, а спутник твой — ум.

Да будут и сердце и речь твоя строги,
Собою владей и не сбейся с дороги.

Не будь ни гордыней, ни спесью томим,
Не чванься, что войском владеешь большим.

Взгляни, сколько славных гордыня сгубила,
Их смерть погребла, приняла их могила!»

Прекрасно сказал муж познаний больших,
Внемли сим словам — мудрость истины в них:

«Не вздумай кичиться великой казною,
Не чванься — мол, свита и войско со мною.

Кто пялится грудью, кичась своей силой,
Не властен вовек и над мухой дурною!»

В делах не ярись и удерживай гнев:
Взъяришься — умолкни, собой овладев.

Спешить — лишь к молитве одной и пристало,
А в деле спешить — не полезно нимало.

Кто стоит награды — скорей награди,
Карать — не спеши, будь спокоен и жди.

5220 Ни словом, ни делом не знайся со спешкой:
Терпение ценится — лучше помешкай!

Будь щедрым с людьми, не жалея им даров:
Суд подданных к жадному беку суров.

Будь сдержанным, бек, избегай грубой речи,
От грубости стынут сердца человечьи.

С людьми разговор веди мягко, не зло,
Держи лик открытым и светлым — чело.

Ты — избранный, будь в этой доле умелым,
Будь праведен сердцем и речью и делом.

И если народ твой хорош, стой над ним:
Ты, избранный, должен быть самым благим.

И если у беков столь добрые нравы,
То тысячи благ будут людям державы.

Когда у властителей нравы дурны,
Зло силу берет — все лукавы, дурны.

Не будь же дурным, не порочь своей славы,
Не дай воли тем, что дурны и лукавы.

Пороки — что яд, ну а яд не едят:
Нет жизни тому, кто попробует яд.

5230 Приблизь к себе умных — в ком разум немалый,
Внемли слову мудрых, цени их и жалуй.

Правдивых, достойных, чья слава светла,
К себе призови и доверь им дела.

Коварен сей мир, он — хитрец лицемерный,
Смотри, берегись: все пути его скверны.

Прикрасившись, манит он, словно любя,
А сердце отдашь — он обманет тебя.

И помни о смерти — без мук, непрестанно:
Не дай, достославный, ей грянуть нежданно!

Не спи, о элик, беззаботность — дурман,
Не будь же от хмеля всевластия пьян!

Не тешься блаженством сегодняшним, сущим,
О завтрашнем думай блаженстве — грядущем!

В ином мире радость блаженства долга,
Такому блаженству цена дорога!

Желаешь добра себе — будь человечным,
Ты будешь блажен в благоденствии вечном.

Внемли, что сказал много знавший мудрец,
За знания славу приявший мудрец:

5240 «Уж если бог милостив, то без предела,
И ты его милость познаешь всецело.

В немилости будешь унижен презреньем,
А муки презренья чье сердце стерпело?»

Элик, ты — целитель недугов людских:
Народ к тебе тянется — толпы больных.

Те — в немощи лютой утратили силы,
Другие — от бедности скорбны и хилы.

Один голодает, другой наг и бос,
Иные от бедствий страдают до слез.

Твой долг — их лечить и лекарства давать им,
Врачом быть, здоровья нести благодать им.

А если ты хвори не вылечишь им,
Ты сам станешь в жизни их горем лихим.

Ответствовать завтра тебе перед богом,
Готовься к суду на судилище строгом.

Твоя жизнь пройдет, власти беков — стоять,
Ищи доброй славы, зря жизни не трать.

Сей мир, о элик, это всхожее поле:
Что сеяно, то и пожнешь ты — не боле.

5250 Стремись сеять доброе — зерна добра,
И вечно к тебе будет почва щедра.

Послушай, что сказано знающим беком,
Всевластным, дела понимающим беком:

«О жаждущий беком быть — людям главой!
Ты скромность себе же во благо усвой.

О жаждущий быть повелителем властным!
В делах будь с наукой в союзе согласном.

В союзе с наукой верши все дела:
Где знания — там хороши все дела!

Не вечно мирское, и жизнь быстротечна,
Упрочивай блага, живущие вечно.

Рожденный умрет — жизнь земная жива:
О добром и злом остается молва.

Не знайся со злом, всё добро оно плавит,
Лишь доброе имя след добрый оставит!»

Будь вдумчив и дважды будь зорок, элик,
Беспечных ждут тяготы мук каждый миг.

Да, вдумчивость, зоркость — всей власти основа,
И в них же ищи блага мира иного.

5260 Беспечен не будь — власть развеется в прах,
Беспечный несчастен в обоих мирах.

Не множь себе недругов, властвуй бескровно,
Страшна будет смерть твоя — дважды греховна!

Не ешь запрещенную верой еду:
Едящим запретное — место в аду.

Всем людям яви свое благоволение,
Им зла не желай, это — путь заблужденья.

Хмельного не пей и отвергни разврат,
Два этих греха все твердыни крушат!

Все смертны, бессмертного нет человека,
В посмертной молве о нем — след человека.

Жизнь — малая горсть, и глядишь — ее нет,
Но плох ли, хорош, а останется след.

Тебя тешит лестью сей мир быстротечный,
Не дай усыпить себя лени беспечной!

Беспечность влечет нас в объятия сна,
Заснувший о деле забудет сполна.

И были бы люди не столь безмятежны —
Они бы, как ангелы, были прилежны.

5270 Муж умный сумел очень верно изречь,
О доблестный, прочно усвой его речь:

«Беспечность — основа услад и утех,
Тот губит себя, кто беспечнее всех.

Смотри, берегись безмятежного сна,—
Господь, отведи от меня этот грех!»

И взором и слухом с людьми осторожен,
Ты мягкостью сердца будь тоже надежен.

За всё с тебя спросит всеведущий бог,
Для грешных ответ перед богом — силок!

Сказал мудрый муж, его речь ты обдумай,
Всё делай в согласии с этою думой:

«Бездельник, питающий к спеси любовь!
Господь с тебя спросит, ответ приготовь.

О любящий прихоти сердца глупец!
Настанет твой час — с тебя спросит творец.

О падкий на яства! Смотри, не забудь:
Готовься к ответу, ищи правый путь.

Всем бог повелит дать ответ за долги,
Где сыщешь спасенье, туда и беги!»

5280 И меч, о элик, и нагайка — с тобою,
Дурным уготовь наказанья, побори.

И если у злых не убавится зла,
Следи, чтоб и кара на убыль не шла!

А если дурным и побори не впрок,
Стой дальше от выбранных ими дорог!

Порочен элик — вся держава в упадке,
А зла не пресечь — заблуждения гадки.

Ты добрых цени — добрым сердцем согрей,
И станут, о славный, все люди добрей.

От игр и забав удержи себя строго,
Блаженству не верь: жить осталось немного.

Закон справедливый крепи на века:
Где крепок закон, там и власть высока.

И сколько есть сил — столько выкажи рвения,
А будешь оплошен — моли о прощенье.

Услышь одного властелина слова,
Его справедливость хвалила молва:

«О бек, всею силой трудись неустанно,
Да будет твоя справедливость безгранна!

5290 А выйдет оплошность — моли о прощенье,
В смиренной молитве склонись покаянно!»

Не скапливай золото и серебро,
Дари людям всё, что скопил ты, добро.

По смерти тебе в нем какая отрада?
А ну как во зло всё используют чада!

Старайся при жизни богатства раздать,
Им счет не веди, на себя их не трать!

И некий властитель сказал в речи умной,
Прослыл превеликим сей муж многодумный:

«Властители мира! Мила вам казна,
А зря: после вас она вам не нужна!»

Минует блаженство — сочтется с тобой,
Была бы тебе доля бед не дана!

О избранный муж, стать богатым хотящий,
Презри все богатства для благости вящей!

Неверен сей мир, будь душою не с ним,
Не верь ему, — станешь ты мукой томим.

О муж, чье могущество — власти основа,
Отринь свою власть ради мира иного!

5300 О преданный думам корыстного зла,
Раздай всё добро, пока смерть не пришла!

Подступится смерть — и богатства не надо,
Добро пропадет — что тебе за отрада?»

Будь сдержан в еде и молись горячей,
Учись добронравью без лишних речей!

Будь милостив к бедным, сиротам и вдовам —
Сколь праведно быть им защитой и кровом!

Любителей сплетен к себе не приближь,
Доносчиков, ябед, лгунов сторонись.

Подобные люди — всех прочих вреднее,
А вредные, ведай,— твои лиходеи!

Корыстным не вверь управительных дел:
Они разорят и цветущий предел!

Твори лишь добро, берегись преисподней,
Да будешь храним ты под сенью господней!

Твой нынешний день, дни грядущей поры
И ночи твои — все да будут добры!

Прекрасно сказал мудрый муж разуменья,
Тебе предписал он благие свершенья:

5310 «Ответа за нынешний день не минуть,
О будущем думай и праведен будь.

Будь зорек и вдумчив, очнись и не спи,
Очей не смыкай, всё иное — забудь!»

Две ветви — мирское и вера — несхожи,
Пути их различны, их путать негоже.

Мирское и веру срастить и не тщись,
Доподлинно знать надо: им не срастись.

Приблизит одно — отдалится другое,
Держать два пути — заблужденье пустое.

Сей мир — словно ветер с грозой: лишь подул,
Гроза грохотнула — и стих ее гул.

Придет твое счастье — всё к двери приманит,
Потом — всё другому отдаст и обманет.

Хотел быть богатым — а станешь ты гол,
Почета хотел — а презренье обрел.

И голодом станет вся сытость мирская,
Блаженство бедой обернется, сникая.

Сурово смирай свои страсти, элик,
И прихотям воли не дай ни на миг.

5320 Они — худший враг, и с повадкой особой:
Ты к ним — с добротой, они — с лютой злобой.

Им служишь добром ты, они тебе — злом,
Озлишься на них — отвечают добром.

Чти душу, смири свои прихоти разом,
Твой ум станет беком, а ханом — твой разум!

Сей мир тебе — недруг, а страсти — враги,
Они для тебя расставляют силки.

При счастье не чванься в зазнайстве надменном,
Не верь этой жизни, порви с миром бренным.

Расстаться с величьем и властью дано,
Недолгим огнем рдеть и счастьем дано!

О муж благородный, послушай-ка слово,
Внимать доброй речи — отменно здорово:

«Не льстись, что ты — бек, надо спесь побороть,
Не чванься, к смиренью себя прихоть.

Презренный сей мир позабуди и презри,
В ином мире даст тебе благо господь!»

Три рода мужей важно выбрать для дела,
Элик, им три должности вверишь ты смело.

5330 Один из них — кадий. Для блага людей
Он праведней всех должен быть и честней.

Второй, кто для блага людей справедлив
И праведен должен быть, — это халиф.

И третий избранник — везир, до него
Всем подданным дело есть прежде всего.

И если честны, благородны все трое,
Народ благоденствует в добром покое.

Цветет вся страна, богатеет народ,
Он богу мольбы за тебя вознесет.

А если дурны и порочны все трое,
Житье и у подданных будет дурное.

Присловие к этому можно привлечь,
Услышь, ясноликий, разумную речь:

«Для бека везир — поводырь на пути,
Ему — и народ и владыку блюсти.

И если везир поведет не туда,
Всё будет не так, — это слово учти!»

Сей мир — словно скатерть с готовой едою:
Отведает каждый своей чередою.

5340 И те, что до нас к угощению пришли,
Насытившись, канули в чрево земли.

К великим они ждут нас пиршествам-едам,
Зовут нас — за ними мы шествуем следом.

Еще есть и те, кому чрево — приют,
Они вслед за нами к еде подойдут.

Одни ожидают, когда мы уйдем,
Другие нас ждут в подземелье своем.

Мы скатерти с яствами ныне соседи,
А много ли будет еды нам и снеди?

Нас кличут лежащие в глубях земли,
И те, что в утробах, нас гонят: «Пошли!»

Одни нас зовут, а другие нас гонят,
Какой тут покой! С двух сторон будешь донят!

Не тешься, элик, беззаботностью нег
И помни, о праведный: краток твой век.

Элик, дальше будь от того, что запрещено,
Запретное душу чернит неприметно.

Радетельным хочешь быть, доблестный муж,—
Дозволенной пищи закон не нарушь.

5350 Сказал муж, питавшийся пищей законной,
Радетельный муж, в правоте — непреклонный:

«Законное есть — грех забыть навсегда,
Законное — мира иного еда!»

Кто чистыми держит и глотку и тело,
От скверны греховной очищен всецело.

И вся чистота — от благого куска,
Где чистая глотка — там пользы река.

И пользы желай не себе, а народу,
Тебе самому его благо — в угоду.

Властитель великого града изрек,
В различных делах был умом он высок:

«Не благо ли — беки, что счастье дарят:
Народ, если сыт он,— и счастлив и рад.

Ведь беки — что море, где жемчуг сокрыт,
Живущий у моря дарами богат!»

Все беки — что залежи с серебром-златом:
Копнешь глуби копей — и станешь богатым.

Бек должен быть щедрым дарителем благ,
Тогда весь народ и доволен и благ.

5360 Властитель! Будь ярким и знойным светилом —
Не будет народ твой несатым и хилым.

Чужое хранишь ты — смотри, не потрать:
Тебе за сохранность его отвечать!

Элик, присмотрись-ка внимательным взглядом:
Ты копишь во благо своим же уладам.

Несметны богатства сокровищ морских,
Тебе не насытятся перлами их!

А ты роешь недра — за залежью залежь
И серебро-злато в казну свою валишь!

Да только ведь всю подземельную кладь
Тебе всё равно не сумеют достать!

И всё, что растёт, — все наземные зерна
Ты тоже в казну собираешь упорно.

И всем, что летят и бегут и плывут,
Не жить от тобою раскинутых пут!

Твои караваны — везде во вселенной,
С шелками, с мехами, с поклажей бесценной!

Но всем чудо-тканям Румийской страны
Вовек не забить твоей жадной казны!

5370 Арабских коней — всех и всяких — вобрала
Конюшня твоя, только всё тебе мало!

В степях и загонах не счесть твоих стад,
Несметными ты табунами богат.

На пастбищах — овцы в бескрайней округе,
С тобою, о славный, — служанки и слуги.

Маралов и ланей на воле не счесть,
Быки и коровы в стадах твоих есть.

И козы, что в горных раздольях пасутся, —
Твои, — от неволи твоей не спасутся!

Оленей, сайгаков на воле полно,
И всех тебе, доблестный, съесть не дано!

Куланов и туров, пасущихся дико, —
И то тебе словят, о мощный владыка!

Лисица и волк, лев, кабан и медведь —
Как им от охоты твоей уцелеть!

Журавль, пеликан, лебедь, чибис, кулик —
Все те, что летают, — и мал и велик,

И даже парящий в высотах орел —
Никто, бурый волк, от тебя не ушел!

5380 От птиц твоих ловчих нет лёта летучим,
От псов твоих гончих нет бега бегучим!

В безотчестве отчий оставишь ты род,
Без матери гибнуть заставишь сирот!

Но все твари мира, как их ни губи ты,
Не будут, о смелый, тобой перебиты!

Для глотки, для тела ты ладишь грабеж,
А смерть подойдет — бросишь всё, что гребешь!

К чему же губить всё, что в мире ни жило, —
Сгребет тебя смерть — и оборвана жила!

Посмотришь — от жадности вся суета,
Да только бывала ли жадность сыта!

Сказал некий муж, всем довольный, не жадный,
А тот и богат, кто в нежадности — ладный:

«Кто алчет забрать целый мир под замок,
Его ли богатым назвать? — Это вздор!

И можно ли бедными звать неимущих?
Нет, беден богач при глазах завидущих!

Кто жаден, тому и богатство — не впрок,
О щедрый, ты скряг бы от бед остерег!

5390 Для жадного мало всесветной поживы,
А малым довольные — в жизни счастливы.

Скупой, сколь бы ни был богат он, — не сыт,
Лишь прахом могилы он зуд утолит!»

Вот всё, что познал я и понял, элик,
Я всё рассказал, что мой разум постиг.

Ты слышал, что было поведано мной,—
Пойми это сердцем и очи раскрой.

Послушаешь — с прибылью будешь хорошей,
А нет — станешь сам себе тяжкою ношей.

Услышь-ка разумного мужа завет,
Послушаешь — в нем тебе добрый совет:

„Советчик полезным советом дарит,
Попросят совета — и он говорит.

А ежели внемлющий слов не сварит,
Оставь его,— пусть, если хочет, сгорит!“»

ОТВЕТ ЭЛИКА ОДГУРМЫШУ

«О доблестный,— молвил элик, зарыдав,—
Воистину, ты — муж прозревший, ты прав.

Ты благостен ныне прозреньем своим,
А я, хоть и властен, бедою казним.

5400 Теперь я прозрел, всё понятно и мне,
Обрек сам себя полыхать я в огне.

Плутал я, о славный, на ложном пути,
Ты праведный путь мне помог обрести.

Молись обо мне, Одгурмыш, чтобы бог
Мне доброю помощью снова помог!»

ОТВЕТ ОДГУРМЫША ЭЛИКУ

Сказал Одгурмыш, отвечая: «О бек,
Да будет господь тебе в помощь вовек!

Старайся умом утишать свои страсти,
Ничтожен подавшийся их лютой власти.

Тебя губят страсти и прихоти тела,
Гнетет тебя нрав их дурной оголтело.

И старый сей мир, весь погрязший в соблазнах,
О, сколько сгубил он властителей разных!

Состарил он многих подобных тебе,
Не даст вечных лет и твоей он судьбе.

Они отошли, нынче ты на престоле,
Подумай о должном — зря жить-то доколе!

Попомни, властитель, о жизни грядущей,
Твой час недалек, за тобою идущий!

5410 Кто ты — вот о чем ты, элик, не забудь,
А если забыл, то прозри свою суть.

Кто эти две мысли в уме не сберег,
От правой стези он безмерно далек.

Сказал свою сущность познавший мудрец,
Умом путы страсти поправший мудрец:

«Попомни о смерти, тебя ждет могила,
Следи, чтобы чванство тебя не томило.

Из семени создан ты, — чем же кичиться?
Кичливость и спесь усмирай в себе силой!»

Невидимо смерть притаилась в засаде,
А грянет — не думай тогда о пощаде!

Когда у живого и нет в жизни зла,
Сама мысль о смерти — и то тяжела.

Довольно и думы ему о кончине —
О гнили, гниющей в земле мертвечине!

А сколько еще будет тяжких забот,
Когда мука смерти к тебе подойдет!

И, помня об этом, муж умный, достойный
И сну и еде внимлет с мыслью спокойной.

5420 Мудрец говорил всем внимавшим в урок,
И знаньями был он и рвением высок:

«Будь сердцем высок и радению верен,
Презри этот мир, берегись его скверен.

Сей мир — что темница, пристанище змей,
Оставь его, жить в мире правды умей!

Безгрешной душе твоей черным покровом
Одеться дано в подземелье суровом.

Сей мир — что темница, колодезь без дна,
Кромешная тьма мук и горя полна.

Какого ж ты хочешь в темнице покоя
И в сердце лелеешь желанье какое?

Рассей черный прах этот — жалкую пядь,
С великим и вечным сдружись и поладь!

Вздымись же над пыльною мглою и чадом,
Нетленную вечность прозри своим взглядом!»

Ведь сколь бы ты ни жил — хоть тысячи лет,
Найдет тебя смерть и изловит, мой свет!

И сколь бы ни длились в мирском твои сроки,
Тягчать будут язвы, всё боле жестоки.

5430 Хоть тысячу лет свои прихоти множь,
А всем им свершенья вовек не найдешь!

Внемли, о достойный, сколь слово глубоко
Того, кто изранен был стрелами рока:

«Желаньям, живи хоть и тысячу лет,
Вовеки свершения полного нет.

Подвластный желаньям, желая всего,
Погибнет, спеша вождельням вослед!»

Но речь не обильем речений полезна,
И дело не в том, чтобы слушать любезно,

А в том, чтобы вникнуть в разумную речь
И вернуть пользу из слова извлечь!

Я всё рассказал, ты слышал мое слово,
Воспользуйся им для деяний толково.

Язык мой вел речь, и молчать он не мог,
Слова не иссякли, иссяк в речи сок.

Господь да пошлет тебе помощь, владыка,
Да будет к добру твое рвенье велико!

Господь да поможет в желанном тебе,
Элик, и меня вспомяни при мольбе!»

5440 И слово прервал он, и стал он вставать,
Элик, удержав его, молвил: «Присядь!»

Велел он подать разных яств и питей,—
Отведай, мол, доблестный, пищи моей!

И тронул еду Одгурмыш, но рука
Еды и питья лишь коснулась слегка.

Не ел он еды, лишь коснулся немного,
Молитву творя в прославление бога.

И встал Одгурмыш и сказал: «Бог велик»,—
И следом за ним сразу встал и элик.

И, выйдя, пошел Одгурмыш — не один,
За ним — проводить его — шел властелин.

И, выйдя, друг с другом они попрощались,
Властитель вернулся, о госте печалясь.

И гость стал собираться к пределам своим,
Брат, руки целуя ему, шел за ним.

«Вернись,— попросил Одгурмыш его,— брат»,
И тот, попрощавшись, вернулся назад.

Вернулся к себе он, всем сердцем смущен,
Печален он был, и не шел к нему сон.

5450 И солнце главою с востока взошло,
И мир побелел, как лебяжье крыло.

И солнце расправило грудь поутру,
И щедро весь мир источал камфару.

Светился весь мир, словно ангельский лик,
И на небе отблеск камфарный возник.

И встал Огдюльмиш, и свершил омовенье,
И, благостен сердцем, пал ниц для моления.

Оделся он, сел на коня и верхом
К дворцу он поехал, оставив свой дом.

И, вскоре войдя во дворец, в ту же пору
Он, позван эликом, предстал его взору.

вопрос элика к огдюльмишу

«Что гость — Одгурмыш, — он спросил первым
делом, —
Давно ли уехал он к дальним пределам?»

О мой Огдюльмиш, — он добавил, — поверь,
Вся пища мне стала отравой теперь.

Как быть мне отныне, как жить-то я стану,
Дано ль распрявиться согбенному стану?

Что власть! Ее груз мне безмерно тяжел,
Я скорбью, тоскою всю душу извел!

5460 Без войска не правит людьми властелин,
А как он управится с властью один!

А войско держать — тут богатства нужны,
Сберешь ли войска без богатой казны!

Учил нас стоявший над воинством муж,
И властью владевший с достоинством муж:

«Мощь бека и сила — войска и казна,
Где есть две опоры, там сила прочна.

При двух этих силах властитель велик,
Венцу его слава величья дана!»

И войско держать — нужен прочный доход,
А прочный доход только сила дает!

Один лишь хребет у меня, — разумеи,—
И как мне снести тяжесть ноши моей?

Конечно, и нищий не будет несyt,
И смерть всем живущим равно отомстит!»

72

ОГДЮЛЬМИШ РАССКАЗЫВАЕТ ЭЛИКУ
О ЗАКОНАХ УПРАВЛЕНИЯ ЛЮДЬМИ

В ответ произнес Огдюльмиш: «О элик,
Да будешь в делах ты десницей велик!

О муж, чьи познания — река! Горьких слов
Не молви, негоже, господь к ним суров.

5470 Не силой забрал ты себе этот сан,
Тебе он господнею милостью дан.

Дар власти господь дал в награду тебе,
О мудрый, воздай ему славу в мольбе.

Чист сердцем, творцу верой-правдой служи,
Народ в справедливости строгой держи.

И разумом страсти старайся смирять,
И мудростью с силою прихотей сладь.

Внемли, что сказал муж, людей поучавший,
Все прихоти-страсти рассудком поправший:

«Прям тот, кто хребет переломит страстям,
Без гнета страстей и кривой станет прям.

Будь стойким, не ведай неволи страстей,
Украсть твою веру дано их сетям!»

И что же, о властный, ты так ослабел?
Дана тебе сила для праведных дел!

Зачем же печаль твоя столь тяжела,
Что даже и жизнь для тебя не мила!

Могучи войска твои, прочна казна,
Тебе мощь ума и познанья дана.

5480 Возрадуй войска — дай им куш из казны,
И — требуй, что хочешь: все будут верны!

Сказал некий муж,— был к врагам он суров,—
Что золото в прах разбивает врагов:

«Узнай: чтобы войны к победам вели,
Задабривай воинов, щедро хвали.

Задобришь — тогда чего хочешь желай,
Всё будет тебе — бей врагов и вали!»

Держи много войск, будь со всеми хорош,
В ответ их любовь в нужный день обретешь.

Войска — на врагов-иноверцев нацель,
Моли сил у бога,— чиста твоя цель.

Всегда рать готовь на неверных в поход:
Неверный погиб, а безверье живет!

Сжигай их жилища, всех идолов срой,
Там общины сделай, мечети построй.

Возьми дочерей их, плени сыновей,
Добром их полнее казну понабей.

Суть веры открой им, введи шариат,
И будешь ты славою славен стократ.

5490 На честь мусульман покушаться не смей,—
Сам бог, о элик,— враг подобных затей.

Один мусульманин другому — что брат,
На братьев не зарься, помочь им будь рад.

И к людям будь добр, и раденьем горазд,
Народ тебе доброй молитвой воздаст.

И даст тебе благо отрады творец,
И будут два мира — твои, о храбрец!»

ОТВЕТ ЭЛИКА ОГДЮЛЬМИШУ

«Прекрасен, — ответил элик, — сей урок, —
О, если бы так я и действовать смог!

Какими ж делами, о славный, ответь,
Мне помощь подай, — этим целям радеть?

Народ надо пестовать, править державно,
Всё знать, всё учесть — что и тайно и явно.

Ценить надо верных, давать им дары
И злобных карать, что к тебе недобры.

Страну укрепляй первым делом и сплошь
Вертепы питейные в ней уничтожь.

Народу закон дай — надежный и прочный,
И вытрави скверну неправды порочной.

5500 Как править надежно — неведом мне путь,
Дела за делами — очей не сомкнуть!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

«Не медли, о бек, — отвечал Огдюльмиш, —
Всё делай, о чем ты теперь говоришь.

Зачем же откладывать нужное дело?
Не медли: оглянешься — жизнь пролетела!

Что нынче не сделал, то завтра дойдет,
А дел поднакопишь — собьешь их черед!

Не завтра дела совершай, а теперь,
Не то их и завтра не сделать, поверь.

И всё совершай с прилежанием пушим,
Тебя и народ твой ждет благо в грядущем.

Со всеми будь добрым, с порочными — строг,
Отмой весь налипший на руки порок.

Будь честен и прям, действуй только правдиво,
Испортит тебя всё, что плохо и криво.

Дана лишь упрямам нелепая статья —
Сначала испортить, потом выправлять.

С дурными не знайся, хлебнешь ты лишений,
С правдивыми жить — значит стать совершенней.

5510 Внемли, что сказал муж правдивой души,
Язык его прям был, дела — хороши:

«С дурными не знайся, будь честным, правдивым,
Со лживым сойдешься — и станешь ты лживым.

Дурные поступки к несчастьям приводят,
Будь сам справедлив и тянись к справедливым!»

Без войска, элик, твой покой будет худ:
Войска избавляют от тягот и смут.

Войска укрепляй, раздавай им даянья,
Дай бедным богатство, голодным — питанье.

Кто служит, надежда тому дорога:
Изверившись, бросит служенье слуга.

Элик, слуги разны и сутью и нравом,
Приладься, не действуй порядком неправым.

Одни из них любят почтенье, почет,
Уважь их, раз им это радость дает.

Другим любы вещи — подарки, награды,
Всё дай им — полечь за тебя будут рады!

А третьим и вещи и слава милы,
Дары им дари, раздавай похвалы.

5520 Кто смел, тем готовь серебро для награды,
Их меч покорит тебе села и грады.

Ученых и умных — кто знаньем богат,
Ты щедрой рукой удостой всех наград.

Дурных, своевольных, жестоких не жалуй,
Им воли не дай, — будет вред, и немалый.

Не чти гордецов, с ними щедрым не будь,
От них можешь горького зелья хлебнуть.

Внемли, есть слова правоты непреложной:
«Спесив при богатстве и самый ничтожный».

О славный, не жалуй богатства дурным:
Дурной, став богатым, становится злым.

А если достойных унижить нуждою,
Их суть от невзгод станет тоже худою.

И если достойных печали гнетут,
Любой самый лучший из них станет худ.

Исправь всех порочных, карая их строго,
Достойных возвысь — станут лучше намного.

Ты верных и преданных к делу приблизь,
Смотри, от бессовестных дальше держись.

5530 Учись различать, о мудрейший, умело,
Кто годен и кто непригоден для дела.

Кто любит тебя и кто — нет, надо знать,
Врага жги, как пламя, а с любящим — ладь.

Отвергнут любовь твою — спесь поумерь им,
Любви их не требуй и в деле не верь им.

Не спутай, где — верность, где — верности нет,
Различно оценивай пользу и вред.

Вверять одно дело двоим не пристало:
Доверишь, а дело не сдвинешь нимало.

Вверь дело тому, кто управится с ним:
Не сладивший с делом — тоскою томим.

И дело вверяй не услужливым в деле,
А тем, кто полезен для избранной цели.

И сам о себе и о людях радей,
А сам себе выгод не жди от людей.

Себе от людей много блага не требуй,
Да станет их благо твоею потребой!

Тебе служат с пользой — и сам удружи,
А всех бесполезных подальше держи.

5540 Да будет прилежный тобой отличаем!
Прилежных цени и дела поручай им.

Вот те, что свершить тебе надо, дела,
Свершишь их — считай, что страна расцвела.

И станешь ты счастлив, познаешь ты славу
И после себя будешь славен по праву.

Народ богатеть будет, власть процветет,
Казне своей вволю наращивай счет.

Послушай, что сказано мужем преславным,
И слава и речь его — в равенстве явном:

«Где бек справедлив, доброй волей ведом,
Там люди богаты и — солнце кругом.

Народ богатеет — богат властелин:
Забота одна об одном и другом!»

Слови в городах всех воров и смутьянов,
Храни понадежней пути караванов.

В пределах страны всякий гнет уничтожь,
Вовне — пресекай и разбой и грабеж.

Дурных исправляй, их карая жестоко:
Суровость нужна для леченья порока.

5550 О твердый душой! Чтоб исправить дурных,
В темницах и ямах держать надо их.

И прочие люди различны изрядно,
Умей различать их — и всё будет ладно.

Меж них есть и те, чья ученость мудра,
Ученость — источник любого добра.

Ты их почитай и внемли их веленьям,
Блюда шариа́т с неуклонным смиреньем.

Плати им, едой и питьем не обидь:
Им должно, всевластный, без горестей жить.

Да будут они в благолепье душевном
Невежд наставлять поученьем вседневным.

Еще мухтасибы есть, власть им дана,
Рука их, о славный, должна быть сильна.

Им — злых и беспутных к порядку неволить,
В довольстве мечети и общины холить.

Еще слуги есть при особе твоей, —
Чем менее строг ты, тем слуги наглей.

Случается так: не они идут с грузом,
А сам ты — что носчик, привыкший к обузам.

5560 Еще нужно подданный люд помянуть,
Закон ему дай, справедлив к нему будь.

Три рода людей есть, и ты их не путай,
Сводить их в одно — дело кончится смутой.

Одни — богачи, им богатства даны,
Они, о достойный, в народе сильны.

Другие лишь средний достаток скопили,
С богатыми им не равняться по силе.

За этими третьи идут — бедняки,
Их — верной защитой от всех опеки.

На средних не взваливай ношу богатых:
Насильные меры с пути совратят их.

Не вскинь ношу средних на бедный народ:
Голодная смерть его враз подсечет.

Поможешь — и бедный на среднего тянет,
А средний — богатым, зажиточным станет.

Бедняк, ставши средним, упрочит доход,
А станет богат — вся страна расцветет.

Народ станет счастлив, страна благоденна,
Молить за тебя будут бога смиренно.

5570 Сказал властелин Уч-Орду про людей,—
Об имени добром, мол, смертный радей:

«Кто доброе имя по смерти оставит,
Того в неумолчной молитве прославят.

Кто доброй молитвой по смерти почтен,
Того ждет иная жизнь — лучших времен.

И где бы ты ни был — живой ли, в могиле,
Лишь люди тебя доброй славой бы чтили.

Ты смертен, об имени добром радей,
Оно будет вечно по смерти твоей!»

И знай: на тебе перед людом три долга,
Исполни их,— силой не держатся долго.

Во-первых, блюди чистоту серебра,
И проба пусть будет отменно добра.

Второе — дай людям закон справедливый:
Один да не будет другому поживой!

И третье — пути под охраной держи,
Набеги, разбой изведи, грабежи.

Лишь выполнив долг пред людьми — не иначе,
Ты, доблестный, требуй ответной отдачи.

5580 Три права даровано власти твоей,
Внемли, что ты спросишь с подвластных людей.

Долг первый их — чтить все твои повеленья,
Любое из них приводить в исполнение.

И долг их второй — не должать пред казной,
Платить всё в положенный срок, не в иной.

И третье: враждуя с твоими врагами,
Должны они ладить с твоими друзьями.

И если ты праведно долг свой блюдешь,
От подданных красен ответный платеж.

Да следуют беки путем этим ясным,
Таковыми же быть надлежит и подвластным.

Где доброе видит от бека народ,
Там добрая слава о беке идет.

Элик, если это даровано счастье,
Тебе в двух мирах уготовано счастье!

Еще есть в науках познавшие толк,
Людей обучать всем наукам — их долг.

Еще мухтасибы есть. В общинах властно
Они вытравляют всё то, что опасно.

5590 Купцы пусть врученное им берегут
И чтут положивших в товары свой труд.

И пусть земледельцы блюдут свое поле,
И скот скотоводы да множат всё боле!

Еще тебе служат войска твои — рать,
Их долг — волчьи своры врагов твоих гнать.

Дарами их радуй, держи их в почете,
Неволить к иной и не вздумай работе.

Дай им по заслугам даров и наград,
И пусть каждый воин да будет богат!

Готовь мощь оружия на страх супостатам,
Сгуби всех врагов, а собратьям будь братом.

Да будут дела процветать у тебя,
И станет во всем тишь и гладь у тебя!

И станут тебе оба мира отрадой,
Живи безмятежно и господу радуй!

Вот это и праведность, — праведным будь —
С желанным сведет тебя праведный путь.

Господь да возлюбит твое благочестье,
Иди к людям с честью, не пачкай их мезтью!

5600 О муж светлосердый, услышь сей наказ,
Он суть этих слов подтверждает как раз:

«Как правда незыблем, стоит небосвод,
Незыблемо зреют растенье и плод.

И ты будь незыблемо прям и правдив,
Правдивый два праведных мира найдет!»

Что ведал, тебе я поведал, элик,
О тайном и явном сказал напрямик.

Равна двум мирам этих слов благодать,
Об этом тебе и хотел я сказать.

Есть блага сей жизни, есть добрая слава,
Сей мир ли, грядущий избрать — твое право!

Мирские богатства уйдут, как ни множь,
Об имени добром радей, — ты умрешь!

Об этом есть доброе слово, — размысли,
Слились воедино и речь в нем и мысли:

„Умру я, была бы лишь доброй молва,
Посмертная слава живых не мертва!

Добро совершай, к доброй славе стремись,
Да будет в веках твоя слава жива!“»

5610 Услышав ответ, был элик очень рад,
Челом просветлел он, восторгом объят.

Вознес Огдюльмишу он много похвал:
«Ты,— молвил он,— всё мне поведал, что знал.

Была бы мне милость творца всеблагого
Держаться тобою реченного слова!

Бог, давший мне в помощь такого, как ты,
Пошлет мне свершенье желанной мечты.

Что любо тебе, всё послал тебе бог,
А мне ты, о славный, в желанном помог.

И ныне всей силою верной любви
Ты мне, о достойный, усердые яви!

Я верю тебе, верю в чувства твои,
Советов своих от меня не таи.

Как свет, воссиял этот день мне, поверь,
В тебе вижу я свое благо теперь.

Сказал очень ладно муж сердца благого,
Слились воедино в нем сердце и слово:

„Кому сердце верит, тот — словно зеркало,
Взгляни на него — твоя суть в нем предстала.

5620 Муж добрый — зеркало для видящих взоров:
Исправь, приглядевшись, и нрав свой и норы!

Чье сердце тебе станет любо,— внемли же,—
Тому нужно верить и стать к нему ближе.

А ежели веришь, иди за советом
И, веруя, действуй согласно ответам!“»

В ответ произнес Огдюльмиш: «Я согласен»,
И взор его был беспечален и ясен.

Умолкнув, закончил беседу элик,
И встал Огдюльмиш и ушел в тот же миг.

Забыв о покое, в труде и мученьях
Радел властелин о подвластных владеньях.

Дурных отдалил он, а лучших людей
Возвысил, приблизив к особе своей.

Цвела вся страна, жил в достатке народ,
Спокойно шли дни, и за годом шел год.

На благо народу вся жизнь расцвела
И стала и радостна и весела.

Элик Огдюльмишу наград не жалел,
И вверил ему он веденье всех дел.

5630 Так жил Огдюльмиш, и немалый уж срок
Он нес бремя тягот, забот и тревог.

И он оглянулся на жизнь и дела,
И видит: в тщете жизнь напрасно прошла.

Всем сердцем скорбя, он прозрел свою тьму,
И сердце очистить мечталось ему.

повествуется о том, как огдюльмиш,
скорбя о прошедшей жизни, обратился к покаянию

«Я жил,— он воскликнул,— беспечно смеясь,
И жизнь в бесполезной тщете пронеслась.

И силы уходят, и слабой рукой
Я силюсь помочь себе жалкой клюкой!

Вот,— каялся он,— дни уносятся прочь,
Окончена жизнь, и мрачна моя ночь!

Я все блага жизни проел, словно скот,
По-скотски я жил — без высоких забот.

Как жил я! Беспечность, забавы, тщета,—
Прошли мои дни, тщетно жизнь прожита!

И юные силы истрачены зря,
О юности плачу я, в муках горя.

И жизнь — у предела, и смерть всё видней,
А смерть не прогнать, все пути мои — к ней!

5640 Увы, голова, словно кречет, седа,
Подобна засохшей траве борода.

И тридцать два зуба моих стали гнить —
Разорвана жемчуг державшая нить.

Далекую даль очи видеть могли,
Теперь — что им даль! Смутно всё невдали!

Далёко я видел, был острым мой слух,
Теперь мне руками толкуют: я глух.

Как ворон, был черным я, ныне я сед,
Как лебедь я стал, и немало мне лет.

Я грешен, а путь мой к возврату лежит,
У бога прощенья молю я навзрыд.

К возврату мой путь, мои муки лихи,
Молю я творца отпустить мне грехи.

Отбросил я всё, чем я плох был и худ,
Очистить бы душу от скверны и смут!»

И он покаянье принять был готов —
Просить у творца отпущенья грехов.

«Но нет,— он подумал,— спешить ни к чему,
Грешно поспешать, я сей грех не приму.

5650 Совета спрошу, обсужу все дела —
Как должно спастись от скверны и зла.

Советы — разумного дела залог,
Не внемлющий им душу мукам обрек.

Внемли златоуста наказ золотой:
«Для дела совет — что целебный настой!»

Советуйся с ближними — нужен совет,
Совета спросить — всем делам не во вред.

Советуясь, можно исправить свой путь,
Совет не держать — значит, бед не минуть.

Поеду я свидеться с братом моим,
О деле моем посоветуюсь с ним.

Одобрит он — умысел мой я свершу,
Осудит — я всё по совету решу.

Неведома нам суть поступков своих,
Послушай других и послушайся их.

Совет расширяет познания людей:
Где разум помог, там и делом владей!

Послушай наставника мудрый урок,
Что в деле совет — всех успехов залог:

5660 „Замыслишь дела — о совете помысли,
Не внемлющих слову друзьями не числи.

Совета спроси, а потом делай дело:
В совете — свершенье заветнейшей мысли!“»

И вечером лег он и встал поутру,
Коня оседлав, поскакал ко двору.

Вошел, испросив разрешения, он,
И принят эликом он был и почтен.

вопрос огдюльмиша к элику

И вот повелителю он говорит:
«Желанье во мне видеть брата горит.

Ты дашь разрешение — к нему я поеду
И — сразу назад, лишь окончу беседу!»

ответ элика огдюльмишу

«Езжай же, о мудрый, — элик дал ответ, —
Ему передай мой поклон и привет.

Меня да почитит он молитвой смиренной,
Молясь о свершенье мечты сокровенной.

И пусть он умолит властителя сил,
Чтоб вины мои вездесущий простил!»

Сказав: «Все исполню!», ушел Огдюльмиш,
И дома обрел он желанную тишь.

5670 Весь мир плавил золото в свете багряном,
И солнце рубины покрыло шафраном.

И небо мрачнело, насупив чело,
И очи людей мглою сна облекло.

И он, помолясь, утомленный, прилег,
Но спал он недолго — от дум и тревог.

Вздremнув, он очнулся и думал: вот-вот
Стяг солнца, вздымаясь, на небе взойдет.

Велев постелить, он заснул долгим сном.
Проснулся от страха он — тихо кругом.

Сомкнуть он не мог уже очи свои
И в думах тревожных лежал в забытьи.

И Черная Птица взлетела с востока
И на небо пламенем взмыла высоко.

Затеплились звезды в созвездии Пса,
И в небе пробилаь Весов полоса.

Фазан поднялся, в небеса воспарил,
Трубя на весь мир, возблестел Азраил.

И встало с востока дневное светило
И темную землю с высот осветило.

5680 И свет озарил весь вселенский предел,
Лик неба пылающим жаром зардел.

Улыбка весь мир озарила, светла,
Печали сокрылись, и радость пришла.

И встал он, омылся, молитву прочел,
Коня оседлав, поскакал в горный дол.

Примчавшись, он в дверь постучался, смущен,
И брат отворил, прерывая поклон.

Почтил Огдюльмиш Одгурмыша приветом,
И сам он почтен был достойным ответом.

И об руку оба вошли они в дом,
Начав разговор и о том и о сем.

вопрос одгурмыша к огдюльмишу

«О брат,— он сказал,— что случилось, открой,
И месяца нет, как я побыл с тобой.

Я вижу, что сердцем в печалях ты сник,
Я вижу — стал желтым румяный твой лик.

И что за печаль тебя гложет сурово,
Откройся, скажи мне правдивое слово!»

ответ огдюльмиша одгурмышу

Сказал Огдюльмиш, отвечая: «О брат,
Я стрелами рока изранен стократ.

5690 Когда светлый рок дарит добрым наказом,
И мертвое сердце ожить может разом!

Дремотою нежился долгий я срок,
Наставил меня, пробудил меня рок.

Прозрел взором сердца я, слышу я слухом,
Воспрянул плутавшим донине я духом.

Окончена жизнь, моя ноша лиха,
И время пришло отступить от греха.

Я, людям служа, жизнь истратил напрасно,
Служить надо богу — всё ныне мне ясно.

Мирским я прельщен был, но близок исход,
Окончится жизнь — всё мирское уйдет!

Я в жизни хотел обрести всё земное,
Но кончена жизнь, и к чему мне дурное?

Вот — день мимолетный уносится прочь,
А что будет после — настанет ли ночь?

Как лунь, голова моя стала седою,
И, словно бы кречет, я сед бородою.

О будущем впору заботиться мне,
Мудрец, о грядущем я думаю дне!

5700 И, кстати, об этом и сказано слово,
Последуй ему, о муж сердца благого:

«Прошла моя жизнь, я жалею о ней,
А много ль еще мне даровано дней?

Напрасно прошли моей зрелости дни,
Оставшийся срок мне прожить бы честней!»

«Подумай о близком, тебе предстоящем», —
Так сказано мужем мне, мудрость дарящим.

Сегодня смиришь перед богом всеушим:
Послужишь сегодня — воздастся в грядущем!

Бесцельно я жил — ел и пил, словно скот,
Лишь голод и жажда смирят мой живот!

От благ и услад моя плоть ожирела,
И ей отошать уже время приспело.

В блаженстве и неге спала моя плоть,
Пора ей очнуться — себя побороть.

Я много врагов себе нажил, враждуя,
Возрадую их, им на помощь приду я.

Был к людям я делом и словом суров,
Покаяться я перед ними готов.

5710 О славный, людей попирал я неправо,
Сломлю я гордыню негожего нрава.

Я — бога покинувший жалкий беглец,
В грехах и пороках погрязший вконец.

С молитвой вернусь я к нему, со смиреньем,
Обет покаянья приму со смиреньем.

Пока ещё жив, сей обет я приму,
А вдруг я умру, чужд обету сему!

Внемли, что сказал муж глубокого знания,
Тебе, твердосердый, его назиданья:

«При жизни покайся, смири себя властно,
А смерть подойдет — покаянье напрасно.

Покайся, пока еще ты не поборот,
А то смерть придет и ухватит за ворот!

Смирись, пока юные годы не минут,
В преклонных годах будешь силой покинут.

Цени свою жизнь, посвети ее богу
И, помня о смерти, готовься в дорогу.

Опомнись, пока тебя смерть не поймала,
Потом в этом пользы не будет нимало!»

5720 К тебе и приехал я с думой об этом,
Обдумай-ка всё, помоги мне советом.

Ты — верный мой брат, нет роднее родни,
О доблестный, как же мне быть, объясни!»

«О брат мой, — ему отвечал Одгурмыш, —
О доблестный, ты мой совет да услышь!

В намереньях ты благородством высок,
Тебя да возрадует помощью бог!

Но дело понять — слишком мало, заметь,
Тут надобно многое знать и уметь.

Узнай первый признак повадки умелой:
Что нужно — узнай, а потом уже делай!

Тебе лучше там находиться теперь,
А мне лучше здесь оставаться, поверь.

Немало добра от тебя видит люд,
Не будет добра — свары-ссоры пойдут.

Элик тебе власть над людьми даровал,
Творишь ты добро, тебе много похвал.

Народ благоденствует, в силе держава,
Немолчна в молитвах людских твоя слава.

5730 Внемли, что сказал благодетельный муж,
А благодать — глава человеческих душ:

«Поверь, меж людьми человек — только тот,
Кто людям и благо и пользу несет.

Не служащий пользе — людьми не любим,
А служащий ей — осчастливит народ!»

И кто доброту в своем сердце упрочит,
Добьется от жизни всего, чего хочет.

К добру устремленный добро обретет,
Ему и несбывшийся замысел — в счет!

При прочном законе спокоен весь люд,
Элик и народ тебя любят и чтут.

Во всем — добрый лад, и закон всюду строг,
Забуты коварство, обман и порок.

А бросишь всё это, уедешь оттуда —
Раскаешься: всё будет дурно и худо!

И если нарушить порядок и лад,
Всё рухнет, пороки страну сокрушат.

Поставят негожего вместо тебя —
Народ будет в муках влачиться, скорбя.

5740 Дурной всех направит дорогою зла,
И смута затеет дурные дела.

И ты перед богом ответишь за это,
И славе твоей не уйти от ответа!

Не делай же зла и закон не разладь,
Не вздумай злодеям и злу потакать.

Внемли, что сказал очень праведный муж,
Смотри, его добрый совет не нарушь:

«Чуждайся дурных, не насилуй закон,
Злодеям и злу ставь побольше препон.

Добро совершай и закон укрепляй,
В обоих мирах будешь горя лишен!»

Господь тебе в добрых деяньях — защита,
Стезя тебе к благу любому открыта.

Зачем тебе рушить благие труды,
О славный, тебе не познать бы беды!

Где вред для людей,— и тебе там беда,
За благом каким ты приехал сюда?

Я лучше тебе, мой прекрасный, скажу
О том, что себе я всечасно твержу.

5750 Вот я непричастен к богатствам-соблазнам,
И сердце не отдал я прихотям праздным.

Не связан с людьми, я не знал к ним пути,
Не думал и к бекам с поклоном идти.

Не знал я богатств и достатков земных,
Не ведал людей — ни хороших, ни злых.

Я сам, доброй волей, уехал сюда,
И бросить обет мой — затея худа!

Ведь людям, чуждавшимся серебра-злата,
Общение с ним порчей нрава чревато.

Главе всех купцов из Хытая внемли,
Его караваны весь мир обошли:

«Бедняк, что влачится, добра не нажив,
Когда богатеет — недобр и кичлив.

Стал нищий богатым — и зла не минуть:
Забудет он прежний свой праведный путь.

Едва к несчастливому счастье пришло,
Глядишь — стал дурным он всем людям во зло.

И если ничтожный забрал себе власть,
Он будет людей и неволить и клясть».

5760 Познал ты все блага богатства и власти,
Но в сердце смирил ты все прихоти-страсти.

Отверг ты соблазны, смирился душой,
И ныне с эликом ты в дружбе большой.

Тебе божья милость всё это дала —
Все блага мирские и ясность чела!»

75

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ,
ЧТО ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ ДОЛЖНО ВОЗДАВАТЬ
СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ И ЗА ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ — ЧЕЛОВЕЧНОСТЬЮ

«Но это — одно лишь, внимателен будь,
Открою тебе и другую я суть.

Забыл ты иль очи твои не прозрели,
Что скрыто в тобою задуманном деле?

Достойный, ты знаешь, есть много похвал
Для тех, кто путь верности людям избрал.

Закон правит миром — о том не забудем,
Он — знак человечности, свойственной людям.

За доброе добрым ответить спешат,
И здесь за единое — десять отплат.

Потомок отцовского чистого рода
Всей верностью служит для блага народа.

А ежели мать краля влагу тайком,
То сын для людей станет мукой и злом.

5770 Ты должен подумать о благе элика,
Тебя одевает и кормит владыка.

Умел и умен ты, всего ты достиг,
Открыл пред тобою все двери элик.

Тебя он почтил и возвысил с почетом,
Открыл тебе двери ко всем он щедротам.

Ужель ты забыл всех даров благодать?
О славный, не время ль отплатой воздать!

О брат, всё сказал я, и резко, быть может,
Но сердце твое пусть обида не гложет!

Да, истина часто для сердца горька,
А если раскусишь, то польза сладка.

Не ведай обиды на резкое слово,
У резкого слова правдива основа.

Об этом такие скажу я слова,
Внемли им, о славный, в них мудрость жива:

«Хоть правда горька, ты ее проглоти,
Она может пользу тебе принести.

Бывает обидна подчас прямота,
Но в чем еще правду ты сможешь найти?»

5780 Когда отец умер, ты был еще малым,
Не смог ты взрасти у него под началом.

Тебя взял к себе и взлелеял элик,
При нем ты суть дел человеческих постиг.

Рабов, табуны, ширь угодий-раздолий
Элик даровал тебе властною волей.

Ты блага обрел всех отрад и услад,
И славой ты стал знаменит и богат.

И разве теперь, ты подумай, годится
Враждебно тебе от него отворотиться?

Теперь, когда с пользой ты служишь, уйти —
Не значит ли горе ему принести?

Элик к тебе милостив был без предела,
Не впору ль, о славный, ответное дело!

Похвалит тебя и одобрит народ,
За верность — людская молва вознесет.

Внемли, ведь сказал муж душевный, сердечный,
Что истые люди всегда человечны:

«О доблестный муж, человечным пребудь,
Лишь так утвердишь человечности нуть.

5790 Да будут твои человечны дела,
Тебя назовет человечным хвала!»

Элик к тебе добрым был тысячекратно,
Воздай добротой своею отплатной!

Лишь доблестный муж благодарен вовек,
Он — избранный, истинный он человек!

Ты мал, несмышлен был, не ведал участья,
Тебя он направил дорогою счастья.

И душу и жизнь за него положи,
И ночью и днем неусыпно служи.

Добром отплати ему, в доброе веруй,
Господь да воздаст тебе полною мерой!

О доблестный, знай, что об этом изрек
Муж верный, — он был в человечности строг:

«Чью пищу ты ешь, на того и работай,
И пищей воздастся тебе и заботой.

Муж чести за хлеб и за соль разочтется —
Он жизнь за кормильца положит с охотой!»

Обрел ты желанное, верен твой путь —
Добром отплати, добродетельным будь!

5800 Богато одет, и в парче ты и в шелке, —
Слепит очи недругам, смолкли их толки.

Элика ты славой теперь облеку,
И шеи пригнут перед ним чужаки.

Бессчетны награды твои и отличья,
А сам нарастил себе шею — что бычья!

Ты эту вот мощь на элику потрати,
Продлить твою жизнь будут все умолять.

Богат ты, твои — все богатства вселенной,
Седлаешь коней ты породы отменной.

Отдай всё элику — для праведных дел,
Чтоб ликом он цвел и желанным владел.

Да правит на троне элик благоденно,
Враги да склонятся во прахе смиренно!

Великой он властью тебя наделил:
Все внемлют тебе, мил ты им иль не мил.

О нем ты молись неусыпно за это,
И будешь ты счастлив на долгие лета.

Лишь славный столь славные блага чинит,
И славой он будет вовек знаменит.

5810 В арабских реченьях есть верное слово
О том, как узнать человека благого:

«По действиям судят о сути людей,
Любой поступает по сути своей.

Кто ладен делами, в том ладна и суть,
По гнусным делам узнается злодей!»

И если элик отвернется от блага,
Его ты храни от неверного шага.

Элик — самый главный над всей добротой,
И ты в стороне, о достойный, не стой!

Доверился мне ты, спросил ты совета,
Сказал я тебе всё, что ведал про это.

Сличи свои знания с речью моей
И дело, как надо, уладить сумей!»

ответ огдюльмиша одгурмышу

«О брат мой, — довольный, сказал Огдюльмиш, —
Всё надо уладить, как ты говоришь.

Всё правильно сказано было тобой,
Развязан отныне мой узел тугой.

Завесой мне суть этих дел закрывало,
Но ты с этой тайны совлек покрывало.

5820 Все страсти и прихоти я превозмог,
Да будет мне твердой опорой бог!

Господь да хранит мое сердце от зла,
Да выправит он мою суть и дела.

Мне помощь подай — вспомяни при мольбе,
Всё помни, что ныне я вверил тебе!»

Он встал и простился, прервав свои речи,
Коня оседлал и — в дорогу далече.

Примчался и в дом поспешил он войти —
Поесть и попить, отдохнуть от пути.

И небо, померкнув, сокрыло чело
И вдовьей одеждой свой стан облекло.

И словно подрезало кудри светило:
Собольею дымкой весь мир призакрыло.

Велев постелить, он прилег, утомлен,
И сладкой дремотой сморил его сон.

Потом он проснулся, приподнял чело —
Уж небо девичьей улыбкой цвело.

И солнце, вставая, свой лик приоткрыло,
Весь мир, словно лебедь, сверкал белокрыло.

5830 И встал Огдюльмиш для забот и для дел,
Омылся, молитву свершил и поел.

Коня оседлал он и — снова к элику,
Вошел и в покоях застал он владыку.

вопрос элика к огдюльмишу

Элик спросил его: «Что Одгурмыш,
Здоров ли, вкушает ли благодать и тишь?»

Молясь, вспоминает меня или нет?
Господня молитва — защита от бед.

Молитвой добьется добра человек,
Молитвою рай обретают навек!

Когда бы не доброй молитвы слова,
Всё сразу же гибло, родившись едва!»

ответ огдюльмиша элику

«Ты прав, — отвечая, сказал Огдюльмиш, —
Разумно и верно ты всё говоришь.

Теперь, одинок, в дальнем доле мой брат
За нас молит бога, печалью объят.

И кто хуже нас небреженьем прельщен?
Ведь мы прегрешаем, а молится он!

Без усталости молится он за элика,
О, сердце его добротою велико!

5840 Иной кто на свете, как он, справедлив?
За нас молит он, свои беды забыв!

Элик! Кто, как мы, жил, не зная работ, —
Зря прожиты дни, их никто не вернет!

Жирели мы, тешась уладами нег,
В блаженной дремоте влачили свой век.

Но плоть нашу змеи да черви съедят,
Раскаяньем час нашей смерти чреват.

Послушай, о славный, разумное слово,
Оно для деяний — совет и основа:

„Ты холишь себя для червей и для змей,
Ты — гость на земле, обольщаться не смей!

Вся жизнь быстротечно мелькнет, словно сон,
Тому подтвержденье — мелькание дней!“ »

ОТВЕТ ЭЛИКА ОГДЮЛЬМИШУ

«О мудрый, — ответил элик, — просвети,
Как лучше владеть собой, душу блюсти?»

Нет, кроме тебя, столь же верных при мне,
Я верю тебе, доверяю вполне.

Лежу во дворце я, беспечность храня,
Дела, о мудрец, далеки от меня.

5850 Внимай и смотри, ты — и слух мой и взор,
И действуй негожему наперекор.

А если я должен помочь — извести,
Сумею я должное средство найти.

А ежели слуги повздорят — ну что ж:
Храни мой покой и меня не тревожь!

Следи, чтоб никто не неволил народ,
Да гибнет дурное, а разум — живет!

Да станут богаты народ и страна,
И мною им будет хвала воздана!»

Сказал Огдюльмиш, отвечая: «О бек,
Да будет господь тебе в помощь вовек!

Так должно, и в этом же дум моих суть,
Господь да откроет мне праведный путь!

Будь счастлив, элик, правь, не ведая тягот,
Пускай на меня муки трудностей лягут!

Несу тебе в жертву я каждый мой миг,
Спокойно живи, о владыка владык!

Но есть к тебе просьба одна у меня,
Исполни ее, радость в сердце храня.

5860 Ты знаешь: кого приближают владыки,
О том пересуды бывают велики.

И раз уж ко мне ты любовь бережешь,
Случись оговор — не приемли ту ложь.

Внемли, что сказал высших доблестей муж,
Прими сей совет и наказ, не нарушь:

«Ведь сердце — что мясо: сгниет — засмердит,
Его, о могучий, хранить надлежит.

Сколь ни был бы муж слушать ложь неохоч,
А сплетню подчас он послушать не прочь.

Но бек, даже если он очень умен,
Приблизив доносчиков, терпит урон.

Ведь сердце — что бек, члены тела — народ,
А слово владыки то студит, то жжет.

Четыре враждующих в теле основы:
Одна взвеселит, глядь — другие бедовы.

Одной любо медлить, другой — мчаться вскачь,
Одна весела, а в другой — боль и плач.

Ждешь радости — смотришь, навалится гнет,
Беды ожидаешь, а радость придет!»

5870 Элик достославный, я думаю так:
Доносчики — хуже блудливых собак!

Ты сердцем встревожен, чело омрачил,
Напрасно служил я, тебе я не мил.

Внемли моей преданной просьбе одной:
Меня оболгут — обсуди всё со мной.

Про всё расспроси, обо всем рассуди,
Порядок во всем, что узнал, наведи.

Доносчика тоже спроси и пристрожь
И точно дознайся, где правда, где ложь.

И сказано мужем достойным, бывалым:
«Всё слушай, а в сердце слагай не навалом!»

О том же и лучшая сказана речь,
О славный, сумей ее к делу привлечь:

„Всё слушай и то, что пригодно, отсей,
Негожее слово отбрось поскорей.

Всех выслушай, правду отсей ото лжи,
Правдивых приблизь, а лгунов накажи.

Весь мир могут ложью испортить лгуны,
О властный, будь с теми, что правде верны!“»

ОТВЕТ ЭЛИКА ОГДЮЛЬМИШУ

5880 Элик отвечал: «Муж великой души,
И просьбы и нужды твои хороши!

Бог дал тебе высших достоинств дары:
Твой нрав, твоя речь, твоя слава — добры.

И станет ли суть твоя зла и горька?
Добро ты впитал с белизной молока!

Кому станет люб на тебя наговор,
Врагами, о мудрый, мне будут с тех пор.

И — много ли, мало ли скажут они,
Ужель снизойду я до их болтовни!

Ужели властителю целой страны
Различия зла и добра не видны?

И бек, чьею волей возглавлен народ,
Где правда, где кривда — ужель не поймет?

И может ли властвовать темный злодей,
Не верящий в верность надежных людей?

Достигнет ли цели, кто вводит закон,
Когда правду с небылью путает он?

Ты — истинный дар, мне послал тебя бог,
Тугие узлы ты разъять мне помог.

5890 Служил ты мне верно во все времена,
За хлеб и за соль отплатил мне сполна.

Воздать должен доброю мздой я тебе,
Да будешь ты благ в своей доброй судьбе!

Послушай достойного мужа слова,
Его прямоту восхваляла молва:

„Того меж людьми мы достойным зовем,
Кто добр и всегда человечен во всем.“

За всё человеческою платой плати,
Отзывчивый с доброю славой знаком!“»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

Ему отвечал Огдюльмиш: «О элик,
Да будешь ты счастлив и властью велик!

Дары двух миров да пошлет тебе бог —
Свершенье всех дум, что в душе ты берешь.

И добрым да будет к тебе небосвод,
И рок исполненье мечты да пошлет!

О доблестный сердцем, о праведный нравом,
Живи неизменно счастливым и здоровым!

Приял от тебя я дары всех щедрот —
Еду и одежду, богатство, почет.

5900 И пояс послуг повязал я тугой,—
О мудрый, тебя да хранит всеблагой!

Элик,— продолжал Огдюльмиш,— и по праву
Тебе дал всевышний всесветную славу.

Храни ее, счастье послал тебе бог,
А счастье обрел — будь и сердцем высок!

И ежели хочешь ты властвовать долго,
Четыре тебе исполнять нужно долга.

Во-первых, всегда говори с прямою,
Второе — за твердость закона постой.

И третье — будь щедрым, в заботе усердным,
К народу участливым будь, милосердным.

Четвертое — будь и бесстрашен и смел,
Смири всех врагов силой воинских дел.

Не выполнит бек сих четыре задачи —
Стране в разорении быть, не иначе!

Вот — власти державной основа и суть,
Вот — славных правителей праведный путь.

По этой стезе шествуй правильным следом,
Привычен он был твоим предкам и дедам.

5910 Забудешь сей путь — твоя доля худа:
Ушедшую власть не вернешь никогда.

Три рода людей почитай, о владыка,
О них я скажу, а ты сам рассуди-ка.

Одни — смельчаки, чья душа горяча,
Полезны стократ они силой меча.

Второй род мужей — мудрецы, их наказам
Внемли — укрепишь ты могущество разом.

И третьи — писцы, им — казне вести счет,
Учитывать точно доход и расход.

Ты их отличай и особой наградой
В согласии с их же полезностью радуй.

И будет всему устроенье дано —
Расширить владенья тебе суждено.

И будешь покрыт ты великою славой,
Весь мир да увидит твой лик величавый.

Мудрец завещал нам благие слова:
«Все смертны, лишь добрая слава жива!»

Сколь славно владеть добрым именем, право:
Умрет человек, а жива его слава!

5920 Бессмертен обретший при жизни почет,
Хоть он и давно под землею гниет.

Не жизни желай — было б имя достойно,
А с доброю славой жить можешь спокойно.

Взгляни, что есть жизнь и добро каково,
Скажи мне, о мудрый, в чем их существо?

Суть истинной жизни — благие деянья,
А доброе делать — всей жизни призванье.

У добрых исполнены жизни сердца,
А злой и при жизни — мертвей мертвеца!

Сей мир преходящ, а добру нет предела:
Живет в добронравии доброе дело.

Тщета сего мира к тебе недобра,
Твори, о достойный, деянья добра!

Не льстись на мирское, беги его скверен,
Пойми, о элик, этот мир нам не верен!

Суть этого мира хитра и крива:
К ногам его льнешь, а слетит голова!

Будь чужд его играм, им верить не смей:
Поддашься — глядишь, и опутана шея!

6930 Хранят письма очень ладную речь,
Стремись ее, мудрый, в душе уберечь:

«Дела сего мира — забава, игра,
Не льни к нему — что тебе, право, игра?»

Ты — раб, и веления господи чти,
А если не чтишь — покориться пора!»

Вот знанья мои, о элик достославный,
Их смысл я поведал — и тайный и явный.

Поверь моей речи и этим словам,
А мне не поверишь — изведай всё сам!»

ОТВЕТ ЭЛИКА ОГДЮЛЬМИШУ

Элик отвечал: «С чистым сердцем я к богу
Взываю, чтоб он даровал мне подмогу.

Да будет в делах мне от бога защита,
Всё мне объясняй, что таится сокрыто.

Старайся за всеми делами смотреть,
И взором и слухом будь чуток и впрядь.

Что в силах твоих, без меня всё упрочь,
А в прочих делах я сумею помочь».

Умолкнул элик, всё сказав откровенно,
И, встав, Огдюльмиш удалился степенно.

6940 И вмиг — на коня, путь домой недалек,
Приехал, вошел и одежды совлек.

Поспал он и, снова велев оседлать,
В покои элика вернулся опять.

И вновь Огдюльмиш неусыпно радел
О добром свершенье бесчисленных дел.

Цвела вся страна, был спокоен народ,
Элик правил долго, не зная забот.

И все вознесли ему много похвал,
И вечную славу себе он снискал.

Помысли, сколь славен надежный закон,
Хранит он величье владык испокон!

И ежели правит столь доблестный бек,
Страна и народ беспечальны вовек.

А если послушен и праведен люд,
Властители счастливы — дни их цветут.

Сам бог власти беков величье дает,
При доблестном беке доволен народ.

Где люди дурны, там и бек нехорош:
Сойдутся два зла — всё испорчено сплошь.

5950 Где ладен народ, там и бек без греха,
А бек без греха — вся страна неплоха!

Шли месяцы, дни, и за годом шел год,
Прекрасен стал мир, богател весь народ.

И тьма расступилась, и сгнула мгла,
И смутные все разрешились дела.

И богу элик благодарность воздал,
И много творцу возносил он похвал.

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ, КАК ОДГУРМЫШ,
ЗАБОЛЕВ, ПРИЗВАЛ К СЕБЕ ОГДЮЛЬМИША

В одну из ночей Огдюльмиш перед сном
Готов был улечься на ложе своем.

Вдруг шум у ворот суматошный возник,
Слугу он послал — мол, узнай, что за крик.

ОТВЕТ СЛУГИ ОГДЮЛЬМИШУ

Посланец, взглянув, говорит: «Кто-то там
Впустить его просит — мол, весть передам».

ВОПРОС ОГДЮЛЬМИША К СЛУГЕ

И снова велел он: «Ступай и спроси,
Кто он, что сказал он — мне весть принеси!»

ВОПРОС СЛУГИ К ГОНЦУ

Слуга, выйдя вновь, гостю задал вопрос —
Что нужно ему, что за весть он принес.

ОТВЕТ ГОНЦА СЛУГЕ

Тот молвил: «Послал Одгурмыш меня. Весть
Я брату его — где он? — должен принести».

ОТВЕТ СЛУГИ ОГДЮЛЬМИШУ

5960 Слуга, возвратившись, поведал о том,
Что вести от брата приспели с гонцом.

ВОПРОС ОГДЮЛЬМИША К ГОНЦУ

И встал он, и гостю был вход разрешен,
И вестник вошел, отдавая поклон.

«Откуда ты прибыл, — спросил Огдюльмиш, —
И с вестью какою ко мне ты спешешь?»

ОТВЕТ ГОНЦА ОГДЮЛЬМИШУ

«К тебе Одгурмышем,— отвечивал тот,—
Я послан,— приехать тебя он зовет!

Он слег, заболев тяжкой болью души,
О доблестный, ехать к нему поспеши!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ГОНЦУ

«Постой,— отвечал Огдюльмиш,— подождем,
Поешь, и мы тотчас поедем вдвоем».

ОТВЕТ ГОНЦА ОГДЮЛЬМИШУ

«О нет,— тот ответил,— твой брат занемог,
Он плох — видно, путь уж его недалек.

Я тотчас же еду, ждать времени нет,
А ты, о достойный, поедешь вослед!»

Вернулся к себе Огдюльмиш от ворот
И руки развел удивленно — мол, вот!

И в дом он вошел в превеликой печали,
Вся радость ушла, муки-беды настали.

5970 Он лечь попытался, а сон не идет,
И тяжело лежать: ночь тянулась, что год.

И очи смыкал он, пытаясь заснуть
А сна будто не было вовсе, ничуть.

И встал он, и долго сидел на постели,
Заря поднялась, небеса пожелтели.

И сладко запел в цветнике соловей,
И сердце в волненье забилося живей.

И он — на коня, мчался, думой волнуем,
Приехал и к брату припал с поцелуем.

И видит: лежит его брат, полужив,
Лохмотья рядна под себя подложив.

вопрос огдюльмиша к одгурмышу

И он спросил: «Что с тобою, о брат,
Узрев тебя, горькой я болью объят».

ответ одгурмыша огдюльмишу

«О брат,— он сказал,— путь мой горестный
Я должен уйти — смерть идет по пятам. прям:

Хоть раз на тебя мне хотелось взглянуть,
Призвал я тебя, был нелегок твой путь!»

ответ огдюльмиша одгурмышу

«О брат мой,— сказал Огдюльмиш,— о мой свет,
Живой не избавлен от хворей и бед.

5980 Уйми злое слово и сердце не рань,
Болезнь и недуг — за грехи наши дань.

И знающий муж говорил очень верно,
А знаньем из душ изгоняется скверна:

«Болезнь — за грехи нам отплата и мзда,
Безгрешных людей ты видал ли когда?»

Настигнет болезнь — все грехи утекут,
А грех утечет — ты спасен от вреда!»

И — много ли, мало — все люди грешат,
Сколь редок на свете безгрешный собрат!

Пройдет твоя хворь, будешь жив и здоров,
И ждет тебя дар — очищенье грехов!

Зачем злое слово пускаешь ты в ход,
Откуда ты знаешь, что смерть тебя ждет?»

ОТВЕТ ОДГУРМЫША ОГДЮЛЬМИШУ

«Скажу,— отвечал Одгурмыш,— я причину:
Во сне всемогущий предрек мне кончину.

Мне истина эта открылась во сне,
Я скоро умру — так указано мне.

И добрую долю и злую судьбу
Всевышний во сне возвещает рабу!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ОДГУРМЫШУ

5990 «И эти слова,— отвечал Огдюльмиш,—
Ты тоже, о доблестный, зря говоришь!

Когда от любой умирали бы хвори,
Живых на земле не осталось бы вскоре.

Болезни гнетут человеческий род,
Но корни его даже смерть не прервет!

Сны видеть во сне — сей обычай не нов,
И внятен их смысл толкователям снов».

77

ОГДЮЛЬМИШ РАССКАЗЫВАЕТ ОДГУРМЫШУ
О ТОЛКОВАНИИ СНОВ

«Большие познания в науках нужны
Для верной смекалки — разгадывать сны.

В науке о снах много тонкостей есть,
О славный, всё надо и знать и учесть.

Невежд не проси толкованьем помочь,
Проси лишь у знающих и не просрочь.

Одно дело — прежде увиденный сон,
Иное — когда снился только что он.

В науке о снах — тьма примет, и с лихвой!
И, чтобы понять их, ты вот что усвой.

Свой сон толковать произвольно негоже,
И всем говорить о нем — лишнее тоже.

6000 Не вздумай болтать, что, мол, это — лишь сон,
В науке о снах много разных сторон.

Сны сам не толкуй, а уж стал толковать —
Так всё по науке сличи и приладь.

Увиденный сон толкованием красен,
А неистолкованный — вовсе напрасен.

И сказано мужем, чей ум — океан,
Усвой его речь — будешь ликом румян:

«Сон нужно понять, всё обдумав толково,
С умом разберись, что в нем суть и основа.

Как сон истолкуешь, так всё и случится:
Во зло не толкуй — будет кара сурова!»

Бывает, привидится пища, еда,
И плохо, когда эта пища худа.

Привидятся года различные сроки —
То значит, что в теле смещаются соки.

Весну если юный увидит во сне
Иль землю, что ярко цветет по весне,

То значит, что кровь его силой бурлит,
И должен быть выход для крови открыт.

6010 Узрит молодой в сновидении лето
В сиянии желто-багряного цвета,

То значит, что желчь его тело нальет,
И надо искать ей из тела исход.

Когда видит осень муж лет уже зрелых,
Померкшие пастбища в горных пределах,

То значит — в нем страсть преисполнилась сил,
И должно лекарством умерить свой пыл.

А если старик видит зиму и лед
И снег или град иль обилие вод —

Мокрота пойдет у него или слизь,
И, значит,— горячим настоем лечись.

И есть еще сны — что бессмысленный бред,
О доблестный, им толкования нет.

Когда засыпаешь ты с думой тревожной,
Твой сон разгадать — это путь невозможный.

И есть еще сны, что внушает сам бес:
Увидишь их — ровно бы в воду залез.

И сон, если видишь себя ты при деле,
Нельзя толковать — не достигнешь ты цели.

6020 Да, разум и многие знанья нужны
Сличать, различать и разгадывать сны.

Мудрец, знавший снов толкованье, изрек,
Что сны толковать должен мудрый знаток:

«Без знаний свой сон толковать и не думай,
Сон сбудется, если толкуется с думой.

Приснится печаль — значит, ждет тебя радость,
А радость — предвестник печали угрюмой!»

Различия есть в толковании снов,
О славный, все надобно знать до основ.

Одно дело — сны у простого народа,
Иное — у знати из бекского рода.

Привидятся радость, веселье, игра —
Тебя ждет печаль, не дождешься добра.

А если во сне ты рыдал от невзгод,
Блаженство бесчисленных отрад тебя ждет.

Бывает и так, что увидишь ты сон,
А благо — другим, не тебе судит он.

О всех сновидениях судят по людям,
Тем больше удачи, чем лучше мы судим!

6030 Бывает, что сон одному судит власть,
Другой видит то же, а будет напасть.

И всё это надобно ведать, о брат,
Тогда сны толкуются не наугад.

Поведай же мне, что за сон тебе был,
Его я тебе объясню в меру сил!»

78

ОДГУРМЫШ РАССКАЗЫВАЕТ ОГДЮЛЬМИШУ,
КАКОЙ ОН ВИДЕЛ СОН

И начал ответ Одгурмыш ему свой:
«Что я расскажу — ты всем сердцем усвой.

Мне лестница снилась — ступеней в полста,
Полого вела она вверх, не крута.

И я по ступеням взбирался устало,
И доверху счел я ступеней немало.

Вверху некий всадник поднес мне питья,
И воду испил и пресытился я.

И тотчас вознесся я в выси небес
И там растворился — бесследно исчез».

79

ОГДЮЛЬМИШ ОБЪЯСНЯЕТ,
КАК ДОЛЖНО ТОЛКОВАТЬ СОН ОДГУРМЫША

Ему отвечал Огдюльмиш: «Этот сон
Прекрасен, — подумай, сколь благостен он!

Зачем же свой сон ты толкуешь столь гадко,
О доблестный, сну подобает разгадка!»

6040 Взлетанье во сне означает почет:
Тем больше почета, чем выше взнесет.

Высоко взлетел — будешь счастьем богат,
Узришь много славы и много наград.

Высь лестницы — высь тебя ждущего счастья,
Примета величия, славы, всевластья.

О том же гласящее слово не к стати ль,
В нем сон хорошо объяснил толкователь:

«Во сне видеть лестницу — честь и почет:
Величье сулит всех ступеней подсчет.

Поднявшийся вверх будет ввысь вознесен —
Он счастье, богатство и честь обретет».

И то, что ты воду пил — целый сосуд,
То значит, что долгие дни тебя ждут.

Вот сущность полета до горних высот:
Господь тебе всё, что желанно, пошлет!»

80

одгурмыш говорит о другом толковании того же сна

«Мой сон, — отвечал Одгурмыш, — это — знак,
Он должен быть, друг мой, толкован не так.

Вот если бы ты это видел во сне,
Всё было бы, как ты и сказывал мне.

6050 Ведь ты помышляешь о благе мирском,
Мирское обрел ты, к мирскому влеком.

Но мной презрена суета эта вся,
И здесь я живу, бремя тягот неся.

Нет, сон мой разгадку таит не такую,
Послушай, как я тебе сон истолкую!

Высокую лестницу, брат, видел я,
И это, как понял я, — знак бытия.

Всю лестницу доверху я одолел,
То значит — пришел моей жизни предел.

А там наверху всадник был на коне,
И выпил я воду, что подал он мне.

Сей муж весь отцами рожденный народ
Лишает отцов, превращает в сирот.

Он всё, что ни создано, рушит, крушит,
И всё, что ни живо, он жизни лишит.

Ты воду в сосуде, испитую мной,
Толкуешь как жизнь — долгий век мой земной.

Водой, говоришь ты, мне жизнь суждена, —
О, если бы воду испить не до дна!

6060 Испить бы мне лишь половинную часть,
Тогда бы не всей моей жизни пропасть!

Но выпил я всё, и сосуд опустел,
Окончен мой век, ты — здоров будь и цел!

Послушай-ка мужа разумное слово,
Всею речи мудрых — и суть и основа:

«Когда пьешь во сне ты лишь до половины,
Дошла, значит, жизнь твоя до середины.

А ежели выпил ты всё до предела,
Ждет яма тебя, твоя жизнь — у кончины!»

Еще я взлетел в поднебесье во сне —
В его растворился я голубизне.

То значит — душа моя образ земной
Покинула ради юдоли иной.

Господь в сновидении подал мне знак —
Мол, к смерти готовиться надо, смельчак!

Внемли, толкование сна таково,
А ты в нем иное узрел существо!

Ты тешишь меня — сердцем-де не страшишь,
А смерть подошла — от нее не спастись.

6070 Взгляни, славный муж: ныне жив ты, здоров,
А смерть уже сколько нарыла бугров!

И сколько чертогов, дворцов и жилищ
Разрушила смерть до пустых пепелищ!

Великих и гордых владык без числа
Рассеяла смерть и в могилы свела!

И сколько богатств, состояний, добра
Развеяла смерть, на расправу быстра!

Не диво, что смертный для смерти рожден:
Кто дышит, тот смертен,— таков уж закон!

А диво, что смертный, о смерти забыв,
К мольбе покаянной, увы, нерадив!

И знает беспечный, что смерть суждена,
А скинуть не в силах объятия сна!

Мне смертью грозит неизбежная месть,
Что будет по смерти со мною — бог весть!

И вот в чем, о друг, моих помыслов пыл:
По смерти меня бы творец не забыл!

Доволен я был долей блага и зла,
Прошли мои дни, но и ночь мне светла!

6080 Корусти не знал я, богатств не копил,
На страсти не тратил душевных я сил.

Я взвесил груз тягот моих и обуз,
Хочу облегчить я грехов моих груз.

И вот что сказал наставленья дававший,
С любовью наказ в поученье дававший:

«Старайся грехов своих груз облегчить,
Да будет твой путь — словно волоса нить.

Без лени готовься к грядущему дню,
Стремись бремя мук преходящих забыть!»

Любезный мой брат, — дал еще он завет, —
Я скоро уйду, ты — за мною вослед.

Сказал я тебе моих помыслов суть,
Ты их после смерти моей не забудь!

С тобой я всем сердцем, пока не угас,
А после меня — слушай: вот мой наказ!»

81

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ,
КАК ОДГУРМЫШ ДАВАЛ НАКАЗ ОГДЮЛЬМИШУ

«Беспечности, брат мой, стремись избежать
И зря свою жизнь на дурное не трать.

Будь прям и прямого пути не оставь,
На нем лишь заветное сбудется въявь.

6090 Будь добр ко всему, что ни дышит, живому,
Прям сердцем и словом, служи всеблагому.

Свершай свой обет, все сомненья презрев,
Будь тих и спокоен и сдерживай гнев.

И, помня о смерти, готовым к ней будь,
И помни себя — осознай свою суть.

Себя не черни, не предайся соблазнам,
Не то покаяние будет напрасным!

Неси весь свой груз, чти веленья творца,
Во благо народу служи до конца.

Будь прям и правдив, добрым словом пригож,
Порочат людей суесловье и ложь.

С людьми будь приветлив, исполнен участия,
И рок да пошлет тебе щедрое счастье!

Будь скромн и, людям даруя хлеб-соль,
Корить и судить их себе не позволяй.

Смири свои страсти и гнев укроти,
И плоть удержи от кривого пути.

Живи не своей, а людскою заботой,
Других не неволь, сам за них поработай!

6100 Богатств не копи, о вещах не радей,
О мудрый, дарами возрадуй людей.

Достойный всегда человеку поможет
И с радостью жизнь за собрата положит.

Об этом муж избранный ладно сказал,
И знанья и ум его — выше похвал:

«Полезен народу лишь избранный муж,
И людям в угоду — лишь избранный муж.

Дарит человечность два блага-добра:
Добра она к людям и к людям щедра.

Но ум еще доблестней названных благ:
Путь разума доброю пользою благ.

Кто щедр и о ком с похвалой говорят?
О том, кто за ближних всем жертвовать рад!

И щедрость не в том, чтобы дать серебра, —
Готовность пожертвовать жизнью щедра!

Кто щедро дары раздает и не скуп,
К тому люди тянутся — людям он люб.

Две вещи — основа мирского величья:
Богатство и суетной славы отличья.

6110 Но с ними, прожив даже тысячу лет,
Ты смерть обретишь — и простынет их след.

Власть беков служеньем подвластных сильна:
Узда хороша, если есть стремена!

Но редок в подвластных сей благостный дар:
Пока бек дождется его — станет стар!»

Не вечен ты сам, твоя слава не вечна,
И смерть тебя в небыль проводит, конечно.

Кочевник не строит дворцов и палат,
И путники в путь свой не вечно спешат.

О брат, знай и ты: на исходе твой путь,
Не тешься тщетой и прельщенным не будь.

Сей мир преходящ, всё идет своим следом,
Ты смертен, хоть день твой урочный неведом.

И всех когти смерти всегда стерегут:
Беспечно идешь — а крючок тут как тут!

Сей мир — что еда: всех, кто тянет кусок,
Попробуй исчисли, а я бы не смог!

Смиряй свои страсти, сложи их под спудом
И, нем и безмолвен, будь чужд пересудам.

6120 Послушай достойного мужа завет,
Кто внемлет ему, тот не ведает бед:

«Желаньям потворствуешь — вкусишь услад,
Да только ответ за них мукой чреват.

Где сладость — там горечь, где мед — там и яд,
Где взлет — там паденье, где высь — там и
спад!»

Обманчив сей мир, его нрав — что девичий,
О славный, не стал бы ему ты добычей!

Немало подобных тебе он настиг,
Немало сгубил он всесветных владык!

Следя за тобой, он уж руку занес,
Будь зорок, достойный, — не ведать бы слез!

И всё, что он дал, он отнимет сурово,
И всё, что скопил ты, развеет он снова.

И как ты ни весел, заплачешь навзрыд:
Он всё, что ты строил, во прах сокрушит.

И всё он гнетет своим нравом худым,
Неярко горит он, да густ его дым!

Тебя он красою притворной заманит,
А сердце отдашь — ноги путами стянет.

6130 Приманит он сластью, а всыплет отрав,
О мудрый, у счастья — обманчивый нрав!

Послушай, что молвил всех мудрых глава,
Счастливец, обдумай благие слова:

«Не верь сему бренному миру, подумай,
О славный, жесток сей мучитель угрюмый!»

Прекрасно сказал очень доблестный муж,
Всезнающий, умный и мудрый к тому ж:

«Ты к счастью не льни, не криви правый путь,
Неверно оно и готово вильнуть.

Мирское блаженство похоже на тень:
Оно свое место меняет весь день».

О муж, чьи познания схожи с рекою,
Чти веру, не льстись суетою мирскою!

Не тешься надеждой в блаженстве спастись
И, помня о боге, смиренно молись.

И пусть не пьянит тебя счастье, о брат,
Очнешься — посыплется слезы, что град.

Послушай, что сказано бегом всевластным,
Он слово сказал с разумением ясным:

6140 «Кто счастьем прельстился, тот словно бы пьян,
В могиле оплачет он пьяный дурман.

Кто пьян от величья, тот — людям во вред
И в черной могиле натерпится бед.

Чья спесь от богатства и счастья пьяна,
Те зlostнее пьяниц, хмельных от вина.

Упившийся хмелем уляжется спать
И, крепко поспав, протрезвеет опять.

А пьяного счастьем — и сон не трезвит,
До смерти он спит, словно насмерть убит!»

Зовешься рабом — не равняйся с владыкой,
Муж добрый, служи и беды не накликай!

Недолго протянется дней твоих бег,
И слава величья дана не навек.

И смерть, сколь бы ни жил ты, не побороть,
Развалится в прах крепко сбитая плоть!

Послушай об этом и ладное слово,
Войми его в сердце, не хмурься сурово:

«Всех благ и услад ты отведать ли смог,
Живой ли воды дал испить тебе рок,

6150 Достал ли рукой ты небесный чертог,
До неба ль вознесся, а в землю ты лег!»

Послушай, о брат, что скажу я правдиво,
Скрывать ли, таить мне — что в этом за диво!

И кто же не любит богатств и услад,
Кто в мире с красой его знаться не рад!

Но надо отвергнуть соблазны, поверь,
Неверный сей мир мне закрыл эту дверь.

От бога сей мир отвращает умело —
Отводит людей он от доброго дела.

И боязно мудрым мирских этих пут,
Бегут они прочь, бремя тягот несут.

В пещерах, в горах они ищут жильё,
Растенья — их пища, и дождь — их питье.

Иные смятенно влачатся в пустыне,
Страшась божьих кар, они чахнут в кручине.

Иные в лохмотьях на тощем горбе
Бредут в слезной муке и слезной мольбе.

Иным от невзгод голодания невмочь,
Иные не спят — на ногах день и ночь.

6160 Вот так поступают прозревшие люди,
А мы спим спокойно в блаженстве и блуде!

Храни себя, брат, от мирской суеты,
Весь мир этот — твой, и глава ему — ты!

Смири свои страсти, сломи им хребет,
У мужа нет более верных примет!

Лишат мужа сил оба этих порока,
Они своих пленников мучат жестоко.

Сегодня уйду я — приспела пора,
И вот тебе путь для свершенья добра!

С дурными не знайся, будь добрым, благим,
Дурной в двух мирах тяжкой мукой томим.

Сказал усмиривший желанья муж
И к смерти готовый заранее муж:

«Смельчак, будь к дурному суровым стократ,
Не делай дурного, пороки — что яд.

О гордый избранник, на смерть не ропщи
И способ предстать перед нею ищи!

Хвастун, возносящий себя в похвальбе,
Готовься ко смерти, грозящей тебе!

6170 Голодный и алчный и суетный раб,
Тебя словит смерть мощью алчущих лап!»

О брат, ухожу я с печалью моею,
О двух лишь утратах я нынче жалею.

Одна — то, что бог потеряет слугу,
Другая — что богу служить не смогу.

Сегодня ли, завтра я очи закрою,
Молю вас почтить меня вашей мольбою.

О брат, ты, молясь, обо мне не забудь:
Вослед за моим твой окончится путь.

Ты видишь теперь, как я жалок-убог,
Да будет тебе в том целебный урок!

Пришла моя смерть, ухожу я, печальный,
И ты приготовься к кончине недалней.

Расстанусь с тобой я, печалюсь сурово,
Бог знает, когда мы увидимся снова!

Что молвил один умиравший, усвой,
В слезах бился об землю он головой:

«Рыдаю о смерти я, скорбь тяжела,
Сокрыта в ней доля блаженства и зла.

6180 По смерти нас ждут два возможных пути,
К какому из них меня смерть привела?»

Любезный мой брат,— он сказал,— слез не лей,
Не рань свое сердце печалью моей.

Не плачь, не крушись, не томись горькой думой,
Смирись и молись, всё усердно обдумай.

Не плачь, не стнай, будь и стоек и смел,
Всё бог нам дает,— тут и слову предел!

Ступай, возвращайся скорее домой,
Не мучься и сердце свое успокой.

Поведал тебе я всю нужную суть,
О праведный, слов моих не позабуди!

Элику доставь мой приветный поклон,
Последний, наверно, о доблестный, он!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ОДГУРМЫШУ

Сказал Огдюльмиш ему, сердцем скорбя:
«Ну как же теперь я оставлю тебя?»

Ты тяжко болеешь, и ты одинок,
О славный, один что ты сделать бы смог?»

ОТВЕТ ОДГУРМЫША ОГДЮЛЬМИШУ

«Ступай,— Одгурмыш молвил брату в ответ,—
Зачем тебе, сын мой, печаль моих бед?»

6190 Мне память о боге — мой преданный друг,
Господь не оставит меня в пору мук.

Кому свою милость дарует господь,
Тому он поможет всё зло побороть.

Вот ладное слово правдивого мужа,
Бывалого и прозорливого мужа:

«Кому дарит бог своей милости знак,
В обоих мирах тот и счастлив и благ.

Кто сенью господней надежно храним,
В обоих мирах будут милости с ним.

А тот, кого бог милосердьем обнес,
Не лучше, чем волк или брошенный пес!»

О брат мой, давай разговор прекратим,
Ступай и не плачь, будь здоров-невредим!»

И встал Огдюльмиш, горько плача о брате,
Целуя его, он скорбел об утрате.

Рыдая, он вышел, поникнув главой,
Коня оседлал и поехал домой.

И в дом он вошел в тяжких думах своих,
Безрадостен, сердцем подавлен и тих.

6200 Как много невзгод человеку дано:
Мала его радость, а горя — полно.

Он жаждет быть радостным, бодрым, веселым,
А горе придет — и гнетет произволом.

Любовь обретая, он весел и рад,
А в пору разлук он печалью объят.

То радость свиданий его веселит,
То плачет он, горем разлуки убит.

И что есть на свете грустнее разлуки?
Бездонного моря полней ее муки.

Живые, расставшись, встречаются вновь,
Им свидеться часто случается вновь.

А смерть — тяжелее всех горьких разлук,
Спасения нет от лихих ее мук.

Разлука бывает кратка и длинна,
А смерть — навсегда разлучает она!

Послушай об этом же сказанный стих,
Прочти — верный смысл в его строчках благих:

„Разлучница-смерть — всех разлук тяжелей:
Разлука придет — слезы горькие лей.

6210 Разлука с живыми надеждой красна,
А свидеться с мертвым — надежд не лелей!“»

Поел Огдюльмиш, отдохнувши немного,
И встал на молитву спокойно и строго.

И солнце за землю сокрыло чело,
И небо за солнцем по следу пошло.

Велев постелить, он прилег. Сон не в сон:
Очей не сомкнул он, печалью смущен.

И встал он и вышел, рыдая от мук,—
Как лик эфиопа, всё мрачно вокруг.

И снова вернулся он в дом и прилег,
Исполнен безрадостных дум и тревог.

Румийская дева сокрыла свой лик,
Весь мир в темноте затаился и сник.

А сон всё не шел, и узрел его взгляд,
Что долу склонилось созвездье Плеяд.

И долго стоял он, на небо смотря,
Кругом ночь и мрак, и не брезжит заря.

Прилег он, вздремнул и проснулся опять,
И снова за небом он стал наблюдать.

6220 Вдруг Черная Птица взлетела с востока,
Враждебное пламя сверкнуло высоко.

Вздымала Медведица голову ввысь,
И Псы усмиренно к земле повлеклись.

К земле Близнецы проложили свой след,
И солнце послало предутренний свет.

Он встал и омылся. Умыт и одет,
Молитву свершил он — хвалебный обет.

Весь мир озарился сиянием злата,
Земля стала пламенным светом объята.

Одежды надел он, вскочил на коня
И вмиг — во дворец, что есть силы гоня.

И он, ко дворцу прискакав наконец,
Был позван эликом — вошел во дворец.

Вошел Огдюльмиш, и увидел элик,
Что доблестный муж от печали поник.

ВОПРОС ЭЛИКА К ОГДЮЛЬМИШУ

Элик спросил: «Что, достойный, с тобою?
Я вижу, ты думаю сломлен, бедою.

Какой своим сердцем подьемлешь ты груз?
В морщинах твой лоб от каких-то обуз.

6230 Румяный твой лик побледнел и поблек,
За что бледноту даровал тебе рок?

Ведь счастье тебя еще не обошло,
Неверный сей мир тебе светит светло.

Судьба не обходит тебя стороной,
К тебе благосклонны и солнце с луной.

И я ведь не хмур, на тебя не сердит,
Я весел и рад и не знаю обид.

Кто горе тебе и печали принес,
Что случилось с тобою? — ответь на вопрос.

Что значит, о сын мой, сей горестный лик?
Узнать я хочу, отчего ты поник.

И если ты горем и скорбью объят,
То как же я буду и весел и рад?»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

В ответ Огдюльмиш всё поведал о горе,—
О брате своем, о лихой его хвори,

О том, как он ездил и свиделся с ним,
И что ему сказано было больным.

ВОПРОС ЭЛИКА К ОГДЮЛЬМИШУ

Заплакал элик, тяжело сердцем недужа,
«Как жаль,— он сказал,— предостойного мужа!

6240 От мук да спасет его душу господь,
И пусть не ослабнут и кровь в нем и плоть!

Теперь-то,— спросил он,— ему какво?
Скажи, как же смог ты покинуть его?

Кто смотрит за ним в его хвори лихой,
Один как лежит он в болезни такой?

И что же с больным ты не побыл,— ответь,—
Кому ты за ним поручил присмотреть?»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

«Всезнающий муж,— отвечал Огдюльмиш,—
Сказал я ему всё, что ты говоришь.

Но речью моей он, увы, пренебрег,
А я убедить его лучше не смог!»

ОТВЕТ ЭЛИКА ОГДЮЛЬМИШУ

Элик отвечал: «Да поможет господь
Подняться ему и болезнь побороть.

Умом и душою он — с богом всечасно,
А бог ничего не свершает напрасно.

Когда от всего отрешившийся раб
В своем упованье на бога не слаб,

Господь охранит его, в бедах поможет,
Желанное даст, его славу умножит.

6250 Об этом разумное слово услышь,
Войми его в сердце — благое свершишь:

«К творцу припади, от всего отрешись,
И сердце и слово ко благу приблизь.

Господь тебе всё, что желанно, пошлет,
Смири в себе беса — пред богом смирись!»

Внемли же,— элик продолжал,— Огдюльмиш,
Не мучься, зачем сердце болью крушишь?

Сей муж — редкой доблести, все его славят,
Умрет он — всевышний его не оставит!

И нас с тобой завтра не то же ли ждет?
Какой была жизнь — что мы скажем в отчет?

Была наша юность дурна, бестолкова,
Сердца наши, мысли — дурнее дурного.

Вся жизнь — словно сон: оглянулся — и нет,
А как ее прожил — таков и ответ!

Оставшийся срок не прожить бы напрасно,
Неволе страстей не поддаться безгласно!

И как ни противься, а смерть подойдет,
Для мук покаянных наступит черед.

6260 Отныне в делах действуй мягко и ровно,
Народ, силы подданных пестуй любовно.

От зла удержи меня, праведен будь,
Господь да пошлет тебе истинный путь!

Внемли, что сказал муж, достойным прославший,
Господних рабов всей душою любивший:

„Добром воздают за деянья добра,
Прозри же, господня десница щедра.

А делаешь злое — тебе же и вред:
На злые деяния — зол и ответ!

И если привержен ты к злобным делам,
Ну что же, свершай их — наплачешься сам!“»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

«Элик, если ты, — отвечал Огдюльмиш, —
И впредь меня добрым советом почтишь,

Окрепнет во благо народу закон,
И, властвуя, будешь ты богом почтен.

И, чтобы властитель обрел благодать,
Готов я и душу и тело отдать!

Не славой посмертной ли муж знаменит?
Господь всемогущий ее да хранит!

6270 Не каждый ли миг смерть готова напасть?
Смотри, не проспи эту злую напасть!

Мудрец очень ладно сказал, не забудь,
В словах его — правда и верная суть:

„Незримая смерть точит когти на нас,
Глядит из засады нацеленный глаз.

И всех ждет могила — и добрых и злых,
Приходит кончина в назначенный час!“»

ОТВЕТ ЭЛИКА ОГДЮЛЬМИШУ

Элик отвечал: «Я молю, чтобы бог
И власть и закон укрепить мне помог!»

На этом прервал свое слово элик,
И встал и ушел Огдюльмиш в тот же миг.

И снова прошло еще несколько дней,
И жил Огдюльмиш с болью-грустью своей.

О брате скорбя, он печально поник,
Кручинился он, и бледнел его лик.

И скорби своей не сумел он унять,
И к брату решил он поехать опять.

Пошел во дворец он, печалью томим,
И, позван эликом, предстал перед ним.

ВОПРОС ОГДЮЛЬМИША К ЭЛИКУ

6280 И стал он элика просить: «Отпусти,
Я ныне хочу снова к брату пойти.

Проведаю брата — что стало с больным,
И жив ли — беды не случилось ли с ним?»

«Вот верные,— молвил властитель,— слова,
Ты должен при нем быть по долгу родства.

Езжай, от меня расспроси про недуг,
Утешь его сердце — смягчи бремя мук»

Сказав «Будет так!», Огдюльмиш — снова в путь,
И в дом он приехал к себе — отдохнуть.

Поел и попил он, готовясь к дороге,
И к брату поехал, томясь от тревоги.

Приехав, пешком он прошел часть пути,
У двери спросил разрешенья войти.

82

ПРЕЕМНИК ОДГУРМЫША РАССКАЗЫВАЕТ ОГДЮЛЬМИШУ
О СМЕРТИ ОДГУРМЫША

И вышел к пришельцу преемник-мюрид,
Приветствуя гостя, он плакал навзрыд.

«О брат мой,— он только и вымолвить смог,—
Терпенья и сил да пошлет тебе бог!

В спокойствии здравствуй, живи много лет,
А брат твой, увы, уж оставил сей свет.

6290 Не плачь и стерпи бремя тяжких невзгод,
Живому в кончине — единый исход.

Рожденные смертны, любому — свой срок,
Хоть бек ты, хоть раб, хоть возвестник-пророк.

И всех нас жестокая смерть сторожит,
От козней ее нет ни средств, ни защит!»

Взрыдал Огдюльмиш, услышав эту весть,
Не в силах безмерную скорбь перенести.

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ,
КАК ПРЕЕМНИК ОДГУРМЫША УТЕШАЛ ОГДЮЛЬМИША

«Не сетуй,— преемник сказал в утешенье,—
Покорно прими все божьи веленья.

В назначенный день смерть к любому придет,
Он умер, и знай: твой наступит черед.

И что же рыдать, неизбежное клясть?
Не всем ли роптавшим на эту напасть

Господь посылает дар жизни живой
И снова берет у них дар этот свой?

А взяв, он его уж назад не вернет:
Тебе или мне — всем единый исход!

Сходи на могилу, где брат погребен,
Отдай пред отъездом ему свой поклон!»

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ,
КАК ОГДЮЛЬМИШ ГОРЕВАЛ ОБ ОДГУРМЫШЕ

6300 У братней могилы он на землю лег
И, холм обнимая, слезами истек.

«О брат мой, взгляни, безысходен мой крик,—
О, мне бы тебя увидеть хоть на миг!

Я ехал сюда, чтобы лик твой узреть,
Зачем же могилою взят ты, ответь!

Возлюбленный мой, как же, сердцем скорбя,
Мне жить? Как же быть мне живым без тебя?

Во сне ль ты явился мне, был ли то бред?
Очнулся от сна я — увы, тебя нет!»

.

ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ, КАК ЭЛИК УТЕШАЛ ОГДЮЛЬМИША

Элик, эти горькие вести услыша,
Печальный, утешить пришел Огдюльмиша.

«Очнись, Огдюльмиш, от рыданий и слез,
Молись об усопшем,— элик произнес.—

Господь да пошлет Одгурмышу прощенье,
Ему да отпустит он все прегрешенья!

Ты в горе утешься под сенью господней,
Прими божью волю — страшись преисподней!

А ты запер дверь, и путей к тебе нет,
Себя оградил ты от встреч и бесед.

6310 Тебе не пристало себя так вести,
Разумному чужды такие пути.

Тебя не гнетут, не неволят ли силой,
Обид каких нет ли? — скажи мне, помилуй.

Ведь ныне твой брат — под господнею сенью,
Иным надо быть твоему поведенью!

Зачем же в рыданьях и столах скорбеть?
Оставь их, в них доброго мало, заметь!

Рожденный умрет, вознесенный падет,
Дающий возьмет, путник отдых найдет.

Тебе в смерти брата — урок-назиданье:
Терпи — будут сладки господни даянья.

Живой, видя мертвых, настигнутых роком,
Да внемлет суровым и горьким урокам!

Вглядись, в чем усопшего мудрый урок:
«Я смертью настигнут, твой час — недалек!»

Об этом услышь очень вдумчивый стих,
Обдумай всю суть его в мыслях своих:

«Не сонмы ли мертвых, чей кончился срок,
„На нас посмотри,— тебе дарят урок,—

6320 В беспечных забавах мы жизнь провели,
Но смерть нас настигла,— твой час недалек!“»

«Как умер,— элик спросил,— Одгурмыш?
Поведай мне всё, о чем память хранишь!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

И он властелину поведал в ответ,
Какой был умершим оставлен завет.

Кувшин протянул он элику с клюкой,
Завещан, мол, дар властелину такой.

«Вот это,— сказал он,— все вещи его,
Он больше совсем не имел ничего.

Тебе это в дар он оставил, элик,
Будь ныне ты благ и в грядущем велик!»

ОТВЕТ ЭЛИКА ОГДЮЛЬМИШУ

Взял посох элик. «Этот дар я приму,—
Ска́зал он,— дано быть счастливым ему.

Возьми сей кувшин, и да вспомнишь ты брата,
Когда будет сердце печалью объято!»

И взял тот кувшин Огдюльмиш, и не смог
Сдержать свою скорбь, и слезами истек.

«И если подумать,— властитель изрек,—
Нам дан этим даром разумный урок!»

6330 Вот так он и жил, не прельщаясь мирским,
Но доброе имя оставлено им.

Послушай, что сказано мужем достойным,
Он всё совершал в разуменье спокойном:

«И накопишь достаток, а всё не во славу,
А с малым достатком ты славен по праву.

На радостный миг в мире тысячи бед,
Влачат люди груз им отпущенных лет.

И прок от богатств после смерти — какой?
Всё взято чужой, не твоею рукой!»

А брат твой мирские богатства презрел,
Лохмотья носил он и отрубил ел.

Он жизнь свою прожил и всё еще жив,
А жил он, нисколько добра не нажив!

Нес бремя он, груз облекая людской,
Уменьшил он ношу печали мирской.

Он сделал свое и навек себя спас,
А мы — в вечных узах, связующих нас!»

Дал тысячу добрых советов элик,
Он всем существом своим суть их постиг.

6340 И он во дворец возвратился назад,
Суровой и горестной думой объят.

И сам Огдюльмиш горевал много дней,
Но скорбь одолел он и стал веселей.

Забыл он печаль, и, как прежде, опять
Он мог есть и пить, блага жизни вкушать.

Сказал очень ладно властительный муж,
Премудрый, в заботах рачительный муж:

«Каких бы ни ведал ты слез и невзгод,
Веселью и счастьем настанет черед.

От века на свете уж так повелось:
И зло и добро — всё минует-уйдет!»

Настал и слезам Огдюльмиша предел,
И вновь он служением делу радел.

И снова он ревностно, всей мерой сил
И ночью и днем неусыпно служил.

ВОПРОС ЭЛИКА К ОГДЮЛЬМИШУ

Однажды элик Огдюльмишу велел
Отчет ему дать о ведении дел.

«Скажи,— он спросил,— как народ и страна,
Во благо ли ныне текут времена?»

6350 Ты — взор мой и слух мой, и должен ты сам
Врата открывать всем державным делам.

Печаль твоя долгой и трудной была,
Далек был от дел ты,— как нынче дела?»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

«О бек,— отвечал Огдюльмиш,— твой народ,
Молясь о тебе, благоденно живет.

.

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

.

Обжорство и сплетни, и зависть и блуд
Обет послушания в небыль сотрут.

Кто жадность и грех суесловья пресек,
Не знает греха и порока вовек.

И тот, кто в себе гнет страстей превозмог
И запер свой гнев под надежный замок,

Тот муж и разумен и очень умен,
Приверженность к мудрости выкажет он.

Разумные люди и речью мудры,
Они справедливы, правдивы, добры.

Им чуждо негожее всё искони,
На всё, что негоже, не смотрят они!»

ОТВЕТ ЭЛИКА ОГДЮЛЬМИШУ

Элик отвечал: «Говоришь ты правдиво,
Ты сам и слова твои дивны на диво!

.

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

.

6360 Дурны и порочны и тело и плоть,—
Их волю своею сумей побороть.

Чем больше ты холил и радовал тело,
Тем большею мукой тебя одолело.

И доблестный муж верно вымолвил слово,
Для тела оно, как лекарство, здорово:

«Кого ты пригрел, от того жди вреда:
Пойдут, что ни день, за бедою беда.

Кого обласкал ты, того и страшись:
Поплачешь не раз, твоя доля худа!»

В трех случаях жир не полезен для дела:
Когда жирны сокол, собака и тело.

Пристроживай их, не корми до отвала,
А если распустишь — побьешься немало.

Не сдерживать сокола — словишь ли дичь?
А пес ожиреет — не ведать добыч!

И сытое тело — не лучше верблюда:
Упустишь добро, а нагнать — дело худо!

Но если плох сокол — лишь дичи не словишь,
Ленива собака — добычи не словишь.

6370 А ежели ты — длинношейей верблюд,
Тебя в преисподней рыдания ждут!

Удачлив бедняк, не познавший удачи:
Всеми-то он рад — всех богатых богаче.

Поел да прикрыл свое тело бедняга —
И служит он богу себе же во благо.

А счастье, богатство, величье и власть
Лишь спесь раздувают, а делу — пропасть!

Спесивый себя отдаляет от бога,
Чужда для разумных такая дорога.

Бедняк и богач после смерти едины:
Могила их ждет да всего две холстины.

Смерть — благо для бедных, страданиям исход,
Богач умирает — груз тягот несет.

Об этом и сказана верная речь,
Сумей из нее себе пользу извлечь:

„Довольному смерть — что лихая неволя,
Бездольному в смерти — блаженная доля.

Для бедного смерть — всех страданий скончанье,
Богатому смерть — словно злая недоля!”»

СЛОВО ЭЛИКА К ОГДЮЛЬМИШУ

6380 И вновь говорить стал элик: «Разумей,
Сей мир — что гнездо скорпионов и змей.

Еды доброй мало в нем, всё почти — яд,
И слов добрых мало, всё больше бранят.

В нем мудрым мужам путь к достатку закрыт,
И знающий — голод свой не утолит.

Для темных невежд этот мир — словно рай:
Безбедно живи, забавляйся, играй!

Для умных сей мир — что терновник колючий:
Ступи лишь — и болью пронзит тебя жгучей.

Для мудрых сей мир — что отравный сосуд:
Отведаеть — сразу все силы уйдут.

И праведный муж, кинув мир и семью,
Один, служит господу в дальнем краю.

И мы ныне скверны, увы, не чужды,
Господь да хранит нас от этой беды!»

ОТВЕТ ОГДЮЛЬМИША ЭЛИКУ

В ответ Огдюльмиш произнес: «Это слово
Правдиво, разумно, отменно толково.

Сей мир наделен сутью мерзкой и гадкой:
И видом он — словно дракон, и повадкой.

6390 Взрастит тебя, выкормит этот урод,
И сам же потом истощит и сожрет!

И если всмотреться в устройство вселенной,
То сникнешь навеки в печали смятенной.

Дар жизни был праотцам послан когда-то,
И семя их было потомством чреватом.

С тех пор род людской был бессчетно велик —
И сонмы мужей, и владыки владык.

Одни были мудры, другие — удалы,
Иные — надменны и тверды, что скалы.

Иные — умны, благородны, сметливы,
Иные — глупы, сумасбродны, ленивы.

И сколько пророков рождалось благих,
Что божьей стезей направляли других!

Одни жили мало, другие — немало,
Иных гордой славою ввысь воздымало.

Иные на волю господню роптали,
Из луков враждебные стрелы метали.

Прочти и пойми, что гласит этот стих,
Усвой его ради свершений благих:

6400 «Будь тысячелетний ты, будь умудренный,
Стократ будь обласкан судьбой благосклонной,

А всё же умрешь и сойдешь ты в могилу,
Раскаяньем в смертный твой час сокрушенный!»

И скольким мужам, что умны и мудры,
Судьба не дала долголетней поры!

И сколько их, словно они и не жили,
Слегло-полегло под землю в могиле!

И сколько людей разных было, подумай,
И всех их сожрала могила, подумай!

Властители пышных дворцов и палат
Под черной землю во прахе лежат!

И спят ли они, бездыханны, безгласны,
Кто знает, счастливы они иль несчастны?

О, верно, они обездолены, нищи,
Но нет им, увы, ни одежды, ни пищи!

Лежат они, каясь и мучась тоской,
И тысячи жажд их смущают покой.

Дар дней наших господом послан нам ныне,
И мы не должны погубить их в гордыне.

6410 Да будет отныне нам помощь от бога
Добру, о достойнейший, следовать строго!»

Сказал Огдюльмиш, речь хвалой заключив:
«Да будет и долог твой век и счастлив!

И мир сей тебя да не будет лишен,
И господом род твой да будет продлен!

И пусть тебе бог все врата отопрет
К дарам вожденных тобою щедрот!

А если еще есть мечты — не таи,
Господь да свершит все желанья твои!

Да ведаешь радость ты долгих отрад,
Да будешь, достойный, ты счастлив и рад!

И горе, что смертны такие, как ты, —
Сгниют под землю во тьме черноты!

О властный, что сделаешь, ежели бог
Такой уж уклад сему миру предрек!

Такие, как ты, и по смерти живут:
Благими свершеньями славен их труд.

Умрешь ли ты, долго ли ты проживешь,
А подвиг твой доброю славой хорош.

6420 Друзей своих множь, супостатов рассей,
Да ширятся земли державы твоей!»

Пал на землю ниц он, окончивши слово,
Коня оседлал и — до дома, до крова.

Едва лишь до дома довел его путь,
Поел и попил он и лег отдохнуть.

А утром он встал и — за дело опять,
Советы давать и за всем надзирать.

Прямой и правдивый в деяньях своих,
На праведный путь он наставил дурных.

Цвела вся страна, и молился народ,
Хваля времена неизбывных щедрот.

Они отошли, а их слава осталась,
И доброе имя их не затерялось!

Где гнетшие подданных игом невзгод?
В могиле лежат, и земля их гнетет!

Воители где, что весь мир полонили?
Незыблем сей мир, а они уж в могиле!

Где скупщики разных товаров земных?
Всего две холстины — имущество их!

Где ныне владетели многих земель?
Прибежище им — земляная постель!

Таков вот уклад сего мира, поверь,
Поймешь — разуменья отверзнется дверь.

В нем радость — что муки, а счастье — беда,
Утехи — погибель, услады — страда.

Довольствуйся той, что дана тебе, ношей,
А груз будет всякий — плохой и хороший!

Внемли, мудрый муж нам совет подает
С терпеньем нести свою долю невзгод:

6450 «Блаженствуй, счастливец, и бога хвали!
Несчастный, смирись, если беды пришли!

Кто стерпит, тому станет благом беда,
Даны благодарным все блага земли!»

На нынешний век, о премудрый, взгляни:
Всё стало иным, переменчивы дни!

Кто мудр, тот унижен, подавлен совсем,
Разумный обижен, затравлен и нем.

Вся сила — у тех, что душою черствы,
А кротким — от бед не поднять головы!

Забывшие господа ради вина
Зовутся мужами, и мощь их сильна.

Развратники чтимы, творящие блуд,
Не пьющих хмельное скупцами зовут!

А те, что посту и молитве верны,
Поверь, о достойный, они презрены.

Запретным взята над дозволенным власть,
И сила запретного тешится всласть.

И вера в одном лишь названье живет,
Увы, ненасытен безверия гнет!

6460 И кто осудил зло безверья хоть раз?
От скверны безверия кто себя спас?

Где верный и честный, не пышащий злом,
Кто судный бы день встретил с ясным челом?

Все души от скверны безверья черны,
Где, сын мой, скажи, благоверья сыны?

Об этом и сказано ладное слово,
Усвой его прочно, муж сердца благого:

«Мой дух опорочен запретною скверной,
И сотой в нем доли нет благости верной!»

Гнетут меня страсти, и плоть непокорна,
Неверен я богу, ханжа лицемерный!»

Всё, видно, в мирском изменилось укладе,
Сердца человечьи со словом в разладе.

И в людях не верность, а злоба в чести,
Достойных доверья людей не найти!

Нет верности в людях — одно лицемерье,
И веры в людей нет, и нет им доверья!

И брату не близок родной его брат,
И между друзьями раздор и разлад.

6470 Неправедны старцы, невежливы дети,
И много дурных, а не добрых на свете.

И дружба лишь там есть, где в деньгах нужда,—
Где честность в делах, что корысти чужда?

Есть слово «обет», а кто верен обетам?
Есть слово «совет», а кто внемлет советам?

Где благо, добро совершающий муж,
Где зло и порок пресекающий муж?

Торговец умельца обманет при счете,
Умелец торговца — в оплошной работе.

И правду открыть не посмей никогда,
А лица открыты у жен без стыда!

Нет правды, а сколько обмана, подлога!
Совсем не осталось боящихся бога!

Теперь людям любо деньгам поклоняться:
Богат серебром — пред тобою склонятся.

Встарь храмы вместить не могли мусульман,
Мечетей полно ныне, нет прихожан!

Послушай, что муж очень умный изрек,
Всем сердцем пойми сей разумный урок:

6480 «Где честный, живущий правдиво? — скажи,
И кто предан богу нелживо? — скажи.

Пороком охвачен, испорчен весь мир,
Да только кому это в диво? — скажи!»

Среди правоверных — грызня и вражда,
Неверным — блаженство: живи без вреда!

Разграблены всех правоверных богатства,—
Кто знает: где — вера и где — святотатство!

В ночах не смолкает развратный галдеж.
Где голос Корана, наук? — Не найдешь!

Язык размягчился, сердца очерствели,
О чести — лишь память, а где она в деле?

Отцом верховодит, начальствуя, сын:
Отец — в рабской доле, а сын — господин!

Всей жизни — стесненье, раздолье — всем бедам,
Мрак алчности плотен, свет счастья неведом!

Кто бедных жалеет и вдов и сирот?
И в диво ль кому в этом мире разброд!

И сказано верно всезнающим мужем,
Бывалым и всё понимающим мужем:

6490 «Весь мир беззаконьем подавлен, увы,
И доблестный злобным затравлен, увы.

И знающий знает, а умный поймет:
Сей мир уж не будет исправлен, увы!»

Почтенья к отцам у детей — никакого,
Само имя «старший» — что бранное слово!

В развале закон, и разрушен обычай,
Меж белым и черным не стало различий.

Грядет судный день — нет вернее примет:
Приходит событие за вестью вослед.

Господь да хранит нашу веру: о боже,
Сгуби смуты-беды и всё, что негоже!

Четыреста да шестьдесят да второй
Шел год, как я этому слову дал строй.

Во всё, что писал, я вложил разум свой.
Читающий! Что тебе в пользу — усвой!

Какими бы ни были вкус твой и нрав,
Используй хоть часть из того, в чем я прав.

Сей путь — и мирской и указанный верой,
Не сбейся с него, в его правду уверуй!

6500 Мирского пути хочешь — он пред тобой,
Грядущий мир ищешь — и он тоже твой!

Будь богу рабом — укрепит он твой дух,
Нет третьей стези — выбирай лишь из двух.

О боже, ты знаешь, с какою мечтой
Писать начинал я рассказ этот мой.

Не думой о славе я был одержим,
Желал людям благ я — своим и чужим.

Да вспомнят меня, прочитав этот труд,
Молитву хоть раз обо мне вознесут!

Писал я, мечту и надежду храня,
Что доброй молитвой вспомнят меня.

Писала рука, а слова вела речь,
От смерти ни руку, ни речь не сберечь!

И память о них — мой вот этот рассказ,
Его для тебя я, о мудрый, припас.

Живой и живущий! Меня не забудь,
Когда под землей мне придется заснуть!

—

О вечный, бесскорбный господь, ты велик,
Я — скорбный твой раб, не оставь горемык!

6510 Я, раб многогрешный твой, был нерадив,
Будь милостив, мне прегрешенья прости!

Я — раб, ты — господь, и к кому ж мне припасть,
Ты — мой властелин, надо мной — твоя власть.

Я — раб, ты — господь мой, — о боже, помилуй,
Прости мне грехи всеблагой своей силой!

Прости, всемогущий, помилуй в их сквернах
С востока до запада всех правоверных!

Порочен я, всё во мне — грех и порок,
Прости же меня — ты прозреньем высок.

Где мускус, там дух благовоньем богат,
От гнили — одно лишь зловонье и смрад.

Ты мне — упование, в надеждах — подмога,
Молю: не оставь, не суди меня строго!

Я — скверный твой раб, и дурна моя суть,
Ты — верный господь мой, всемилостив будь!

От скверных — лишь скверна, о боже, и вред,
А в верных — всё верно, иного в них нет!

Прости правоверных, к ним милость храня,
В грехах моих скверных прости и меня!

6520 Воздай от меня и пророку хвалу —
Возвестнику истины, правды послу!

Друзьям четверым его верным поклон
Да будет тобой от меня донесен!

〈ЗАКЛЮЧЕНИЯ〉

1

СОЖАЛЕНИЯ О ПРОШЕДШЕЙ МОЛОДОСТИ И О СТАРОСТИ

Мимолетною тучею юность прошла,
Всё развеяла жизнь, словно ветер, дотла.

Мои юные годы, как жалко мне вас, —
Уберечь вас мне жизнь моя сил не дала!

Я в ладонях на шелке тебя бы хранил,
Если б ты, моя юность, вернуться могла!

Где же, молодость, путь твой далекий пролег?
Не сыскать мне тебя, даль подернула мгла.

Где же радости жизни — услада души?
Нет поры, что была бы, как юность, светла!

Где блаженство и радость моих юных лет?
Всё утеряно — жизнь ничего не спасла!

Что за прок, если в старости праведен я?
Жизнь напрасно провел я в деяниях зла.

О пора моей юности, мне тебя жаль,
Жизнь взяла красоту мою — в небыль свела.

6530 Аргуванной красой цвел румяный мой лик, —
Как шафран стала прежняя ясность чела!

Камфарою подернулся мускус волос,
Где мой лик полнолунный? Всё старость взяла!

Как весна, я сверкал, многоцветьем красив,
Стылый ветер подул — ни цветов, ни тепла!

Строен, словно береза, был рослый мой стан,
Согнут ныне, как лук, я, а был — как стрела.

Суетою забав загубил я свой век,
Каюсь я — вся душа кровью слез истекла.

Всё — и юность и молодость — быстро ушло,
И поник я и сник — жизнь мутна и тускла.

Ел и пил ненасытно я, ровно бы скот,—
Пыль вздымал я, когда меня прихоть гнала.

Словно сокола гон, меня радовал блуд,—
Конь страстей птицей мчал, закусив удила.

Люб и мил я друзьям и приятелям был,
А врагам моя месть была люта и зла.

Ныне всех я порочу, коря и браня,
От меня всем безвинным — лишь гнет да хула.

6540 Был я горд, как воитель, крушащий врагов,
В спеси был неприступен я, будто скала.

Словно сном отрезвленный, я бога стыжусь,
Заплутал я — провинность моя тяжела.

Я не богу, а людям покорно служил,
Лишь к соблазнам была моя воля смела.

Был я бешеным волком, неволя весь свет,
Меня алчность страстей за собою влекла.

Я людей обижал, деньги их забирал,
Всем, кого приневолил я, нет и числа!

Бог ведь спросит с меня за свершенное мной!
Что скажу? Меня совесть стыдом бы сожгла!

Есть ли в мире безумцы дурнее, чем я?
Жизнь минула, лишь глупой тщетой весела.

Счастья нет, а несчастья — скорей бы пресечь,—
Покаянная мука меня извела!

Даже будь я Хосров иль Кайсар, иль Шаддад,
И взрасти райский сад, где бы радость цвела,

Или, как Искандер, полони я весь свет,
Иль судьба мне бы Ноевы лета дала,

6550 Да имей я пылающий меч, как Хайдар,
Иль гремела бы мне, как Рустаму, хвала,

Или будь, как Иса, я на небо взнесен,
Или, как Нуширван, все верши я дела,

Да имей я богатства Каруну под стать,
Или город построю я, что тверд, как скала,—

Что в том проку? Всё в землю поляжет во прах,
Два полотнища смерть для меня припасла.

Что же печься о благах мирской суеты?
И рожденный и мертвый разделит догола!

Всё мирское минуло, как вихрь-ураган,
Моя тяга к мирскому беспечна была.

Что я доброго в жизни своей совершил?
На посевах моих что за поросль возшла?

Что посеяно было, то я и пожал,
Что пожато — той сладостью жизнь и мила!

Прожил молодость, дожил до старых я лет,
И пора отвечать за поступки пришла.

Перед господом кайся, не ведая сна,
Плачь, винись в прегрешеньях — вина не мала.

6560 Будут змеи и черви терзать мою плоть,—
И за что это благо судьба мне дала!

Пробудись, о душа моя, кайся, рыдай,
Чти молитву, не то сокрушишься дотла.

Быстро зрелость прошла, тяжек старости гнет,
Прям оставшийся путь, вся отрада ушла.

Сколько смертных неверный сей мир обманул!
Мне ль дано не изведать подобного зла!

О всевышний, прозренья меня удостой,
Не гони, сердце вычистил я добела.

Ты один лишь прощаешь грехи, всеблагой,
О, помилуй, душа моя ныне светла.

2

О ПОРОЧНОСТИ ВРЕМЕН И ЖЕСТОКОСТИ ДРУЗЕЙ

Я по свету брожу в даях долгих дорог,—
Если верных друзей отыскать бы я смог!

Человечность редка, и хотел бы сыскать,
Да не знаю, где путь ее дальний пролег!

Всё обрел я, лишь верных нигде не нашел,
Мне бы светлый их лик увидеть хоть разок!

В мире — преданных нет, все и всех предают,
В ком есть преданность — верности верный залог?

6570 Мне бы верного мужа найти только раз,—
Сам носил бы его, насмотреться б не мог.

Если верных людей не дано мне найти,
К вольным ланям в луга я уйду в дикий лог.

Я травой и водой дождевой буду сыт,
Под рядном стану спать я в песках, одиноч.

Мне бы дико бродить средь песков и пустынь
Вдалеке от людей, их забот и тревог!

А нельзя — лучше вовсе покинуть сей мир,
Буйным вихрем кружить, течь, как горный поток.

О господь, я в плену вероломства и мук,
Я за верного друга костями бы полег!

«Человек» — звук пустой, человечности нет.
Где она — кто бы след отыскать мне помог?

Верных, преданных нет — я весь мир обошел,
А зачем сердцу тот, кто и зол и жесток!

Все, с кем близок я был, пуще ока хранил,
Злобны, словно сам бес, и какой от них прок!

Все, кого я любил, ныне мучат меня,—
Кто ж из них будет люб — из зачинщиков склок?

6580 Суть сердец по речам и словам узнают,—
Можно ль верить лжецу? Он и сердцем убог.

С кем теперь в моих бедах я дружбу сведу,
И к кому же доверие я уберег!

Мое горе излить, сердце вверить — кому?
Молвлю слово — и всех уж печалью допек.

Разуверился я в моих близких друзьях,
Даже с ближней роднею разлад мой глубок.

Верят клятвам, а кто ж нынче клятвы блюдет,—
Храбрецами бы я верных слову нарек!

Где теперь благодарность за хлеб и за соль?
Вместе с золотом класть бы ее под замок!

Чтобы друга в беде — сострадальца найти,
Я себя бы на муки-скитанья обрек!

Я надежных друзей пуще беков бы чтил,—
Словно раб, им служил бы, сбивался бы с ног!

Не обрел я друзей, неприкаян и сир,
Лишь утешусь на миг — вновь слезами истек.

Что ж так люди дурны? Что ж отринут закон?
Что за век послан мне? Что судил мне мой рок?

6590 Не безумец ли я иль глупец-сумасброд,—
Сам хотел бы понять, что я ныне изрек.

Иль, безумством объят, я совсем помрачен,
Или всё — лишь виденье, и я занемог?

Или я и встречал лишь порочных людей,
Или сам, что ли, вывертень, впавший в порок?

Где же люди, чья верность достойна хвалы?
Я для них бы без счета похвал приберег!

Если б ими был создан законный уклад,
Доблесть этих людей восхвалял бы мой слог.

Мне бы дали совет, как упрочить закон,—
Я бы честных возвысил, карал бы подлог.

Добрый лад и закон — всё утрачено сплошь,
Подлы все и низки,— кто же нравом высок?

Люди ладного склада, бывавшие встарь,—
Может, ангелы? Нет, в этом я не знаток!

Эти люди ушли, мне — меж нынешних жить.
Как мне быть, как прожить мне оставшийся срок?

Сколько речь ни веди, всех словес не сказать,
Хватит этих — даю на другие зарок.

6600 Лучшей участи я для себя не обрел,
Прочь уйти от людей мне мой жребий предрек.

Да не знают, не видят меня с этих пор,
Пусть не ищут — и всё тут: от них я далек.

Комары, скорпионы, собаки вокруг,
Жалят, воют, унять их — я сил не сберег.

И, живя меж дурных, плачу я день и ночь,
Каюсь я и от груза скорбей изнемог.

Да минует меня доля горя и мук,
Прочь уйду от дурных, мне их злоба — урок.

О, сподобь меня, боже, пророка узреть,
И с друзьями его да сведет меня бог!

3

СОЧИНИТЕЛЬ СЕЙ КНИГИ ЮСУФ, ВЕЛИКИЙ ХАДЖИБ,
ДАЕТ СЕБЕ НАСТАВЛЕНИЯ

Познавьям учись — и познаешь почет:
Познавья — твердыня и силы оплот.

Без знаний бесплодны и разум и речь,
А знанья — что влага живительных вод.

И сколько б ни знал ты — учись и учись:
Познание всё, что желанно, дает.

Кичащийся знаньем от знаний далек,
Признался в незнанье — достигнешь высот.

6610 Познание — море без края и дна,
Как воду ни черпай, она не уйдет!

Разумный умеет владеть сам собой,
У глупого в мыслях — разлад и разброд.

Учись и познанием себя возвышай,
Не то чужд ты людям и — ровно бы скот.

Разумный всегда в путях дум и тревог,
Глупцу — всё потеха, ни дум, ни забот.

Где медлит разумный, раздумьем смущен,
Глупец, что олень, лихо мчится вперед.

Разумный сомненьями скован всегда,
Глупца напролом своеволье ведет!

О мудрый, ты — в путах, невежда — без пут,
Опутай невежд — будешь сам без тенет!

Я к знаниям стремился с желаньем упорным,
Низал слово к слову я слогом узорным.

Паслось слово тюрков оленем нагорным,
А я приручил его, сделал покорным.

Я ласков к нему был — оно покорялось,
Но было пугливым еще и задорным.

6620 Но я неустанно обхаживал слово,
И мускус дохнул ветерком животворным.

Вел речь я правдиво, порою и резко,
Но умные внемлют словам непритворным.

Читающий да не познает обиды:
Прощенья прошу я реченьям зазорным.

Всегда говори только правду, не путай
Правдивое с ложью и белое с черным.

Четыреста да шестьдесят да второй
Шел год, как я слову и жизнь дал и строй.

Слагал восемнадцать я месяцев сказ:
Слова отбери, да приладь, да пристрой!

Закончен рассказ мой, взрастил я цветник,
И полн благовонья он вешней порой.

Закончено слово, но звонкий родник
Взбурлит светлых струй неумолчной игрой.

Внемли, о Юсуф! Что правдиво — скажи,
Негожее слово — получше укрой!

Сдержи многословия буйный поток,
Не люб людям слов надоедливый рой!

6630 Неверен и лжив сей изменчивый мир,
Разумный, подальше от бренного стой!

С мирским себя ныне ты прочно связал,
Порви с ним и сердцу дай новый настрой!

Не верь сему миру и сквернам его,
В молитве творцу свою душу открой!

О, сколько людей этот мир подстерег,
Сойти с пути истины он их обрек.

Теперь не тебе ли притворно он льстит,
Не льстись на соблазны, дай твердый зарок!

О, сколько всевластных, всесветных владык
Настиг и увел навсегда смертный рок!

О юные дни! Вас я зря загубил,
Кончается жизнь моя, близок мой срок.

Хоть тысячу лет проживи, а умрешь,
И кто нажитое богатство сберег?

К тебе я, господь, припадаю: спаси,
Беспечный мой сон да не будет глубок!

Бессовестный раб твой, я много грешил,
Лишь ты очищенье послать бы мне мог!

6640 Грешна моя суть, от тебя далека,
Прости же, молю я, и сир и убог.

Во что же ты верил, мой горестный дух?
На что уповал? О, сколь горек урок!

О, выправи путь свой и прямо ступай,
Да будешь в обоих мирах ты высок!

Сей мир ненадежен, в нем радости нет,
Уйди в мир иной от порочных дорог.

Умолкни и вздох затаи и не спи,
Будь взором и слухом от мира далек!

Помилуй же всех правоверных, господь,
В твоем милосердьи — их жизни залог.

Да славится тысячекратно пророк,
Друзей его верных да милует бог!

ПРИМЕЧАНИЯ

Поэма Юсуфа Баласагуни «Благодатное знание» дошла до нас в трех рукописях:¹

1. Венская (по месту ее нынешнего нахождения), или Гератская (по месту переписки в 1439 г.). Написана она уйгурскими буквами со списка, выполненного арабским алфавитом. Рукопись исполнена небрежно, что может свидетельствовать о том, что переписывалась она со списка, находившегося в плохой сохранности и содержавшего графические ошибки. В ней отсутствуют некоторые бейты (197—228, 6304—6351, 6521—6604) и даже целые страницы (бейты 2739—3473), пропущенные, вероятно, при брошюровке. Эта рукопись из Герата попала в Турцию. Австрийский ученый И. Хаммер-Пургшаль (1774—1856), находясь в Стамбуле на дипломатической службе, купил ее у букиниста и передал в Венскую Королевскую библиотеку.

2. Каирская, написанная арабским письмом, находится в Каире в Хидивской библиотеке, где она и была обнаружена в 1896 г. директором библиотеки немецким ученым Б. Морицем. Экземпляр дефектный: в нем отсутствуют многие бейты. Копия этой рукописи, выполненная в 1898 г. по заказу В. В. Радлова для Азиатского музея Петербургской Академии Наук, хранится в рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

3. Наманганская (Ферганская) рукопись, написанная арабским письмом и самая совершенная из известных рукописей поэмы Юсуфа Баласагуни, была обнаружена А. З. Валидовым (1891—1970) в 1913 г. в Намангане (ныне УзССР) в библиотеке Мухаммад-ходжи-ишан Лоляриша. Некоторое время она считалась утерянной, но, к счастью, была вновь обнаружена узбекским ученым Фитратом в 1925 г. В настоящее время хранится в Институте востоковедения АН УзССР в Ташкенте.

История изучения «Благодатного знания» хорошо известна по

¹ См. об этом: Кононов А. Н. Поэма Юсуфа Баласагуни «Благодатное знание» // Юсуф Баласагуни. Благодатное знание. М.: «Наука», 1983. С. 495—517. Там же см. историю изучения поэмы.

публикациям С. Е. Малова, Д. М. Насилова, К. Каримова, Р. Арата, А. Дильачара и других исследователей.

Краткое описание Венской рукописи, выполненное И. Хаммер-Пургшталем, привлекло внимание французского тюрколога А. Жобе-ра (1779—1847). Он же и предпринял первое исследование этого выдающегося памятника тюркской поэзии, которое, правда, не свободно от неточностей и ошибок.

Первая полная публикация Венской рукописи «Благодатного знания» была осуществлена венгерским тюркологом и путешественником Г. Вамбери (1832—1913).

Русский ученый академик В. В. Радлов в 1890 г. издал текст поэмы с предисловием на немецком и русском языках («Кутатку Билик»: факсимиле уйгурской рукописи Императорской и Королевской придворной библиотеки в Вене. Спб., 1890). Затем в 1897 г. он приступил к изданию перевода поэмы на немецкий язык, которое пришлось приостановить, т. к. стало известно о существовании Каирской рукописи. К 1910 г. В. В. Радлов полностью издал транскрипцию и перевод «Благодатного знания» на немецкий язык, выполненный по двум — Венской и Каирской — рукописям.

Перевод поэмы на турецкий язык (по трем рукописям) осуществил турецкий ученый Р. Арат в 1947—1959 гг. Критический текст Р. Арата узбекский филолог К. Каримов издал в транскрипции на основе фонетики современного узбекского языка и в переводе на узбекский язык (1971).

На русском языке отрывки из «Благодатного знания» опубликованы С. Е. Маловым (Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951). Русский стихотворный перевод избранных глав по немецкому переводу В. В. Радлова выполнен Н. Гребневым (Юсуф Хас-Хаджиб. Наука быть счастливым. Ташкент, 1963). Полный стихотворный перевод, осуществленный по критическому тексту Р. Арата, принадлежит С. Иванову (Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. М.: «Наука», 1983).

«Благодатное знание» состоит из двух предисловий — прозаического и стихотворного, восьмидесяти пяти глав различного объема и заключения, которое включает в себя три стихотворных фрагмента. В состав произведения входит оглавление, вероятно авторское. (В тексте поэмы оно находится перед основной частью, в настоящем издании для удобства пользования помещено в конце книги.)

В предлагаемом издании русский текст поэмы заново отредактирован переводчиком. Ущербность текста оригинала отмечена отточиями. Публикация сопровождается вступительной статьей, в которой сообщаются известные в настоящее время биографические данные Юсуфа Баласагуни, дается представление о характере его творчества, определяется место его сочинения в литературе Востока. В примечаниях даны необходимые сведения историко-литературного и бытового характера, поясняющие текст. Не переведенные на русский язык слова и понятия, мифологические и исторические имена и названия, упоминаемые в тексте и вступительной статье, выделены в специальный Словарь.

1. *Славные сподвижники его.* Имеются в виду четверо так называемых «правоверных халифов», т. е. четверо правивших последовательно за Мухаммедом его преемников: Абу Бекр, Омар, Осман, Али (см. Словарь). *Язык бограхановский.* — от имени Богра-хан (см. Словарь). О языке «Благодатного знания» см. вступ. статью, с. 16. *Мужи Чина* называли ее «Сводом благочиний» и т. д. Из упомянутых здесь сочинений известно лишь «Шахнаме» («Книга шахов») Фирдоуси (ок. 940 — между 1020 и 1030). В данном случае речь идет не о различных названиях одного и того же сочинения, а о популярности произведений подобного жанра (см. вступ. статью, с. 13).

2. Бейт 7. *Да славен посланник, что призван всесущим, Хвала его присным, с ним вместе идущим.* Имеются в виду Мухаммед (см. Словарь) и его сподвижники (см. выше). Бейты 15 - 16. *Полезна, во всем безупречна она (...)* А запись — не всем грамотеям понятна. В государстве Караханидов более употребительный уйгурский алфавит постепенно вытеснялся арабским. Известные науке списки «Благодатного знания» написаны и уйгурским алфавитом (Венская, или Гератская рукопись), и арабским (Каирская и Наманганская (Ферганская) рукописи). Автор «Благодатного знания», по видимому, имеет в виду непонятность уйгурского алфавита для владевших арабским письмом и, наоборот, арабского алфавита — для владевших уйгурским письмом (если, конечно, уже при авторе имели хождение списки, написанные обоими алфавитами). Возможно, что известный загадочный факт отсутствия упоминаний «Благодатного знания» и его автора в современных ему и в более поздних библиографических и биобиблиографических справочниках, выполненных в арабской филологической традиции, все же свидетельствует косвенным образом о том, что «Благодатное знание» было написано уйгурским алфавитом и лишь в более позднее время было переписано и арабским алфавитом (см. вступ. статью, с. 44). Правда, в русле арабографической традиции выполнен образ в бейте 1953, где обыграно сходство арабского написания слов «бек» и «знание», однако это вполне может быть и поздней вставкой. Бейт 23. *Бограханово время* — время правления Богра-хана. (см. Словарь). Бейт 28. *Весь Чин называл ее «Свод благочиний»* и т. д. — см. выше.

БЛАГОДАТНОЕ ЗНАНИЕ

Глава 1. Бейт 30. *Пророк* — Мухаммед (см. Словарь). Бейт 31. *Восславь его верных друзей четверых* — см. выше, примеч. к предисловию 1.

Глава 2. Бейт 34. *Избранный* — Мухаммед (см. Словарь). Бейт 45. *Печатью пророков над всеми он встал.* Имеется в виду Мухаммед (см. Словарь).

Глава 3. Бейт 50. *Два тестя достойных, два зятя любимых* — Абу Бекр, Али и Мухаммед (см. Словарь).

Глава 5. *О семи планетах и двенадцати знаках Зодиака.* В этой главе излагаются традиционные восточные воззрения на ус-

тройство вселенной. Средневековая восточная астрономия мусульманского региона, как и европейская наука того времени, различала девять небес — семь, соответствующих планетам, и два неба, расположенных выше. Созвездие, именуемое в европейской науке «Дева», восточная астрономия называла «Колосья». Бейт 143. *Огню, воде, воздуху, праху земли — Всему по три знака, весь мир в них, — внемли.* Огонь, вода, воздух, прах земли считались четырьмя элементами, слагающими среду обитания жизни.

Глава 11. Бейт 351. *Два мира объять помышляет мой разум.* Мусульманская религиозная догматика различает два мира — настоящий и грядущий (загробный). Бейт 386. *Зажег в моем сердце он светоча жар И дал моей речи свидетельства дар.* Свидетельство — признание и произнесение мусульманского символа веры: «Нет бога, кроме бога, и Мухаммед — посланник божий».

Глава 18. Бейт 940. *Владыка вселенной* — Богра-хан (см. Словарь). По восточной традиции, правящий государь назывался «владыкой, властителем вселенной».

Глава 19. Бейт 1036. *Печать и бунчук, барабан и кольчуга* — внешние атрибуты и приметы сана везира (см. Словарь).

Глава 20. Бейт 1052. *И вот уж луна — перед убылью света.* Имеется в виду Айтолды (см. Словарь). Бейт 1053. *Четыре в нем сути не ладят внутри.* По учению древней восточной медицины, в теле человека находятся четыре жидких элемента, различающиеся по цвету: красный — кровь, желтый — желчь, черный — гной, белый — мокрота, слизь. Древние медицинские каноны утверждали, что нарушение равновесия между названными элементами является причиной физических и духовных недугов. Бейт 1071. *Был полной луной я — на убыль пошел* — см. примеч. к бейту 1052.

Глава 21. Бейт 1238. *Всего два полотнища — доля твоя.* По мусульманскому обряду погребения, усопшего облачают в саван, состоящий из двух кусков материи.

Глава 22. Бейт 1312. *От скверны язык и глаза защити, Ешь мало, стремись дозволенья блюсти.* Мусульманская религиозная догматика противопоставляет два понятия: дозволенное и запретное. В данном случае имеется в виду дозволенная религиозными установлениями еда.

Глава 23. Бейт 1348. *Благой пророк* — Мухаммед (см. Словарь). Бейт 1349. *Хвала и друзьям его благословенным.* Имеются в виду четверо «правоверных халифов» (см. примеч. к Предисловию 1, с. 539). Бейт 1390. *Сей мир и могила твоя — два привала.* По верованиям мусульман, земная жизнь и посмертное пребывание в могиле до Судного дня — два этапа (две стоянки, два привала в пути, два дня) бытия человека в этом мире, после которых наступит мир грядущий. Бейт 1420. *Тебе двух полотнищ довольно на свете* — см. примеч. к бейту 1238. Бейт 1428. *Конем без седла тебе станут носилки.* Имеются в виду носилки, на которых усопшего переносят к месту погребения. Бейт 1433. *Не льстись на запретное, силой не действуй* — см. примеч. к бейту 1312. Бейт 1473. *Внять голос, призывно зовущий, готовься.* Имеется в виду ангел смерти Азраил (см. Словарь). Бейт 1535. *Всего*

лишь два дня он гостит во вселенной — см. примеч. к бейтам 351, 1390.

Глава 26. Бейт 1663. *Дано ему счастье в обоих мирах — см. примеч. к бейтам 351, 1390. Бейт 1733. Другим любо море — там смерть они ищут.* Имеются в виду добыватели жемчуга, ныряльщики; образы, связанные с жемчугом, его добычей и опасностями, грозящими ныряльщикам, чрезвычайно распространены в тюркоязычной классической поэзии. Бейт 1766. *Коня дал элик ему, чашу, печать, Почетной одеждоу стал отличать.* Здесь перечислены внешние атрибуты высокого государственного сана (см. примеч. к бейту 1036).

Глава 27. Бейт 1890. *Известно, что есть у нас семь членов тела.* Число «семь» имеет большое значение в различных представлениях народов Востока: семь планет, семь земных поясов, семь небес, семь звезд Большой Медведицы и т. д. В применении к частям тела число «семь» толкуется по-разному: голова, грудь, живот, две руки, две ноги; голова, руки, ноги, четыре стороны тела — передняя, задняя и две боковые. Бейт 2126. *Его в двух мирах обойдут награжденья* — см. примеч. к бейту 351.

Глава 32. Бейт 2581. *Когда бек верхом — в бранный бой ли поскачет, Охоту, объезд ли, игру ли назначит.* Имеется в виду игра човган, разновидность поло: две партии всадников особыми клюшками отбивают друг у друга шар и стремятся загнать его в пространство между столбами.

Глава 35. Бейт 2783. *Правила высшего счета* — геометрия и вообще высшая математика.

Глава 39. Бейт 3262. *Два мира* — см. бейты 351, 1390. Бейт 3286. *Эфиоп* — здесь: Биляль, легендарный раб, будто бы прислуживавший Мухаммеду (см. Словарь). Сравнение темноты, мрака ночи (эфиопская тьма) и т. п. с цветом кожи Биляля или вообще чернокожих традиционно в классической тюркской поэзии.

Глава 42. Бейт 3529. *Ты — гость на два дня в этом мире всего лишь!* — см. примеч. к бейтам 351, 1390. Бейт 3532. *И тешишься в мире тебе лишь два дня* — см. примеч. к бейтам 351, 1390. Бейт 3546. *Три вещи есть в жизни, их суть триедина: Дурное, законное и середина* — см. примеч. к бейту 1312. Бейт 3561. *Ты — путник, а мир — лишь стоянка в пути* — см. примеч. к бейтам 351, 1390. Бейт 3616. *Тебе два полотнища нужно всего!* — см. примеч. к бейту 1238.

Глава 43. Бейт 3731. *Посланник* — Мухаммед (см. Словарь).

Глава 45. Бейт 3906. *Пророк* — Мухаммед (см. Словарь). Бейт 3907. *И верным друзьям его всем — восхваленья* — см. примеч. к Предисловию 1, с. 539. Бейт 3925. *Дозволенным сытый, муж добрых примет В обоих мирах будет сыт и одет* — см. примеч. к бейтам 351, 1312, 1390. Бейт 3949. *Весь мир эфиопскою тьмой облекло* — см. примеч. к бейту 3286.

Глава 55. Бейт 4382. *Семь высей небесных знай лучше земли* — см. примеч. к гл. 5.

Глава 57. Бейт 4409. *Надень, что дозволено, праведно ешь* — см. примеч. к бейту 1312.

Глава 65. Бейты 4633 — 4634. *Я плоть твою всю объясню тебе делом: В ней — красное с желтым и черное с белым и т. д.* — см. примеч. к бейту 1053.

Глава 67. Бейт 4701. *Умрешь — на тебя две холстины навьют.* — см. примеч. к бейту 1238. Бейт 4711. *Где ныне весь мир покоривший воитель, Железных твердынь-крепостей устроитель?* — Имеется в виду Шаддад (см. Словарь). Бейт 4712. *Где пес недостойный, всем миром владевший. На черном орле к поднебесью взлетевший?* — Имеется в виду Намруд (см. Словарь). Бейт 4713. *Где богом себя возомнивший в гордыне И сгубленный богом в бездонной пучине?* — Имеется в виду Фараон (см. Словарь). Бейт 4714. *Где жадно копивший несметные блага, В могилу унесший сокровища скряга?* — Имеется в виду Карун (см. Словарь). Бейт 4715. *Где тот, что на запад прошел от востока, И длань распротер над вселенной далёко?* — Имеется в виду Искандер (см. Словарь). Бейт 4716. *Где муж, что жезлом с острым жалом змеиным Морским повелел расступиться пучинам?* — Имеется в виду Муса (см. Словарь). Бейт 4717. *И где ныне слывший великим владыкой Всех тварей — несметной толпы многоликой?* — Имеется в виду Сулейман (см. Словарь). Бейт 4718. *И где ныне муж, мертвецов воскрешавший?* — Имеется в виду Иса (см. Словарь). Бейт 4719. *Где ныне избранник, стоявший над миром?* — Имеется в виду Мухаммед (см. Словарь).

Глава 68. Бейт 4962. *И стал чернокожим вселенский предел* — см. примеч. к бейту 3286.

Глава 71. Бейт 5351. *Законное есть — грех забыть навсегда, Законное — мира иного еда!* — см. примеч. к бейту 1312.

Глава 72. Бейт 5587. *Тебе в двух мирах уготовано счастье* — см. примеч. к бейту 351. Бейт 5604. *Равна двум мирам этих слов благодать* — см. примеч. к бейту 351.

Глава 73. Бейт 5675. *Черная птица* — планета Юпитер.

Глава 75. Бейт 5867. *Четыре враждующих в теле основы* — см. примеч. к бейту 1053. Бейт 5896. *Дары двух миров да пошлет тебе бог* — см. примеч. к бейту 351.

Глава 77. Бейт 6007. *Привидятся года различные сроки — То значит, что в теле смещаются соки* — см. примеч. к бейту 1053. Бейт 6165. *Дурной в двух мирах тяжкой мукой томим* — см. примеч. к бейту 351.

Глава 81. Бейт 6193. *В обоих мирах тот и счастлив и благ* — см. примеч. к бейту 351.

Глава 85. Бейт 6358. *Им чуждо нежнее всё искони.* Имеется в виду запретное (см. примеч. к бейту 1312). Бейт 6375. *Могила их ждет да всего две холстины* — см. примеч. к бейту 1238. Бейт 6444. *Всего две холстины — имущество их* — см. примеч. к бейту 1238. Бейт 6496. *Четыреста да шестьдесят да второй Шел год, как я этому слову дал строй.* 462 год по мусульманскому летосчислению соответствует 1069—1070 гг. н. э.

(ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

2. Бейт 6605. *О, сподобь меня, боже, пророка узреть, И с друзьями его да сведет меня бог!* Имеются в виду Мухаммед и четыре «правоверных» халифа — Абу Бекр, Омар, Осман и Али (см. Словарь). Бейт 6624. *Четыреста да шестьдесят да второй Шел год, как я слову и жизнь дал, и строй* — см. примеч. к бейту 6496.

3. Бейт 6646. *Да славится тысячекратно пророк, Друзей его верных да милует бог!* — см. примеч. к бейту 6605.

СЛОВАРЬ

Абу Бекр — первый из так называемых правоверных халифов, правил с 632 по 634 г., сразу после смерти Мухаммеда (см.), который был его зятем (одной из жен Мухаммеда была дочь Абу Бекра — Айша).

Азраил — ангел смерти, возвещающий людям их кончину и принимающий души умерших.

Айтолды — дословно: «Луна стала полной», «Полнолуние».

Али — четвертый из так называемых правоверных халифов, правил с 656 по 661 г., после Османа (см.). Двоюродный брат и зять Мухаммеда (см.) — его женой была дочь Мухаммеда Фатима.

Али-Хасан — один из предков Богра-хана (см.), каких-либо достоверных сведений о нем нет.

Алп Тонга (Алп Эр Тонга) — древнетюркский эпический герой, отождествлялся по традиции с Афрасьябом (см.).

Аргуван (иудино дерево) — дерево, цветущее ярко-розовыми цветами.

Арслан-хан — предок Богра-хана (см.), достоверных сведений о нем нет.

Атык (араб.) — «освободитель», прозвище Абу Бекра (см.).

Афрасьяб — мифический древнеиранский герой, правитель Турана, отождествлялся с Алп Тонга (см.).

Баласагун (другое название — Кузорду) — западный центр государства Караханидов, находившийся в Семиречье, в долине реки Чу, западнее современного г. Токмак Киргизской ССР.

Бек — правитель, властитель, властелин, господин.

Богра-хан — титул многих государей из тюркской династии Караханидов, которая правила с 840 по 1212 г. государством, существовавшим на территории Восточного и Западного Туркестана. Богра-хан, упоминаемый в настоящем произведении, — правитель Кашгара (полный титул — Табгач Богра-хан, ум. 1102 или

1103), которому было поднесено «Благодатное знание» его автором (см. предисловия и бейты 60—63).

Бодисатва — по современному учению буддизма (см.) — божество, находящееся на пути превращения из человека в будду (см.), почти будда, но не погрузившийся в состояние блаженства из-за своей любви к людям и желания привести их к «спасению». Так называли людей, находящихся в состоянии перерождения, которое будто бы предшествует превращению человека в будду.

Буддизм — одна из наиболее распространенных религий, имеющая приверженцев главным образом в странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Будда — основатель религии буддизма, по преданию, им был Гаутама (624—544 гг. до н. э.).

Бунчук — древко с шаром или острием на верхнем конце и прядями из конских волос. Один из атрибутов высокого сана (бека, везира и др.).

Везир — министр, сановник, ближайший советник правителя.

Заххак — легендарный властитель, славившийся жестокостью, герой иранских эпических преданий, в том числе поэмы Фирдоуси «Шахнаме».

Иса — коранический пророк (библейский Иисус). Ислам почитает Ису только как одного из бесчисленных пророков, будто бы обладавшего способностью воскрешать мертвых посредством своего дыхания.

Искандер — Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.), полководец и государственный деятель древнего мира, царь Македонии, основатель огромной империи, воспитанник Аристотеля.

Кадий (араб.) — судья.

Кайсар — обобщенный образ властителя Рума (см.).

Калям — тростниковое перо для писания.

Камфара — кристаллическое вещество белого цвета с характерным запахом, в восточной поэзии традиционно противопоставляется мускусу (см.).

Карун — легендарный богач.

Кашгар — восточный центр государства Караханидов, современный город того же названия в Западном Китае, в Синьцзянь-Уйгурской автономной области.

Кузорду — см. Баласагун.

Кунтогды — дословно: «Солнце взошло», «День занялся».

Кюсемши — дословно: «Желанный», «Взыскуемый».

Лукман — легендарный мусульманский мудрец, врачеватель всех недугов.

Мавераннахр — территория между реками Амударья и Сырдарья.

Манихейство — религиозное учение, возникшее на Ближнем Востоке в III в. и являвшееся выражением мировоззрения народных масс. По преданию, создано уроженцем Месопотамии Мани (216 или 217—276). Основным догматом является учение о добром и злом началах, лежащих якобы в основе мира. В первые века своего существования получило распространение в Иране, Средней Азии, Сирии, Месопотамии, Египте, а также в Китае.

Мачин — см. Чин и Мачин.

Муса — коранический персонаж (библейский Моисей). Он владел волшебным змеобразным жезлом, посредством которого повелел разверзнуться морю.

Мускус — ароматическое вещество, добываемое из желез кабарги. В тюркоязычной, как и в ираноязычной, поэзии мускус традиционно противопоставляется камфаре как символ зеленого обновления (молодости) мертвящей белизне (старости). Иногда мускус и камфара противопоставляются как символы темной ночи и светлого утра или просто символизируют благоухание.

Мухаммед (ок. 570—632) — проповедник, основатель религии ислама, почитается мусульманами как «посланник божий», «провозвестник» божественного откровения, «величайший и последний пророк» («печать пророков»).

Мухтасиб (араб.) — надзиратель, лицо, присматривавшее за порядком на базарах.

Мюрид (араб.) — «взыскующий», «последователь», ученик, состоящий при учителе-старце (шейхе).

Намаз — пятикратная молитва у мусульман.

Намруд — мифический падишах, страстный охотник; он взлетел к небу, оседлав орла, но был погублен пчелами.

Нард (*нарды*) — особого рода шашки.

Нисба — прозвище человека по месту его рождения.

Нишапур — город на северо-востоке Ирана.

Ной (Нух) — коранический и библиейский персонаж.

Нуширван (*Ануширван*) — Хосров I Нуширван (531—579), иранский шах из династии Сасанидов; в поэзии — образ могущественного властителя.

Овен — зодиакальное созвездие.

Огдюльмиш — букв.: «Достохвальный».

Одгурмыш — букв.: «Пробуждающий».

Омар — второй из так называемых правоверных халифов, правивший с 634 по 644 г., после Абу Бекра (см.).

Осман — третий из так называемых правоверных халифов, правивший с 644 по 656 г., после Омара. Ортодоксальная мусульманская традиция считает его наиболее ревностным защитником ислама.

Отюкен — горная гряда в Монголии.

Редиф — повторение слова (иногда двух или трех) после рифмы в конце каждой строки в тюркоязычной классической и современной поэзии; иногда редиф стоит перед рифмой.

Рум — Византия; обобщенный образ Европы, Запада в произведениях восточных авторов.

Румийская дева — жительница Рума (см.).

Рустам — иранский витязь, богатырь, герой поэмы Фирдоуси «Шахнаме».

Рыба — зодиакальное созвездие.

Сулейман (соответствует библейскому царю Соломону) — легендарный властитель всех живых существ, которому было известно таинственное, «неизреченное» имя бога. Оно было вырезано у него на перстне. Считается, что печать Соломона — шестиконечная звезда из двух скрещенных равносторонних треугольников, в среднем поле которой написано так называемое «неизреченное» имя, т. е. «Яхве».

Султан — наследственный титул монарха в некоторых мусульманских странах Востока.

Сутра (сутры) — разряд сочинений в древнеиндийской религиозной литературе. В буддизме (см.) сутрами обычно называют отдельные части более крупных сочинений или сборников, посвященные разбору какого-либо одного вопроса.

Табгач (Тавгач) — другое название Мачина (см.).

Табгач-Карахан Богра — Богра-хан (см.).

Табгач-хан (от географического названия Табгач, Тавгач, см.) — один из титулов Богра-хана (см.).

Тамга — печать, клеймо.

Тимур (1336—1405) — среднеазиатский правитель и полководец. В результате военных походов создал державу со столицей в Самарканде, включавшую Мавераннахр (см.), Хорезм (см.), Афганистан, Иран, Ирак, Азербайджан, Армению и Грузию. Похоронен в Самарканде в мавзолее Гур-Эмир.

Туран — «страна тюрков», синоним более позднего названия «Туркестан», древнее название территории к северу от Ирана по правую

сторону от реки Амударья, куда входила, в основном, современная Средняя Азия.

Улу — великий.

Учорду — возможно, карлукский город, находившийся между Самаркандом и Андижаном.

Фараон (Фираун) — деспот, возмнивший себя богом.

Фаридун (Афридун) — мифический властитель Ирана, свергнувший Заххака (см.).

Фарук (араб.) — «различающий добро и зло», прозвище Омара (см.).

Хадис — короткое повествование о приписываемых Мухаммеду (см.) и его приближенным отдельных поступках или об изречениях Мухаммеда, состоит из двух частей: в первой перечисляются имена людей, якобы передававших данный хадис один другому, во второй содержится само повествование.

Хаджиб, хасс-хаджиб — придворный чин высокого ранга.

Хайдар — букв.: «лев», эпитет Али (см.).

Хакан — властитель, один из титулов караханидских государей.

Халиф (араб.) — управляющий, наместник, властитель.

Хиджра (араб.) — «переселение», переезд Мухаммеда (см.) из Мекки (город на западе Саудовской Аравии, родина Мухаммеда) в Медину (город на западе Саудовской Аравии, в нем находится могила Мухаммеда). Датой этого события обычно указывается 20 сентября 622 года; этот день был объявлен началом мусульманского летосчисления, которое также стало называться хиджра.

Хорасан — провинция на северо-востоке Ирана.

Хорезм — древнее государство, находившееся в нижнем течении Амударьи, наибольшего могущества достигло в XI — XIII вв. С сер. XVII в. столицей его становится г. Хива. Ныне эта территория входит в состав УзССР.

Хосров — Хосров II Парвиз (590—628), иранский шах из династии Сасанидов.

Хытай — Чин и Мачин (см.).

Чигиль — представитель рода Чигиль, восточной ветви племени карлуков, господствовавшего в государстве Караханидов.

Чингисхан (ок. 1155—1227) — монгольский хан и полководец. Создал огромное государство, известен также своими военными походами, в результате которых его власть распространилась от Си-

бири и Северного Китая до Кавказа, Средней Азии и Северного Ирана.

Чин и Мачин — Северный (Чин) и Южный (Мачин) Китай. Другое название Мачина — Табгач, Тавгач (см.). Средний Чин (Син) называли «Хытай», Нижний Чин — Кашгария.

Шаддад — герой народных сказаний, тиран-богоборец, обладавший властью над людьми и духами, устроитель райского сада.

Шариат (араб.) — букв.: «закон», «законоположение»; свод мусульманских религиозных и юридических законов, составленных на основе положений Корана.

Шатранч (*шатрандж, шатранг*) — шахматы.

Элик — государь, властитель, правитель.

Эльбек — правитель одного из племен в государстве Караханидов.

Эрсиг — дословно: «Доблестный», «Мужественный».

Югруш — титул знати в государстве Караханидов, соответствующий везиру (см.).

Ябгу — титул верховного правителя у западных карлуков.

Ягма — западная ветвь племени карлуков, главенствовавших в государстве Караханидов.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Между с. 384 и 385.

1. «Благодатное знание». Часть страницы Гератской рукописи, писанной уйгурским алфавитом. Вена.
2. «Благодатное знание». Страница Наманганской рукописи, писанной арабским алфавитом. Ташкент.
3. Башня Бурана — минарет XI в., (фото 1891 г., вид до реставрации). Наиболее ранний из всех сохранившихся памятников караханидской культуры, находится в Чуйской долине у подножия хребта Киргизского Алатау к юго-западу от г. Токмак и представляет собой остатки г. Баласагуна.
4. Башня Бурана после реставрации 1974 г.
5. Минарет Калян в Бухаре. Сооружен в 1127 г. по приказу караханидского правителя Арсланхана. В деталях архитектуры и декоративного оформления перекликается с минаретом XII в. в Узгенде — первой столице государства Караханидов.
6. Минарет Калян. Фигурная кладка из жженого кирпича.
7. Караван-сарай Рабат-и-Малик (сохранившиеся стены, портал и башня). Построен в 1078—1079 гг. при караханиде Шамс-аль-Мульке Насре на дороге из Бухары в Самарканд.
8. Мавзолей в Узгенде (один из трех — северный). Построен в 1152 г. для Алп Кутлуг Тонга Бильге тюрк Тогрул кара-хакана — правителя Западнокараханидского государства. Архитектурную терракоту и резные штукатурки узгендских мавзолеев искусствоведы называют «энциклопедией орнамента» XII в.
9. Мавзолей в Узгенде. Деталь декора (неполивная терракота).
10. Мавзолей Шах-Фазиль в селе Гулистан (прежде — Сафид-Булан, позднее — Мазар) Ошской области (сев.-вост. часть Ферганы). Сооружен в XII в. Уникальный, стоящий особняком памятник зодчества Караханидов. Реконструкция.

11. Мечеть Магоки-Аттари в Бухаре. Построена в X в., перестроена в XII в. Отличается разнообразием архитектурного декора и принадлежит блестящей строительной поре эпохи Караханидов, когда Бухара была одним из самых крупных центров архитектурно-строительной деятельности на Востоке.
12. Глиняный кувшин с нарезным узором из Самарканда, XI — XII вв.
13. Глазурованная чаша XI — XII вв. из района реки Талас.
14. Бронзовое зеркало со сфинксами из Семиречья. XII в.
15. Бронзовая лампа из Средней Азии. XI — XII вв.
16. Чернильница из светлой бронзы в узорном убранстве с инкрустацией из чистого серебра и красной меди XI — XII вв. (внизу — развертка сцен). Найдена в районе Намангана, где была обнаружена третья — наманганская — рукопись «Благодатного знания».

СОДЕРЖАНИЕ

Сокровищница восточной мудрости. <i>Вступительная статья</i> М. С. Фомкина	5
---	---

〈ПРЕДИСЛОВИЯ〉

1. Во имя бога милостивого, милосердного	60
2. «Над сущим господь вознесен величаво...»	61

БЛАГОДАТНОЕ ЗНАНИЕ

1. Возвещается хвала господу, да будет велик он и славен	67
2. О достоинствах пророка, да будет он благословен . . .	69
3. О достоинствах четырех сподвижников пророка, да пошлет им господь благословение	70
4. О благосветлой весне. Во славу досточтимого, всепобеж- дающего, воспомоществующего, мужа истины и веры, великого властителя Табгач-Богра-Карахана, отцом коего был Али-Хасан, сын Арслан-хана,— да будет над ними милосердие господне	71
5. О семи планетах и двенадцати знаках Зодиака	75
6. Повествуется о том, что достоинство сынов человеческих — в знаниях и разумении	77
7. Повествуется о достоинствах и пользе языка	78
8. Слагающий книгу просит прощения	80
9. Повествуется о достохвальных свойствах и пользе добрых дел	83
10. Повествуется об отличиях и пользе учения и знания . . .	87

11. Повествуется о наречении названия сей книге и о старости	91
12. О главном лице сего сказания — элике Кюнтогды, чье свойство — Справедливость	94
13. Повествуется о вступлении Айтолды в служение при Кюнтогды	99
14. Повествуется о представлении Айтолды элику Кюнтогды	107
15. Повествуется о том, что сам Айтолды и есть Счастье . . .	110
16. Айтолды рассказывает элику о свойствах Счастья . . .	113
17. Элик Кюнтогды рассказывает Айтолды о свойствах Справедливости	121
18. Элик Кюнтогды рассказывает Айтолды о сущности свойств Справедливости	123
19. Айтолды рассказывает элику о достоинствах языка и пользе речи	134
20. Повествуется о непостоянстве счастья и непрочности благоденствия	141
21. Айтолды высказывает наставления своему сыну Огдюльмишу	149
22. Повествуется о том, как Айтолды давал наставления своему сыну Огдюльмишу	157
23. Повествуется о том, как Айтолды написал завещание элику Кюнтогды	162
24. Повествуется о том, как элик Кюнтогды призвал к себе Огдюльмиша	176
25. Повествуется о представлении Огдюльмиша элику . . .	178
26. Повествуется о вступлении Огдюльмиша в услужение к Элику Кюнтогды	179
27. Огдюльмиш рассказывает элику о сущности ума	197
28. Повествуется о том, каким должен быть бек, достойный сана бека	202
29. Огдюльмиш рассказывает элику о том, каким должен быть муж, пригодный для должности везира	220
30. Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть муж, возглавляющий войско	226
31. Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть муж, достойный должности великого хаджиба	237
32. Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть муж — управитель дворца	244
33. Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть муж, отправляемый послом	248
34. Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть писец-письмовод	253
35. Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть муж, достойный должности казначея	258

36. Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть главный повар, стольничий	264
37. Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть муж, ведающий напитками	268
38. Огдюльмиш рассказывает элику об обязанностях беков по отношению к слугам	273
39. Повествуется о том, как элик Кюнтогды написал и отправил письмо Одгурмышу	289
40. Повествуется о поездке Огдюльмиша к Одгурмышу	296
41. Повествуется о том, как Одгурмыш беседовал с Огдюльмишем	299
42. Одгурмыш рассказывает Огдюльмишу о пороках сего мира	312
43. Огдюльмиш рассказывает Одгурмышу, как грядущий мир обрести служением этому миру	321
44. Повествуется о том, как Одгурмыш написал и отправил письмо элику	326
45. Повествуется о том, как элик Кюнтогды отправил второе письмо Одгурмышу	339
46. Повествуется о второй беседе Огдюльмиша с Одгурмышем	344
47. Огдюльмиш рассказывает Одгурмышу о законах и правилах служения бекам	349
48. Огдюльмиш рассказывает, как должно обходиться с мужами, несущими службу во дворце	358
49. Огдюльмиш объясняет Одгурмышу, как должно обходиться с людьми простого звания	368
50. Повествуется о том, как должно обходиться с людьми благородного происхождения	370
51. Повествуется о том, как должно обходиться с людьми учеными и знающими	370
52. Повествуется о том, как общаться с врачами	371
53. Повествуется о том, как должно обходиться со знахарями	372
54. Повествуется о том, как должно обходиться с толкователями снов	372
55. Повествуется о том, как должно обходиться со звездочетами	373
56. Повествуется о том, как должно обходиться со стихотворцами	374
57. Повествуется о том, как должно обходиться с земледельцами	375
58. Повествуется о том, как должно обходиться с торговцами	376
59. Повествуется о том, как должно обходиться со скотоводами	377
60. Повествуется о том, как должно обходиться с ремесленниками	379

61. Повествуется о том, как должно обходиться с бедняками	380
62. Повествуется о том, как выбирать себе жену	380
63. Повествуется о том, как воспитывать сыновей и дочерей	382
64. Повествуется о том, как должно достойным образом содержать подвластных	384
65. Огдюльмиш объясняет Одгурмышу обычаи посещения угощений	387
66. Огдюльмиш объясняет Одгурмышу обычаи приглашения к угощению	392
67. Одгурмыш рассказывает Огдюльмишу о том, что следует отвратить чело от мирских соблазнов и довольствоваться тем, что есть	394
68. Повествуется о том, как элик Кюнтогды в третий раз послал за Одгурмышем	412
69. Повествуется о приезде Одгурмыша к Огдюльмишу . . .	419
70. Повествуется о встрече элика Кюнтогды с Одгурмышем	419
71. Повествуется о том, как Одгурмыш давал наставления элику	426
72. Огдюльмиш рассказывает элику о законах управления людьми	449
73. Повествуется о том, как Огдюльмиш, скорбя о про- шедшей жизни, обратился к покаянию	460
74. Повествуется о том, как Одгурмыш давал советы Огдюльмишу	466
75. Повествуется о том, что за справедливость должно воздавать справедливостью и за человечность — че- ловечностью	469
76. Повествуется о том, как Одгурмыш, заболев, призвал к себе Огдюльмиша	483
77. Огдюльмиш рассказывает Одгурмышу о толковании снов	486
78. Одгурмыш рассказывает Огдюльмишу, какой он видел сон	489
79. Огдюльмиш объясняет, как должно толковать сон Одгурмыша	489
80. Одгурмыш говорит о другом толковании того же сна . . .	490
81. Повествуется о том, как Одгурмыш давал наказ Огдюльмишу	493
82. Преемник Одгурмыша рассказывает Огдюльмишу о смерти Одгурмыша	507
83. Повествуется о том, как преемник Одгурмыша утешал Огдюльмиша	508
84. Повествуется о том, как Огдюльмиш горевал об Одгурмыше	508
85. Повествуется о том, как элик утешал Огдюльмиша . . .	509

〈ЗАКЛЮЧЕНИЯ〉

1. Сожаления о прошедшей молодости и о старости	525
2. О порочности времен и жестокости друзей	528
3. Сочинитель сей книги Юсуф, Великий хаджиб, дает себе наставления	531
Примечания	535
Словарь	544
К иллюстрациям	550

Юсуф Баласагуни

Б20 Благодатное знание / Перевод С. Н. Иванова.
Вступ. статья М. С. Фомкина. Примечания
А. Н. Малеховой.— Л.: Сов. писатель, 1990. 560 с.,
16 ил.— (Б-ка поэта. Большая сер.).

ISBN 5-265-01481-0

В «Благодатном знании» Юсуфа Баласагуни (XI в.)
нашли выдающееся художественное воплощение высокие идеи
и чувства, присущие всем временам и народам.

Б $\frac{4704020000-414}{083(02)-90}$ 419-90

ББК 84.Уз1

Юсуф Баласагуни

БЛАГОДАТНОЕ ЗНАНИЕ

Художник В. В. Еремин
Худож. редактор Г. Г. Семенов
Техн. редактор Л. П. Полякова
Корректоры Ф. Н. Аврунина и Т. Л. Кувшинская
ИБ № 7649

Сдано в набор 30.11.89. Подписано к печати 23.10.90. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Бумага кн. для массовых изданий. Литературная гарнитура. Высокая
печать. Усл. печ. л. 30,24. Уч.-изд. л. 25,24. Тираж 10 000 экз. Заказ № 467.
Цена 2 р. 40 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинград-
ское отделение, 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ле-
нинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор»
имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136,
Чкаловский пр., 15.

СОВЕТСКИЙ
ПРОЦЕДУР